К2
В19

А. П. Васильевъ.

ПРОВЕРКА
1933 ГОД

Забайкальскіе Казаки

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Читальная Окр. Цент. Библиотека
Отд. ..... Шкафъ .....
Инвентар № .....

XVI
149
13603

Томъ I

СПРЕТ СЛЕД

Г. Чита.
Типографія Войскового Хозяйственнаго Правленія Забайк. каз. войска.
1916 г.

82502

79

82502

82502

А. П. Васильевъ

Забайкальскіе Казаки

Историческій очеркъ

т. 1

82502

82502

Фонд редких книг

г. Чита
Типографія Войскового Хозяйственнаго Правленія Забайк. казачьяго войска
1916 г.

Вм
Ца
Ка
По
Ур
Во
Пи
Бо
Ра

не
Не
ос
Ев
Вм
Ус
Са
Ра
Об
Се
Шу
Об
Не
Да
Ка
Ка
сн
Тр
Р
Р
Н
В
не
Н
VII
Н
В
Н
Н
В
В
В

24 СЕ II 1965
19 ЯНВ 196

Оглавленіе I-го тома.

стр.
Вмѣсто предисловія . . . . . 1.
Царскія грамоты Енисейскому воеводѣ . . . . . 2.
Казачья вольница . . . . . 6.
Покореніе Сибири. Походъ Ермака. . . . . 7.
Преемники Ермака. Обскій городокъ . . . . . 9.
Воевода Сукинъ. Городъ Тюмень 1596 г. . . . . 10.
Письменный голова Чулковъ. Гор. Тобольскъ 1587 г. . . . . 10.
Борьба съ Кучумомъ. Городъ Тара въ 1594 г. . . . . 11.
Разгромъ Кучума въ 1538 году . . . . . 12.
Сибирь колонія. Утвержденіе на р. Оби . . . . . 13.
Тюмскій и Маковскій остроги . . . . . 14.
Енисейскій острогъ въ 1619 г. . . . . 14.
Пути дальнѣйшей колонизаціи . . . . . 17.
Казаки на р. Ангарѣ. Рыбенскій острогъ . . . . . 18.
Первое пораженіе бурятъ Хрипуновымъ при у. Оки . . . . . 18.
Построеніе Братскаго острога на р. Ангарѣ, при у. Оки . . . . . 19.
Неудачное обходное движеніе на бурятъ со стороны р. Лены въ 1632 г. . . . . 20.
Первое появленіе казаковъ на р. Ленѣ. Ишимскій и Усть-Кутскій остроги. Якутскій острогъ 1632 года . . . . . 21.
Енисейскіе казаки по 2 направленіямъ съ 1633 по 1639 годъ . . . . . 21.
Вмѣсто Байкала въ Ледовитый океанъ . . . . . 22.
Успѣхи въ Якутскѣ . . . . . 23.
Самостоятельное Якутское воеводство съ 1639 года . . . . . 23.
Развѣдка къ Байкалу. Построеніе Верхоленскаго острога въ 1641 году . . . . . 25.
Общіе итоги колонизаціи за полвѣка . . . . . 26.
Села и деревни . . . . . 27.
Путь въ Сибирь . . . . . 28.
Острожная система борьбы съ пріангарскими бурятами . . . . . 29.
Первый 2-хъ лѣтній поискъ Максима Перфильева 1638—1640 г. и первыя свѣдѣнія о Даурахъ. . . . . 31.
Казачьи походы изъ Якутска къ верховьямъ Лены 1640—1646 г. . . . . 32.
Казаки на озерѣ Байкалѣ. Курбатъ Ивановъ Якутскій и Василій Колесниковъ Енисейскій 1644—1647 г. . . . . 33.
Трехлѣтній поискъ Василія Колесникова 1644—1647. Верхнеангарскій острогъ . . . 41.
Поискъ 1646—1647 г. Ивана Пахабова съ южной стороны Байкала . . . . 41.
Рѣшительный годъ въ борьбѣ съ бурятами . . . . . 42.
Поискъ Ивана Галкина 1648—1650 г. Баргузинскій острогъ 1648 г. . . . . 43.
Второй поискъ Василія Колесникова 1650—1652 г. Развѣдка мѣста въ Забайкальѣ подъ остроги Иргенскій и Нерчинскій . . . . . 44.
Иванъ Пахабовъ въ Баргузинѣ. Иркутское зимовье и Баунтовскій острогъ 1652 г. . 45.
Поискъ Петра Бекетова 1652—1655 г. Остроги Усть-Прорва, Иргенскій и Нерчинскій . 46.
Балаганскій острогъ 1654 года . . . . . 51.
Походъ изъ Якутска на Амуръ Пояркова. 1645—1646 г. . . . . 53.
Первый походъ Хабарова 1649 года . . . . . 59.
Второй походъ на Амуръ Хабарова 1650—1652 г. . . . . 67.
Взятіе городковъ Албазы и Атуя . . . . . 67.
Зимовка въ Албазинѣ 1650—1651 . . . . . 68.

79

стр.
Усть—Стрѣлочный острогъ 1650–1651 г. . . . . 69.
Посольство и подкрѣпленіе Чичгина . . . . . 70.
Проектъ посылки на Амуръ князя Лобанова Ростовскаго . . . . . 71.
Сожженіе городка Десаула 1651 г. . . . . 72.
Нападеніе на Гуйгудовъ городъ. Китайцы. 1651—1652 г. . . . . 72.
Захватъ города Бамбулая. Развѣдка города Толги, Омутея и Турунчи 1651 г. . . 74
Нападеніе на г. Турунчи, Толги и Омутея 1651 г. . . . . 74.
Внизъ по Амуру въ землѣ гогуловъ 1651 г. . . . . 76.
Въ землѣ дучеровъ 1651 г. . . . . 76.
Въ землѣ ачанъ 1651 г. . . . . 76.
Зимовка въ Ачанскомъ городѣ 1651—1652 г. . . . . 77.
Осада Ачанскаго острога китайцами 1652 г. . . . . 78.
Свѣдѣнія о Китаѣ . . . . . 79.
Свѣдѣнія о Кереѣ . . . . . 80.
Удачное весеннее возвращеніе. Прорывъ у устья р. Сунгари сквозь линію китайцевъ въ 1652 г. Подкрѣпленіе Чичегина . . . . . 80.
Натиба. Тугурскій острогъ . . . . . 82.
Хабаровъ на устьѣ Зеи . . . . . 83.
Казаки не хотятъ строить острога при у. Зеи. Бунтъ . . . . . 84.
Провалъ Амурскаго дѣла. Непокорство туземцевъ . . . . . 85.
Послѣдняя отписка Хабарова въ 1652 г . . . . . [illegible]
Массовое переселеніе съ Илима на Амуръ по Ленѣ и Олекмѣ въ 1652—1653 г. . . [illegible]
Зиновьевъ подготовляетъ походъ князя Лобанова-Ростовскаго. Тугирскій острогъ. Бѣглецы Илимскіе 87
Зиновьевъ на Амурѣ въ 1653 г. Встрѣча съ Хабаровымъ . . . . . 88.
Недовольство казаковъ Зиновьевымъ . . . . . 88.
Распоряженія Зиновьева при отъѣздѣ . . . . . [illegible]
Оцѣнка дѣятельности Хабарова и Зиновьева . . . . . [illegible]
Дѣйствія Степанова на Амурѣ 1653—1658 г. Усть-Уркинскій острогъ Кашинцева. . 90
Неудачная попытка Степанова найти хлѣбъ на р. Сунгари въ 1654 г. 91
Присоединеніе къ Степанову казаковъ Бекетова. Китайцы не пускаютъ на р. Сунгари. И на Амурѣ хлѣба нѣтъ . . . . . 92.
Совмѣстныя дѣйствія Бекетова и Степанова . . . . . 92.
Камарскій острогъ и славная его защита въ 1655 году . . . . . 93.
Отложеніе Степанова отъ Якутска . . . . . 95.
Поискъ Пущина на Аргунь. Присоединеніе къ Степанову . . . . . 95.
Степановъ на р. Сунгари и на устьѣ Амура въ 1655 г. Косогорскій острогъ 1655—1656 г.
Вверхъ по Амуру въ 1656 г. Партія Сорокиныхъ . . . . . 96.
Степановъ на р. Сунгари въ 1656 г. . . . . 97.
Степановъ снова подчиняется Якутску въ 1656 г. . . . . 97.
Амурское воеводство . . . . . 97.
Послѣдніе два года Степанова . . . . . 98.
Геройская гибель Степанова въ 1658 г. . . . . 98.
Встрѣча казаковъ Степанова съ казаками Пашкова (Енисейскихъ съ Якутскими) . . 99.
Судьба оставшихся казаковъ Степанова . . . . . 99.
Остатки партіи Степанова въ Нерчинскѣ. . . . . 100.
Заключеніе о Якутскихъ походахъ на Амуръ . . . . . 101.
Амурскій вопросъ. Утвержденіе въ Забайкальѣ, какъ первый этапъ на пути къ его разрѣшенію . . . . . 102.
Первая царская грамота Забайкальскимъ казакамъ. Походъ Афонасія Пашкова 1656—1657 г. Даурскіе остроги: Иргенскій, Нерчинскій, и Телембинскій 1657—1658 г. Остатки партій Хабарова и Степанова въ Нерчинскѣ . . . . . 103.
Устройство Даурскихъ острогов Пашковымъ . . . . . 106.
Даурскіе остроги во время правленія Нерчинскаго приказчика Илларіона Талбузина

Стр.
1662—1667 г. . . . . 107.
Состояніе Даурскихъ остроговъ во время правленія приказчика Талбузина съ 1662—1667 г. . . . . 108.
Бѣгство Абрама Парфенова съ 68 казаками на Амуръ въ 1663 г. . . . . 109.
Осадное положеніе Даурскихъ остроговъ въ 1664 году . . . . . 110.
Подчиненіе Даурскихъ остроговъ Енисейскому воеводѣ въ 1664 году . . . 111.
Присылка казаковъ изъ Тобольска и Енисейска въ 1664 г. . . . . 111.
Снабженіе Даурскихъ казаковъ хлѣбомъ изъ Енисейска, а жалованьемъ и товаромъ изъ Москвы . . . . . 112.
Штатное число казаковъ въ Даурскихъ острогахъ въ 1664 . . . . . 113.
Баргузинское головство. Байкальскіе остроги: Верхнеангарскій, Баргузинскій, Баунтовскій. 114.
Система остроговъ въ Забайкальѣ . . . . . 115.
Основаніе Селенгинска десятниками казачьими Осипомъ Васильевымъ и Гавріиломъ Ловцовымъ въ 1665 г. . . . . 117.
Монгольское посольство и похвальная царская грамота Селенгинскимъ казакамъ . . 120.
Значеніе Селенгинскаго острога . . . . . 122.
Общее заключеніе о системѣ остроговъ Забайкалья . . . . . 122.
Возобновленіе Албазинскаго острога въ 1665 году . . . . . 125.
Возвращеніе изъ Маньчжуріи князя Гантимура въ 1667 г. . . . . 126.
Сношеніе Нерчинскаго приказчика съ Китаемъ изъ-за Гантимура . . . . 127.
Посольство въ Китай казака Милованова въ 1670 г. . . . . 128.
Спорныя дѣла Россіи и Китая . . . . . 129.
Нашествіе въ Даурію монголо-бурятъ въ 1669—1671 г. . . . . 130.
Снабженіе Даурскихъ остроговъ оружіемъ и пушками . . . . . 130.
Даурскіе остроги во время правленія боярскаго сына Павла Шульгина 1673—1676 г. . 131.
Погромъ бурятъ. Ерагинскій острогъ въ 1674 г. . . . . 131.
Состояніе Даурскихъ остроговъ во время правленія Шульгина: Нерчинскій, Иргенскій, Телембинскій, Еравинскій . . . . . 132.
Албазинскій острогъ . . . . . 134.
Открытіе серебряной руды въ 1676 г. . . . . 135.
Доставка хлѣба въ Даурскіе остроги въ 1665—1672 г. . . . . 136.
Злоупотребленіе Шульгина и бунтъ казаковъ . . . . . 137.
Новый путь изъ Нерчинска въ Иркутскъ по р. Удѣ съ 1675 г. . . . . 139.
Баргузинскій острогъ Послѣдніе дни Баргузинскаго головства 1668—1683 г. . . 139.
Селенгинскій острогъ въ 1674—1676 годахъ во время правленія боярскаго сына Гавріила Ловцова . . . . . 141.
Начало хлѣбопашества въ Селенгинскомъ острогѣ . . . . . 141.
Постройка Тункинскаго острога въ 1676 г. . . . . 143.
Шатость инородцевъ въ Забайкальѣ въ 1674—1675 г. . . . . 144.
1676 годъ, какъ начало активной политики въ Восточной Сибири, Енисейскъ областной городъ Восточной Сибири съ 1676 г. . . . . 146.
Посольство Спафарія . . . . . 146.
Тревожныя вѣсти изъ Даурскихъ остроговъ во время правленія приказчиковъ Илларіона Голбузина и Григорія Леншакова 1676—1680 г. . . . . 148.
Первый Нерчинскій воевода Ѳедоръ Воейковъ. Его дѣятельность 1680—1683 г . . 150.
Одинъ изъ первыхъ опытовъ хлѣбопашества въ Нерчинскѣ . . . . . 150.
Построеніе Аргунскаго острога въ 1681 г. . . . . 151.
Торговля съ инородцами. Подарочная казна . . . . . 152.
Удовлетвореніе казаковъ жалованьемъ . . . . . 153.
Развѣдка о намѣреніяхъ Китая . . . . . 154.
Раз ѣдки р. Амура Игнатіемъ Миловановымъ въ 1681 г. . . . . 155.
Свѣдѣнія, добытыя Миловановымъ . . . . . 156.
Устройство Албазинскаго острога . . . . . 158.
Крестьянское населеніе на Амурѣ и заведенное имъ хлѣбопашество въ 1682 г. . . 159.

Стр.
Обращеніе Нерчинскихъ пѣшихъ казаковъ въ конные . . . . . 161.
Недовольство Албазинскихъ казаковъ назначаемыми изъ Нерчинска приказчиками. Выборъ въ приказчики десятника Ивана Войлошникова . . . . . 162.
Начало враждебныхъ дѣйствій съ Китаемъ . . . . . 165.
Айгунъ . . . . . 165.
Нападеніе Китайцевъ на казачій отрядъ Григорія Мыльника . . . . 166.
Развѣдки китайцевъ въ концѣ 1683 г. . . . . 167.
Посланіе китайскаго богдыхана у Албазинскихъ казаковъ . . . . . 168.
Сформированіе полка изъ Сибирскихъ казаковъ для обороны Даурскихъ остроговъ . 169.
Объединеніе власти надъ всѣми Даурскими острогами въ 1683 г. . . . . 170.
Назначеніе воеводами въ Нерчинскъ Ивана Власова, въ Албазинъ Алексѣя Толбузина . 170.
Городъ Селенгинскъ и остроги Западнаго Забайкалья въ 1683 г. . . . . 171.
Построеніе Троицкаго-Селенгинскаго монастыря . . . . . 171.
Служба Селенгинскихъ казаковъ въ 1683 г. по словамъ современниковъ.
Проектъ Власова объ увеличеніи Селенгинскихъ казаковъ до 500 . . . . 172.
Сравнительное значеніе Селенгинскаго и Удинскаго остроговъ въ 1684 г. . . . 173.
Опасное положеніе Селенгинскаго и Тункинскаго остроговъ въ 1684—1685 г. Построеніе новаго Селенгинскаго города . . . . . 176.
Обращеніе Селенгинскаго острога въ городъ въ 1684 г. . . . . 177.
Построеніе Селенгинскаго города . . . . . 177.
Нерчинскій воевода Иванъ Власовъ и его дѣятельность по защитѣ Албазинскаго острога . 178.
Нападеніе китайцевъ на Албазинъ. Защита. Переговоры. Переселеніе въ Нерчинскъ . 180.
Полкъ Бейтона изъ сибирскихъ казаковъ . . . . . 182.
Попытка возвратить Албазинъ . . . . . 183.
Развѣдка Телицина . . . . . 183.
Посылка Бейтона и Талбузина въ Албазинъ . . . . . 183.
Жизнь въ Нерчинскѣ послѣ отбытія албазинцевъ . . . . . 184.
Возобновленіе Албазина и геройская его защита . . . . . 185.
Развѣдка Бейтона . . . . . 185.
Осада Албазина . . . . . 186.
Назначеніе посольства Головина . . . . . 187.
Положеніе албазинцевъ зимою 1686—1687 г. . . . . 188.
Прекращеніе военныхъ дѣйствій . . . . . 188.
Перемиріе 30 августа 1687 г. . . . . 188.
Снаряженіе посольства Головина и сопровождавшее его войско . . . . 188.
Китайцы подговариваютъ монголовъ нападать на русскіе остроги . . . . 189.
Неудачная попытка нападенія на Селенгинскъ . . . . . 190.
Разгромъ и подданство Селенгинскихъ бурятъ . . . . . 191.
Подданство бурятъ хоринскихъ Россіи . . . . . 191.
Калмыцко-монгольская война и подданство Монголіи Китаю . . . . . 191.
Закрѣпленіе за Россіею бурятъ . . . . . 192.
Положеніе Албазинцевъ въ эпоху Нерчинскаго договора . . . . . 193.
Послѣднее нападеніе китайцевъ на албазинцевъ . . . . . 193.
Подкрѣпленіе Албазинцевъ припасами и людьми . . . . . 194.
Ложныя тревоги . . . . . 195.
Инородческое населеніе Нерчинскихъ остроговъ . . . . . 195.
Заключеніе Нерчинскаго договора. Твердость Головина. Заслуга Гантимура . . 196.
Разореніе Албазина. Возвращеніе казаковъ въ Нерчинскъ . . . . . 201.
Организація даурскихъ казаковъ Головинымъ. Составъ: 3 сотни конныхъ Нерчинскихъ казаковъ и 1½ сотни пѣшихъ казаковъ въ Даурскихъ острогахъ . . . . 203.
Организація и довольствіе ихъ . . . . . 203.
Присылка казаковъ изъ Западной Сибири . . . . . 204.
Уменьшеніе числа казаковъ съ 1689 по 1697 г. и причины, вызвавшія его . . . 204.
Уменьшеніе ясачныхъ тунгусовъ и бурятъ . . . . . 205.

Стр.
Прекращеніе хлѣбнаго жалованья. Десятинщики и пятинщики . . . . 206.
Правила отвода земли . . . . . 207.
Мятежи казаковъ . . . . . 207.
Бунтъ Никиты Мары и Василія Пѣшкова . . . . . 207.
Картежная игра . . . . . 208.
Отмѣна должности атамана 1703 г. Учрежденіе Нерчинскаго казачьяго головства . 208.
Порядокъ комплектованія казаковъ . . . . . 209.
Нерчинскіе казаки, какъ земледѣльцы—колонисты . . . . . 209.
Города и остроги Нерчинскаго воеводства . . . . . 210.
Городъ Нерчинскъ . . . . . 210.
Остроги . . . . . 211.
Казаки и остроги Западнаго Забайкалья после Нерчинскаго договора . . . 212.
Организація казаковъ Селенгинскихъ. Населеніе Удинскаго уѣзда . . . . 212.
Городъ Удинскъ (Верхнеудинскъ) и его значеніе . . . . . 213.
Комплектованіе казаковъ съ 1684 по 1699 г. . . . . 213.
Служба селенгинскихъ (Удинскъ) казаковъ. Демьянъ Многогрѣшный. Набѣги монголовъ . 213.
Неудачный походъ Петра Многогрѣшнаго въ Монголію . . . . . 214.
Измѣна селенгинскихъ монголовъ (бурятъ) 1692 г. . . . . 215.
Послы—казаки . . . . . 216.
Грабежи монголовъ . . . . . 216.
Присылка казаковъ изъ Западной Сибири . . . . . 217.
Бунтъ селенгинскихъ казаковъ въ 1696 г. . . . . 217.
Увеличеніе штата иркутскихъ и селенгинскихъ казаковъ. Присылка тункинскихъ, березовскихъ, сургутскихъ, томскихъ казаковъ въ Селенгинскъ . . . . 218.
Пограничные остроги Тункинскій и Култуцкій . . . . . 218.
Штаты селенгинскихъ казаковъ въ первой четверти XVIII вѣка . . . 219.
Земледѣльческая колонизація селенгинскихъ казаковъ въ первой четверти XVIII вѣка . 220.
Служба казаковъ по сбору ясака . . . . . 221.
Комплектованіе казаковъ въ Забайкальѣ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка . 222.
Сибирскіе дворяне и дѣти боярскіе изъ казаковъ. Потеря дворянства . . 224.
Начало наслѣдственности и замкнутости казачьяго сословія . . . . . 225.
Общее заключеніе о службѣ Забайкальскихъ казаковъ въ городахъ и острогахъ Забайкалья въ 1-й четверти XVIII вѣка . . . . . 225.
Нерчинскіе воеводы . . . . . 228.
Учрежденіе Сибирской губерніи и раздѣленіе на уѣзды . . . . . 229.
Выборныя должности и судъ . . . . . 229.
Возвышеніе г. Иркутска . . . . . 230.
Учрежденіе Иркутской провинціи. Вице-губернаторы—полковники. Нерчинскій и Селенгинскій комиссары . . . . . 230.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

«Усѣвшаяся часть народонаселенія, предавшаяся постоянному труду земледѣльческому, выдѣляетъ изъ себя людей, которыхъ характеръ и разныя другія обстоятельства, находящіяся въ большей или меньшей связи съ ихъ характеромъ, заставляютъ выходить изъ общества и стремиться въ новыя незанятыя страны. Понятно, что эти люди, предпочитающіе новое старому, неизвѣстное извѣстному, составляютъ самую отважную, самую воинственную часть населенія.

Въ исторіи колонизаціи они имѣютъ великое значеніе, какъ проводники колонизаціи, пролагатели путей къ новымъ селищамъ.

Отвага, нужная человѣку, рѣшившемуся или принужденному оставить родину, идти въ невѣдомую сторону—эта отвага поддерживается въ немъ тѣмъ, что онъ предоставленъ однѣмъ собственнымъ силамъ, долженъ постоянно стоять насторожѣ противъ хищниковъ.

Отсюда эти люди должны соединяться въ братства, общины, для которыхъ война служитъ главнымъ занятіемъ. Такъ границы государства заселялись казаками.

Существованіе казаковъ, какъ пограничнаго воинственнаго народонаселенія, было естественно и необходимо по географическому положенію древней Руси, по открытости ея границъ.

На всѣхъ границахъ долженствовали быть и дѣйствительно были казаки, въ особенности на тѣхъ границахъ, гдѣ никто не смѣлъ селиться, не имѣя характера воина, готоваго всегда отражать, сторожить врага.

Границы запаслись казаками».

Такъ характеризуетъ государственное значеніе казаковъ историкъ Соловьевъ*).

*) Соловьевъ, Исторія Россіи т. 5, стр. 1681, 2-е изд.

Царскія Грамоты Енисейскому Воеводѣ.

I.

1655 г. Августа 20. Грамота Енисейскому воеводѣ Ивану Акинфову, о снабженіи посланныхъ въ Даурію ратныхъ людей судами, порохомъ и свинцомъ и о выдачѣ имъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья.

(Съ этого числа дано старшинство Заб. каз. войску. Приказъ по В. В. 1913 г. № 449).

Отъ ГОСУДАРЯ Царевича и Великаго Князя Алексѣя Алексѣевича, въ Сибирь, Енисейскій острогъ, стольнику нашему и воеводѣ Ивану Павловичу Акинфову. По указу отца нашего Великаго ГОСУДАРЯ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великая и Малыя Руссіи Самодержца велѣно Аѳанасью Пашкову быть на нашей службѣ въ Даурской землѣ, да съ нимъ сыну его Еремѣю, да сибирскимъ служилымъ людямъ, разныхъ городовъ стрѣльцамъ и казакамъ, тремъ стамъ человѣкамъ, а для тое Даурскія службы велѣно дати ему Аѳанасью и сыну его Еремѣю наше денежное жалованье, по окладамъ ихъ изъ Енисейскихъ доходовъ, да съ Аѳанасьемъ же Пашковымъ велѣно послать въ Даурскую землю Тобольскіе присылки пятьдесятъ пудъ пороху, сто пудъ свинцу, сто ведеръ вина горячаго да изъ Енисейскія пахоты восемьдесятъ четвертей муки ржаной, десять четей крупъ, толокна тожъ, да для сбору таможенныхъ пошлинъ съ Енисейскихъ таможенныхъ книгъ, почему въ Даурской землѣ со всякихъ товаровъ противъ Енисейскаго со всякихъ людей сбирати таможенныя пошлины, выписку, а къ тремъ церквамъ антиминсъ и двухъ поповъ и дьякона велѣно послать изъ Тобольска богомольцу нашему Семеону Архіепископу Сибирскому и Тобольскому и о томъ отъ насъ къ нему писано, а церковныя всякія потребы пришлютъ къ нему Аѳанасью съ Москвы. А почему ему Аѳанасью быти на нашей службѣ въ Даурской землѣ и наши дѣла дѣлати и о томъ посланъ къ нему нашъ наказъ за дьячьею приписью.—И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а Аѳанасій Пашковъ отдастъ тебѣ нашу печать Енисейскаго острогу и нашу денежную и соболиную и зелейную и всякую казну и хлѣбные и всякіе запасы и дѣла, и что на него по счету взочтено будетъ, то все въ нашу казну заплатить и во всемъ съ тобою роспишется и ты бъ далъ ему Аѳанасью для нашія Даурскія службы и сыну его Еремѣю наше денежное жалованье изъ Енисейскихъ доходовъ по окладамъ ихъ, да изъ таможенныхъ Енисейскихъ книгъ всякимъ таможеннымъ пошлинамъ выписку изъ Тобольскіе присылки пятьдесятъ пудъ пороху, сто пудъ свинцу, сто ведеръ вина горячаго да изъ Енисейскія пахоты восемьдесятъ четей муки ржаной и десять четей крупъ, толокна тожъ и подъ него Аѳанасья и подъ служилыхъ людей суды, которые готовлены для Даурскія службы, въ чемъ имъ со всѣми запасы подняться мочно и отпустилъ бы ихъ изъ Енисейскаго острогу въ Илимскій острогъ во 164 году по веснѣ безо всякаго задержанья, не описываясь къ намъ о томъ, а до котораго числа Аѳанасья Пашкова со всѣми служилыми людьми изъ Енисейскаго острогу въ Даурскую землю отпустишь и ты бъ о томъ отписалъ къ намъ къ Москвѣ, а отписку велѣлъ подати въ Сибирскомъ приказѣ боярину нашему князю Алексѣю Никитичу Трубецкому, да дьяку нашему Григорью Протопопову. Писанъ на Москвѣ лѣта 763 авгу-

ста въ 20 день. На подлинной грамотѣ пишетъ дьякъ Григорій Протопоповъ *).

II.

1667 г. Апрѣля 2. Грамота Енисейскому воеводѣ Кириллу Яковлеву. (1-ая похвальная грамота Забайкальскимъ казакамъ).

Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Руссіи Самодержца въ Сибирь въ Енисейской острогъ, стольнику нашему и воеводѣ Кириллу Аристарховичу Яковлеву. Въ нынѣшнемъ во 175 году генваря въ 3-й день писалъ къ намъ великому государю изъ Сибири, изъ Енисейскаго острогу, прежній воевода Василій Голохвастовъ и прислалъ съ отписки и съ мунгальскими посланцы Енисейскихъ служилыхъ людей: пятидесятника казачья Гаврила Ловцова съ товарищами пять человѣкъ; а въ отпискѣ его Васильевѣ написано: въ прошломъ де во 172 году по нашему государевому указу, послалъ онъ Василій изъ Енисейскаго на Байкалъ озеро въ Баргузинской острогъ для нашего государева ясаку сбору и призову вновь неясачныхъ брацкихъ и мунгальскихъ людей въ ясачной платежъ Енисейскаго сына боярскаго Первого Самойлова съ служилыми людьми. И во 173 году писалъ къ нему Василію Первой Самойловъ: вѣдомо де ему Первому учинилось, что живутъ на Селенгѣ рѣкѣ у Чика рѣки неясачные тунгусы и Брацкіе люди, которыя отъѣхали, да и Мунгальскихъ людей жилища, а намъ великому государю ясаку на платятъ. И онъ де Первой послалъ пятидесятника казачья Гаврила Ловцова съ товарищи, девятнацать человѣкъ, давъ имъ изъ нашей государевы казны пушку мѣдную полковую и пушечныхъ запасовъ и суды и судовыя снасти и велѣлъ имъ на Селенгѣ рѣкѣ изыскать угожее мѣсто, поставить вновь острогъ и призывать подъ нашу царскаго величества высокую руку брацкихъ и тунгусскихъ и мунгальскихъ людей въ ясачный платежъ. А изъ новаго Селенгинскаго острогу писали къ намъ великому государю служилые люди, десятникъ казачій Оска Васильевъ съ товарищи: въ прошломъ де во 173 году посланы они на нашу государеву службу на Байкалъ озеро въ Баргузинской острогъ, а наше государево денежное и хлѣбное жалованье дано имъ на два года на 171 и на 172; и будучи де они на Байкалѣ провѣдали накрѣпко про великую рѣку Селенгу и про измѣнниковъ брацкихъ людей, которые намъ великому государю измѣнили отъ Нижняго Брацкаго и Балаганскаго остроговъ отъѣхали къ мунгаламъ и били челомъ великому государю они Оска съ товарищи, а въ Баргузинскомъ острогѣ Первому Самойлову подали челобитную, чтобъ намъ великому государю служилыхъ людей пожаловать велѣть ихъ отпустить въ Мунгальскую землю для острожного постановленія и для приводу отъѣзжихъ брацкихъ людей.—И Первой де Самойловъ ихъ служилыхъ людей, давъ имъ судно ветчаное, а другое днище судовое и то де они днище починили, а парусы де имъ далъ ветчаные и судовыя снасти держаныя жъ; и они де Оска съ товарищи въ Мунгальскую землю поднимались своими подъемами, должилися и прибрали вновь охочихъ служилыхъ людей изъ Нижняго Брацкого и Балаганскаго и съ Иркуцкого остроговъ ходили вверхъ по Селенгѣ до усть Чика рѣки и, выбравъ угожее мѣсто на Селенгѣ въ Мунгальской землѣ, новой Селенгинской острогъ поставили и Мунгальскіе де люди, послыша про острожное поставленіе, подъ нашу царскаго величества высокую руку Мунгальской царь Куканъ-канъ въ мирное поставленіе приклонился съ великимъ покорствомъ и къ намъ великому государю

*) Изъ рукописи подъ заглавіемъ: Списки Енисейской архивы (часть 2 въ листѣ на 370 л.). писанной съ подлинныхъ столбцовъ для академика Миллера во время путешествія его по Сибири. Принадлежитъ Императорской Академіи Наукъ.

(Дополненія къ актамъ историческимъ собранныя и изданныя археографическою комиссіею томъ IV. Санктпетербургъ. Въ типографіи Эдуарда Пропа 1851).

къ Москвѣ пословъ своихъ послалъ, а они де служилые люди въ новомъ Селенгинскомъ острогѣ служатъ намъ великому государю со 173 году безъ нашего государева жалованья, будучи они на нашей государевѣ службѣ въ Мунгальской землѣ обѣдняли и одолжали и чтобъ намъ великому государю пожаловати ихъ нашимъ государевымъ денежнымъ и хлѣбнымъ, и солянымъ жалованьемъ и за подмогу и охочихъ бы служилыхъ людей нашимъ же государевымъ денежнымъ и хлѣбнымъ и солянымъ жалованьемъ поверстать въ новой Селенгинской острогъ и послать иноземцамъ на кормъ хлѣбныхъ запасовъ и вина горячаго и на подарки суконъ и олова, и мѣди, и наряду; а ихъ де служилыхъ людей, которые напередъ сего служили намъ великому государю по Енисейскому и новоприборныхъ всѣхъ восемьдесятъ пять человѣкъ и къ нимъ въ Селенгинской острогъ въ прибавку прислать сто человѣкъ и чтобъ въ Селенгинскомъ острогѣ учинить конную службу для острожнаго береженья и отъѣзжихъ карауловъ, а безъ присыльныхъ людей и безъ конной службы въ Селенгинскомъ пробыть не мочно, да во 174 де году призваны были въ ясачной платежъ тунгусы Люлеленскаго роду двадцать пять человѣкъ къ Селенгѣ на устъ Уды рѣки къ ясачному зимовью и тѣхъ тунгусовъ баргузинскіе ясачные тунгусы на устьѣ Тайцы рѣки побили до смерти, а тѣхъ де побитыхъ людей животъ и ясырь у баргузинскихъ тунгусовъ взялъ къ себѣ Первой Самойловъ и въ томъ де убойствѣ иноземцовъ ихъ служилыхъ людей службѣ и Селенгинскому острогу учинена многая поруха, а достальные де тунгусы, убояся убойства, разбрелись врознь. А по нашему великаго государя указу того новаго Селенгинскаго острогу нашимъ государевымъ служилымъ людямъ, которые пріѣхали къ Москвѣ съ мунгальскимъ посланцемъ, пятидесятнику казачью Гаврилу Ловцову съ товарищи пяти человѣкамъ наше государево денежное жалованье, по выпискѣ и по справкѣ въ Сибирскомъ приказѣ, дано по 177 годъ, а осмидесятъ человѣкамъ, которые нынѣ въ Селенгинскомъ острогѣ. послано наше государево жалованье въ оклады ихъ денежные на прошлые годы на 174 и на нынѣшній на 175 и впредь на 176, десятникамъ и рядовымъ всѣмъ ровно по пяти рублевъ человѣку на годъ деньгами и по цѣнѣ сукнами тысяча двѣсти рублевъ, въ томъ числѣ денегъ шестьсотъ рублевъ, да сукнами на шестьсотъ же рублевъ до Енисейскаго съ нимъ же Гавриломъ Ловцовымъ съ товарищи, а у посылки изъ тѣхъ денегъ изо шестисотъ рублевъ выдано ему Гаврилку съ товарищи на покупку саней и рогожъ и веревокъ двадцать рублевъ, а деньги съ ними посланы за нашею государевою печатью Сибирскаго Приказу и какъ къ тебѣ ся наша великаго государя грамота придетъ, а пятидесятникъ казачій Гаврилко Ловцовъ съ товарищи нашу государеву денежную казну шестьсотъ рублевъ и сукна привезутъ и ты бъ велѣлъ принять налицо, а принявъ изъ Енисейскихъ дѣтей боярскихъ, Андрея Строганова, Ивана Перфильевъ. Якова Похабова по своему разсмотрѣнію, кто изъ нихъ пригодится и съ такое дѣло кого стало изъ Енисейска съ деньгами и съ сукнами, да съ ними пятидесятника Гаврила Ловцова съ товарищи послалъ въ новой Селенгинской острогъ и по своему разсмотрѣнію и примѣряясь къ тамошнимъ дѣламъ, велѣлъ ему, кого пошлешь, въ наказную память написать, чтобъ, пріѣдучи ему въ новой Селенгинской острогъ, переписать и допросить Селенгинскихъ казаковъ, кто имена и которыхъ Сибирскихъ городовъ изъ гулящихъ ли или изъ промышленныхъ людей они въ казакахъ объявились? и переписавъ и допрося ихъ *сказати имъ наше государево жалованное слово: что мы, Великій Государь, видя ихъ къ намъ, великому государю, службу за то милостиво похваляемъ и они бъ видя къ себѣ нашу государеву милость впредь намъ, великому государю, служили и добра хотѣли и во всемъ нашей великаго государя казнь прибыли искали, которая прибыль бы впредь намъ великому государю была прочна и стоятельна, и наша бъ царскаго величества Сибирская отчина предъ пространилась, а сказавъ Селен-*

инскимъ казакамъ наше государево жалованное слово раздати имъ въ наше государево денежное жалованье деньги и сукна осмидесяти человѣкамъ, опричь тѣхъ, которые были въ Москвѣ въ присылкѣ съ мунгальскимъ посланникомъ на прошлой на 174 годъ и на нынѣшній 175 и впредь на 176, смѣтя, что денегъ и суконъ на тѣ на три года по пяти рублевъ человѣку на годъ и того доведетца одному человѣку по два рубля съ полтиною, а суконъ противъ того жъ по цѣнѣ на годъ; а послѣ бъ раздачи смотрѣти Селенгинской острогъ, сколькихъ онъ мѣрою саженъ и много ль въ немъ башенъ, и на которой рѣкѣ онъ поставленъ и сколько въ томъ острогѣ служилыхъ людей доведетца быть и около того острогу какіе люди кочуютъ и въ сколькихъ верстахъ отъ острогу сколько человѣкъ и какія орды близко къ тому острогу подошли и въ тѣхъ ордахъ какіе люди живутъ и учнутъ ли они намъ великому государю ясакъ съ себя платить и почему они учнутъ на годъ платить ясаку, и впредь тотъ острогъ намъ великому государю будетъ ли проченъ и постояленъ и близко того острогу и на сколькихъ верстахъ и какіе овощи родятца ль и сколько отъ того острогу чаять ходу до китайскаго государства и какимъ путемъ сухимъ или водою и торговые люди съ товары для торгу къ тому Селенгинскому острогу учнутъ ли ходить и изъ которыхъ государствъ и ордъ и съ какими товары и почему какіе товары купятъ? а описавъ и разспрося подлинно тому острогу и пашеннымъ мѣстамъ и всякимъ угодьямъ и ближнимъ ордамъ велѣлъ бы учинити чертежъ, да тотъ чертежъ и отписку и допросы прислать къ тебѣ въ Енисейской съ служилыми людьми за рукою того, кого ты изъ Енисейскаго пошлешь. А какъ тебѣ въ Енисейской отписка и допросы и чертежъ прислано будетъ и ты бъ то все изъ Енисейскаго тотчасъ прислалъ и о томъ отписалъ къ намъ, великому государю, къ Москвѣ съ нарочными гонцы и съ Селенгинскими служилыми людьми; а отписку и опись Селенгинскаго острогу и допросы и чертежъ велѣлъ подать въ Сибирскомъ приказѣ окольничему нашему Родіону Матвѣевичу Стрешневу, да дьякамъ нашимъ Григорью Порошину, да Льву Ермолаеву. А сыну боярскому, котораго пошлешь изъ Енисейскаго острогу для описки въ новой Селенгинской острогъ и ему велѣть быть и вѣдать въ Селенгинскомъ острогѣ до нашего государева указу. Писанъ на Москвѣ лѣта 175 апрѣля въ 2 день. Изъ рукописи подъ заглавіемъ: Списки Енисейской архивы (часть 2 въ листъ на 370 л.)[1]).

---

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ: До 1-го января 1700-го года по Р. Х. у насъ было лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра.—Въ нашемъ трудѣ въ до-Петровскую эпоху въ скобкахъ показано это лѣтосчисленіе, обыкновенно только съ сотенъ, выпуская тысячи, какъ было принято, напр. 7175-й годъ это 175-й и т. д.

При переводѣ на современное лѣтосчисленіе отъ Р. Х., иногда выходятъ недоумѣнія.

При лѣтосчисленіи отъ сотворенія міра годъ начинался съ 1-го сентября, а въ томъ случаѣ, когда эрою принимаютъ Р. Х., годъ начинается съ 1-го января,

Когда 7207 годъ отъ сотворенія міра кончился 30 августа, а 1-го сентября начался 7208-й годъ, то отъ Р. Хр. продолжался еще 1699-й годъ.—1-го января 7208-й годъ отъ сотворенія міра переименованъ въ 1700-й годъ отъ Р. Христова.

Когда приводятся даты по рукописнымъ источникамъ до 1700 года, то вышеизложенное должно принимать во вниманіе.

Десятки и единицы сентябрьскаго года на 8 больше январскаго. Чтобы найти 1667 г., нужно изъ 175 вычесть 8, найдемъ 167; т. е. 1667 г.

Авторъ.

КАЗАКИ НА ОБИ.

Казачья вольница.

Въ началѣ XIV в. Рюриковичи—собиратели Руси объединили Русь около Москвы. Объединенное Московское государство окрѣпло.

Въ концѣ того же вѣка Дмитрій Донской нанесъ послѣдній рѣшительный ударъ на Куликовомъ полѣ въ лицѣ татаръ южнымъ кочевникамъ, такъ долго разорявшимъ Русь.

Жизнь русскихъ людей становится прочною, осѣдлою. Земельныя отношенія получаютъ важное значеніе. Выдѣляется осѣдлый собственникъ—земскій человѣкъ. Представитель старины, эпохи движенія, вольный казакъ вступаетъ съ нимъ въ борьбу. Новыя условія ему не нравятся. Общество преслѣдуетъ его за нарушеніе порядка: казаку трудно въ новомъ обществѣ. Онъ не можетъ согласить своихъ интересовъ съ общественными. Его тянетъ на просторъ, въ вольную степь. Тамъ онъ ждетъ случая вступить въ борьбу съ новымъ порядкомъ вещей.

Прекращеніе династіи Рюриковичей было искрою среди накопившагося горючаго матеріала. А когда началась смута на Руси, пользуясь ею, казакъ вступаетъ открыто въ борьбу съ возникающею гражданственностью. Ведется долгая, упорная борьба земскаго человѣка съ вольнымъ казакомъ.

Изъ общества постоянно выдѣляются люди, «у которыхъ сила по жилочкамъ, такъ живчикомъ и переливается. Имъ было грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени». Они шли гулять въ поле, въ степь. Народъ сравнивалъ ихъ съ богатырями древней Руси. Старый казакъ Илья Муромецъ былъ героемъ народной пѣсни въ продолженіе восьми вѣковъ. Богатыри-казаки вели неустанную борьбу съ «Идолищемъ поганымъ»—степными кочевниками. Казаки—обитатели чистаго поля, были главными участниками въ этой борьбѣ.

По народному представленію земскій осѣдлый человѣкъ и вольный казакъ—два противоположные полюса. Земскій человѣкъ работаетъ, богатырь казакъ гуляетъ. Казакъ можетъ жить только въ широкой степи, въ городѣ жить онъ не можетъ. — «Разгуляются, распотѣшутся станутъ всѣхъ толкать»... «А такія потѣхи богатырскія народу было не вытерпѣть: котораго толкнутъ, тому смерть—да смерть»*).

*) Соловьевъ, стр. 763, кн. III.

Когда земскіе люди начали сплачиваться вокругъ Москвы въ государство, казаки пошли на южныя границы. Тамъ жить имъ было вольготнѣе.

Тамъ интересы земскаго человѣка и казака совпадали: южныя открытыя степныя границы ждали защиты отъ кочевниковъ; а казаки хотѣли воли. По этимъ двумъ причинамъ общество должно было постоянно выдѣлять толпы людей, искавшихъ приволья въ степи. Бѣглецы изъ общества объединились подъ общимъ именемъ вольныхъ казаковъ: они заняли южную и юго-восточную окраины Руси, которыхъ, по названію, были сторожами.

Надѣясь, по отдаленности, на безнаказанность, казаки часто не исполняли царскихъ приказаній. Нерѣдко они грабили земскихъ людей. Московскіе цари принуждены были высылать противъ нихъ войска. Казаковъ ловили и казнили. Таковы были казаки на южной границѣ Руси.

Покореніе Сибири. Походъ Ермака.

Одна изъ такихъ партій, подъ начальствомъ Ермака, избѣгая царскаго гнѣва, появилась на рѣкѣ Камѣ, въ Пермскомъ краю, на границѣ Сибирскаго царства. Тамъ жили именитые купцы Строгановы; они вели торговлю съ азіатами. Имъ принадлежали соляныя варницы по рѣкѣ Вычегдѣ и обширныя помѣстья по Камѣ и Чусовой. Для охраны своихъ владѣній отъ безпокойныхъ сосѣдей Строгановы принимали охотно ратныхъ людей къ себѣ на службу, не справляясь о ихъ прошломъ.

Въ 1581 году казачій атаманъ Ермакъ, съ 540 товарищами, предложилъ Строгановымъ свои услуги противъ сибирскихъ инородцевъ. Строгановы приняли ихъ; присоединивъ къ нимъ 300 человѣкъ ратныхъ людей (литовцевъ, плѣнныхъ нѣмцевъ, татаръ и русскихъ), составили отрядъ подъ начальствомъ Ермака въ 840 человѣкъ. Строгановы дали имъ жалованье, снабдили съѣстными запасами, одеждою, оружіемъ, пушечками, пищалями, дали проводниковъ и толмачей.

1-го сентября 1581 года Ермакъ со своимъ отрядомъ былъ посланъ на Сибирскаго хана Кучума. Четыре дня шелъ Ермакъ вверхъ по рѣкѣ Чусовой до устья рѣки Серебряной; два дня плыли по рѣкѣ Серебряной до Сибирской дороги. Тамъ высадились и поставили Ермаковъ Кокуй-городъ. Далѣе шли волокомъ до рѣки Жаровли; по ней добрались до рѣки Туры, а тамъ уже начиналась Сибирь. По дорогѣ казаки имѣли нѣсколько стычекъ съ татарами. Плѣнный татаринъ сообщилъ, кое-какія свѣдѣнія о Сибирскомъ царѣ Кучумѣ и его прибли-

женныхъ. Казаки отпустили плѣннаго, чтобъ онъ разсказами о нихъ напугалъ Кучума.

На берегу Тобола, при урочищѣ Бабасанъ Ермака встрѣтилъ Маметкуль, родственникъ Кучума, съ войскомъ. Самъ Кучумъ укрѣпился на берегу Иртыша.

Маметкуль былъ разбитъ: ружье восторжествовало надъ лукомъ.

Недалеко отъ Иртыша одинъ изъ Кучумовыхъ вельможъ защищалъ свой улусъ. Казаки разгромили и его, взяли царское богатство и двинулись далѣе.

Татары пробовали преслѣдовать Ермака, но снова потерпѣли пораженіе. Къ ночи казаки взяли городъ Атикъ-Мурзы и засѣли въ немъ. На другой день должна была рѣшиться ихъ участь. Нужно было вытѣснить Кучума изъ его укрѣпленія (засѣки). Казаки собрали кругъ: идти назадъ или впередъ? Осилили тѣ, кто хотѣлъ идти впередъ.

23-го октября, на разсвѣтѣ, казаки вышли изъ города и начали приступать къ засѣкѣ. Осажденные, пуская тысячи стрѣлъ, сами, проломивъ засѣку, сдѣлали вылазку. Послѣ упорнаго рукопашнаго боя казаки побѣдили. Маметкуль былъ раненъ. Остяцкіе князья, бывшіе въ войскѣ Маметкуля оставили Кучума. Старый ханъ бросился въ свою столицу Искеръ, или Сибирь, забралъ, сколько могъ, пожитковъ и бѣжалъ.

26-го октября 1581 года казаки заняли пустую Сибирь. На четвертый день одинъ изъ остяцкихъ князей съ дружиною пришелъ къ Ермаку съ дарами и запасами. За ними стали возвращаться на старыя мѣста татары съ женами и дѣтьми. Ермакъ приводилъ ихъ къ присягѣ, по ихъ религіи, въ подданство Московскому царю.

Казаки владѣли теперь Искеромъ, стольнымъ городомъ Кучума, но Маметкуль былъ недалеко.

Однажды нѣсколько казаковъ отправились на Абалацкое озеро ловить рыбу. Маметкуль перебилъ ихъ. Ермакъ пошелъ отомстить за товарищей. На Абалацкомъ озерѣ казаки бились съ татарами до ночи. Ночью татары разбѣжались. Ермакъ возвратился въ Сибирь.

Весною 1582 года снова появился Маметкуль. Ермакъ выслалъ развѣдчиковъ. Они напали ночью на станъ царевича, много перебили татаръ, а Маметкуля взяли въ плѣнъ. Это было страшнымъ ударомъ для Кучума, стоявшаго тогда на рѣкѣ Ишимѣ.

Все лѣто 1582 года Ермакъ употребилъ на покореніе городовъ и улусовъ по Иртышу и Оби. О своихъ успѣхахъ онъ далъ знать Строгановымъ, кромѣ того, послалъ, прямо отъ себя, въ Москву Ивана Кольцо съ товарищами извѣстить царя объ усмиреніи Сибирской земли.

Грозный отнесся милостиво къ посланцамъ-казакамъ, одарилъ ихъ деньгами и сукнами.

Оставшимся въ Сибири было послано жалованье. Воеводы Болховской и Глуховъ были отправлены царемъ принимать сибирскіе города.

Быстрый успѣхъ казаковъ ошеломилъ подданныхъ Кучума: князьки татаръ, остяковъ приходили бить челомъ побѣдителю. Принимая всѣхъ ласково, Ермакъ приводилъ каждаго, по его обряду, въ подданство Московскому царю.

Въ ноябрѣ 1583 года князь Болховской и Иванъ Глуховъ съ 500 стрѣльцами прибыли на помощь Ермаку*).

Продолжая свои завоеванія, покоритель Сибири 5-го августа 1584 года погибъ, вмѣстѣ съ отрядомъ (300 человѣкъ), на берегу Иртыша при устьѣ Вагая.

Татары захватили отрядъ Ермака ночью спящимъ. Сонные казаки были поголовно вырѣзаны. Самъ Ермакъ пробился къ лодкамъ, но, оступившись, потонулъ въ Иртышѣ подъ тяжестью своихъ латъ. Только одинъ казакъ спасся и привезъ это печальное извѣстіе въ Искеръ. Трехлѣтніе подвиги казаковъ кончились.

Преемники Ермака. Обскій городокъ.

Сподвижникъ Ермака Глуховъ и атаманъ Мещерякъ, съ 150 казаками и прочими людьми Строгановской дружины, оставили Искеръ**).

Тамъ водворился сынъ Кучума Алей, но не надолго: онъ былъ прогнанъ вскорѣ ханомъ Сейдякомъ.

Смерть Ермака обрадовала сибирскихъ инородцевъ. Казалось, что иго власти «Бѣлаго Царя» окончилось. Инородцы видѣли, какъ казаки бросили Искеръ и во главѣ съ Глуховымъ уходили изъ Сибири.

Судьба Кучумова царства зависѣла отъ единодушія сибирскихъ инородцевъ и отъ рѣшительности Московскаго правительства. Не покажи послѣднее энергіи и настойчивости для поддержки дѣла Ермака, дай оно одуматься, собраться съ силами ошеломленнымъ подвигомъ Ермака инородцамъ, и Кучумъ и его потомки долго еще, быть можетъ, господствовали бы въ передней Сибири.

Но и Московское правительство не сразу принялось за дѣло. Оно было поражено катастрофою, случившеюся съ Ермакомъ, и цѣлый годъ думало надъ сибирскимъ вопросомъ. Это былъ критическій моментъ въ исторіи завоеванія Сибири.

*) Соловьевъ, кн. II, стр. 321.
**) Миллеръ, Сиб. ист. 1750 г. гл. 2, стр. 190, 197.

Только въ 1586 году Москва рѣшилась на вторичное завоеваніе Сибири*).

Глуховъ и Мещерякъ поплыли внизъ по Иртышу. Они зимовали на устьѣ Иртыша, построивъ Обскій городокъ, теперь не существующій.

Воевода Мансуровъ, шедшій на помощь Ермаку съ сотнею стрѣльцовъ и одною пушкой, услыхавши о смерти завоевателя Сибири, повернулъ не къ Искеру (къ югу), а къ Оби (къ сѣверу), т. е. послѣдовалъ по стопамъ Глухова. Соединившись, эти отряды, весною 1586 года отправились на Русь по рѣкамъ Конлѣ, Лозвѣ и Сосвѣ.

Воевода Сукинъ. Городъ Тюмень 1586 г.

Между тѣмъ посланные изъ Москвы въ 1586 году воеводы Сукинъ и Мясной съ 300 казаками перевалили Уралъ.

Встрѣтивши казаковъ Глухова и стрѣльцовъ Мансурова и присоединивъ ихъ къ себѣ [1]), Мясной и Сукинъ пошли въ Сибирь рѣками Лозвою и Тавдою къ Искеру.

Двигаясь по Лозвѣ, Тавдѣ и Турѣ, къ концу іюля достигли стариннаго города Чимги, гдѣ когда-то зимовалъ Ермакъ. Здѣсь-то на южномъ берегу Туры, при впаденіи рѣки Тюменки, воеводы построили городъ Тюмень, первый укрѣпленный пунктъ, оплотъ русскаго владычества. Одною стороною крѣпость прилегала къ возвышенному берегу Туры, а другими двумя къ рѣкѣ Тюменкѣ. Только одна сторона была доступна и не имѣла естественнаго укрѣпленія: воеводы окопали ее рвомъ **).

Люди, построившіе Тюмень, посѣяли и первое зерно сибирскаго казачества. Тюмень, древнѣйшій изъ всѣхъ сибирскихъ городовъ, основанныхъ русскими, былъ исходнымъ пунктомъ, изъ котораго русскіе начали вторично, послѣ смерти Ермака, завоевывать Сибирское царство.

Жившіе на рѣкѣ Турѣ татары занимались хлѣбопашествомъ—и русскіе воеводы могли воспользоваться ихъ хлѣбомъ.

Письменный голова Чулковъ. Городъ Тобольскъ 1587 г.

Послѣ полученія вѣстей отъ Мансурова (прибывшаго вслѣдъ за Глуховымъ изъ Сибири не ранѣе весны 1587 года) и донесеній изъ Тюменя отъ воеводы Сукина, Московское правительство въ началѣ 1587 года послало въ Сибирь письменнаго го-

*) Буцинскій, «Заселеніе Сибири». Стр. 80.
**) Буцинскій, 81.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Глуховъ и Мансуровъ уѣхали въ Москву.

лову Чулкова съ 500 казаками къ столицѣ Кучумова царства—Искеру, заложить новый русскій городокъ на удобномъ мѣстѣ, чтобы изъ этого городка можно было бы вести дальнѣйшія военныя дѣйствія противъ Кучума.

Лѣтомъ 1587 года письменный голова Чулковъ, исполняя наказъ, заложилъ на правомъ берегу Иртыша, противъ устья Тобола, нѣсколько сѣвернѣе Искера, новую крѣпость—городокъ Тобольскъ, вскорѣ ставшій надолго главою сибирскихъ городовъ.

Москва отлично понимала стратегическое значеніе Тобольска—при сліяніи Тобола и Иртыша, вблизи Искера, въ самомъ сердцѣ Сибирскаго царства, въ узлѣ водныхъ путей системы Оби. Отсюда (то внизъ по теченію, то вверхъ по Иртышу, Тоболу, Турѣ, Ишиму и Оби) водные пути вели вѣеромъ во всѣ стороны.

Построеніемъ Тобольска былъ забитъ тотъ клинъ, посредствомъ котораго началось распатываніе царства Кучума. Русское правительство во главѣ съ правителемъ Борисомъ Годуновымъ принимается за систематическую колонизацію Сибири, начавъ съ «истѣсненія Кучума».

Тобольскіе воеводы, опираясь на Тобольскъ, гдѣ сосредоточивались русское управленіе и войско, вскорѣ распространили русское господство надъ Иртышскими татарами далеко вверхъ по Иртышу на 15 дней пути.

Борьба съ Кучумомъ. Городъ Тара въ 1594 г.

Кучумъ подвигался все далѣе и далѣе къ верховьямъ Иртыша. Онъ не складывалъ оружія. Не будучи въ силахъ бороться съ Тобольскомъ, онъ нападалъ на отдаленныя татарскія волости, платившія дань Московскому царю, грабилъ ихъ, бралъ въ плѣнъ татаръ, и прежде чѣмъ вѣсть доходила до Тобольска, скрывался въ верховьяхъ Иртыша. Изъ Тобольска трудно было настигнуть Кучума, чтобъ нанести ему рѣшительный ударъ. Гоняясь за нимъ, волей-неволей, русскіе должны были подвигаться вверхъ по Иртышу, по мѣрѣ того, какъ Кучумъ все далѣе и далѣе отодвигался отъ центра своего бывшаго царства.

Чтобы покончить съ Кучумомъ, въ 1594 году Ѳеодоръ Іоановичъ послалъ въ Сибирь князя Андрея Елецкаго построить города на рѣкѣ Иртышѣ, при устьѣ Тары или другомъ удобномъ мѣстѣ. Съ воеводою отправились 1,540 человѣкъ: 147 московскихъ стрѣльцовъ, 20 плотниковъ изъ Перми; изъ Тобольска къ нимъ присоединились 50 стрѣльцовъ, 50 человѣкъ лапшевскихъ и тетюшскихъ плѣнниковъ, польскіе каза-

ки, казанскіе и свіяжскіе татары, 400 бакширцевъ изъ Казани и Уфы, посланныхъ въ Сибирь сухопутною дорогою. Елецкій не дошелъ до рѣки Тары и заложилъ городъ при устьѣ небольшой рѣки Ангарки, впадающей съ запада въ Иртышъ. Были построены внутренній городъ или крѣпость въ 42 кв. сажени, а вокругъ острогъ въ длину 200, а въ ширину 150 саженъ. Таково было начало города Тары. Другая цѣль постройки Тары была экономическая: въ наказѣ Елецкому предписывалось завесть въ Тарѣ пашню и соль.

Изъ Тары въ нѣсколько экспедицій было истреблено и захвачено въ плѣнъ множество татаръ. Силы Кучума ослабѣвали все болѣе и болѣе. Онъ былъ еще живъ и пользовался вліяніемъ среди татаръ: татарскія волости, уже покоренныя казаками, измѣняли Бѣлому царю и переходили на сторону Кучума. Кучумъ собирался объединить всѣхъ татаръ и общими силами напасть на Тару, но русскіе предупредили, нанеся ему въ 1598 году рѣшительный ударъ.

Разгромъ Кучума въ 1598 году.

Въ 1597 году Елецкаго смѣнилъ воевода Кузьминъ. Товарищъ его, Андрей Воейковъ предпринялъ въ августѣ 1598 года съ значительными силами походъ противъ Кучума. Воейковъ завоевалъ отпавшія волости, много татаръ перебилъ и захватилъ въ плѣнъ. Отъ плѣнныхъ онъ узналъ, что царь Кучумъ кочевалъ на рѣкѣ Оби, гдѣ у него былъ посѣянъ хлѣбъ. 20-го августа при восходѣ солнца, Воейковъ во главѣ 400 казаковъ, литвы и татаръ напалъ на Кучума на рѣкѣ Оби, выше Чати. У Кучума было 500 человѣкъ, но побѣда осталась на сторонѣ русскихъ. Воейковъ доносилъ царю: «Кучума побилъ, дѣтей его и царицъ поймалъ»*).

На предложеніе сдаться побѣдителямъ Кучумъ отвѣтилъ гордымъ отказомъ. Старый, глухой, слѣпой, лишившійся семейства, имущества, онъ былъ гордъ и непреклоненъ.—Онъ бѣжалъ... Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Онъ покончилъ жизнь свою гдѣ-то далеко отъ своего царства...

Воейковъ преслѣдовалъ бѣглецовъ. «Плавалъ я», писалъ онъ въ Москву: «на плотахъ по Оби, а за Обью по лѣсамъ искалъ Кучума и нигдѣ не нашелъ».

Успѣху русскаго дѣла въ Сибири много способствовало соперничество Кучума и Сейдяка. Татары не знали, кого признавать своимъ властителемъ: Сейдяка или Кучума. Отсутствіе единодушія у татаръ отразилось гибельно на судьбѣ обоихъ претендентовъ и дало возможность русскимъ подчинить ино-

*) Акты ист. т. II № 1. Акты ист. т. II № 5.

родцевъ. Сейдякъ не отличался энергіею, но захвативъ Искеръ, тѣмъ лишилъ Кучума опоры на рѣкѣ Иртышѣ и отнялъ у него средства для борьбы, которыя тотъ могъ черпать у иртышскихъ татаръ*).

Со смертью Кучума навсегда пало Сибирское царство. Разрозненные племена инородцевъ. должны были признать власть Московскаго царя.

Сибирь колонія. Утвержденіе на р. Оби.

При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Сибирь стала русскою колоніею.

Съ 1609 года воеводами въ Тобольскъ назначали людей знатныхъ: князей, бояръ, стольниковъ,—съ широкими полномочіями—заселять Сибирь русскими людьми, распространять русское вліяніе, инородцевъ облагать ясакомъ, подводя ихъ подъ высокую Государеву руку, строить города и села въ мѣстахъ центральныхъ, при сліяніи рѣкъ, а посреди племенъ инородцевъ возводить остроги, какъ исходные пункты дальнѣйшихъ завоеваній.

Орудіемъ для этой цѣли въ рукахъ воеводъ были казаки, сподвижники Ермака и позднѣйшіе пришельцы: стрѣльцы и новоприборные казаки.

Въ новомъ краѣ держали значительное войско. Служилымъ людямъ, пока живъ былъ Кучумъ, некогда было заниматься хлѣбопашествомъ, они почти круглый годъ находились въ походахъ: то гонялись за Кучумомъ, то покоряли татаръ по рѣкѣ Иртышу и его притокамъ**) [1]).

Въ татарахъ Сибири казаки встрѣтили отпоръ—«не покорность, а тучи стрѣлъ». Противъ казаковъ высылались большіе конные отряды. Но огнестрѣльное оружіе одержало верхъ. Одержала верхъ сила знанія, гражданственность и культура.

*) Буцинскій, стр. 103—104.
**) Буцинскій, стр. 151.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Въ 1584 г. отъ отряда Ермака съ Глуховымъ осталось 150 человѣкъ, въ 1585 г. Мансуровъ пришелъ съ 100 стрѣльцами, въ 1586 г. Мясной и Сукинъ съ 300 каз., въ 1587 г. Чулковъ пришелъ съ 500 чел., въ 1594 г. Андрей Елецкій привелъ 147 стрѣльцовъ. За 10 лѣтъ съ 1584—1594 г. прибыло 1197 человѣкъ.

КАЗАКИ НА ЕНИСЕѢ И ЛЕНѢ.

Кетскій и Маковскій остроги.

Черезъ 30 лѣтъ послѣ покоренія Сибири казаки перебрались на Енисей.

Путь изъ Тобольска къ Енисею лежалъ по Иртышу, до устья его, и по средней Оби и Кети, на устьѣ которой былъ построенъ Кетскій острогъ.

Казаки направились къ Енисею, гдѣ встрѣтили враждебныхъ тунгусовъ.

Въ 1618 году Петръ Альбичевъ изъ Кетскаго острога отправился на Енисей для построенія острога, среди безпокойныхъ тунгусовъ. Альбичевъ, поднявшись по Кети до ея верховьевъ, у начала волока оставилъ суда, заложивъ Маковскій острогъ, какъ складъ для припасовъ и опору въ случаѣ неудачи.

Предосторожность оказалась не лишнею: въ 1619 г. тунгусы напали на Маковскій острогъ съ тѣмъ, чтобы не допустить русскихъ къ Енисею. Скрываясь за полисадомъ отъ стрѣлъ, казаки огнемъ отбили тунгусовъ.

Енисейскій острогъ въ 1619 г.

Въ томъ же году Альбичевъ дошелъ до Енисея и построилъ Енисейскій острогъ на мѣстѣ нынѣшняго города Енисейска. Мѣстность подъ острогомъ, лѣсистая и болотистая, затопляемая въ весеннее половодье, не отличалась удобствомъ для жизни. Но она, по выраженію Словцова, «*стояла настражъ трехъ Тунгусокъ*» (т. е. Нижней, Средней Тунгуски и Ангары) «*въ срединѣ звѣроловныхъ племенъ*» *).

«Енисейскъ поэтому»,—говоритъ историкъ: «не безъ ума

*) Словцовъ, стр. 35.

помѣстился, когда политика того времени состояла въ наибольшемъ сборѣ ясака».

Петръ Альбичевъ руководствовался, выбирая мѣсто для острога, стратегическими и экономическими соображеніями. Съ самаго основанія Енисейскъ пріобрѣтаетъ торговое значеніе. Купцы по рѣкѣ Кети плавали цѣлыми флотиліями. Такъ въ 1626 году замерзли на рѣкѣ Кети 100 купеческихъ каюковъ и 7 дощаниковъ *).

Изъ Томска въ новый острогъ выслано было подкрѣпленіе въ 40 казаковъ: тунгусы стали платить ясакъ **).

Князцы: Ялиръ, Иркиней и Тасей приведены были «*къ шерти*» (въ подданство). Вскорѣ ясачный раіонъ распространился вверхъ и внизъ по Енисею и по его притокамъ—тремъ Тунгусскамъ, ведшимъ тремя параллельными путями къ Ленѣ и Байкалу. По Тунгусскамъ выростали зимовья; по дорогѣ въ Томскъ устроены были ямскіе станы. Появились остроги: на верхней Тунгусскѣ—Бѣльскій, на среднемъ Чулымѣ—Мелесскій ***).

До 1623 года посылались въ Енисейскъ на годовую службу служилые люди изъ разныхъ сибирскихъ городовъ. Такіе служилые назывались «годовальщиками» ****).

Служба въ Новомъ Енисейскомъ острогѣ была тяжелая. Въ 1626 году служилые писали въ челобитной: «такихъ нужныхъ и жестокихъ службъ во всей государевой Сибирской отчинѣ нѣтъ. Ѣда у казаковъ такая, что на Руси и скотина не ѣстъ: зимою—мука, размѣшанная въ водѣ, а лѣтомъ борщъ въ водѣ». Казаки, кромѣ своей службы, должны были строить кочи и струги.

Въ 1626 году въ Енисейскомъ острогѣ было уже 100 стрѣльцовъ, а бывшій Енисейскій воевода Яковъ Хрипуновъ, засѣдая въ Казанскомъ дворцѣ [1]), настаивалъ на томъ, чтобъ число енисейскихъ стрѣльцовъ довести до 300. «Многія землицы пришли бы тогда подъ государеву руку». Онъ предлагалъ поставить еще острогъ на Красномъ яру (Красноярскъ)*****) [2]).

Хлѣбъ въ Енисейскій острогъ сначала доставлялся изъ Тобольска. Но вскорѣ около Енисейскаго острога поселены были

*) Оглоблинъ, ч. III, стр. 232.
**) Андріевичъ, стр. 55.
***) Словцовъ, стр. 33.
****) Оглоблинъ, ч. III, стр. 218.
*****) Оглоблинъ, ч. III, стр. 119.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Высшее правительственное учрежденіе, вѣдавшее Сибирью.

[2]) ПРИМѢЧАНІЕ. О характерѣ службы въ Енисейскомъ острогѣ и вообще о службѣ въ острогахъ даетъ понятіе роспись службы 1630 года въ Енисейскомъ острогѣ: 1 сотникъ, 1 атаманъ, 100 стрѣльцовъ.

пашенные крестьяне. Всѣ они были холостые. Присланы они были изъ Москвы, получивъ подмогу на человѣка по 10 рублей, которые истратили на сошники, косы и топоры и «на крестьянскій заводъ». На платье денегъ у нихъ не хватало. Они были наги и босы. Чтобы одѣться, пришлось сдѣлать заемъ у промышленниковъ и торговцевъ. Каждый крестьянинъ пахалъ 1 десятину государевой пашни и ставилъ 30 копенъ сѣна. Они же возили хлѣбные запасы съ Маковскаго волока въ Енисейскъ и Красноярскъ. Въ 1626 году они подали челобитную о присылкѣ изъ Тобольска «гулящихъ женокъ». Казанскій приказъ написалъ сибирскимъ воеводамъ, чтобы они посылали гулящихъ дѣвокъ и бабъ, гдѣ таковыя окажутся, въ Енисейскъ къ крестьянамъ, но свободныхъ бабъ не оказалось и въ 1630 году крестьяне снова просили, чтобы ихъ отпустили въ другіе города для пріисканія женъ.

Въ 1630 году было 53 крестьянина со старостою Толстихинымъ во главѣ. Въ 1631 г. они собирали 867 четей ржи, 569 четей овса и 43 чети ячменя (всего около $7^1/_2$ тысячъ пудовъ). Острогъ и зерно были символами утвержденія русской власти*).

Чрезъ 15 лѣтъ (къ 1646 году) въ Енисейскомъ уѣздѣ были уже большія деревни съ большою распашкою хлѣба. У большинства крестьянъ было по 8—10 коней, у многихъ по 12—15; менѣе 4 коней было рѣдко **).

Всѣ эти деревни находились недалеко отъ Енисейска***).

*) Оглоблинъ, ч. II, стр. 319.
**) Оглоблинъ, ч. I, стр. 355.
***) Оглоблинъ, ч. III, стр. 146.

Изъ нихъ: въ экспедиціи Хрипунова	10 человѣкъ.
Въ Братскомъ острогѣ на годовой службѣ	15 »
На рѣкѣ Ленѣ	12 »
По разнымъ рѣкамъ для ясачнаго сбору	21 »
На рыбной ловлѣ на рѣкѣ Тунгусскѣ	17 чел. (1 сотникъ).
Съ соболиною казною въ Москвѣ	10 ч. (въ 3 посылкахъ).
Въ Маковскомъ острогѣ	13 человѣкъ.
Уѣхали въ Томскъ съ колодниками и отписками	4 »
	102 человѣка.
Остались въ Енисейскѣ для городовой службы:	
Въ Гостинномъ дворѣ	1 атаманъ.
У государевой житницы	1 стрѣлецъ (цѣловальн.)
На мельницѣ	1 стрѣлецъ.
У молотьбы	1 »
У хлѣбныхъ запасовъ	2 »
У аманатовъ	2 »
У колодниковъ	1 »
	Итого на службѣ 9 человѣкъ.

Въ остаткѣ ни одного . . . .

Это расписаніе краснорѣчиво говоритъ о тяжести острожной службы казаковъ и о малолюдствѣ. Служили безъ отдыха и безъ смѣны.

Читальный зал Центр. Библиотека Отд. Инвентарь №

Еще ранѣе въ 1642 году устроены были по р.р. Манзѣ и Тасѣевкѣ соляныя варницы.

Пути дальнѣйшей колонизаціи.

Едва утвердившись на рѣкѣ Енисеѣ, казаки попытались двинуться на востокъ.

Теченіе могучихъ рѣкъ Сибири предопредѣляло пути русской колонизаціи и мѣста построенія остроговъ. Исполинская вѣерообразная система Оби съ центромъ въ Тобольскѣ—представляла плацдармъ русскаго могущества. А отъ Тобольска почти непрерывный водный путь велъ къ Великому океану: Иртышъ до впаденія въ Обь; Обь до устья Кети; Маковскій волокъ, Енисей, Верхняя Тунгуска (Ангара), Байкалъ, Селенга, Хилокъ, Ингода, Шилка и Амуръ.

Почти сплошной водный путь, только въ двухъ мѣстахъ прерывался волокомъ: 1) между Кетью и Кемью до Байкала и 2) между Хилкомъ и Ингодою за Байкаломъ. Это былъ кратчайшій путь къ Великому океану—естественной грани русскаго могущества на востокѣ.

А между тѣмъ наказы изъ Москвы о поискахъ «землицы» шли безпрестанно. Русскія волны приливали въ Сибирь непрерывно. Пришлось искать для колонизаціи новые пути. Казаки пытаются проникнуть на сѣверъ и на югъ, держась все же восточнаго направленія. И вотъ параллельно центральному кратчайшему пути чрезъ Енисейскъ изыскиваются отъ Оби къ востоку два новыхъ пути: 1) сѣверный черезъ Березовъ и Мангазею на Нижнюю Тунгуску, гдѣ возникаетъ Туруханскъ и 2) южный чрезъ Тару и Томскъ, на рѣку Енисей выше Енисейска, гдѣ въ 1621 году воеводою Дубенскимъ заложенъ былъ Красноярскій острогъ.

Такимъ образомъ намѣчаются три направленія: 1) изъ Березова на р.р. Мангазею и Нижнюю Тунгуску въ Туруханскъ, 2) изъ Енисейска по р. Ангарѣ къ Байкалу, по р. Илиму на р. Лену, 3) изъ Томска по рѣкѣ Енисею къ Красноярску. Кромѣ того, раскидываются поселенія въ южномъ направленіи: изъ Томска—по Томи, изъ Красноярска—по Кану.

Къ 1631 году около Красноярска уже завели заимки, а по Кану зимовья, жатвы, сѣнокосы. Такъ возникали русскія поселенія подъ непосредственною защитою укрѣпленныхъ мѣстъ*) [1]).

*) Словцовъ стр. 33.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Вскорѣ на югѣ для защиты отъ кочевниковъ построены были на рѣкѣ Томи Кузнецкій острогъ, а на Канѣ—Канскій острогъ (1640 г.).

Казаки на р. Ангарѣ (Верхней Тунгусскѣ). Рыбенскій острогъ.

Занятіе Восточной Сибири было результатомъ мелкихъ казачьихъ походовъ. Всякому движенію впередъ предшествовала посылка развѣдывательныхъ партій.

Въ 1622 году началась развѣдка о бурятахъ, когда 3000 бурятъ напали на Котововъ, жившихъ по рѣкѣ Кану, заставляя ихъ платить ясакъ. Енисейскій воевода Яковъ Хрипуновъ отправилъ на рѣку Канъ казака Козлова разузнать о способѣ дѣйствій и вооруженіи бурятъ. Казакъ Козловъ предложилъ бурятамъ принять русское подданство, но они отказались*).

Однако мысль о подчиненіи бурятъ твердо засѣла въ головахъ Енисейскихъ воеводъ; поэтому начались развѣдки.

Съ 1623 года по 1629 годъ дѣлается рядъ развѣдокъ атаманами Алексѣевымъ и Перфильевымъ. Послѣдній доходилъ въ 1627 году по р. Ангарѣ до Шаманскаго камня (въ 8 верстахъ отъ устья Илима). Но всѣ эти попытки были неудачны. Дѣлу развѣдокъ мѣшали тунгусы, жившіе по рѣкѣ Чану и въ низовьяхъ Тунгусски. Они нападали на развѣдочные отряды. Для наказанія тунгусовъ и для облегченія дѣйствій послѣдующихъ партій въ 1628 году отправленъ былъ сотникъ Петръ Бекетовъ, который и построилъ Рыбенскій острогъ на правомъ берегу Тунгусски противъ устья Тасея (какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1626 году тунгусы напали на Перфильева и убили у него 10 казаковъ).

Съ построеніемъ Рыбенскаго острога облегчалась отправка партій вверхъ по рѣкѣ Тунгусскѣ (Ангарѣ). [1])

Въ 1629 году сотникъ Бекетовъ съ 30 казаками рѣшилъ обложить ясакомъ бурятъ, жившихъ въ верховьяхъ Ангары. На устьѣ Илима онъ оставилъ большія суда и двинулся далѣе на каюкахъ. На порогѣ «Падунѣ» каюкъ его разбился, провіантъ утонули, но люди спаслись. Энергичный Бекетовъ поднялся по Тунгусскѣ до устья Оки и съ Окинскихъ бурятъ взялъ первый ясакъ и доставилъ его въ Енисейскъ. Заплативши первый ясакъ въ 1629 году, пріокинскіе буряты отказались отъ взноса его въ будущемъ. Чтобы добиться исправной уплаты ясака, пришлось убить на борьбу съ ними 10 лѣтъ.

1-ое пораженіе бурятъ Хрипуновымъ при у. Оки.

Между тѣмъ въ 1629 году Томскъ былъ выдѣленъ въ особый Томскій разрядъ, независимый отъ Тобольска. Къ Томску

*) Андріевичъ. Ист. Забайк. стр. 12.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Рыбенскій острогъ находился въ 156 верстахъ отъ Енисейска и въ 90 верстахъ отъ впаденія Ангары въ Енисей.

отошли остроги: Нарымскъ, Кетскъ, Енисейскъ, Красноярскъ и Кузнецкъ съ зависящими отъ нихъ селами, слободами и острогами. Томскіе воеводы, получивъ самостоятельность, желая показать усердіе царю и въ цѣляхъ личной наживы, не замедлили воспользоваться слухами о серебрѣ и богатствѣ бурятъ[1]).

Они снарядили большой отрядъ подъ начальствомъ прежняго Енисейскаго воеводы Якова Хрипунова для движенія за Байкалъ. Весною 1629 года изъ Енисейска Хрипуновъ тронулся въ путь на 20 судахъ съ 130 казаками. При устьѣ рѣки Илима, по примѣру Бекетова, онъ оставилъ суда съ 20 казаками, а самъ, отрядивъ 30 казаковъ для развѣдки рѣки Лены, съ остальными направился сухимъ путемъ къ верховьямъ Ангары. Онъ хотѣлъ пробраться за Байкалъ къ монголамъ и узнать, гдѣ они добываютъ серебро*).

Недалеко отъ устья Оки Хрипуновъ разбилъ бурятъ.

Это было первое пораженіе бурятъ. Но на этомъ дѣло и остановилось. Онъ вернулся зимовать на устье Илима и тамъ умеръ.

Отрядъ его, собранный изъ разныхъ городовъ Сибири, самовольно разошелся по домамъ, захвативъ добычу и плѣнныхъ бурятъ.

Построеніе Братскаго острога на р. Ангарѣ, при у. Оки.

Енисейскіе и Красноярскіе воеводы, желая подѣйствовать на бурятъ лаской, рѣшили освободить ихъ изъ плѣна; но сначала отпустили только двухъ изъ нихъ въ сопровожденіи двухъ казаковъ, изъ которыхъ былъ одинъ убитъ, а другой ограбленъ. Въ виду этого остальные плѣнные буряты были отправлены подъ конвоемъ 30 казаковъ. Сопровождавшій ихъ атаманъ Максимъ Перфильевъ долженъ былъ построить острогъ при устьѣ рѣки Оки.

Перфильевъ, оставивъ суда на Ангарѣ у Шаманскаго порога, въ 8 верстахъ отъ устья Илима, подъ охраной 15 казаковъ, съ остальными дошелъ до бурятскихъ стойбищъ и сдалъ плѣнныхъ, за которыхъ получилъ 15 соболей, принятыхъ какъ ясакъ. Убѣдившись въ непріязни бурятъ, Перфильевъ не рѣшился построить острогъ при устьѣ Оки, имѣя для защиты его только 30 казаковъ. И потому ему на помощь для построенія острога въ 1631 году изъ Енисейска присланъ былъ Иванъ Москвитинъ съ 50-ю казаками.

*) Оглоблинъ, ч. III, стр. 356.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Серебряныя украшенія бурятскихъ женщинъ, серебряныя оправы ихъ оружія и сѣделъ поразили казаковъ и создали легенду о бурятскихъ богатствахъ.

Выстроенный Перфильевымъ при устьѣ р. Оки острогъ, названный Братскимъ (по имени одного изъ бурятскихъ племенъ), сдѣлался преддверіемъ къ захвату Забайкалья.

Первый построенный на братскихъ земляхъ, на пути по Ангарѣ къ Байкалу, Братскій острогъ служилъ, какъ опорный пунктъ—при сборѣ ясака съ бурятъ и какъ исходный пунктъ при отправленіи экспедицій за Байкалъ. Историческое значеніе острога сказалось въ томъ, что онъ передалъ свое названіе чуть не половинѣ бурятскаго населенія. Построивъ острогъ, Перьфильевъ сдалъ его Ивану Москвитину. Буряты не хотѣли платить ясакъ и даже грозили перебить всѣхъ казаковъ.

Неудачное обходное движеніе на Бурятъ со стороны р. Лены въ 1632 г.

Также были неудачны попытки объясачить бурятъ изъ вновь построеннаго въ 1631 году на рѣкѣ Ленѣ Усть-Кутскаго острога. Въ 1632 году, оставивъ для обезпеченія тыла 10 казаковъ въ Усть-Кутскомъ острогѣ, сотникъ Бекетовъ съ 20-ю казаками поднялся вверхъ по р. Ленѣ до устья р. Куленги и отсюда направился въ бурятскую землю. На пятый день хода казаки встрѣтили 200 бурятъ, которые, увидя казаковъ, разбѣжались. Бекетовъ смекнулъ, что дѣло не спроста: 200 бурятъ не испугались бы 20 казаковъ. Изъ предосторожности онъ устраиваетъ засѣку изъ срубленнаго лѣса и въ то же время отправляетъ толмача съ предложеніемъ вносить ясакъ. Буряты просили два дня на размышленіе. Чрезъ два дня 50 бурятъ принесли 5 соболей и одну лисицу плохого качества. Понявъ насмѣшку, Бекетовъ пригрозилъ бурятамъ гнѣвомъ русскаго царя. Буряты въ отвѣтъ набросились на казаковъ съ ножами, но засѣка спасла казаковъ: подъ прикрытіемъ ея казаки разбили 50 бурятъ, изъ которыхъ 40 были убиты. Казаки успѣшно отстрѣливались. Но толпы бурятъ росли: положеніе становилось безвыходнымъ. Однако Бекетовъ нашелся: сдѣлавъ вылазку, казаки захватили пасшихся на лугу лошадей (на которыхъ, вѣроятно, пріѣхали буряты), находившихся въ треногахъ спутанныхъ и ускакали къ Ленѣ, гдѣ на устьѣ рѣки Тутуры заложили новый Тутурскій острогъ, съ цѣлью защиты ясачныхъ тунгусовъ отъ нападенія бурятъ. Въ новомъ острогѣ Бекетовъ оставилъ 10 казаковъ, а съ остальными ушелъ зимовать въ Усть-Кутскій острогъ.

Петръ Бекетовъ, встрѣтивши въ плотномъ воинственномъ населеніи бурятъ мужественный отпоръ, перемѣнилъ направленіе дѣйствій.

Проведя зиму въ Усть-Кутскомъ острогѣ, онъ рѣшилъ идти на рѣку Лену, чтобы привести въ подданство якутовъ.

Поступательное движеніе изъ Енисейска на востокъ въ прямомъ направленіи къ Байкалу пріостановилось на годъ (до 1633 года). Енисейскіе воеводы мирились съ такимъ положеніемъ.

Создалась цѣлая сѣть остроговъ: Рыбенскій, Илимскій, Усть-Кутскій, Братскій и Тутурскій, но буряты оставались независимы[1]).

Первое появленіе казаковъ на р. Ленѣ. Илимскій и Усть-Кутскій остроги. Якутскій острогъ 1632 года.

Занятіе Лены началось развѣдкою десятника Буграа въ 1627 году. Влекли на Лену казаковъ прекрасные ленскіе соболи. Атаманъ Иванъ Галкинъ съ 30-ю казаками въ 1630 году построилъ на верховьяхъ Илима у начала Ленскаго волока (съ рѣки Илима на рѣку Куту) Илимскій острогъ. Оставаясь съ 21 казаками въ острогѣ, Галкинъ отправилъ на Лену для развѣдки 5 казаковъ подъ начальствомъ Ермолина, который собралъ, разспрашивая тунгусовъ, кое-какія свѣдѣнія о якутахъ. Въ 1631 году Галкинъ перебрался на Лену и заложилъ Усть-Кутскій острогъ. Смѣнившій его сотникъ Бекетовъ докончилъ строеніе острога въ 1632 году. Усть-Кутскій острогъ былъ первою опорою на Ленѣ. Изъ него сейчасъ же началась развѣдка во всѣ стороны.

Прозимовавъ въ Усть-Кутскѣ, Петръ Бекетовъ спустился по Ленѣ и въ 1632 году заложилъ Якутскій острогъ на среднемъ теченіи Лены.

Енисейскіе казаки по 2 направленіямъ съ 1633 по 1639-й годъ.

Съ 1633 года Енисейскіе воеводы дѣйствовали уже по двумъ направленіямъ: къ сѣверу-востоку по Ленѣ противъ якутовъ и къ югу-востоку по Ангарѣ противъ бурятъ.

Но буряты оказались болѣе стойкими и потому движеніе къ югу-востоку шло медленнѣе.

Въ то время, когда по Ленѣ добрались до ея устья, по Ангарѣ не могли продвинуться далѣе Братскаго острога.

Годъ спустя послѣ стычки Бекетова съ бурятами въ Братскій острогъ былъ высланъ Дунаевъ съ 60-ю казаками.

Но буряты не дали ему возможности продвинуться далѣе по Ангарѣ. Они не только не пускали его въ глубь своей земли, но даже напали на самый Братскій острогъ.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. На параллели Красноярска очень долго русскіе не могли продвинуться къ востоку при многихъ усиліяхъ», говоритъ Словцовъ, «вотъ почему главная линія переломилась къ сѣверу и упала на рѣку Лену» *).

*) Ист. об. Сиб. стр. 40.

Въ 1635 году они вырѣзали весь гарнизонъ Братскаго острога (52 человѣка) съ Дунаевымъ во главѣ, забрали все оружіе и боевые припасы.

Для наказанія мятежниковъ въ 1636 году Енисейскій воевода послалъ Рудаковскаго со 100 казаками. Буряты были усмирены и обложены ясакомъ. На другой годъ сотникъ Василій Черменинъ расширилъ ясачный раіонъ до рѣки Уды. Къ 1639 году русское вліяніе распространилось и на приокскихъ бурятъ, которые и внесли ясакъ (2 сорока соболей) и ясачный раіонъ расширился вверхъ по Ангарѣ на 384 версты до устья Вихаревки*).

Вмѣсто Байкала въ Ледовитый океанъ.

Енисейскіе воеводы слышали объ озерѣ Байкалѣ (Ламѣ, какъ его тогда называли) краѣ богатомъ золотою и серебряною рудою, но гдѣ его искать, не знали.

Въ 1636 году Енисейскіе воеводы поручили Елисѣю Юрьеву найти Байкалъ, а искать рѣшились, двигаясь по Ленѣ.

Юрьевъ, плывя по Ленѣ, взялъ въ Олекминскѣ казака Прошку Лазарева съ 10 товарищами и 40 промышленниками и отправился внизъ по Ленѣ[1]).

Юрьевъ попалъ вмѣсто Байкала въ Сѣверный Ледовитый океанъ, завернулъ налѣво и зазимовалъ въ 1636—1637 г. г. въ устьѣ Оленека. Весною 1637 года онъ прошелъ сухопутьемъ до Лены, на которую вышелъ при впаденіи въ нее рѣки Молоды.

Казаки сдѣлали здѣсь два коча (лодки) и спустились до устья Лены, гдѣ повернули на востокъ по Сѣверному океану и черезъ 5 сутокъ добрались до устья рѣки Яны.

Поднявшись вверхъ по Янѣ, казаки собирали всю зиму 1637—1638 г. съ жителей ясакъ. Весною 1638 года они построили 4 коча и спустились по рѣкѣ Янѣ къ океану.

*) Ист. Сиб. Андріевичъ стр. 62.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Интересно здѣсь отмѣтить слѣдующій фактъ: въ покореніи Восточной Сибири принимаютъ видную роль промышленники, т. е. вольные и охочіе люди, въ сущности такіе же казаки по натурѣ, какъ и служилые, состоявшіе на жалованіи. Ихъ по настоящему нужно считать казаками. Но такъ какъ названіе «казакъ» установилось прочно собственно за служилыми, состоявшими на жалованіи у правительства, то вольныхъ охочихъ людей не называли казаками, а просто промышленниками, хотя съ переходомъ на жалованье тѣ же люди назывались казаками. И это случалось очень часто. Получавшихъ жалованье было небольшое количество, а несшихъ казачью службу гораздо больше. Промышленники въ походѣ несли службу наравнѣ съ казаками. Часто сами они перечислялись позднѣе въ казаки, а ихъ потомки почти всегда.

Другое интересное явленіе это нащупываніе землицъ, дѣйствуя въ потемкахъ. Въ Западной Сибири, наиболѣе населенной, казаки были освѣдомленнѣе о противникѣ. Въ Восточной Сибири они вездѣ дѣйствуютъ наугадъ...

Въ Западной—были походы; колонизація; здѣсь, главнымъ образомъ—развѣдка, поиски, часто ощупью и не туда направленные, куда хотѣли, но зато здѣсь больше предпріимчивости дерзости, энергіи...

Построивши Усть-Янскій острогъ, Юрьевъ отправилъ 5 казаковъ съ ясакомъ въ Енисейскъ.

«Ни суровость климата, ни необходимость таскать на себѣ кочи, ни зима въ пустынѣ при 40° мороза безъ средствъ, среди дикихъ неизвѣстныхъ враждебныхъ племенъ -ничто не останавливало горсти безшабашныхъ удальцовъ»... говоритъ о нихъ историкъ Костомаровъ.

Успѣхи въ Якутскѣ.

Основанный въ 1632 году Якутскъ сдѣлался оплотомъ всѣхъ русскихъ поселеній по рѣкѣ Ленѣ и къ нему довольно быстро стекалось населеніе. На другой годъ послѣ заложенія острога въ немъ было уже 200 человѣкъ: казаковъ, промышленниковъ и торговцевъ*).

Въ началѣ якуты дружно приняли русскихъ и начали торговлю съ ними. По рѣкѣ Вилюю, западному притоку Лены, казаки подчинили тунгусовъ. Ясачный раіонъ сталъ распространяться и къ востоку. Преемникъ Бекетова атаманъ Галкинъ сталъ посылать казаковъ по окрестностямъ Якутска для сбора ясака съ якутовъ.

Якуты возмутились и пытались даже зажечь Якутскій острогъ, но не сумѣли этого сдѣлать.

Тогда они хотѣли бѣжать изъ родной земли; едва Галкину удалось удержать ихъ.

По общему правилу, вѣеромъ распространяясь изъ центра, покоривъ западный раіонъ тунгусовъ по Вилюю, казаки направились вверхъ по Ленѣ, и въ 1635 году выше Якутска на Ленѣ былъ заложенъ Олекминскъ. Вскорѣ они перебросились къ сѣверу до устья Лены.

Московское правительство, желая закрѣпить Приленскій край за Россіею, прислало въ 1637 году на рѣку Лену 300 семействъ и 150 дѣвицъ для женитьбы казаковъ**).

Самостоятельное Якутское воеводство съ 1639-го года.

Якутскій край можно было считать уже принадлежащимъ Россіи. Однако дѣлу колонизаціи вначалѣ мѣшали распри, возникавшія между казачьими партіями различныхъ воеводствъ.

Туруханскіе и Мангазейскіе казаки съ 1610 года нѣсколько разъ предпринимали походы маленькими партіями на Лену. Между ними и Енисейскими происходили столкновенія изъ-за ясачныхъ раіоновъ. Но пока страна была не занята, большой

*) Маныкинъ-Невструевъ Якутск. казаки, стр. 18.
**) Воен. Собр. 1901 г. № 10, стр. 149—151.

бѣды отъ этого не было. Конкуренція ускоряла занятіе страны. Въ 1637 году Томскіе воеводы выслали атамана Копылова съ 50-ю казаками на рѣку Алданъ, правый притокъ Лены. Онъ пробылъ тамъ нѣсколько лѣтъ, имѣя подъ командой Томскихъ и Красноярскихъ казаковъ.

Въ 1639 году Томскіе казаки изъ отряда Копылова подъ начальствомъ Москвитина заложили зимовье на Охотскомъ морѣ, на устьѣ Ульи: Якутскій край былъ объясаченъ до моря.

За служилыми появились промышленники. Количество поступавшей въ казну пушнины увеличивалось.

Край пріобрѣталъ экономическое значеніе. Явилась необходимость установить таможню и объединить власть.

Въ началѣ Ленскаго волока (въ томъ мѣстѣ, откуда перебирались съ Енисейской системы на Лену), правительство устроило таможню, около нея появилось поселеніе.

Въ 1639 году на Лену были назначены воеводы, поселившіеся сначала въ Усть-Кутскѣ; въ 1640 году они перебрались въ Якутскъ.

Съ первыми воеводами Петромъ Головинымъ и Матвѣемъ Глѣбовымъ пріѣхали: дьякъ Филатьевъ, письменные головы Бахтеяровъ и Поярковъ и 302 казака изъ Тобольска и Березова. Они приплыли изъ Тобольска съ казною и запасами на 39 дощанникахъ. Въ Енисейскѣ число казаковъ еще добавили. Всего послали на Лену солидную по тому времени рать изъ 345 служилыхъ людей, набранныхъ изъ Тобольскихъ, Березовскихъ и Енисейскихъ казаковъ*).

Якутское воеводство стало самостоятельнымъ.

Якутскіе воеводы, услыхавши про развѣдку Юрьева, отправили въ свою очередь на востокъ на рѣку Яну партію въ 30 конныхъ казаковъ подъ начальствомъ Постника Иванова**).

Постнику было приказано стараться захватить заложниковъ и страшать туземцевъ, что русскій царь прислалъ большое войско съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Если они, туземцы, не покорятся, то будетъ имъ плохо. Казаки должны были давать туземцамъ побрякушки, блестящія бездѣлушки, но отнюдь не показывать огнестрѣльнаго оружія.

На рѣкѣ Янѣ Постникъ встрѣтилъ тунгусское племя ламутовъ. Ламуты отказали въ ясакѣ.

Постникъ спустился по Янѣ, собралъ 6 сороковъ соболей, отправилъ ихъ въ Якутскъ, а самъ съ остальными казаками остался зимовать. Весною онъ передвинулся къ востоку на Индигирку.

---

*) Русск. биб. т. VI, стр. 246.
**) Костомаровъ, Русская Исторія въ жизнеопис. т. III.

Развѣдка къ Байкалу. Построеніе Верхоленскаго острога въ 1641 году.

Земленскатели проникли на сѣверѣ до Индигирки, но на югѣ, ниже Усть-Кутскаго острога и ниже Олекминска на Ленѣ страна была имъ неизвѣстна.

Въ 1640 году Ленскій (Якутскій) воевода послалъ партію служилыхъ по рѣкѣ Чаѣ къ правому притоку р. Лены къ сѣверной оконечности Байкала. Они привезли серебряный кругъ, который тунгусы носили на головахъ, какъ украшеніе. Слухи о серебрѣ были побудительными причинами для позднѣйшихъ развѣдокъ къ югу. [1])

Въ 1641 году отправленъ былъ вверхъ по рѣкѣ Ленѣ казачій пятидесятникъ Мартынъ Васильевъ для прінсканія землицъ и серебряной руды. Казаки дошли до устья Куленги и поставили Верхоленскій острожекъ въ 10 саженъ длиною и 9 шириною. Укрѣпили его рвомъ, надолбами и оттуда посылали къ тунгусамъ собиратъ ясакъ. Этимъ было положено начало казачьимъ развѣдкамъ изъ Якутска къ югу *).

Верхоленскій острожекъ служилъ исходнымъ пунктомъ для казачьихъ поисковъ съ западной стороны Байкала.

На сѣверо-востокѣ около 1639 года стояли ясачныя зимовья на устьяхъ Алдана, Маи, Амги, Ульи, Уды и Тауи.

Между тѣмъ на крайнемъ сѣверѣ отважный десятникъ Буза съ 1636 по 1642 г. г., положилъ въ ясакъ бродячихъ инородцевъ по нижней Ленѣ, Оленеку, Янѣ и Индигиркѣ**).

Нѣсколько позднѣе въ 1648 году открыта была рѣка Анадыръ. Покореніе сѣверо-восточной Сибири почти завершилось (кромѣ Камчатки).

А на верховьяхъ р. Лены появились русскія поселенія.

При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ были поселены на рѣкѣ Ленѣ, ниже Киренска, 180 казаковъ (Чугуевскихъ, Курскихъ и Воронежскихъ) съ женами и дѣтьми. Они основали селенія, которымъ дали названія тѣхъ мѣстъ, откуда прибыли: Чугуевская, Гребенская и проч. ***)...

*) Костомар., т. III Р. Ист. въ жиз.
**) Словцовъ стр. 41.
***) Жив. Рос. т. XII, стр. 152.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Во всѣхъ этихъ поискахъ труднымъ дѣломъ было продовольствіе. Казаки должны были брать съ собою свои харчи. На экспедицію одному казаку полагалось двѣ съ осьмою четверти ржаной муки и осьмину крупы.

Продовольственный вопросъ былъ одинъ изъ самыхъ затруднительныхъ.

Учрежденіе Ленскаго (Якутскаго) воеводства было крайне не выгодно для Енисейска: мало того, что ясачный раіонъ сократился, но еще на Енисейскихъ служилыхъ, посадскихъ и крестьянъ возложена была перевозка на Лену хлѣбныхъ и другихъ припасовъ.

Однако Якутскіе воеводы старались выйти изъ экономической зависимости.

Уже въ 1640 году былъ кликнутъ кличъ, сзывавшій вольныхъ, охочихъ и гулящихъ людей на рѣку Лену на пашню съ разными льготами*).

*) Оглоблинъ ч. III, стр. 266.

Когда на сѣверо-востокѣ Сибири почти всѣ племена были объясачены,—тогда Якутскіе воеводы устремляютъ свое вниманіе на югъ. По рѣкѣ Олекмѣ и Витиму казачьи партіи направляются въ Забайкалье. Какъ нѣкогда слухи о дорогой рухляди, тянули русскихъ людей въ Якутскъ, такъ теперь слухи о серебрѣ, полученные отъ Байкальскихъ бурятъ, повлекли туда Енисейскихъ и Якутскихъ казаковъ и промышленниковъ.

Общіе итоги колонизаціи за полвѣка.

Въ 57 лѣтъ, считая съ появленія Ермака въ Сибири, казаки неудержимою волной докатились до береговъ Великаго океана. Огромная страна была занята поразительно быстро.

Казаки шли впередъ,—каждый шагъ закрѣпляя постройкою небольшихъ деревянныхъ укрѣпленій—остроговъ. Оставляя во вновь построенныхъ острогахъ часть людей, казаки расходились небольшими партіями въ разные концы Сибири. Сибирскія рѣки, сближаясь верховьями, служили естественными путями *).

Казаки искали преимущественно рѣкъ, ведущихъ въ восточную сторону. Изъ рѣки въ рѣку плыли они, держась больше средней полосы. Рѣки, текущія на сѣверъ, они пересѣкали и на другой сторонѣ искали устье новой рѣки, чтобы по ней и ея притокамъ плыть на востокъ. Тамъ, гдѣ рѣчной путь прекращался, отъ верховьевъ одной рѣки до истоковъ другой, казаки тащили (волокли) свои лодки на себѣ «волокомъ».

Иногда они бросали лодки, строя ихъ у новой рѣки.

Общее направленіе движенія было на востокъ, но оно принимало видъ ломанной линіи наподобіе буквы W. Казаки то спускались внизъ до Ледовитаго океана, то поднимались на югъ до тайги и Каменныхъ (Алтайскихъ и Саянскихъ) горъ. Весной и лѣтомъ плыли они по рѣкамъ на кочахъ и дощаникахъ съ одною мачтою и палубою. Ни одного гвоздя, ни одной скобы, даже якоря деревянные съ привязанными камнями! Изъ оленьей кожи сплетались канаты: вмѣсто парусовъ сыромятныя оленьи кожи. Зимою оставляли суда на волокѣ: строили зимовье, обращавшееся нерѣдко въ острогъ.

Громадное значеніе при покореніи Сибири имѣли могучія ея рѣки, бывшія единственными путями. Казаки утверждались гдѣ-либо на среднемъ теченіи большой рѣки, при впаденіи ея притоковъ. Создавши опорный пунктъ, они распространялись на кочахъ и дощаникахъ вверхъ по притокамъ и внизъ по теченію до моря.

*) Садовниковъ, «Наши землепроходы».

Такими опорными пунктами служили города. Это не были исключительно «городки», т. е. деревянныя укрѣпленія, но были уже укрѣпленныя поселенія съ значительнымъ населеніемъ. Въ большихъ городахъ стѣны городскія были земляныя, но рядомъ встрѣчались и деревянныя. Мѣста для городовъ избирались на главныхъ рѣкахъ, въ мѣстностяхъ съ плотнымъ населеніемъ туземцевъ или въ мѣстахъ важныхъ стратегически, большею частью при сліяніи водныхъ путей или недалеко отъ пересѣченія ихъ, а также въ началѣ или въ концѣ волока. Иногда, въ особенности позднѣе, принимались въ расчетъ удобства избраннаго пункта для торговли съ инородцами. Большею частью воеводы лично сами избирали мѣсто и строили городъ, спѣша укрѣпить покоренный край, пользуясь всѣми средствами, примѣняя даже къ дѣлу трудъ инородцевъ. Укрѣпленія городскія были значительны, а медлить съ постройкою ихъ было нельзя: остроги и города должны были служить защитою русскому населенію отъ инородцевъ. Казаки были руководителями и строителями. Параллельно съ ними, почти одновременно, двигался и «пашенный людъ». И это было общимъ правиломъ*).

Села и деревни.

Правительство стремилось развить земледѣліе по ту сторону Урала, чтобы Сибирь питалась своимъ хлѣбомъ. Удобныя мѣста около остроговъ старались заселить земледѣльцами. Ихъ набирали по преимуществу въ Поморскихъ городахъ (Архангельской, Вологодской и др. губерніяхъ) Европейской Россіи и переселяли черезъ Уралъ.

Такимъ образомъ казаки были болѣе покорителями, а дѣятелями земледѣльческой колонизаціи были такъ называемые «пашенные крестьяне», заселявшіе край деревнями.

Въ теченіе полвѣка въ Сибири образовалось 7 русскихъ уѣздныхъ городовъ: (Тобольскъ, Тюмень, Березовъ, Тара, Верхотурье, Пелымъ и Туринскъ)**).

Заложены, кромѣ того, пять городовъ, послужившихъ исходными пунктами для покоренія Восточной Сибири: Томскъ— въ центрѣ, Мангазея и Якутскъ —по сѣверному пути, Енисейскъ и Красноярскъ по южному. Построено нѣсколько остроговъ, заставъ, слободъ, селъ, и сотни деревень***).

Изъ городовъ этого періода особенно стратегическое значеніе имѣли: 1) Тобольскъ въ центрѣ путей, 2) Березовъ—на сѣверѣ и 3) Тара— на югѣ, (посреди наиболѣе сильныхъ пле-

*) Бакай. Общ. обз. акт. ком. Сиб. XVII-в.
**) Буцинскій, стр. 1.
***) Буцинскій, стр. 2.

менъ инородцевъ: остяковъ—на сѣверѣ и татаръ—на югѣ), въ особенности Тара, этотъ оплотъ на югѣ русскаго могущества и защита отъ набѣговъ южныхъ кочевниковъ. Изъ нихъ на западѣ—Тюмень—исходный пунктъ завоеваній земель Обской системы,—а на востокѣ Томскъ—начало новой эры,—утвержденія на рѣкѣ Енисеѣ. Завоеваніе шло, какъ видно, изъ центра по рѣкамъ во всѣ стороны.

Путь въ Сибирь.

Установлено было сообщеніе съ Москвою. Въ Сибирь вели три дороги: сѣверная на рѣку Собь, вторая на рѣку Сычву, притокъ Сосвы. Оба эти пути вели въ Березовскій уѣздъ и служили главнымъ образомъ купцамъ и промышленникамъ. Служилые люди пользовались вторымъ путемъ только при возвращеніи изъ Сибири. Третій путь выходилъ на рѣку Лозву и былъ исключительно правительственною дорогою. На Лозвѣ при устьѣ Ивли въ 1589 году построенъ былъ городъ Лозва. Отъ него начинался «Лозвинскій путь», сначала по Тавдѣ, затѣмъ по Тоболу въ Иртышъ, къ городу Тобольску. Путь этотъ былъ длиненъ. Царь Ѳеодоръ Іоановичъ приказалъ посадскому Артемію Бабикову найти ближайшую дорогу въ Сибирь отъ города Соликамска. Бабиковъ въ 1597 году съ помощью инородцевъ нашелъ сухой путь отъ Соликамска на рѣку Туру[1]).

На Бабиновской дорогѣ устроены были караулы и таможни, около которыхъ позднѣе образовались значительныя села. Хорошо устроенною на волокѣ сухопутною Бабиновскою дорогою былъ перекинутъ мостикъ между системами Оби и Камы*).

Основанный въ 1598 году Верхотурскій острогъ, позднѣе обратившійся въ городъ Верхотурье, былъ головнымъ этапомъ пути.

Огромность значенія дороги, соединявшей Москву съ Тобольскомъ, понятна безъ объясненія; все: воеводы, служилые люди, казаки, стрѣльцы, русскіе поселенцы (пашенные крестьяне) духовенство, русскія женщины, жизненные припасы, ру-

*) Буцинскій, стр. 83.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Бабиновская грунтовая дорога проходила черезъ слѣдующіе пункты: Соликамскъ—верховье Яйвы, нѣкоторыя другія рѣчки, рѣчка Косва отъ устья Тулупока, притокъ ея Кырья—Павдинскій камень, рѣка Тавда, рѣка Ляля до устья рѣки Разсохиной, откуда къ рѣкѣ Мостовой, притоку Туры—устье Калачика, длиною въ 250 тогдашнихъ верстъ (по 700 саженъ). Этотъ сухой путь былъ короче прежняго воднаго.

Ямщикъ съ легкою кладью зимою или лѣтомъ проѣзжалъ въ 22 дня, а по Лозвинскому пути нужно было ѣхать мѣсяцъ.

На этой дорогѣ было 30 мостовъ по 130 саженъ и 7 мостовъ по 50 саженъ. Дорогу провелъ самъ Бабиковъ, откуда и названіе «Бабиновская» *).

*) Буцинскій, стр. 16. Засел. Сибир.

ководящія указанія относительно управленія и сбора ясака, помощь въ случаѣ нужды, наконецъ, орудія производства, матеріи для одежды, желѣзо, порохъ, оружіе, бумагу «для отписей», —все, все нужно было доставлять изъ Москвы или подчиненныхъ ей русскихъ областей.

При такихъ условіяхъ даже незначительное улучшеніе пути имѣло огромное значеніе.

Вообще значеніе дорогъ, связывающихъ метрополію съ колоніями, оцѣнено было еще Римлянами за нѣсколько столѣтій, до Рождества Христова.

Исторія колоній есть не что иное, какъ исторія проложенія путей, связывающихъ отдѣльные пункты колоніи съ метрополіею.

Безъ путей нѣтъ колонизаціи. По воздуху, безъ дорогъ, поселенія не распространяются. Не распространяется и вліяніе безъ путей.

Исторія пролагаемыхъ внутрь страны дорогъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія поселеній. Основываемые города суть этапы на этихъ дорогахъ и вещественные памятники колонизаціи.

Построеніе Бабиновской дороги было цѣлой эрой въ исторіи колонизаціи Сибири. Но какъ не важно значеніе ея, оно далеко уступаетъ значенію сибирскихъ рѣкъ, какъ путей.

Вся Сибирь была занята и покорена рѣчными флотиліями казаковъ и промышленниковъ на кочахъ и дощаникахъ. Рѣки были дорогами. И каждая изъ большихъ сибирскихъ рѣкъ представляетъ отдѣльную главу колонизаціи Сибири.

Острожная система борьбы съ приангарскими бурятами.

Съ 1621-го года по 1630 годъ Енисейскіе воеводы начинаютъ рядъ развѣдокъ Прибайкальскаго края[1]).

Развѣдки закончились въ 1631 году построеніемъ исходнаго пункта дальнѣйшихъ поисковъ на востокъ —Братскаго острога. Кромѣ того, была образована цѣлая сѣть остроговъ отъ Енисейска до Байкала, связанныхъ между собою водными путями.

Былъ созданъ цѣлый укрѣпленный раіонъ —треугольникъ: Красноярскъ—Енисейскъ—Братскій острогъ, угломъ по Ангарѣ врѣзавшійся въ земли инородцевъ. Острый выдвинутый уголъ этого треугольника Братскій острогъ былъ прикрытъ въ свою очередь передовыми постами—острогами: Илимскимъ, Усть-

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Казачьи поиски Василія Алексѣева (1623 г.), Максима Перфильева (1627 г.), Петра Бекетова (1628 г.), воеводы Хрипунова (1629 г.), опять Максима Перфильева (1630 г.), и Ивана Москвитина (1631 г.).

Кутскимъ, Тутурскимъ, Осинскимъ, расположенными впереди по полукругу.

Водные пути соединяли эти укрѣпленные пункты во всѣхъ направленіяхъ.

Вотъ результатъ восьмилѣтней дѣятельности казачьихъ сотниковъ и атамановъ—съ ихъ талантливѣйшимъ представителемъ Петромъ Бекетовымъ.

Вопросъ покоренія инородцевъ сводился къ пріисканію путей въ мѣста ихъ жительства и къ созданію мѣстнаго оплота, гдѣ бы русская волна могла остановиться, съорганизоваться.

Искусство заключалось въ пріисканіи удобныхъ исходныхъ пунктовъ, находящихся въ узлахъ водныхъ путей.

Вновь образованный треугольникъ отвѣчалъ этому условію: водные пути были найдены для всего сѣверо-востока Сибири, а отчасти и въ Амурскіе края.

Врѣзавшись клиномъ, онъ разъединялъ три главныхъ племени: къ сѣверу были оттѣснены—тунгусы, кочевавшіе по З-мъ Тунгусскамъ, на югѣ были притиснуты къ Байкалу—буряты, къ сѣверу-востоку—отброшены якуты. Правда, временно, этотъ треугольникъ создалъ и болѣе острое положеніе дѣлъ. Нетрудно угадать, въ чемъ оно состояло: притиснутые къ Байкалу буряты оказались въ душевномъ состояніи человѣка, прижатаго къ стѣнѣ.

Психологія такого безвыходнаго положенія понятна. Она вызывала отчаянныя попытки со стороны бурятъ—высвободиться изъ тисковъ, образованныхъ казаками и Байкаломъ.

Между Братскимъ острогомъ и Байкаломъ *образовался буферъ* изъ бурятскаго населенія. Онъ сжимался при натискѣ казаковъ, но давалъ обратные чувствительные толчки, какъ только казачьи партіи скрывались. Главное его значеніе заключалось въ томъ, что онъ не допускалъ казаковъ до Байкала. Казаки слышатъ о Байкалѣ, но не знаютъ, гдѣ онъ и какъ къ нему пробраться. (Мы уже видѣли курьезную экспедицію къ Байкалу Елисѣя Юрьева, угодившаго на устье Лены).

Бурятскій буферъ оттолкнулъ казачью волну, двигавшуюся всегда по линіи наименьшаго сопротивленія, къ сѣверо-востоку на систему Лены. На «истѣсненіе» бурятъ потребовалось около 25 лѣтъ (1630—1655 г.).

Въ 1639 году буряты внесли въ первый разъ—ясакъ 2 сорока соболей...[1]).

---

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Способное, многочисленное бурятское племя должно было подчиниться—силѣ огнестрѣльнаго оружія. Еще около 25 лѣтъ, а съ перваго появленія русскихъ около 40 лѣтъ, буряты тщетно борятся за свою независимость. Въ 1654 году участь ихъ была рѣшена построеніемъ Балатанскаго острога, около котораго стали селить русскихъ кресть-

Первый двухлѣтній поискъ Максима Перфильева 1638—1640 г. г. и первыя свѣдѣнія о Даурахъ.

Оттолкнутые бурятами въ прямомъ направленіи къ востоку, Енисейскіе воеводы ищутъ кружные пути за Байкалъ. Курьезно то, что они сами не знали того, что искали. Они не знали даже, гдѣ находится Байкалъ. Но заманчивые слухи о богатствѣ края и серебрѣ вызвали развѣдки наавось. Не пускаютъ прямо на востокъ,—нельзя-ли обойти сѣвернѣе. Быть можетъ тамъ найдется дорога къ Байкалу. Не найдемъ Байкала—откроемъ новыя земли. Не все ли равно? ясакъ будетъ. А вѣдь только это и было нужно.

Очевидно воеводы отъ Якутскихъ казаковъ наслышались, что приблизительно на половинѣ пути отъ Енисейска къ Якутску, съ правой стороны, въ Лену впадаютъ большіе притоки. Возникла мысль подняться вверхъ по этимъ неизвѣданнымъ рѣчкамъ.

Въ 1638 году Максимъ Перфильевъ выступаетъ изъ Енисейска, плыветъ по Ленѣ до устья Витима, съ цѣлью подняться по нему вверхъ для развѣдокъ Даурской земли. Казаки зимуютъ, пройдя устье Витима, на устьѣ Олекмы, въ Олекминскомъ острогѣ. По всей вѣроятности Перфильевъ имѣлъ цѣлью весною возможно раньше, по половодью, проникнуть въ глубь Даурской страны.

Весною 1639 года, имѣя съ собою 36 казаковъ и промышленниковъ, онъ поднялся по Витиму до устья Кутамалы*).

Здѣсь онъ провелъ зиму.

Весною 1640 года онъ потянулся вверхъ по Витиму до устья рѣки Цыпы, гдѣ, по слухамъ, жили тунгусы. Дойдя до Цыпы, и получивъ съ попутныхъ тунгусовъ 2 сорока соболей ясаку, онъ вернулся назадъ: товарищи его, по причинѣ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, отказались идти далѣе. Результатомъ этого поиска Максима Перфильева (1638—1640 г.) были—первыя офиціально извѣстныя, подробныя свѣдѣнія о Даурахъ и рѣкѣ Амурѣ[1]).

*) Фишеръ Истор. Спб. стр. 381.

янъ; буряты, не находя исхода, гордые и самостоятельные, въ 1618—1655 годахъ переселились за Байкалъ и въ Монголію. Только часть ихъ осталась на старыхъ мѣстахъ.

Вскорѣ русскія поселенія распространились по р. Ангарѣ. Въ 1654 году слободчикъ Потаповъ поселилъ на р. Ангарѣ выше Братскаго острога 70 пашенныхъ крестьянъ изъ ссыльныхъ.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Свѣдѣнія были слѣдующія:

1) На правомъ притокѣ Витима Каргѣ живетъ Даурскій князь Батога.

2) Онъ имѣетъ много соболей, которыхъ мѣняетъ на серебро и хлѣбъ князю Лавкаю, живущему на Шилкѣ у устья рѣки Урки, неподалеку откуда добывается серебряная руда. Отъ жилищъ Батоги до рѣки Шилки три дня сухимъ путемъ. На Шилкѣ есть также мѣдные рудники. Отъ нихъ въ пяти-шести дняхъ находится устье рѣки, впадающей въ Великій океанъ, на берегу котораго живутъ Килорцы (Гиляки) и торгуютъ съ китайцами, которые къ нимъ приходятъ моремъ. Китайцы на устьѣ Шилки имѣютъ капища..... Дауры вымѣниваютъ на соболей у китайцевъ шелкъ и разные товары.

Дальнѣйшія развѣдки Енисейскіе воеводы пріостановили до 1644 года.

Свѣдѣнія, добытыя Перфильевымъ, проникли въ Якутскъ, гдѣ особенно всѣхъ заинтересовало даурское серебро.

Первые Якутскіе воеводы Головинъ и Глѣбовъ, желавшіе ознаменовать свою дѣятельность «радѣніемъ на Государя», дѣлаютъ четыре поиска съ западной стороны Байкала къ верховьямъ Лены (Витязевъ, Власьевъ, Васильевъ, Курбатъ Ивановъ) два поиска прямо на югъ, по стопамъ Перфильева (Бахтеяровъ и Василія Поярковъ 1643—1646).

Казачьи походы изъ Якутска къ верховьямъ Лены. 1640—1646.

Главною обязанностью воеводъ было обогащеніе казны—(или какъ тогда говорили «радѣть на Государя»)—сборъ ясака. Главнымъ средствомъ для увеличенія сбора рухляди было расширеніе ясачнаго раіона «пріисканіе новыхъ землицъ».

Немудрено послѣ этого, что учрежденіе самостоятельнаго Якутскаго воеводства совпадаетъ съ началомъ энергичныхъ развѣдокъ въ Забайкальѣ и на Амурѣ.

На верховьяхъ Лены Енисейскіе и Якутскіе казаки столкнулись.

Остроги Братскій, Илимскій и Усть-Кутскій, построенные Енисейскими казаками и стоявшіе на пути къ Якутску, были опорными пунктами обоихъ воеводствъ.

Упорство бурятъ сдѣлало цѣль общею. Нужно было сломить непокорныхъ инородцевъ. Изъ Братскаго и Илимскаго остроговъ Енисейскіе и Якутскіе воеводы начали тѣснить бурятъ.

Но это общее дѣло велось не единодушно и потому затянулось на 15 лѣтъ.

Въ 1640 году Якутскіе воеводы Головинъ и Глѣбовъ, поселившіеся сначала въ Усть-Кутскѣ, отправили изъ Илимска пятидесятника Василія Витязева съ 10-ю казаками къ верховьямъ Лены склонить «ласкою и привѣтомъ» къ послушанію возмутившихся тунгусовъ и собрать свѣдѣнія о Забайкальскихъ народахъ *).

Буряты, жившіе по рѣкѣ Онгѣ, на требованіе ясака отвѣтили, что они платятъ его монголамъ, живущимъ по ту сторону Байкала **).

*) Андріевичъ, стр. 18.
**) Андріевичъ, Краткій очеркъ Исторіи Забайкалья, стр. 11.

3) Вверхъ по рѣкѣ Витиму вплоть до озера Еравны живутъ Дауры, мирные инородцы, не имѣющіе понятія о военномъ дѣлѣ. Даурами называлось тогда тунгусское племя, проживавшее по рѣкѣ Шилкѣ, до ея устья, занимавшееся земледѣліемъ и скотоводствомъ. Тунгусы жили отдѣльными небольшими родами подъ управленіемъ князей.

Якутскіе воеводы рѣшили предпринять походъ на верхоленскихъ и байкальскихъ бурятъ, «чтобы, укрѣпясь въ ихъ странѣ, быть ближе къ забайкальскому серебру».

Зимою 1641 года изъ Илимска боярскій сынъ Василій Власьевъ со 100 казаками успѣшно тѣснитъ бурятъ. Въ томъ же году лѣтомъ пятидесятникъ Мартынъ Васильевъ идетъ и закладываетъ при устьѣ Куленги Верхоленскій острогъ.

Заложеніемъ его ангарскіе и верхоленскіе буряты были загнаны въ мѣшокъ: съ запада Братскій острогъ (съ передовыми по полукругу—Осинскимъ, Тутурскимъ и Усть-Кутскимъ острогами) съ востока—Байкалъ, съ сѣвера—Верхоленскій острогъ.

Буряты проявляютъ страшную энергію съ цѣлью уничтожить запирающій ихъ клапанъ—Верхоленскій острогъ.

Остроги, со стороны Енисейска—Братскій, со стороны Якутска—Верхоленскій, сыграли роль клещей, раздавившихъ независимое существованіе бурятъ.

Немудрено послѣ этого, что оба они назывались Братскими: (первый просто Братскимъ, второй Верхоленскимъ—Братскимъ), получивъ свое названіе отъ бурятъ, которыхъ казаки называли братскими.

Казаки на озерѣ Байкалѣ. Курбатъ Ивановъ якутскій и Василій Колесниковъ енисейскій 1644—1647 г.

Въ 1644 году пятидесятникъ Курбатъ Ивановъ былъ посланъ изъ Якутска въ Верхоленскій Братскій острогъ на смѣну основателя острога пятидесятника Мартына Васильева. Съ нимъ пришли изъ Якутска 50 казаковъ; въ Усть-Кутскѣ, прибралъ онъ 48 промышленныхъ и гулящихъ людей, да верхоленскихъ было 26 казаковъ.

Пятидесятникъ Курбатъ Ивановъ нашелъ, что Верхоленскій Братскій острожекъ поставленъ не на мѣстѣ, потому, что это мѣсто «*неусторожливо и некараулисто, а пашенныхъ мѣстъ и сѣнныхъ покосовъ вблизи нѣтъ*». Онъ доносилъ, что Мартынъ Васильевъ поставилъ его случайно, тамъ, гдѣ его засталъ заморозъ *).

«Острожекъ», доносилъ онъ, «слѣдуетъ перенести на угожее мѣсто на четыре версты выше къ устью Куленги. Тамъ и караулисто, да и пашни и покосы есть» [1]).

*) Оглоблинъ 351. Сиб. пр. столб. 274.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Эта отписка ясно доказываетъ, что остроги строились незря, что при построеніи ихъ принимались во вниманіе удобства мѣстности для наблюденія и обороны («караулисто и усторожливо»). Даже такое малое разстояніе, какъ 4 версты отъ устья рѣки, считалось не выгоднымъ; старались строить на самомъ устьѣ притока.

Съ отрядомъ въ 75 человѣкъ Курбатъ успѣшно сдѣлалъ набѣгъ на островъ Ольхонъ на озерѣ Байкалѣ. Братскіе были разбиты. Съ плѣнными и добычею вернулся онъ въ Верхоленскъ. Братскіе, по выраженію того времени, «стали ясакъ сулить и съ казаками мириться» [2]).

«Казаки больше не воевали».

На Ольхонѣ Курбатъ оставилъ Семена Скорохода съ 6-ю казаками и 30 промышленниками. Этой партіи было приказано идти по Байкалу на Верхнюю Ангару.

Развѣдка Скорохода быта неудачная: изъ 36 человѣкъ только 14 вернулись,—12—въ Верхоленскъ, а 2 съ соболиною казною, собранною Скороходомъ,—въ Енисейскъ. Остальные погибли.

Съ этого времени учащаются бунты бурятъ. Буряты, видимо, озлоблялись. Причиною тому были вымогательства.

22 сентября 1644 года, пріѣхалъ къ Курбату бурятскій князецъ Чекодей. Онъ говорилъ: «Я плачу ясакъ вамъ въ Верхоленскій острогъ; а на Ангарѣ, при устьѣ Осы, атаманъ Василій Колесниковъ ставитъ острогъ и тоже требуетъ ясакъ».

Чекодей просилъ защиты отъ Колесникова и о томъ, чтобы платить ему ясакъ только въ Верхоленскій острогъ.

Курбатъ послалъ Колесникову отписку, въ которой просилъ: «по сю сторону Енисея по Осѣ и Укичѣ братскихъ людей не воевать, такъ какъ они дали шерть платить ясакъ въ Верхоленскъ».

На эту отписку Колесниковъ отвѣчалъ: «По Государеву указу и наказной памяти Енисейскаго воеводы велѣно мнѣ на Байкалѣ и на Ангарѣ, выше у. Осы, ставить острогъ и искать немирныя землицы, сбирать съ нихъ ясакъ, а кто ясаку давать не учнетъ, на тѣхъ ходить войною»...

Написавъ эту отписку, Василій Колесниковъ напалъ на князя Чекодея, улусы его разорилъ, отобралъ женъ и дѣтей и угналъ скотъ. Братскіе съ рѣкъ Осы и Укичи разбѣжались и въ Верхоленскій острогъ ясаку не дали.

Курбатъ доносилъ: «въ государевомъ ясакѣ въ Верхоленскомъ Братскомъ острогѣ учинилась убыль»...

Черезъ мѣсяцъ въ октябрѣ 1644 года братскіе, *«скопясь всею землею»*, напали на Верхоленскій острогъ. Казаки выдержали осаду; но лошадей и скотъ ихъ буряты угнали.

Черезъ два мѣсяца, въ началѣ января 1645 года, братскіе опять осадили острогъ.

Часть бурятъ направилась на рѣку Тутуру, ограбили тамъ заимку крестьянина Оверки Елизарьева, убили пять работниковъ, отогнали лошадей и скотъ, увезли «пашенный заводъ»

---

[2]) ПРИМѢЧАНІЕ. Это было первое исторически извѣстное появленіе русскихъ на Байкалѣ.

(земледѣльческія орудія), а хлѣбъ разсыпали. Самъ Оверка Елизарьевъ въ это время былъ въ осажденномъ Верхоленскомъ острогѣ. Однако, не имѣя огнестрѣльнаго оружія, буряты ничего не могли сдѣлать съ запершимися въ острогѣ казаками.

Начались переговоры.

«Ласкою и привѣтомъ братскіе люди снова были приведены подъ Государеву Царскую высокую руку и ясакъ выплатили весь сполна безъ недобору».

Черезъ полгода, 15 августа 1645 года въ Верхоленскій острожекъ заѣхали три бурята. Курбатъ, воспользовавшись дружескимъ ихъ расположеніемъ, началъ распрашивать: «Какіе де братскіе люди Государю измѣнили и подъ острогъ пришли, и лошадей, и скотъ отогнали?»

«Коринцы и битулинцы»—отвѣчали они: «и будутъ ходить они войною безпрестанно подъ острогъ и даже до усть Куты»...

Извѣстіе для Курбата Иванова было не изъ пріятныхъ. У него въ острогѣ находилось въ это время только 26 казаковъ «и сидѣли они почти безпрестанно въ осадѣ».

Пріѣхавшихъ бурятъ нужно было разсматривать не иначе, какъ шпіоновъ. Довольно смѣлая рѣчь ихъ убѣждала въ этомъ.

Шпіоны просили одного казака «для вѣсти въ улусъ». При этомъ они обѣщали, что для переговоровъ въ острогъ пріѣдутъ братскіе люди. Положеніе Курбата Иванова становилось критическимъ...

Казаки заперлись въ острогѣ.

22-го августа появился у Верхоленска тунгусъ. Онъ повертѣлся верхомъ на лошади около острога, положилъ 10 соболей на дерево и ускакалъ. Тунгусъ этотъ былъ, по всей вѣроятности, тоже шпіонъ, пріѣхавшій убѣдиться въ малочисленности казаковъ. Курбатъ понялъ, что *«вся Братская и Тунгусская земля отъ Великаго Государя отложилась. Даже тѣ мужики, которые раньше сами ѣздили съ ясакомъ въ острогъ платить ясакъ не учали»*.

И вотъ 4-го сентября 1645 года о всемъ происшедшемъ Курбатъ доноситъ якутскимъ воеводамъ и стоически замѣчаетъ: «съ 26-ю казаками смирить братскихъ и тунгусовъ некѣмъ».

Между тѣмъ якутскіе воеводы живо интересуются тѣмъ, что происходитъ на верхней Ленѣ.

Они распрашиваютъ служилыхъ возвращавшихся съ Ленскаго волока.

Имъ было извѣстно, что 9-го іюля 1645 года буряты всею землицею приходили подъ Братскій Верхоленскій острогъ. Они знали: что «боевого люду у бурятъ тысячи съ двѣ и больше». Подъ острогъ приходятъ буряты на коняхъ сбруйны, въ

куякахъ и шишакахъ и бой у нихъ лучной, копейный и сабельный. А живутъ они по лѣвую сторону Ангары до Байкала, отъ Верхоленскаго острогу въ трехъ дняхъ конской ѣзды».

Въ своемъ донесеніи якутскимъ воеводамъ Курбатъ объяснялъ «смуту и измѣну бурятъ», какъ слѣдствіе разгрома бурятъ енисейскимъ атаманомъ Василіемъ Колесниковымъ.

«До этого времени «задору отъ братскихъ людей не бывало». Напротивъ князья сами привозили ясакъ въ Верхоленскій острогъ, прося защиты отъ Колесникова. «А теперь», доносилъ Курбатъ: «братскіе говорятъ: «отъ одного Государя приходитъ къ намъ двои люди:—одни верхоленскіе живутъ съ нами въ мирѣ и ясакъ съ насъ емлютъ; другіе емлютъ въ полонъ и женъ, и дѣтей, и скотъ, и лошадей отгоняютъ... какъ же быть послѣ этого подъ царскою высокою рукою? Если ихъ двѣ трети побьютъ, то останется хоть одна треть... И тогда ничего съ нихъ не возьмутъ».

Курбатъ предлагалъ якутскимъ воеводамъ «усмирить Бурятъ войною». Онъ проектировалъ: «Ваську Колесникова и тѣхъ, кого послѣ пошлютъ, и его казаковъ соединить въ одинъ полкъ». «И тѣми служилыми людьми изъ Верхоленскаго острога всю братскую землю смирить и ихъ въ прямомъ холопствѣ навѣки укрѣпить».

«Вся братская земля изъ Верхоленска близко, а на Байкалъ можно переѣхать въ четыре дня.

Для братской службы учинить 200 конныхъ, а имъ для ратнаго дѣла прислать 200 карабиновъ. Да къ этому старымъ казакамъ и приборнымъ изъ гулящихъ и охочихъ людей прислать 300 мушкетовъ.

Карабины и мушкеты на Ленѣ и впередъ пригодятся въ иные государевы острожки и зимовья, гдѣ ясакъ собирается».

Между тѣмъ весною 1645 года Василій Колесниковъ покинулъ Осинскій острожекъ и направился къ южному берегу Байкала, двигаясь въ Забайкалье. Но вслѣдствіе вспыхнувшаго волненія среди бурятъ повернулъ на сѣверъ и обошелъ Байкалъ съ сѣверной стороны въ 1646*) году. Построенный имъ Осинскій острожекъ братскіе сожгли. Направляясь вокругъ сѣвернаго берега въ Забайкалье, онъ разбилъ дорогою братскихъ князей: Абыгиндея, Мангуяка и Канцакуя съ ихъ улусными людьми, отобралъ у нихъ лошадей и скотъ. На берегу Байкала казаки его построили городокъ («Крѣпь-Надолбы») и около 20-го іюля 1645 года пировали на счетъ добычи, а потомъ «и скрылись неизвѣстно куда и про нихъ вѣстей никакихъ не бывало», доносилъ объ ихъ исчезновеніи Курбатъ Ивановъ.

*) Д. И. Акт. т. 3-й стр. 20.

Курбатъ Ивановъ думалъ, что «Колесникову за Байкаломъ поиску войною никакого не удалось»...

Въ дѣйствительности же Колесниковъ довольно успѣшно произвелъ развѣдку въ Забайкальѣ.

Уже одно то обстоятельство, что Василій Колесниковъ прорывается въ Забайкалье, не боясь за тылъ, достаточно свидѣтельствуетъ, что буряты были сломлены.

Но все-таки они представляли еще солидную силу.

По донесенію Курбата Иванова отъ 4-го сентября 1645 года—о малолюдствѣ въ Верхоленскомъ острожкѣ и о готовящемся нападеніи бурятъ, якутскіе воеводы писали царю, жалуясь на скудость имѣющихся у нихъ средствъ для усмиренія бурятъ, намекая такимъ образомъ на необходимость присылки подкрѣпленія—людьми и оружіемъ; съ другой стороны они снаряжаютъ энергично экспедицію Алексѣя Бедарева въ помощь Курбату.

Съ новыми якутскими воеводами Пушкинымъ и Суноневымъ прибыли въ Якутскъ еще 50 тобольскихъ казаковъ, но служилыхъ было все-таки недостаточно.

Расходъ людей былъ великъ. Въ 1643 году письменный голова Василій Ноярковъ былъ посланъ изъ Якутска съ 120 человѣками на государеву службу въ «Нѣгую орду» (въ Китай) «и живы ли они, о томъ вѣсти не было».

«По острогамъ и зимовьямъ, по стороннимъ рѣкамъ, изъ Якутскаго острога много людей было въ расходѣ».

По всѣмъ этимъ причинамъ—«изъ Якутскаго острога въ Верхоленскій Братскій острогъ на прибавку людей не было прислано»—писали воеводы Царю, изобразивъ бѣдственное положеніе Верхоленскаго острога. «А вновь», продолжали они: «безъ Твоего Государева указа прибирать служилыхъ людей для Твоей Государевой службы и ясачнаго сбору—и давать Твое Государево денежное и хлѣбное жалованье, мы, холопы Твои, не смѣемъ». Короче воеводы домогались присылки служилыхъ людей или разрѣшенія ихъ прибирать.

Далѣе говорили они: «Твоей Государевой казны на Ленскомъ волоку и въ Якутскомъ острогѣ нѣтъ, и хлѣбныхъ запасовъ ленскимъ служилымъ къ нынѣшнему (1645 г.) изъ Енисейскаго острога не прислано»...

«А нынѣ мы посылаемъ на Ленскій волокъ въ Верхоленскій острогъ на братскихъ людей войною Алексѣя Бедарева и велимъ ему прибрать отрядъ изъ промышленныхъ и гулящихъ охочихъ людей»...

Якутскіе воеводы, на помощь Верхоленскому острогу высылая Бедарева, даютъ ему «*наказную память*,» въ которой выкладывается весь запасъ тактическихъ познаній[1]).

Получивъ наказую память, сынъ боярскій Алексѣй Бедаревъ 6-го октября 1645 года выступилъ съ Илимскаго волока въ Верхоленскій острогъ.

Всего въ отрядѣ было 130 человѣкъ. Помощникомъ Бедарева былъ десятникъ Василій Бугоръ.

20-го октября пришли они на устье Куты и оттуда вверхъ по Ленѣ направились къ Верхоленскому острогу.

31-го октября Бедаревъ на рѣкѣ Батожи столкнулся съ коннымъ отрядомъ бурятъ силою въ 500 человѣкъ.

Братскіе были «сбруйны въ куякахъ».

Начавшійся бой длился съ полудня до вечера.

Братскіе три раза нападали на казаковъ («и было три напуска», говорится въ донесеніи). «Русскіе бились, не щадя головъ своихъ».

---

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Въ этой своеобразной инструкціи указывается сначала цѣль: «идти съ Ленскими служилыми, съ новоприборными охочими промышленными и гулящими людьми по Ленѣ въ Верхоленскій Братскій острогъ, оттуда, захвативъ Верхоленскихъ служилыхъ и охочихъ людей, идти на измѣнниковъ Братскихъ людей, которые Государю измѣнили: отложились и ясаку не платятъ».

Далѣе подробно описывается обстановка: потомъ излагаются способы и пріемы къ выполненію задачи.

Боярскому сыну Алексѣю Бедареву и казачьему десятнику Васькѣ Бугру «ратныхъ ленскихъ служилыхъ и новоприборныхъ охочихъ и промышленныхъ и гулящихъ людей, которые собраны нынче на Ленскомъ волокѣ, пересмотрѣть всѣхъ на-лицо, конныхъ и пѣшихъ, и ружье, и зелье (порохъ), и свинецъ.

И учиня полкъ, велѣть служилымъ и новоприборнымъ людямъ выбирать межъ себя ясауловъ (есауловъ) и идти днемъ и ночью на спѣхъ въ Братскій острогъ. Дорогою идти бережливо и усторожливо. И сторожи дневные и ночные были бы безпрестанные. А въ сторожахъ было бы человѣкъ по пять и шесть и не въ одномъ мѣстѣ межъ полкомъ, а въ полуверстѣ и верстѣ, какъ можно другу голосъ дать. И тѣхъ всѣхъ сторожей надзирати и надсматривати вамъ самимъ Алексѣю и Васькѣ.

И служилыхъ людей на дорогѣ никого не покинуть, сжидаться всѣмъ и идти вмѣстѣ, а не врознь.

Въ Братскомъ Верхоленскомъ острогѣ взять у пятидесятника Курбата Иванова—куяки съ наручи, шеломы и панцыри. А ему Курбату съ верхоленскими служилыми, которымъ ратное дѣло за обычай, изготовиться на Братскихъ и быть у тебя въ полку.

А пересмотря и учиня полкъ, прося у Бога милости идти: ему Алексѣю и пятидесятнику Курбату и Васкѣ Бугру и ленскимъ и Верхоленскаго острога служилымъ и новоприборнымъ охочимъ людямъ изъ Верхоленскаго острога, взявъ вожей тунгусовъ на государевыхъ измѣнниковъ—на братскихъ людей въ улусы на спѣхъ».

Позаботились воеводы и о безопасности тыла:

«Въ Верхоленскомъ острогѣ оставить служилыхъ сколько пригоже, чтобъ можно было въ Братскомъ острогѣ отъ воинскихъ людей быть безстрашно».

А вотъ и организація походнаго движенія:

«Идучи на братскіе улусы, ему Алексѣю дать вожамъ тунгусамъ (проводникамъ) государевы лошади, которыя нынѣ есть въ острожкѣ». А вожамъ говорить съ пристрасткой, чтобъ они вели ратныхъ людей на государевыхъ измѣнниковъ прямою, а не обводною дорогою».

Ставиться имъ (Алексѣю, и Курбаткѣ, и Васькѣ) на станѣхъ бережно и усторожливо съ отводными караулами, тихо, не крикомъ. Зелья и свинцу не терять, стрѣляя даромъ, чтобъ братскихъ людей скрасть тайно, чтобъ они не остерегались, послыша той стрѣльбы и не разбѣжались».

Затѣмъ слѣдуетъ боевой порядокъ:

«А подошедши подъ братскіе немирные улусы, которые Государю измѣнили, *учинить ертауль* изъ служилыхъ людей, выбравъ добрыхъ, которымъ бы ратное дѣло и бой братскихъ людей былъ за обычай, и велѣть имъ идти на улусы съ крѣпкимъ береженіемъ и высмотромъ.

Въ первомъ напускѣ было ранено 9 бурятъ, во второмъ 7, въ третьемъ 8 и убитъ одинъ князекъ. Кромѣ того, съ обѣихъ сторонъ ранено нѣсколько лошадей.

Со стороны русскихъ убитыхъ и раненыхъ не было. Могучая сила огнестрѣльнаго оружія сказалась.

Буряты не выдержали и отступили. Казаки продолжали путь въ Верхоленскій острогъ, куда прибыли 8-го ноября. Курбатъ съ 16 казаками своего острога, которымъ «ратное дѣло было за обычай», присоединился къ отряду.

Оставивъ въ Верхоленскомъ острогѣ 24 человѣка, съ остальными 122 казаками Бедаревъ 10-го ноября выступилъ на братскіе немирные улусы.

13-го ноября Алексѣй Бедаревъ, оставивъ 81 человѣка сторожами обоза и лошадей, съ остальными ударилъ на улусы (41 казакъ).

Буряты были разбиты. Казаки захватили плѣнныхъ и аманатовъ «и тѣхъ братскихъ принудили снова платить ясакъ».

Казаки вернулись въ Верхоленскій острогъ. Но броженіе среди бурятъ продолжалось...

23-го января 1646 года *) Алексѣй Бедаревъ съ 136 казаками выступилъ на Сунугайскіе улусы, которые и были при-

*) Хронологическіе даты исправлены по нынѣшнему лѣтосчисленію съ 1-го января: а въ историческихъ документахъ годъ начинался съ 1-го сентября.

И скопясь со всѣми людьми, прося у Бога милости, тѣхъ братскихъ войною смирить, а лучшихъ въ аманаты (заложники) имать ...

Войною идти съ великимъ береженіемъ и съ великимъ же радѣніемъ, чтобъ надъ Государевыми измѣнниками поискъ учинить, а себя и ратныхъ людей уберечь.

А буде братскихъ людей въ скопѣ много, напущать на нихъ всякими мѣрами домышляючись, чтобъ Государевымъ людямъ урону не было.

«А какъ милосердный Богъ поможетъ и государевымъ счастьемъ поискъ учинится, взять ихъ аманатами князей и лучшихъ людей, и братскій полонъ (плѣнныхъ), и скотъ, и всякаго ихъ братскаго живота: куяки, наручи, шеломы и всякую ратную сбрую и со всѣми ратными людьми назадъ идти въ Верхоленскій острогъ».

Этимъ оканчивается часть тактическая наказа, далѣе слѣдуютъ распоряженія административныя и хозяйственныя.

«Служилымъ для Государевой службы изъ Ленской казны выдать по 1 фунту пороху и свинцу, а хлѣбныхъ запасовъ, у кого своихъ нѣтъ, выдать взаймы по 5 пудовъ ржаной муки на человѣка...

Да на запасъ по пуду свинцу и пороху ..

А ратныхъ людей ему, Алексѣю Бедареву и Курбаткѣ и Васькѣ, во всемъ вѣдать и расправу чинить, отъ зерни (азартная игра) и воровства унимать. Смотря по винѣ бить батоги: а безъ вины для своей бездѣльной корысти налоги и насильства не чинить...

А что они во время похода живота и лошадей и скота возьмутъ и тѣмъ Великій Государь жалуетъ ихъ—казаковъ, и промышленныхъ, и охочихъ людей... Но для вѣдома, что кому на пай достанется, учинить роспись, которую и подать воеводѣ Пушкину съ товарищи.

Далѣе дается общая цѣль,—къ достиженію которой нужно стремиться: «одноличнo домышляючись, братскихъ людей войною смирить, въ прямое холопство навѣки неотступно учинить, а себя уберечь и государевыхъ ратныхъ людей не потерять.

Князей въ аманаты взять и ясакъ съ нихъ получить. И тѣмъ бы своимъ радѣніемъ Государю службу показать и за то видѣть себя въ жалованьѣ и въ хвалѣ».

А буде они (Алексѣй, Курбатка, Васька) пойдутъ войною оплошно или своимъ нерадѣніемъ поиска не учинятъ, или буде учнутъ налоги и насильства чинить ратнымъ людямъ для своей бездѣльной корысти, то быть имъ по Государеву указу въ жестокомъ наказаніи безъ пощады.

Служилымъ, охочимъ новоприборнымъ людямъ, коннымъ и пѣшимъ, прилагается подъ наказомъ роспись (списокъ) «съ огненнымъ и со всякимъ ратнымъ боемъ» (т. е. съ описью вооруженія). Эта «*наказная память*» является типичнымъ образчикомъ.

ведены въ ясачный платежъ. Однако скоро чаша терпѣнія бурятъ переполнилась.

29-го января 1646 года на 60 казаковъ, вышедшихъ изъ Верхоленскаго острога за сѣномъ, напали 1,000 бурятъ.

Началась жестокая схватка: почти въ 20 разъ превосходя въ силѣ, буряты, не имѣя огнестрѣльнаго оружія, бились съ горстью казаковъ съ утра до вечера и ничего не могли сдѣлать...

Казаки отбились...

Положеніе бурятъ въ 1646 году было не изъ завидныхъ. 1,000 бурятъ оказываются безсильными даже въ полѣ противъ 60 казаковъ. А у русскихъ была цѣлая сѣть остроговъ, изъ которыхъ Верхоленскій находился въ центрѣ бурятскихъ земель.

Если буряты не могли ничего сдѣлать съ казаками, превосходя ихъ въ 20 разъ, въ чистомъ полѣ, то что могли сдѣлать съ русскими, сидѣвшими въ острогѣ?

Между тѣмъ со стороны Енисейска высылались въ Забайкалье отрядъ за отрядомъ.

Въ наказной памяти Алексѣя, Бедареву даются указанія, что дѣлать послѣ набѣга на бурятъ.

1) Въ Братскомъ Верхоленскомъ острогѣ сдать все оружіе, взятое для набѣга: куяки, наручи, шеломы и проч...

Тамъ на мѣсто Курбата остаться до указа Великаго Государя десятнику Василію Бугру и тѣмъ казакамъ, что были раньше въ острогѣ (21 человѣкъ). Къ нимъ прибавить десятниковъ Пантелѣева и Малафѣева съ 14 казаками. Кромѣ того, оставить въ острогѣ желающихъ изъ охочихъ людей.

Васькѣ Бугру жить въ Верхоленскомъ съ великимъ береженіемъ, чтобъ по башнямъ были бъ безпрестанные караулы, чтобы братскіе безвѣстно не пришли и никакого дурна не учинили.

2) Самимъ Бедареву и Курбату ѣхать на Илимскій волокъ, взявъ толмачей и служилыхъ для сыскного дѣла,

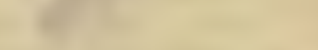
Тамъ—какъ за нынѣшній, такъ и за прошлые годы собрать ясакъ съ братскихъ и съ тунгусовъ. Учиня собранному ясаку книги, а братскому погромному ясырю и ратному сбору (т. е. всему, что пріобрѣли во время набѣга)—плѣннымъ и добычѣ росписи: какого ясырю (плѣнныхъ) чьего улуса, какого князя—имена мужчинъ, женщинъ, дѣтей порознь, и куяковъ, и шеломовъ, и поручей, и всякой ратной сбруи; со всѣмъ этимъ явились бы они въ съѣзжую избу на Илимскомъ волокѣ воеводѣ Пушкину съ товарищами.

Безъ Государева указа ясырь (плѣнныхъ) на выкупъ не давать.

Но если послѣ погрома братскіе въ винахъ своихъ учнутъ добивать челомъ, то приказать имъ, чтобы ѣхали на Илимскій волокъ къ воеводѣ и были бы попрежнему въ прямомъ холопствѣ навѣки неотступно.

И буде они аманатовъ и полный ясакъ за прошлые годы отдадутъ, то Государь ихъ пожалуетъ, вину ихъ проститъ, и велитъ казакамъ погромный ясырь (плѣнныхъ) на выкупъ отдать. «Ясырь на выкупъ отдать» значило на языкѣ того времени: плѣнныхъ обмѣнять на деньги. Выкупъ ясыря былъ одною изъ доходныхъ статей казаковъ.

Въ ту эпоху на верхней Ленѣ было возможно прибрать достаточное число гулящихъ охочихъ людей. Объ этомъ свидѣтельствуютъ отряды изъ гулящихъ людей (Пояркова, Бедарева, Нефедьева) безъ труда набираемые воеводами. Въ томъ, что можно ихъ набрать, воеводы были увѣрены. По крайней мѣрѣ тонъ отписокъ не вызываетъ сомнѣнія. Все дѣло было только въ жалованіи и оружіи. «А у нихъ нѣтъ пищалей и зелья (пороха)», пишутъ воеводы: «а какъ они соберутся и сколько ихъ будетъ, и что они сдѣлаютъ, какой надъ братскими людьми поискъ учинится, о томъ къ Тебѣ, Великій Государь, мы, холопы твои, впредь отпишемъ», заканчиваютъ отписку Якутскіе воеводы.



КАЗАЧЬИ ПОХОДЫ ИЗЪ ЕНИСЕЙСКА ВЪ ЗАБАЙКАЛЬЕ.

Трехлѣтній поискъ Василія Колесникова 1644—1647. Верхнеангарскій острогъ.

Лѣтомъ 1644 года изъ Енисейска за Байкалъ выступаетъ атаманъ Василій Колесниковъ со 100 казаками. Цѣлью его было—«навѣдаться о серебрѣ или серебряной рудѣ, въ которомъ бы то ни было мѣстѣ».

Колесниковъ выступилъ лѣтомъ и, дойдя по Ангарѣ до устья Осы, построилъ тамъ Осинскій острогъ и въ немъ зазимовалъ (1644—1645 г.). Весною 1645 года онъ хотѣлъ пройти къ южному берегу Байкала. Но тамъ былъ бурятскій бунтъ противъ Верхоленскаго приказчика Курбата Иванова.

Колесниковъ рѣшилъ тогда обойти Байкалъ съ сѣвера и зиму (1645—1646 г.) провелъ на сѣверо-западномъ берегу Байкала.

Въ 1646 году Колесниковъ направился къ Верхней Ангарѣ, вливающейся въ Байкалъ съ сѣвера. По дорогѣ на рѣкѣ Тикопѣ онъ имѣлъ стычку съ тунгусами рода князя Котуги, разбилъ ихъ, а рѣчку переименовалъ въ рѣку Котугину.

На устьѣ Верхней Ангары Колесниковъ въ третій разъ зазимовалъ (1646—1647 г.). Тамъ былъ построенъ Верхнеангарскій острогъ.

Осенью въ 1646 году Колесниковъ, терпя недостатокъ въ припасахъ, отправилъ 40 человѣкъ въ Енисейскъ съ просьбою прислать подкрѣпленіе и провіантъ.

Зимою онъ узналъ по разспросамъ, что неподалеку отъ озера Еравны кочуютъ монголы, у которыхъ есть серебро. Колесниковъ послалъ князя Котугу съ 4 казаками узнать, гдѣ добывается серебро.

По исполненіи порученія развѣдчикамъ приказано было выйти на рѣку Баргузинъ, куда весною 1647 года думалъ спуститься и самъ Колесниковъ.

Развѣдчики, не найдя монголовъ на Еравинскомъ озерѣ, спустились къ рѣкѣ Селенгѣ, не доходя которой встрѣтили станъ монгольскаго князя Турукай-Табуна[1]). Князь принялъ русскихъ ласково. Узнавъ о цѣли ихъ прибытія, Турукай подарилъ имъ немного золота и двѣ серебряныя чаши. Однако, по его словамъ, золота и серебра въ его землѣ не было: онъ покупалъ эти металлы у китайцевъ. Турукай послалъ своихъ людей проводить казаковъ до рѣки Баргузина.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ: Родоначальникъ хоринскихъ бурятъ.

Колесниковъ не считалъ свою задачу выполненною. Онъ не зналъ еще мѣстонахожденія золота и серебра. Поэтому съ монгольскими посланцами онъ отрядилъ снова 4 казаковъ, съ цѣлью узнать точнѣе, гдѣ же находятся рудники. А самъ съ отрядомъ, оставивъ въ Верхнеангарскомъ острогѣ Рычка Васильева съ 19 казаками, лѣтомъ 1647 года вернулся въ Енисейскъ, а оттуда отправился въ Москву.

Въ итогѣ его похода было: построеніе Верхнеангарскаго острога, развѣдка сѣвернаго Забайкалья и свѣдѣнія о Турукай-Табунѣ.

Поискъ 1646—1647 г. Ивана Похабова съ южной стороны Байкала.

Во время трехлѣтняго поиска Василія Колесникова (1644—1647 г.) енисейскіе воеводы, не имѣя о немъ извѣстій, предположили, что онъ погибъ. Тѣмъ болѣе, что въ 1645 году верхоленскіе и ангарскіе буряты возмущались.

Не ожидая возвращенія Колесникова, воеводы снаряжаютъ въ 1646 году боярскаго сына Ивана Похабова съ 84 казаками.

Похабовъ двигался медленно: онъ перезимовалъ (1646—1647 г.) на рѣкѣ Ангарѣ въ Осинскомъ острогѣ, который выстроилъ на островѣ того же имени, сбиралъ ясакъ съ окрестныхъ бурятъ и только въ 1647 году по льду перебрался черезъ Байкалъ и появился на юго-восточномъ берегу. Тамъ онъ встрѣтилъ нѣсколько бурятъ князя Турукай-Табуна и захватилъ ихъ въ плѣнъ. Князь выслалъ одного изъ казаковъ, оставленныхъ Колесниковымъ, съ требованіемъ освободить плѣнныхъ. Иванъ Похабовъ самъ поѣхалъ къ Турукаю, чтобы завязать съ нимъ дружбу.

Еще на Ангарѣ Похабовъ слышалъ, что буряты покупаютъ серебро у какого-то монгольскаго хана Цизана (Цеценъ-хана), стоявшаго надалеко отъ Селенги. Цизанъ оказался теперь родственникомъ Турукая. Похабовъ просилъ князя дать ему провожатыхъ до хана Цизана. Турукай сначала отказалъ, но потомъ Похабову удалось все-таки выпросить у него провожатаго. Похабовъ отправился въ Ургу, къ хану Цизану, отъ котораго узналъ, что въ Монголіи ни серебра, ни золота нѣтъ, а монголы покупаютъ ихъ у китайцевъ.

Похабовъ убѣдилъ Цизана (Цеценъ-хана) отправить пословъ къ Московскому царю и съ ними выѣхалъ въ Енисейскъ.

Рѣшительный годъ въ борьбѣ съ бурятами.

Къ концу 1647 года братскую землю перерѣзали три казачьихъ отряда. На сѣверѣ возвращался изъ Забайкалья Ва-

силій Колесниковъ, въ центрѣ дѣйствовалъ Алексѣй Бедаревъ изъ Верхоленскаго острога, а Иванъ Похабовъ обходилъ Байкалъ съ юга.

Безпомощно смотрѣли буряты на казачьи партіи, гуляющія безнаказанно вдоль и поперекъ по ихъ родной землѣ.

Чтобы отстоять свою независимость, въ 1648 году они нападаютъ еще разъ на Верхоленскій острогъ. Буряты понимали значеніе этого острога и старались его уничтожить во что бы то ни стало. И Верхоленскій острогъ въ 1648 году былъ доведенъ до послѣдней крайности. Буряты угрожали даже Усть-Кутску и Илимску. Для защиты Верхоленска, новый якутскій воевода Дмитрій Францбековъ сформировалъ въ 1648 г. въ Илимскѣ отрядъ изъ 200 промышленниковъ подъ начальствомъ Московскаго дворянина Ѳедора Нефедьева. Послѣдній не только выручилъ верхоленцевъ, но и основательно разорилъ ангарскихъ бурятъ (1648 г.).

Эта была послѣдняя капля, переполнившая сосудъ.

Съ этого времени (1648 г.) энергія бурятъ, а съ нею и враждебныя ихъ дѣйствія значительно ослабѣли *) [1]).

Между тѣмъ якутскіе воеводы въ тотъ же періодъ ведутъ развѣдку на Амурѣ.

Поискъ Ивана Галкина 1648—1650 г. Баргузинскій острогъ 1648 г.

Иванъ Похабовъ еще не вернулся въ Енисейскъ, какъ оттуда была снаряжена новая экспедиція въ Забайкалье.

Лѣтомъ 1648 года выступилъ изъ Енисейска боярскій сынъ Иванъ Галкинъ съ 60 казаками. Ему было поручено: «*На новыхъ народовъ наложить ясакъ и мѣста около Байкала точно описать, а главное искать золотыхъ и серебряныхъ жилъ*».

Галкинъ въ то же лѣто дошелъ до устья Баргузина, гдѣ и заложилъ острогъ. Баргузинскій острогъ сдѣлался на нѣкоторое время исходнымъ пунктомъ, откуда распространялись завоеванія по ту сторону Байкала. Съ тѣхъ поръ въ Баргузинскомъ острогѣ находился постоянно гарнизонъ въ 70 человѣкъ, смѣнявшійся черезъ каждые два года вмѣстѣ съ новымъ управителемъ.

Въ то же время Рычекъ Васильевъ, въ Верхне-Ангарскомъ острогѣ оставленный Колесниковымъ, терпѣлъ большую нужду и голодъ, такъ какъ Похабовъ этотъ отрядъ не смѣнилъ.

*) Андріевичъ. Истор. очер. Заб., стр. 20.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Въ борьбѣ съ бурятами приняли нѣкоторое участіе и Красноярскіе казаки. Основанный въ 1629 году Красноярскъ, выдвинутый на югъ и защищавшій Енисейскъ отъ южныхъ кочевниковъ, велъ борьбу главнымъ образомъ съ киргизами. Но все-таки и Красноярскіе казаки, построивъ на рѣкѣ Удѣ—Удинскій острогъ, сдѣлали въ 1647 году походъ противъ бурятъ, жившихъ по рѣкамъ Удѣ и Окѣ.

Галкинъ доставилъ зимою на саняхъ туда провіантъ, но верхне-ангарскіе казаки не хотѣли оставаться тамъ, гдѣ пришлось претерпѣть столько горя и лишеній, и переправились по вскрытіи Байкала въ Баргузинъ.

Въ 1649 году Галкинъ отправилъ въ Верхне-Ангарскій острогъ новый отрядъ въ 50 человѣкъ. Кромѣ того, послалъ 50 казаковъ подъ начальствомъ Якова Похабова къ озеру Буженей на верховья Витима—для сбора ясака съ тунгусовъ.

На рѣкѣ Муѣ енисейскіе казаки и ленскіе промышленники встрѣтились. Послѣдніе собирали ясакъ и брали аманатовъ. Похабовъ долженъ былъ прибѣгнуть къ силѣ, чтобы отнять у нихъ ясакъ и аманатовъ. Изъ Баргузина Галкинъ обложилъ ясакомъ инородцевъ, жившихъ около около озера Еравинскаго.

Съ тою же цѣлью нѣсколько казаковъ были отправлены на рѣку Шилку.

Вскорѣ оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Галкинъ написалъ объ этомъ въ Енисейскъ, прося подкрѣпленія людьми и помощи—припасами.

Дальнѣйшее распространеніе русскаго вліянія пріостановилось.

Въ итогѣ поиска Галкина было распространеніе ясачнаго раіона изъ центра—Баргузина—по полукругу, образованному Верхнею Ангарою, Муею, Витимомъ, Хилкомъ и Нижнею Селенгою...

Казаки и здѣсь придерживались обычной своей тактики—*распространялись изъ центра по окружности, утвердившись на средней части озера Байкала.* Рѣка Баргузинъ была путемъ внутрь страны, а также притоки Витима: Муя и Ципиръ. Рѣки и Байкалъ служили путеводными и оріентировочными линіями, какъ и раньше.

Поискъ Ивана Галкина (1648 г.), *заложеніемъ Баргузинскаго острога началъ новую эру колонизаціи Сибири—утвержденіе въ Забайкальѣ.*

Второй поискъ Василія Колесникова 1650 1652 г. Развѣдка мѣста въ Забайкальѣ подъ остроги—Иргенскій и Нерчинскій.

Въ 1650 году въ Баргузинѣ Галкина смѣнилъ атаманъ Василій Колесниковъ съ 70-ю казаками. Онъ пробылъ въ Забайкальѣ два года (1650—1652 г.), поддерживая установленный порядокъ, и продолжая развѣдки изъ Баргузина внутрь страны. Его развѣдчики пробрались за Яблоновый хребетъ.

Василій Колесниковъ въ 1651 году, изъ Баргузинскаго острога, гдѣ онъ находился, со словъ Баргузинскихъ ясачныхъ,

доноситъ Енисейскому воеводѣ: «*пристойно на озеръ Иргень между ясачными тунгусами поставить острогъ для приводу немирныхъ землицъ подъ Государеву руку. Около Иргеня живетъ много тунгусовъ. Если поставить острогъ на Иргень, то окрестные тунгусы будутъ платить ясакъ*». Василій Колесниковъ, донося объ этомъ, прибавлялъ: «изъ Баргузинскаго острогу идти на Иргень не съ кѣмъ. Служилыхъ со мною пришло только 70 человѣкъ. И за ясачными посылками въ Баргузинскомъ острожкѣ остается немного».

Изъ Баргузина Колесниковъ выслалъ 5 человѣкъ (Якова Софонова съ товарищами) для ясачнаго сбору на рѣку Шилку. Посланные принесли важныя свѣдѣнія. Колесниковъ этихъ казаковъ послалъ въ Енисейскъ, гдѣ они показали:

1) Изъ Баргузина до Иргеня лѣтомъ шесть дней пути. По Иргеню живетъ много тунгусовъ—рыболововъ. Иргень длиною 50 верстъ, шириною 20 верстъ.

2) Отъ Иргеня до Шилки волокомъ и Ингодою четыре дня пути.

3) Въ 50 верстахъ отъ устья Ингоды съ лѣвой стороны въ Шилку впадаетъ рѣка Нерча. По ней и по обоимъ берегамъ Шилки живетъ тоже много тунгусовъ. *А потому и пристойно въ обѣихъ этихъ мѣстахъ, т. е.: 1) на озеръ Иргень и 2) на Шилкѣ, при устьѣ Нерчи, поставить остроги.* Не поставивши остроговъ, заставить тунгусовъ платить ясакъ нельзя: ихъ живетъ тамъ много. *Для постройки остроговъ нужно идти черезъ Байкалъ Селенгою. А съ Селенги до озера Иргеня нужно плыть по Хилку на дощанникахъ.* Изъ Енисейскаго острога можно въ одно лѣто дойти туда и выстроить остроги.

Въ бытность Колесникова въ Баргузинскомъ острогѣ, въ 1650 году вернулись изъ Москвы послы Цизанъ-хана. Ихъ сопровождалъ царскій посолъ боярскій сынъ Заболоцкій съ 7-ю казаками. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Посольскій монастырь, Заболоцкій вмѣстѣ съ казаками былъ убитъ монголами, отчего и монастырь названъ Посольскимъ.

Иванъ Похабовъ въ Баргузинѣ. Иркутское зимовье и Баунтовскій острогъ 1652 г.

Въ 1652 году Колесникова въ Баргузинѣ смѣнилъ опять боярскій сынъ Иванъ Похабовъ. Проѣзжая въ Забайкалье, онъ построилъ на рѣкѣ Иркутѣ ясачное зимовье для сбора ясака съ Ангарскихъ бурятъ [1]).

Иванъ Похабовъ былъ безпокойнаго и сердитаго нрава. Отъ его стѣсненій тунгусы разбѣжались изъ Баргузинскаго

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Этому зимовью суждено было стать прародителемъ города Иркутска. Въ 1661 году зимовье превратилось въ острогъ.

ясачнаго раіона и получился недоборъ въ ясакѣ. А для возмѣщенія Похабовъ обложилъ ясакомъ тунгусовъ, жившихъ около Баунтовскаго озера и выстроилъ тамъ острогъ (Баунтовскій).

Енисейскіе воеводы не удовольствовались однако расширеніемъ Баргузинскаго ясачнаго раіона. Они пытаются продвинуться къ юго-востоку, гдѣ инородческое населеніе было гуще.

Поискъ Петра Бекетова 1652—1655 г. Остроги: Усть-Прорва, Иргенскій и Нерчинскій.

Въ 1652 году Енисейскій воевода Аѳонасій Пашковъ, заинтересованный послѣднимъ донесеніемъ Василія Колесникова о возможности расширенія ясачнаго раіона по Нигодѣ и Шилкѣ и разсказами казаковъ, ходившихъ на рѣку Шилку по распоряженію Василія Колесникова, задумалъ осуществить совѣтъ атамана. Онъ написалъ объ этомъ въ Москву. Но, не дождавши отвѣта, послалъ за Байкалъ партію въ составѣ 100 казаковъ. Дѣло предстояло большое. И во главѣ отряда былъ поставленъ опытный старикъ-сотникъ Петръ Бекетовъ. Двадцать лѣтъ онъ строилъ остроги; покорилъ якутовъ; вытѣснилъ бурятъ. «Энергія, дѣятельность и смѣлость Бекетова, ручались за успѣхъ дѣла», говоритъ о немъ историкъ Сибири Андріевичъ.

2-го іюня 1652 года Бекетовъ выступилъ въ походъ. «*На дальнюю службу на озеро Иргень и на великую рѣку Шилку*», чтобы пришедши туда *поставить два острога, въ самыхъ крѣпкихъ и угожихъ мѣстахъ и приводить иноземцевъ въ ясакъ и провѣдывать серебряную руду*».

Къ августу онъ прибылъ въ Братскій острогъ, пробывъ въ пути два мѣсяца. Отсюда онъ высылаетъ пятидесятника Ивана Максимова съ казаками, прежде бывшими на Шилкѣ (Якова Софонова съ товарищами) черезъ Баргузинъ на озеро Иргень, приказавъ имъ тамъ построить мелкія суда и выйти весною къ нему навстрѣчу по Хилку на рѣку Селенгу.

Приказаніе—обдуманное, обстоятельное, основанное на прежде добытыхъ свѣдѣніяхъ.

Бекетовъ зналъ, что можно было на судахъ подняться вверхъ по рѣкѣ Селенгѣ до устья рѣки Хилка, а по Хилку до Иргенскаго озера.

Сотнику Бекетову хорошо были извѣстны: 1) цѣль—тунгусы, жившіе у озера Иргеня и по рѣкѣ Нерчѣ, 2) путь къ нимъ и 3) путь для связи съ Баргузинскимъ отрядомъ.

Давнишніе враги Петра Бекетова буряты, на половину переселившіеся уже за Байкалъ (переселеніе происходило съ

1648—1655 г.) еще разъ пытаются остановить Бекетова недалеко отъ устья Осы. Но напрасно.—Казаки разбили ихъ и черезъ четыре дня пошли далѣе.

Спустя четыре мѣсяца послѣ выступленія изъ Енисейска и черезъ два мѣсяца, какъ вышли изъ Братскаго острога, старый сотникъ въ одинъ день, при благопріятномъ вѣтрѣ, въ первыхъ числахъ октября, переправился на южный берегъ Байкала, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Заболоцкій.

Не зная далеко ли до устья Селенги, Бекетовъ высылаетъ пятидесятника Ивана Котельникова на развѣдку. Котельникову съ 50 казаками—приказано было найти устье Селенги и заложить тамъ острогъ. (Самородокъ-стратегъ, по прежнему, каждый шагъ закрѣпляетъ построеніемъ острога). Черезъ недѣлю Котельниковъ возвратился и доложилъ, что устье Селенги разбивается на много рукавовъ и построить острога тамъ не изъ чего: не было лѣса.

Бекетовъ рѣшился зимовать тамъ, гдѣ высадился, и построилъ острогъ, названный Усть-Прорва.

Онъ находилъ мѣсто выгоднымъ, потому что *«всѣ люди, идущіе съ западной стороны Байкала на Селенгу, Хилокъ и Шилку, миновать этого острога не могли. Кромѣ того, тамъ было много рыбы для питанія»*.

Бекетовъ оставался здѣсь до 11-го іюня 1653 г. Въ апрѣлѣ онъ посылалъ казаковъ на бурятъ и тунгусовъ по Селенгѣ и Хилку и по восточному берегу Байкала *).

Еще ранѣе весною онъ послалъ нѣсколько охотниковъ на лыжахъ на ту сторону Байкала противъ бурятъ, нападавшихъ на его отрядъ въ прошломъ году у устья Осы.

Они сдѣлали удачный набѣгъ и привели плѣнныхъ женщинъ; а 9-го іюня 1653 года вернулись и развѣдчики, отправленные по Селенгѣ и Хилку. Бурятъ они не нашли, но встрѣтили на пятый день ходу монгольскаго князя Культуцина, который ихъ принялъ радушно. Развѣдчики прожили у него три недѣли. Они просили его провести ихъ къ братскимъ и тунгусамъ для ясачнаго сбора, но Культуцинъ отказалъ имъ въ этомъ, заявивши, что «русскіе взяли уже многихъ его ясачныхъ. И теперь тѣмъ ясачнымъ, которые еще за нимъ, онъ не велитъ платить дань Русскому царю. Да у него и самого много расходовъ. Онъ посылаетъ пословъ къ 14 царямъ»...

Культуцинъ былъ подвластенъ князю Турукай-Табуну, кочевавшему въ верховьяхъ Шилки. Золота и серебра въ его земляхъ не добывали: получали ихъ изъ Китая.

Свѣдѣнія о серебрѣ были не утѣшительны, но зато отъ Культуцина казаки узнали, какъ попасть на устье Хилка.

*) Д. И. т. III, стр. 392.

11-го іюня 1653 года Бекетовъ пустился на судахъ вдоль берега Байкала отъ устья Прорвы къ устью Селенги, куда и прибылъ въ тотъ же день вечеромъ.

На 9-й день онъ былъ уже на устьѣ Хилка. Тамъ простоялъ шесть дней, поджидая Максимова; тѣмъ временемъ казаки ловили себѣ на дорогу рыбу.

По условію здѣсь долженъ былъ встрѣтить Бекетова Максимовъ съ мелкими судами. Однако жъ ихъ не было.

Выславъ разъѣздъ въ четыре человѣка на-встрѣчу Максимову, берегомъ на бурятскихъ лошадяхъ, Бекетовъ ждалъ его восемь дней и, не дождавшись, на-удачу поплылъ вверхъ по Хилку.

Черезъ двѣ недѣли пути казаки встрѣтили двѣ плоскодонныя лодки (2 струга). Это былъ Максимовъ съ 12-ю казаками и 9-ю промышленниками.

Максимовъ привезъ ясакъ 6 сороковъ и 4 соболя. *Бекетовъ приказалъ выборнымъ цѣловальникамъ принять ихъ въ казну Великаго Государя и запечатать ее своею печатью.*

Максимовъ составилъ сотнику Бекетову чертежъ озера Иргеня, рѣкъ: Хилка, Селенги, Витима, Ингоды и Шилки съ описаніемъ ихъ особенностей.

Бекетовъ спросилъ, почему Максимовъ, *согласно «наказной памяти»*, не выслалъ къ нему на-встрѣчу проводниковъ на Байкалъ, и почему онъ такъ поздно пришелъ. Максимовъ отвѣчалъ, что осенью онъ прибылъ на Хилокъ тогда, когда Хилокъ уже замерзъ. А весною замедлилъ потому, что Хилокъ долго не освобождался отъ льда, кромѣ того, Максимовъ дожидалъ служилыхъ съ ясакомъ; а по Хилку плыли медленно: хлѣба не было. Грести голодные не могли. Приходилось неводить рыбу и тѣмъ кормиться.

Въ теченіе трехъ недѣль Бекетовъ передѣлывалъ свои дощаники на плоскодонныя барки, по образцу лодки Максимова. Изготовившись, потянулись вверхъ по Хилку. На всемъ пути были признаки тунгусскихъ жилищъ, но ни одного тунгуса... Услыхавъ о приходѣ русскихъ, жители разбѣжались.

Черезъ 50 слишкомъ дней 24 сентября казаки достигли озера Иргеня, и заложили тамъ Иргенскій острогъ. Тогда изъ озеръ Иргеня и Шакши вытекали двѣ небольшія рѣчки; соединяясь, онѣ давали начало Хилку. При сліяніи этихъ рѣкъ и былъ поставленъ Иргенскій острогъ. (Нынѣ обѣ рѣки высохли) *)

Одна часть задачи была выполнена. Оставалось построить острогъ при устьѣ Перчи. Для исполненія этого Бекетовъ командировалъ 30 человѣкъ къ верховью Ингоды съ провіан-

*) Андріевичъ стр. 565.

томъ. Вскорѣ прибылъ и самъ туда. Началась постройка плотовъ. (Это было, по всей вѣроятности, на мѣстѣ нынѣшняго г. Читы, который называли въ старину «*Плотбищемъ*»).

Можно себѣ представить энергію этого человѣка: въ 25 дней со дня прибытія на Иргень, онъ строитъ тамъ острогъ, производитъ развѣдку верховьевъ Ингоды, посылаетъ туда провіантъ, заготовляетъ плоты для 100 человѣкъ и продовольствіе на цѣлую зиму, и 19-го октября 1653 г. пускается въ дальнѣйшій путь.

Начавшійся ледоходъ его не останавливаетъ. Онъ надѣется до наступленія зимы добраться до рѣки Шилки (т. е. до сліянія Ингоды съ Онономъ) *).

Но суровая забайкальская зима разбила его планы: едва проплылъ онъ 10 верстъ, какъ Ингода стала. Не желая терять времени, онъ отправилъ десятника Максима Урасова сухимъ путемъ искать на рѣкѣ Нерчѣ мѣсто для острога; а на рѣкѣ Ингодѣ, гдѣ захватилъ Бекетова рѣкоставъ, онъ поставилъ зимовье, въ которое назначилъ 20 казаковъ для охраны провіанта, самъ же вернулся въ Иргенскій острогъ, чтобы подготовиться къ весеннему походу.

Десятникъ Урасовъ, выбравъ мѣсто для острога на южномъ берегу Шилки, противъ устья Нерчи, зимою построилъ тамъ небольшой острогъ (Нерчинскъ). ? Неизвѣстно. 11

Тунгусскій князь Гантимуръ, кочевавшій здѣсь со своими тунгусами, принялъ его дружелюбно, построенію острога не препятствовалъ и даже внесъ ясакъ: 2 сорока соболей.

Однако Гантимуръ скоро сообразилъ, что дѣло пахнетъ потерею независимости. Это не входило въ его расчеты. Въ отечествѣ своемъ на рѣкѣ Нонни онъ былъ самостоятельнымъ княземъ и ушелъ оттуда подъ давленіемъ маньчжуровъ, не желая имъ подчиниться. Теперь онъ увидѣлъ, что промѣнялъ кукушку на ястреба. Собравъ своихъ людей, Гантимуръ отправился назадъ за рѣку Аргунь въ Маньчжурію **).

Урасовъ послалъ за нимъ людей до рѣки Гана, но они вернулись съ незначительными подарками, а Гантимуръ остался въ Маньчжуріи.

Между тѣмъ весною 1654 года Бекетовъ, оставивъ въ Иргенскомъ острогѣ для обезпеченія тыла 18 человѣкъ, съ остальными казаками дошелъ до Ингодинскаго зимовья (г. Читы), забралъ здѣсь запасы и хранившихъ ихъ 20 человѣкъ и на плотахъ по Ингодѣ и Шилкѣ, имѣя всего 41 казака, спустился къ устью Нерчи, къ острогу Урасова, гдѣ было еще 20 человѣкъ.

*) Фишеръ стр. 556.
**) Фишеръ стр. 568.

Узнавъ о бѣгствѣ Гантимура, напрасно Бекетовъ посылалъ къ нему посланныхъ съ приглашеніемъ вернуться,—не только Гантимуръ, но и два казака, посланные къ нему, не вернулись...

Весною 1654 года казаки посѣяли около Нерчинскаго острога хлѣбъ съ цѣлью запасти продовольствіе на зиму.

Вдали отъ Енисейска и Якутска 100 удальцовъ могли расчитывать только на себя и свой собственный трудъ...

Тунгусы Гантимура нѣсколько разъ нападали на нихъ: весь посѣвъ потоптали и даже отбили нѣсколько лошадей.

Казаки пріуныли: два года они были въ походѣ, одежда истрепалась, запасы истощались, надѣяться теперь было не на что...

Неоткуда было достать продовольствія.

Казаки рѣшили идти на Амуръ, гдѣ, по слухамъ, было много хлѣба.

Мужественный Бекетовъ не рѣшился оставить порученнаго дѣла. Но перспектива голодной смерти осилила дисциплину: 30 казаковъ ушли отъ него. У Бекетова осталось только 20 казаковъ *).

Въ 1655 году съ оставшимися казаками онъ перебрался на Амуръ, о чемъ послалъ въ Енисейскъ донесеніе [1]).

Выстроенный Урасовымъ острогъ тунгусы разрушили. Такъ кончился трехлѣтній походъ въ Забайкалье сотника Петра Бекетова.

Сотникъ Петръ Бекетовъ, не сдѣлавши ничего для себя, такъ какъ попытка его утвердиться въ восточномъ Забайкальѣ не увѣнчалась успѣхомъ, очень много сдѣлалъ для другихъ. И они его трудами воспользовались...

Въ сѣверо-западномъ Забайкальѣ въ Баргузинскомъ, Верхне-Ангарскомъ и Баунтовскомъ острогахъ, составлявшихъ одно головство, подъ управленіемъ стрѣлецкаго и казачьяго головы, высылаемаго изъ Енисейска съ 70-ю казаками, русскіе крѣпко утвердились и продержались тамъ, до окончательнаго водворенія русскихъ въ Дауріи.

Въ итогѣ было основано Баргузинское головство; произведены были рекогносцировки рѣкъ и путей на всемъ пространствѣ Забайкалья: Баргузинъ, впадавшій въ Байкалъ,

*) Фишеръ, стр. 558

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. На Амурѣ Бекетовъ соединился съ отрядомъ Степанова, пріемника Хабарова, и несъ службу тамъ до 1660 года, когда вернулся черезъ Якутскъ въ Енисейскъ. Бекетовъ участвовалъ на Амурѣ въ построеніи и славной защитѣ Комарскаго острога. Удачный выборъ мѣста подъ острогъ и искусная постройка его, нужно полагать, не обошлись безъ виднаго участія этого замѣчательнаго человѣка. Славный строитель острогов не хотѣлъ вернуться въ Енисейскъ, потерпѣвъ неудачу.

Читинская Окр. Центр. Библиотека
Отд. ..... Шкаф. .....
Инвентар № .....

126

Витимъ съ притоками Муей и Каргой и Олекма съ Тугиромъ, Селенга, Хилокъ, Ингода. Ононъ (при устьѣ) и Шилка.

Путь на Амуръ былъ найденъ. Енисейскіе казаки вошли въ связь съ Якутскими. Ихъ совмѣстными работами Забайкальскій и Приамурскій край были изслѣдованы.

Енисейскіе воеводы имѣли всѣ данныя для правильнаго рѣшенія вопроса.

Выяснилось, что малые отряды, несмотря на всю энергію и даже талантливость ихъ предводителей, не могутъ тамъ удержаться.

Нужно было послать туда значительный отрядъ, подъ начальствомъ воеводы.

Необходимо было установить прочную связь съ Енисейскомъ заложеніемъ промежуточныхъ остроговъ по пути.

Слѣдовало окончательно смирить бурятъ. Эти цѣли и были поставлены на очередь.

Балаганскій острогъ 1654 года.

Послѣ разгрома ангарскихъ бурятъ Нефедьевымъ казаки подавались вверхъ по Ангарѣ. Признано было необходимымъ поставить острогъ на Ангарѣ, на половинѣ разстоянія между Братскимъ острогомъ и Байкаломъ, въ центрѣ ихъ мѣстожительства *).

Въ 1654 году боярскій сынъ Дмитрій Фирсовъ построилъ противъ Осинскаго острога на лѣвомъ берегу Ангары Балаганскій острогъ (названный такъ по племени бурятъ Балаготовъ). Здѣсь, кромѣ хорошихъ земель, нашлась еще желѣзная руда.

Балаганскимъ острогомъ буряты были стѣснены окончательно. Тѣснимые со всѣхъ сторонъ, сознавая безполезность борьбы, многіе изъ бурятъ перестали принимать участіе въ общихъ набѣгахъ на остроги и стали подумывать, какъ бы избавиться отъ русскихъ другимъ путемъ.

Когда въ 1655 году енисейскій воевода отправилъ въ Балаганскій округъ 60 крестьянскихъ семействъ для хлѣбопашества, да кузнеца и плавильщика для обработки руды,—*надъ і была поставлена точка.*

Ангарскіе буряты рѣшились переселиться за Байкалъ и въ Монголію. Уже съ 1648 года тянулись отдѣльныя партіи, но съ 1655 года движеніе сдѣлалось общимъ. А затѣмъ доведенные до отчаянія жестокостью балаганскаго правителя Ивана Похабова, въ 1658 году буряты возстали почти поголовно, перебили, сколько возможно было, русскихъ и всѣ ушли за Байкалъ **).

*) Андріевичъ. Краткій очеркъ исторіи Забайкалья, стр. 20.
**) Сиб. ист., Фишеръ, стр. 536.

Такъ закончилась борьба енисейскихъ и якутскихъ казаковъ съ бурятами, длившаяся четверть вѣка (1630—1655).

Въ ней огромное значеніе имѣли остроги.

Построеніе Братскаго острога, при устьѣ Оки (1631) было первымъ шагомъ, Верхоленскаго (1641 г.) —вторымъ, а Балаганскаго (1654 г.) третьимъ окончательнымъ въ борьбѣ за обладаніе Приангарскимъ краемъ. Первый и третій сдѣланы енисейскими казаками, второй—якутскими.

Несложная стратегія казаковъ состояла въ томъ, чтобъ тактически обороняться въ острогахъ. стратегически—наступать по рѣкамъ и озерамъ, на дощаникахъ.

Огнестрѣльное оружіе рѣшило остальное. За стѣнами острогов десяткамъ казаковъ нестрашны были тысячи бурятъ, вооруженныхъ луками.

КАЗАЧЬИ ПОХОДЫ ИЗЪ ЯКУТСКА НА АМУРЪ.

Походъ изъ Якутска на Амуръ Пояркова. (1643 -1646 г.)

Когда первые якутскіе воеводы Глѣбовъ и Головинъ пріѣхали въ Усть-Кутскъ и затѣмъ въ Якутскъ въ 1641 году, тогда весь сѣверо-востокъ Сибири, за исключеніемъ Камчатки, былъ уже покоренъ *).

Малочисленныя мелкія сѣверныя племена не могли не смириться предъ силою огнестрѣльнаго оружія. Они всѣ уже несли ясакъ. Десяти лѣтъ казачьей охоты на нихъ вполнѣ было достаточно для этого.

А воеводы пріѣхали съ лозунгомъ того времени «порадѣть на Государя» и «искать новыя землицы»...

Ихъ наказъ обычно оканчивался:

«И тѣмъ бы своимъ радѣніемъ Государю службу показать и за то видѣть себя въ жалованьѣ и хвалѣ»...

Экспедиція Максима Перфильева предуказывала, куда нужно было устремить свои поиски. Даурское серебро не давало якутскимъ воеводамъ покою.

Первая попытка была сдѣлана воеводою Головинымъ въ 1640 году.

По Витиму были отправлены 70 казаковъ подъ начальствомъ письменнаго головы Бахтеярова съ приказаніемъ идти какъ можно дальше до истоковъ рѣки. Бахтеяровъ вернулся, не дойдя до верховьевъ р. Витима.

Тогда якутскіе воеводы посылаютъ другого письменнаго голову Василія Пояркова, но уже не по Витиму, а по Алдану, о которомъ, какъ о пути, воеводы узнали отъ мѣстныхъ тунгусовъ **).

Цѣлью похода было—пройти на Шилку и Зею и тамъ провѣрить извѣстія, добытыя Максимомъ Перфильевымъ: о серебряной, мѣдной и свинцовой рудахъ и привести подъ царскую руку новыхъ людей.

15-го іюня 1643 года Поярковъ выступилъ изъ Якутска.

Въ отрядѣ его было 133 человѣка: служилыхъ 112, (100

*) Доп. Ист. Акт. т. 3. стр. 50.
**) Андріевичъ, Ист. Заб. стр. 29.

новоприборныхъ и 12 старыхъ казаковъ), гулящихъ 15; 2 цѣловальника, 2 толмача и 2 кузнеца.

Для угрозы «немирныхъ землицъ» были взяты пушка желѣзная (ядро вѣсомъ въ ½ фунта), да пороху и свинцу по 8 пудовъ. Взяли также хлѣба на дорогу. До устья Алдана шли на судахъ 12 сутокъ *).

Бичевой тянулись по Алдану до устья Учура 4 недѣли. «Вожами» были тунгусы. Дѣйствовали на нихъ то лаской, то угрозою. Кромѣ того, изъ Якутска былъ взятъ особый проводникъ тунгусъ.

Казаки стали подниматься вверхъ по Учуру. Попадались пороги. Чрезъ 10 дней дошли до устья Гонома и направились вверхъ по его теченію на юго-западъ. Плаваніе было тяжелое —рѣка порожистая, мелкая. Но казаки настойчиво шли впередъ, разобрали 42 порога, запрудили досками 22 шиверы. Одно судно совсѣмъ заметало. Свинецъ упалъ въ воду; достать его не могли. А время шло; за пять недѣль дошли только до половины рѣки; приближалась зима.

Не дойдя 6 дницъ до устья Нуямки, въ послѣднихъ числахъ сентября, казаки остановились и стали строить зимовье.

Приготовлялись нарты для возки припасовъ. Казаки охотились за звѣрями; а между дѣломъ собирали свѣдѣнія. Оказалось, что Шилка (Силькаръ) была недалеко. Проживъ въ зимовьѣ двѣ недѣли, Поярковъ съ 90 казаками, оставивъ остальныхъ у судовъ съ казною, пошелъ по льду рѣкъ Гономы и Нуямки далѣе, и на нартахъ въ двѣ недѣли переволокся чрезъ Яблоновый хребетъ (водораздѣлъ системы Лены и Амура).

Оставшимся на рѣкѣ Нуямкѣ казакамъ было приказано весною идти съ запасами вслѣдъ за отрядомъ, сначала волокомъ, а потомъ по рѣкѣ Зеѣ.

Выступивъ въ дальнѣйшій путь, отрядъ Пояркова двѣ недѣли шелъ волокомъ черезъ хребетъ по глубокому снѣгу: казаки на лыжахъ, грузъ—на нартахъ. Спустились на Брянду (Брасиду) противъ Зеи. На Брянде жителей не было: тамъ казаки начали строить суда, которыя были готовы къ веснѣ. На нихъ весною Поярковъ спустился въ Зею.

На одномъ изъ притоковъ Зеи, Умлеканѣ, построили острожекъ и стали дожидать товарищей, оставшихся на р. Нуямкѣ съ запасами.

Зейскіе дауры встрѣтили казаковъ дружелюбно, доставляли имъ ясакъ и пищу. Однако они скоро поняли, что гости пришли не даромъ.

*) Д. И. III стр 50.

Тогда они перестали носить казакамъ съѣстные припасы. Казаки терпѣли нужду... А запасовъ не подвозили. Между тѣмъ Пояркова собиралъ свѣдѣнія о серебряной рудѣ. Изъ собранныхъ свѣдѣній въ настоящемъ бѣдственномъ положеніи казаковъ одно было важно: на рѣкѣ Зеѣ, при устьѣ Селимбы, была даурская крѣпостца—городокъ Мольдикичидъ, гдѣ было собрано много запасовъ продовольствія. Пришлось командировать въ Мольдикичидъ пятидесятника Юшку Петрова съ 70-ю казаками къ даурскимъ князцамъ Досію и Колпу за ясакомъ и продовольствіемъ. Юшкѣ Петрову было приказано «вызвать изъ острожка князцовъ ласкою. А какъ выйдутъ, то взять ихъ въ аманаты. Затѣмъ отойти къ лѣсу, укрѣпиться засѣкою или рубленною вѣжею накрѣпко, а къ острожку не приступать». Крѣпостца Мольдикичидъ находилась недалеко отъ впаденія Селимбы въ Зею.

Князьки встрѣтили Юшку привѣтливо, за версту до крѣпости, но въ городъ не пустили, говоря, что въ городѣ казакамъ будетъ не безопасно. Князцы отвели казакамъ три юрты внѣ крѣпости и дали 10 скотинъ и 40 кузововъ овсяной крупы для продовольствія.

Петровъ съ товарищами ночевалъ въ отведенныхъ юртахъ. *Назавтра, взявъ съ собою знамя, съ 50-ю казаками, Петровъ ходилъ кругомъ острога и осматривалъ: крѣпокъ-ли онъ и можно-ли къ нему приступить.* Осмотрѣвъ Мольдикичидъ, Петровъ сталъ просить, чтобъ его пустили въ острогъ. Ему отвѣчали: «если казаки пойдутъ въ острогъ, то дауры начнутъ съ ними биться, и отъ того учинится большое зло».

Юшка настаивалъ на своемъ и пошелъ все-таки въ острогъ, захвативъ и Досія и Колпа. Дауры изъ «подлазовъ» (потайныхъ воротъ) вышли на вылазку, а съ поля напали конные.

Разгорѣлся бой.

Собравшіеся дауры, какъ городскіе, такъ и окрестные, набросились на казаковъ. 10 казаковъ было ранено и остались подъ острожкомъ; прочіе отступили.

Князца Колпа дауры убили, а Досій, убившій стоявшаго при немъ казака, бѣжалъ къ даурамъ въ острожекъ. Почти всѣ казаки были ранены. Окруженные въ юртѣ (фанзѣ) они просидѣли три дня, а на четвертую ночь бѣжали изъ подъ острожка на Умлеканъ къ Пояркову. Шли они назадъ десять дней. Когда они, потерпѣвъ неудачу, вернулись, казаки раздѣлили послѣдніе запасы продовольствія. Досталось каждому по 30 гривенъ.

Послѣ этого отрядъ Пояркова испыталъ большую нужду, питаясь сосною да кореньями. Умлеканскіе жители разбѣжа-

лись, достать продовольствія было не у кого. Началось бѣдствіе. 40 человѣкъ изъ 70-ти, пришедшихъ съ Юшкой Петровымъ, умерли съ голоду.

Поярковъ не пустилъ въ острогъ Юшку съ товарищами въ наказаніе за то, что они пришли назадъ съ голыми руками.

Между тѣмъ Поярковъ разузналъ кое-что о ханѣ Барбоѣ (китайскомъ богдыханѣ). Изъ разспросовъ Поярковъ убѣдился окончательно въ томъ, что въ Дауріи ни серебряной руды, ни синей краски, ни дорогой камки не было. А все это дауры получали изъ Китая отъ хана Барбоя. Дауры разсказали Пояркову, что Барбой принуждаетъ ихъ силою къ торгу. Если они не ведутъ съ нимъ торговли, то онъ присылаетъ войско: тысячи двѣ-три на Зею и Шилку и воюетъ съ ними раза по два, по три въ годъ.

Барбой жилъ въ большомъ городѣ, который окруженъ деревянною стѣною и валомъ. Бой у хана «лучной и огненный»:

Даурскія племена платили ему ясакъ соболями. Много у него скота и хлѣба. Изъ хлѣба приготовляютъ вино, которое называется по тамошнему «аракъ».

Таковы были свѣдѣнія о Даурской землѣ.

Весною съ Гономы на лодкахъ пятидесятникъ Мининъ доставилъ припасы. Послѣ чего на судахъ, построенныхъ весною въ ожиданіи Минина, казаки спустились внизъ по Зеѣ.

По берегамъ встрѣчались даурскіе улусы—острожки; чернѣла вспаханная земля; на лугахъ бродилъ разный скотъ. Дауры были осѣдлы, имѣли дома, сѣяли хлѣбъ, огурцы, бобы, яблоки, груши, орѣхи—простые и грецкіе, горохъ и коноплю.

Наконецъ казаки попали на Амуръ.

Амурскій край послѣ дикой и пустынной Якутской области казался раемъ: яблоки, груши, разная овощь!

Все это было такъ ново. Поярковъ принялъ Амуръ за Шилку (Силькаръ), о которой много слышали казаки.

По Амуру, начиная съ устья Зеи, жили осѣдлые дучеры, говорившіе на непонятномъ для толмачей языкѣ.

Даурскіе князьки подчинялись сильному маньчжурскому князю, а тотъ китайскому богдыхану.

Малорослые, безбородые дауры боялись рослыхъ бородачей-казаковъ, принимая ихъ за лѣшихъ.

Съ устья Зеи Поярковъ повернулъ внизъ по Амуру, а не вверхъ, какъ ему было приказано, такъ какъ зимнія развѣдки и разспросы выяснили, что въ Дауріи (Забайкальѣ) серебра нѣтъ. Поэтому, отказавшись отъ пріискиванія серебряной руды, онъ рѣшилъ плыть внизъ по Амуру и обложить попутныхъ инородцевъ ясакомъ.

Высокія прибрежныя горы Амура образовали въ этомъ мѣстѣ тѣснину (щеки Хингана). Три недѣли между скалъ казаки спускались до устья Сунгари (200 верстъ), которую приняли за Амуръ. Зная, что Амуръ впадаетъ въ море, Поярковъ отрядилъ десятника Ермолина съ 25 казаками провѣдать путь далѣе до моря. Эти казаки были обречены на гибель: они плавали въ стругахъ трое сутокъ и возвращались уже назадъ, но, не доходя полдня пути до своихъ, стали ночевать. Здѣсь на нихъ неожиданно напали дучеры и всѣхъ перебили. Только два казака спаслись.

Поярковъ поплылъ отъ устья Сунгари внизъ по Амуру. Чрезъ шесть дней былъ онъ уже на устьѣ Уссури; потомъ 4 сутки казаки плыли въ землѣ дучеровъ, затѣмъ вступили въ землю натковъ, а еще черезъ двѣ недѣли встрѣтили гиляковъ.

Натки и гиляки были независимы и не платили никому дани.

Чрезъ мѣсяцъ отрядъ достигъ устья Амура. У Пояркова осталось 60 казаковъ, и онъ не рѣшился съ ними вернуться въ среду враждебныхъ инородцевъ. Пришлось зазимовать на устьѣ Амура.

Трудно было казакамъ: зимою кормились рыбою, а весною—кореньями травъ...

Во время зимовки Поярковъ взялъ трехъ гиляцкихъ аманатовъ и собралъ 12 сороковъ соболей и 6 шубъ ясаку.

Натки и гиляки были малочисленны. Управлялись они князьками, у каждаго изъ которыхъ было подъ властью двѣсти —триста человѣкъ.

Не мудрено, что русскіе, владѣя огнестрѣльнымъ оружіемъ, наводившимъ ужасъ на туземцевъ, никогда не видавшихъ его, могли плавать, брать въ плѣнъ туземцевъ и собирать ясакъ въ невѣдомой странѣ.

Гиляки были осѣдлы, жили по обѣ стороны Амура улусами. Юрты у нихъ были рубленныя, а клѣти безоконныя (фанзы). Питались они рыбою. Сѣвернѣе по горамъ жили тунгусы.

По нижнему Амуру обитали семь отдѣльныхъ князцовъ; у нихъ было до 14 улусовъ отъ 30 до 150 луковъ въ каждомъ, всего 1070 человѣкъ.

На слѣдующее лѣто (1645 г.) Поярковъ рѣшилъ вернуться въ Якутскъ по морю...

Уже въ 1636 году якутскіе казаки доходили до Охотскаго моря. Этимъ путемъ и расчитывалъ Поярковъ добраться до Якутска.

Отчаянные смѣлые люди, безъ компаса, на рѣчныхъ кочахъ отправились моремъ вдоль берега на сѣверъ.

Три мѣсяца носило казаковъ въ морѣ и выбросило на какой то островъ. Отдохнувъ Поярковъ снова пустился въ путь. Сначала вѣтеръ отнесъ казаковъ въ море, но скоро они опять были выброшены на берегъ, откуда они пѣшкомъ добрались до устья рѣки Ульи, гдѣ нашли старое ясачное зимовье якутскихъ казаковъ. Здѣсь провелъ Поярковъ зиму (1645—1646 г.) Въ концѣ ея Поярковъ переправился въ двѣ недѣли на лыжахъ черезъ Яблоновый хребетъ къ верховьямъ рѣки Маи, оставивъ въ зимовьѣ на рѣкѣ Ульѣ 20 казаковъ до высылки смѣны изъ Якутска. Начиналась третья весна (1646 г.) со времени отплытія отряда изъ Якутска. На р. Маѣ построили казаки судно и на немъ выплыли по Маѣ въ Алданъ и Лену...

Послѣ трехлѣтняго поиска, описавъ кругъ (Алданъ, Учуръ, Гономъ, Нуямка, небольшой волокъ, Зея, Амуръ, Охотское море, небольшой волокъ, Мая и снова Алданъ), 18-го іюня 1646 г. вернулся Поярковъ въ Якутскъ съ 33 казаками (20 остались на рѣкѣ Ульѣ, 80 погибли) и привезъ съ собою 12 сороковъ соболей и 6 шубъ.

Таковы были видимые результаты поиска. Но не въ ясакѣ было дѣло: произведена была основательная развѣдка Пѣгой орды, какъ называли тогда Амурскій край.

Рѣкамъ былъ учиненъ чертежъ. Видѣнное и слышанное записано. Поярковъ даже проектировалъ планъ покоренія Амура,—для этого онъ считалъ достаточнымъ три сотни людей, распредѣленныхъ такъ: по полусотнѣ въ трехъ острожкахъ и 150 казаковъ для сбора ясака. Распредѣленіе силъ и исполненіе плана было просто и заманчиво для якутскихъ воеводъ... [1])

Между тѣмъ съ 1640 по 1650 годъ дѣла Заенисейской Сибири значительно подвинулись впередъ.

Поискъ Максима Перфильева, два поиска Ивана Похабова, одинъ Ивана Галкина, два Василія Колесникова—дали достаточно свѣдѣній для енисейскихъ воеводъ о Дауріи, чтобъ предпринять болѣе или менѣе рѣшительный шагъ.

Василій Поярковъ изслѣдовалъ Амурскій край для якутскихъ воеводъ.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Сдѣлавъ большое дѣло Поярковъ былъ однако сыномъ своего вѣка. Слава его запятнана жестокостью. Человѣкъ рѣшительный и сильный, Поярковъ во время похода билъ и мучилъ казаковъ, приговаривая: «не дороги служилые люди—десятнику цѣна 10 гривенъ, казаку два гроша». Хлѣбные запасы казаковъ онъ отобралъ себѣ, а имъ приказывалъ ѣсть инородцевъ.

Когда на устьѣ Амура казаки начали копать травяные корни и тѣмъ питаться, Поярковъ приказалъ своему человѣку Денискѣ выжечь луга, чтобы казаки у него покупали запасъ дорогою цѣною.—Томимые голодомъ казаки съѣли 50 инородцевъ.

Еще ранѣе когда Юшка вернулся ни съ чѣмъ, Поярковъ предложилъ охотникамъ идти на лугъ и кормиться, кто какъ знаетъ. Нашлось 10 человѣкъ, которые ушли.

Такъ жаловались казаки на Пояркова въ челобитной. Но онъ на допросѣ ни въ чемъ не сознался.

Колесниковъ—енисейскому, Поярковъ—якутскому воеводамъ представили даже свои соображенія о покореніи—первый—Забайкалья, второй—Приамурья. Оба утверждали о легкости завоеванія.

Къ тому же времени дѣйствіями изъ Верхоленскаго острога—Курбата Иванова—и Бедарева былъ нанесенъ рѣшительный ударъ приангарскимъ бурятамъ. Активное сопротивленіе ихъ было сломлено разъ навсегда.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XVII в. снаряжаются и дѣйствуютъ, почти одновременно, изъ Енисейска Петръ Бекетовъ въ Забайкальѣ, а изъ Якутска Ерофей Хабаровъ въ Приамурьѣ.

Всѣ предшествующія экспедиціи имѣли характеръ развѣдокъ, эти же завоеванія съ явнымъ стремленіемъ утвердиться, остаться.

Этотъ періодъ захватываетъ почти цѣлое десятилѣтіе (1650—1660 г.). Онъ знаменуется построеніемъ остроговъ, сборомъ ясака,—но собственная малочисленность, главный врагъ казаковъ,—вырываетъ изъ ихъ рукъ плоды десятилѣтней работы.

Небольшія казачьи партіи таютъ среди невоинственныхъ, но все же враждебныхъ инородцевъ, узнавшихъ о завоевательныхъ стремленіяхъ казаковъ. Среди чуждыхъ племенъ, не имѣя продовольствія, съ каждымъ годомъ теряя товарищей изъ своихъ не густыхъ рядовъ, обломки обѣихъ партій къ 1655 году сливаются вмѣстѣ на верховьяхъ Амура и, ударившись о стѣны недвижнаго Китая, потерпѣвъ при столкновеніи съ нимъ крушеніе, къ 1660 году выбрасываются въ Якутскъ и Нерчинскъ.

1-й походъ Хабарова 1649 года.

Охватившая въ срединѣ XVII столѣтія енисейскихъ воеводъ горячка поисковъ «землицы» передалась и якутскимъ воеводамъ. Къ тому же якутскіе воеводы закончили покореніе почти безлюднаго сѣверо-востока Сибири. Не имѣя сильныхъ враговъ, они были въ лучшемъ положеніи сравнительно съ енисейскими для того, чтобы сдѣлать первый наступательный шагъ. Но у якутскихъ воеводъ было больное мѣсто—это хроническое малолюдство.

Какъ въ Енисейскѣ, такъ и Якутскѣ служилые комплектовались, кромѣ казачьихъ дѣтей, вольными гулящими людьми. Но Енисейскъ имѣлъ большое преимущество предъ Якутскомъ: онъ былъ ближе къ Россіи и Тобольску—главнымъ источникомъ комплектованія.

Хотя Енисейскъ имѣлъ и больше враговъ, но убыль въ служилыхъ была почти одинакова.

Якутскіе служилые умирали массами отъ голоду и холоду въ обширныхъ безлюдныхъ пустыняхъ сѣверо-востока. Тамъ былъ постоянный недостатокъ въ людяхъ.

Съ первыми воеводами въ Якутскъ прибыли 302 служилыхъ. И трудно было поддержать это число. Служилые таяли по многочисленнымъ (до 32) ясачнымъ зимовьямъ *).

Даже и безъ убыли казаковъ было мало.

Многочисленныя отписки якутскихъ воеводъ обычно оканчиваются: «а въ Якутскомъ конечное малолюдство».

Этимъ объясняется составъ и способъ комплектованія отрядовъ.

Тогда какъ въ Енисейскѣ отрядъ формируетъ почти всегда самъ воевода, подъ начальствомъ казачьяго сотника, или атамана,—въ Якутскѣ инициатива исходитъ отъ частныхъ лицъ. Воеводы только соглашаются, разрѣшаютъ. Формируютъ отряды частныя лица, не казаки.

Таковы были отчасти экспедиціи письменныхъ головъ Василія Пояркова и Бахтеярова.

Но съ опредѣленностью особенность якутскихъ предпріятій выразилась въ поискѣ промышленнаго опытовщика Ерофея Хабарова. И мысль, и планъ, и исполненіе принадлежатъ ему. Воеводы только утверждаютъ. Малолюдство не позволяло имъ на свой рискъ и страхъ предпринимать большихъ экспедицій.

Поискъ Пояркова, вырвавшій на три года изъ рѣдкихъ и безъ того рядовъ Якутска 132 казака и возвратившій только 53 человѣка, сдѣлалъ якутскихъ воеводъ осторожными.

Однако желаніе «порадѣть на Государя» не оставляло ихъ. Они охотно шли навстрѣчу предпріимчивости частныхъ лицъ...

Имѣя подъ собою такую благодарную почву, старый «опытовщикъ» Ерофей Хабаровъ предложилъ воеводѣ Францбекову свои услуги *покорить «Пьяную орду»* (Китай).

Ерофей Хабаровъ, родомъ изъ Устюга Великаго, поселившійся сначала недалеко отъ Киренгскаго острога, былъ энергичный предприниматель. Онъ брался то за одно, то за другое дѣло: въ молодости онъ держалъ соляныя варницы въ Сольвычегодскѣ, а въ 1636 году переселился въ Сибирь на Енисей, гдѣ и завелъ хлѣбопашество. Богатый соболиный промыселъ на Ленѣ привлекъ его вниманіе. Онъ нанялъ 27 покрученниковъ (работниковъ, взявшихъ задатокъ), приготовилъ 2,000 пудовъ муки, захватилъ сѣти для рыбной ловли, накупилъ бархату, сукна, мѣди на 2000 рублей—и съ этимъ боль-

*) Рус. Библіот. т. VI стр. 246.

Схема №10.

Якутскъ
Лена
Чекуйскій
Олекма
Алданъ
Зея
Амуръ
Сунгари
Охотское море.
Сахалинъ
Первый походъ Хабарова въ 1649-1650 г.
Масштабъ 1:40000000.

шимъ, по тому времени, капиталомъ переселился на Лену, съ братомъ Никифоромъ и сыномъ Павломъ, и началъ вести торгъ, занимаясь главнымъ образомъ выгоднымъ соболиннымъ промысломъ. Его дѣла шли хорошо, и онъ все расширялъ кругъ дѣятельности. Скоро на Илимѣ, возлѣ самаго волока, завелъ пашни. И сюда же на волокъ люди его свозили добычу. Кромѣ того, онъ занимался извозомъ—доставкою всего необходимаго для далекаго Якутскаго края, а на устьѣ Куты завелъ, было, солеварню и пашни. Солеварню однако скоро отобрали въ казну.

Энергичная кипучая натура не удовольствовалась одной экономическою дѣятельностью. Въ 1641 году проѣзжавшему въ Якутскъ воеводѣ Головину Хабаровъ подаетъ челобитную о разрѣшеніи завести пашню у устья Киренги, прося лишь одинъ льготный годъ, послѣ котораго онъ обѣщалъ уплачивать казнѣ десятый снопъ...

Вѣроятно его покрученики доходили до верховьевъ Олекмы. И Хабаровъ получилъ отъ нихъ свѣдѣнія о кратчайшемъ пути къ даурскому князю Лавкаю, о богатствѣ котораго и имѣющемся у него серебрѣ со времени похода Перфильева ходило много слуховъ.

У стараго промышленника зародилась мысль попытать счастья на Амурѣ. И стоустая молва современниковъ дала ему свое названіе—крылатое словечко—«опытовщика».

Въ то время много русскихъ людей въ далекихъ неизвѣстныхъ странахъ пытали счастье, производили опыты.

Энергичнымъ представителемъ этого типа и былъ «опытовщикъ» Хабаровъ. Онъ подаетъ челобитную якутскимъ воеводамъ и въ ней пишетъ:

»Письменный голова Еналей Бахтеяровъ съ 70 человѣками ходилъ на Лавкая и Батогу по Витиму, а по Олекмѣ прямой дороги не зналъ»...

Нелишне здѣсь отмѣтить особенность поисковъ изъ Якутска: на-ощупь на-угадъ. Два пути уже были испытаны —по Витиму и Алдану, остается третій—по Олекмѣ. И старый опытовщикъ хочетъ испытать новый путь. Онъ предварительно, конечно, собираетъ свѣдѣнія, которыя оказываются благопріятными.

Въ 1647 году промышленники нашли путь въ Даурію по рѣкѣ Тугиру, впадающему въ Олекму, а далѣе черезъ Становой хребетъ до рѣки Урки, а по ней къ Амуру. На другой годъ нѣсколько казаковъ проникли снова на Амуръ этимъ путемъ, избѣгая многолюдныхъ улусовъ, измѣрили, какъ умѣли, ширину Амура, а на обратномъ пути сдѣлали замѣтки на деревьяхъ.

Рѣшительный человѣкъ пользуется этими свѣдѣніями, ста-

витъ на карту добытое состояніе—въ надеждѣ поживиться еще болѣе. Вотъ подкладка замысла Хабарова.

Въ мартѣ 1649 года онъ подаетъ челобитную новымъ Якутскимъ воеводамъ, (которые, проѣзжая въ Якутскъ, зимовали въ Илимскѣ), прося у нихъ разрѣшенія идти въ походъ съ «охочими» людьми безъ государева жалованья.

Чтобы подчеркнуть имъ выгодность его плана, онъ напоминаетъ въ челобитной, что Еналей Бахтеяровъ получалъ и жалованье, и оружіе. Ему же, Хабарову, не много нужно: только разрѣшеніе прибрать для похода гулящихъ людей! «*Онъ де имъ, 150 человѣкамъ, или сколько можетъ прибрать, станетъ давать ссуду: и хлѣбъ и всякіе запасы, и суда, и судовыя снасти. А если будетъ счастье, и они Лавкая и Батогу приведутъ подъ высокую Государеву руку, въ ясачномъ де сборѣ будетъ прибыль большая*».

Интересы воеводы и опытовщика такъ совпадали, что отказа, очевидно, не послѣдовало...

Францбековъ соглашается и даетъ, по обычаю того времени, Хабарову наказную память, которая здѣсь въ примѣчаніи приводится слегка въ сокращенномъ видѣ: [1])

Получивши «наказную память», Хабаровъ сталъ сзывать промышленныхъ и охочихъ людей, желавшихъ идти въ походъ.

Въ свою очередь воевода Францбековъ послалъ о томъ же «*памяти*» въ Усть-Кутскій и Чечуйскій остроги. Приказчики этихъ остроговъ должны были кликать желающихъ вольныхъ и охочихъ людей. А охочіе люди приглашались подавать «*челобитныя*» приказчикамъ, которые записывали бы ихъ имена.

---

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Ему, Хабарову, а съ нимъ охочимъ промышленнымъ и служилымъ людямъ 150 человѣкамъ (или сколько онъ можетъ прибрать), идти по Олекмѣ и Тугиру, потомъ волокомъ на рѣку Шилку для ясачнаго сбору и пріиску новыхъ земель. Дорогою идти бережно, осторожливо; на станахъ становиться съ карауломъ. Дошедши по Олекмѣ и Тугиру до волока, поставить, гдѣ пригоже, острогъ и укрѣпить его всякими крѣпостями накрѣпко, чтобъ будучи въ томъ острожкѣ для ясачнаго сбору отъ немирныхъ людей было бы безстрашно. И ходить изъ того острожка на немирныхъ и неясачныхъ людей, князей Лавкая и Батогу, чтобы они, князцы съ себя и улусныхъ людей давали ясакъ.

Дорогою брать «вожей» (проводниковъ), выбирая ихъ изъ ясачныхъ, знающихъ и добрыхъ. А вожамъ провожать казаковъ и указывать имъ неясачныя мѣста, гдѣ и кто живетъ по кочевьямъ...

Если иноземцы будутъ послушны и покорны и ясакъ платить начнутъ, то жить имъ на прежнихъ кочевьяхъ безъ боязни. И велитъ Великій Государь своимъ ратнымъ людямъ ихъ оберегать. А Лавкая и Батогу и иныхъ лучшихъ людей, по ихъ вѣрѣ, приводить къ шерти, чтобъ быть имъ подъ Царевою рукою навѣки неотступно въ прямомъ ясачномъ холопствѣ. А какого роду и кого именемъ лучшихъ людей приведешь къ шерти, (въ подданство) записывать у себя въ книги. Лучшихъ людей брать въ аманаты, чтобъ было за кѣмъ ясакъ и «поминки» имать «по вся годы».

Лавкаю и Батогѣ заказывать накрѣпко. Государевою грозою и смертною казнью, чтобъ они не велѣли иноземцамъ русскихъ торговцевъ и промышленниковъ побивать и обижать.

А если новые неясачные люди учинятся непослушны, ясаку и аманатовъ давать не станутъ, то ему Еровею надъ ними поискъ чинить и промышлять войною. И ихъ неясачныхъ ратнымъ обычаемъ, войною смирить и въ аманаты взять лучшихъ людей князцовъ, смотря по обстоятельствамъ, «промышлять надъ иноземцами, всякими мѣрами домышляючись, съ вели, кимъ радѣніемъ, не оплошно». Государевой и ясачной казнѣ учинить не малую прибыль, которая была бы впредь прочна и стоятельна. Немирныхъ людей, которые ясаку не платятъ-

Хабаровъ изготовлялъ для всѣхъ прибираемыхъ (150 человѣкъ) на свой счетъ хлѣбные запасы, суда, пищали и свинецъ *) [1]).

Для бѣдной тогдашней казны это было особенно важно. Воеводы были крайне довольны и, донося объ этомъ царю, прибавляли:

«А напередъ сего въ ту новую землю посылали Еналея Бахтеярова и Василія Пояркова, а денежное и хлѣбное жалованье и порохъ, и свинецъ, и пищами давали имъ изъ казны. А они до Лавкая и Батоги не дошли, ходили не по Олекмѣ, прямой дороги не знали. И въ твоемъ государевомъ хлѣбномъ и денежномъ жалованьѣ и въ свинцу, и въ пороху учинилася многая убыль» ***).

Словомъ, воеводы хотѣли сказать: все устраивается и дешево и сердито!

Кромѣ приведенія въ подданство Лавкая и Батогу Хабарову было дано порученіе *провѣдывать серебряную руду* ****).

Хабаровъ получилъ воеводскій наказъ и 6-го марта 1649 года, съ 70-ю охотниками, отправился на изготовленныхъ судахъ по Олекмѣ вверхъ.

Онъ надѣялся подобрать дорогою еще промышленниковъ-звѣролововъ, блуждавшихъ въ лѣсахъ по пути къ Амуру. И

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Экспедиція обходилась однако довольно дорого. И Хабарову пришлось занять у Францбекова 1.363 р. (т. е. на современный счетъ около 13.000 руб.) Хабаровъ снарядилъ экспедицію только въ 70 человѣкъ и снаряженіе ея обошлось въ 3½ тысячи рублей (т. е. на современный счетъ 10 тысячъ рублей) **).

смирить ратнымъ обычаемъ, безвѣстнымъ тайнымъ приходомъ. А на Государя брать съ нихъ ясакъ: соболи, собольи шубы, пластины, напольники, ожерелья, черныя, чернобурыя, сверчочеревыя и красныя лисицы, горностальи шубы, бобры и выдры. А буде у неясачныхъ людей мѣста степныя, не лѣсныя, и тамъ ни соболей, ни лисицъ, ни бобровъ, ни выдръ нѣтъ,—съ тѣхъ людей брать ясакъ другими звѣрями и узорочными товарами, что есть въ ихъ землѣ: золото или серебро, или камку, или каменье дорогое по ихъ изможенію. Но чтобы они и не думали, что по звѣриной скудости не быть имъ подъ царскою рукою. А сказать имъ, чтобъ они ни въ чемъ не опасались и были бы Государю прочны и стоятельны. И быть служилымъ для новыхъ ясачныхъ людей не въ тягость и не въ налогъ, чтобъ тѣмъ отъ высокой Царской руки ихъ не отогнать. А если они, Лавкай и Батога, въ вѣчномъ холопствѣ быть не захотятъ, то сказать имъ, что самъ воевода Францбековъ, собравшись со всѣми ратными людьми, придетъ побивать ихъ, вѣшать и разорять. Ерофею надъ служилыми и промышленными чинить расправу, смотря по винѣ, и отъ всякаго дурна унимать. Челобитныя отъ служилыхъ другъ на друга принимать, записывать, но не судить, а брать по истцѣ и отвѣтчикѣ *«поручныя записи»* (ручательныя подписки) и присылать въ Якутскую *«съѣзжую избу»*—и челобитныя и записи. А какъ Шилку перейдете, Лавкая и Батогу и другихъ неясачныхъ дорогою по Олекмѣ и Тугиру приведете подъ Царскую руку, и ясакъ съ нихъ и аманатовъ возьмете,—то съ Государевою казною послать въ Якутскій острогъ *«именныя ясачныя книги»*, *рѣкамъ чертежъ и отписку о томъ, много-ли и какихъ людей живетъ по тѣмъ рѣкамъ?* А буде встрѣтятся по Олекмѣ торговые и промышленные люди, то ихъ накрѣпко осматривать. Перекупную и мягкую рухлядь у нихъ записывать, а самихъ промышленниковъ, *«за поруками»*, отпускать въ Якутскій острогъ и велѣть явиться въ «съѣзжей избѣ»: У кого нѣтъ рухляди,—тѣхъ отпускать въ Якутскъ безъ задержки, а напрасно не приметываться. О всемъ писать въ Якутскую *«съѣзжую избу»*.

*) Оглоблинъ ч. III, стр. 182.
**) Оглоблинъ ч. III, стр. 96.
***) П. А. т. IV стр. 70—72.
****) Д. И. IV 74.

не ошибся въ этомъ: партія его въ дѣйствительности увеличилась въ пути *).

Шли медленно. Быстрое теченіе рѣки до крайности задерживало движеніе. На порогахъ выбивались изъ силъ и только къ концу лѣта дошли до устья Тугира, гдѣ и зимовали **).

18-го января (въ Афанасьевъ день) 1650 г. сложивъ припасы и «боропенъ» на нарты, выступили и шли по льду до Яблоноваго хребта. Въ горахъ выпалъ глубокій снѣгъ; подниматься на лыжахъ было трудно: вьюги, непогода, снѣжные обвалы ***)...

Но энергичные землепскатели перевалили все же черезъ Камень (такъ казаки называли Яблоновый хребетъ) и попали на Амуръ. Они скоро наткнулись на городъ князя Лавкая на берегу рѣки [1]), впадающей въ Амуръ.

Городъ былъ съ 5 башнями, глубокими рвами и подлазами—и представлялъ значительное укрѣпленіе, но онъ былъ покинутъ жителями. Хабаровъ занялъ его. Изъ Лавкаева города Хабаровъ пошелъ внизъ по Амуру, чтобы поймать аманатовъ.

Казаки встрѣтили еще два городка съ башнями и стѣнами, окруженными рвами. Городки эти были отъ 1 до 1½ дней пути одинъ отъ другого (отъ 60 до 90 вер.). Второй городъ принадлежалъ зятю Лавкая.

Къ своему удивленію Хабаровъ находилъ вездѣ только пустыя жилища: князь Лавкай, заслыша приближеніе русскихъ, ушелъ со всѣми родичами въ горы.

Попадавшіеся городки и укрѣпленія (импани) имѣли деревянныя стѣны и по 4 или 5 башенъ. Стѣны были обведены высокимъ валомъ и глубокимъ рвомъ. Подъ башнями находились калитки («подлазы») на случай вылазки и тайники, проведенные къ водѣ. За стѣною находились каменные дома съ бумажными окнами (какъ нынѣшнія китайскія фанзы).

Не находя нигдѣ людей и осматривая попутные городки, только въ третьемъ изъ нихъ Хабаровъ остановился. Кругомъ были поставлены часовые. Вскорѣ одинъ изъ нихъ замѣтилъ 5 приближавшихся всадниковъ.

Хабаровъ приказалъ толмачу спросить пріѣхавшихъ, что они за люди. Старшій изъ всадниковъ сказалъ, что онъ князь Лавкай, а съ нимъ—два его брата, зять и слуга.

---

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Можно полагать, что это рѣка Урка. Но въ другомъ мѣстѣ отписки ясно сказано: «вверхъ по рѣкѣ Великой по Амуру выше князя Лавкаева городовъ—рѣка Урка»... Остается, слѣдовательно, невыясненнымъ былъ первый городъ при устьѣ Урки или на другой рѣчкѣ.

---

*) Д. И. III 258—48 Ист. Албаз. 8.
**) Д. И. т. III стр. 258.
***) Д. И. III 261.

Лавкай спросилъ толмача: «Какіе вы люди и откуда вы пришли»?..

Толмачъ отвѣтилъ, что «де мы промышленные люди, а пришли съ ними даурами торговать и имъ де иноземцамъ привезли подарки».

«Что ты де обманываешь?» отвѣтилъ Лавкай: «Мы де васъ, казаковъ, знаемъ. Прежде васъ у насъ былъ казакъ Иванъ Квашнинъ. И онъ намъ сказывалъ про васъ, что де васъ идетъ 500 человѣкъ, а за вами еще идутъ люди. И хотите вы всѣхъ насъ побить, животы ограбить, а женъ и дѣтей взять въ плѣнъ. И вотъ поэтому онъ Лавкай съ братьями и людьми разбѣжались изъ улусовъ».

Хабаровъ приказалъ толмачу спросить Лавкая, зачѣмъ приходилъ Квашнинъ. Оказалось, что Квашнинъ приходилъ въ улусъ по рѣкѣ Амазару, съ тремя тунгусами, собирать ясакъ и дарилъ ихъ подарками: котлами, топорами и ножами. Но туземцы подарковъ у Квашнина не взяли, а брали только одинъ одекуй (синій бисеръ). Квашнинъ собралъ 50 соболей. До пріѣзда Квашнина давали они соболей въ дань князю Богдою. И теперь соболей у нихъ нѣтъ. Лавкай сообщилъ, что на устьѣ рѣки Амазара жили 3 товарища Квашнина и тоже собирали съ Лавкаевыхъ тунгусовъ соболей.

Хабаровъ сталъ просить съ Лавкая ясакъ на Великаго Государя и обѣщалъ за это оберегать какъ его, такъ и Шильгинея и Гильдигу, князей сосѣднихъ двухъ городовъ, «лежавшихъ промежъ Шилима и Амура рѣкъ».

Въ настоящее время Лавкай съ ними жилъ вмѣстѣ, такъ какъ они были одного рода.

Братья Лавкая согласились платить ясакъ. Самъ же Лавкай сказалъ:

«Посмотримъ еще, каковы вы будете люди».

Послѣ этого Лавкай съ братьями отъѣхалъ.

И только тогда-то Хабаровъ спохватился, что ихъ нужно было забрать въ заложники, но было уже поздно.

Хабаровъ бросился за ними въ погоню, чтобы найти ихъ улусы и взять аманатовъ.

Прошли день и встрѣтили 4-й городъ. Онъ былъ тоже пустой и такого же устройства, какъ предшествующіе, но съ тремя башнями.

Изъ 4-го города, выйдя ночью, шли всю ночь и на-завтра къ полудню пришли въ 5-й городъ. Онъ былъ съ 4-мя башнями. Тамъ нашли даурскую бабу. Она назвалась Лавкаевой сестрой. *Ее распрашивали, «и пытали и огнемъ жгли, домогаясь узнать причину, почему Лавкай и его люди бѣжали изъ городовъ».*

Она повторила то же, что говорилъ Лавкай. Дауры боялись прихода русскихъ. И уже три недѣли, какъ они бѣжали съ женами, дѣтьми и животами.

Дауры поднялись на 2,500 лошадяхъ и ушли къ князю Шильгинею и Гильдигѣ. И тамъ де всѣ ихъ люди собрались вскопѣ. Отъ Шильгинеева города до Богдоева на коняхъ пути двѣ недѣли [1]).

Изъ 5-го городка Хабаровъ вернулся въ первый Лавкаевъ городокъ [2]) «*для того, что тотъ городъ съ большими крѣпостьми и съ приходу первый*». (Значитъ выборъ его опредѣлялся военными соображеніями).

Хабаровъ прибылъ туда въ началѣ весны (въ Великое заговѣнье) 1650 года и засѣлъ тамъ.

Казаки нашли въ городѣ много хлѣба, зарытаго въ ямы: ячмень, овесъ, просо, гречиху, конопляное сѣмя, горохъ, словомъ полное изобиліе. Хлѣба, по расчету Хабарова, хватило бы отряду года на два—на три *).

Утвердившись на системѣ Амура и добывъ такія важныя свѣдѣнія, Хабаровъ съ небольшимъ числомъ товарищей, оставивъ 50 человѣкъ въ городкѣ Лавкая, вскорѣ отправился обратно въ Якутскъ.—

Хитрый опытовщикъ понималъ, что о такомъ важномъ дѣлѣ нужно доложить самому: въ отпискѣ всего не выскажешь.

26 мая 1650 года онъ прибылъ въ Якутскъ и изложилъ свои взгляды на даурское дѣло.

Въ тотъ же день воевода Францбековъ написалъ о всемъ этомъ отписку царю, прибавляя: «А если изволишь Ты,

*) Д. И. т. III, стр. 260.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Баба разсказала, что она была въ плѣну у Богдоя и видѣла его городъ.

Городъ Богдоя большой, весь—земляной. Въ немъ есть лавки. Торгуютъ узорочными (дорогими) товарами. Богдой собираетъ ясакъ со всѣхъ даурскихъ князей. Въ станѣ Богдоя много золота, серебра, узорочныхъ товаровъ и дорогихъ каменьевъ. Бой у него огненный—пушки и пищали, кромѣ того,—луки и сабли. Посуда у Богдоя серебряная и золоченая. Соболей у него тоже много. Ниже Богдоева городка великая рѣка Нонни впала въ Амуръ съ правой стороны. По ней ходятъ большія суда съ товарами. А откуда суда приходили, баба не знала.

Но есть еще ханъ, который сильнѣе Богдоя... Вокругъ Богдоева города много людей, которые сѣютъ хлѣбъ, и много у нихъ скота...

Вверхъ по Амуру, выше Лавкаевыхъ городковъ, которые они прошли,—есть рѣка Урка. Отъ рѣки Урки до Амазару 3 дня пути. А отъ Амазару до устья Шилки еще 2 дня пути. А по тѣмъ рѣкамъ живетъ множество тунгусовъ. Внизъ по Амуру живутъ дауры—земледѣльцы и скотоводы, а по притокамъ Амура—тунгусы. Въ Амурѣ много рыбы: калужки, осетры и другія.

Въ Лавкаевыхъ городкахъ и улусахъ много пашенъ и луговъ. По Амуру темные и большіе лѣса, а въ нихъ много соболей и всякаго звѣря.

Благодаря тому, что Иванъ Квашнинъ предупредилъ Лавкая, Хабарову не удалось настигнуть Лавкаевыхъ улусныхъ людей, потому что русскіе люди пѣшіе, а Лавкаевы люди ушли на «коняхъ».

[2]) ПРИМѢЧАНІЕ. На его рѣшеніе вернуться, по всей вѣроятности, повліяли извѣстія, полученныя отъ бабы. Идти на городъ Шильгинея было рискованно. Тамъ собрались «вскопѣ» люди Лавкая, Шильгинея и Гильдиги. Между тѣмъ однихъ Лавкаевыхъ людей было не менѣе 1000 человѣкъ (это видно изъ того, что они поднялись на 2,500 лошадяхъ).

Государь, послать на князя Богдоя ратныхъ людей, то ихъ нужно будетъ тысячъ шесть» *).

Къ донесенію этому приложили *«чертежъ земли и городовъ Лавкая»*.

«И Тебѣ, Государь, будетъ прибыль большая», заключалъ воевода: «Если даурскіе князцы будутъ подведены подъ твою руку и заведутся пашней въ даурской землѣ, то не нужно будетъ тогда посылать хлѣба въ Якутскъ.

Изъ Лавкаева городка съ Амура рѣки до Тугирскаго острога, который поставилъ Хабаровъ, волоку 100 верстъ, а дальше воднаго пути до Якутска только двѣ недѣли **).

Даурская земля будетъ прибыльнѣе Лены. Да и противъ всей Сибири мѣсто то будетъ украшенное и изобильное»...

Результаты развѣдки Хабарова были заманчивы для якутскихъ воеводъ, желавшихъ заслужить милость Государя, показать свое усердіе...

II-й походъ на Амуръ Хабарова 1650—1652 г.

Быстро формируется новый отрядъ... Собирали охотниковъ; набралось до 150 ***).

Во 2-й походъ воевода Францбековъ отпустилъ съ Хабаровымъ 20 казаковъ, далъ три пушки, свинецъ и порохъ. Въ случаѣ нужды обѣщалъ прислать подмогу...

Между тѣмъ оставшіеся послѣ Хабарова на Амурѣ казаки собрали съ окрестныхъ дауръ ясакъ и послали его въ Якутскъ, приложивъ къ нему часть снятаго хлѣба, посѣяннаго ими для опыта ****).

Осенью 1650 года Хабаровъ во 2-й разъ шелъ спѣшно изъ Якутска на Амуръ. Онъ получилъ *«наказную память»* съ большими полномочіями: теперь онъ могъ судить и чинить наказаніе. И только въ большихъ дѣлахъ долженъ былъ «строчить» въ Якутскъ.

Взятіе городковъ Албазы и Атуя.

Городки уже не были пусты: дауры рѣшили дать отпоръ и не хотѣли пускать казаковъ въ свои земли. Они даже нападали. И люди, оставленные Хабаровымъ на Амурѣ, 50 человѣкъ, выдержали не одну осаду. Даурскіе люди съ ними бились много разъ, но города взять не могли *****).

*) Д. И. III 258.
**) Д. И. III 260.
***) Садовниковъ. Наши землепрох. стр. 12.
****) Паршинъ стр. 12.
*****) А. И. т. IV стр. 76.

10-го ноября 1650 года недалеко отъ города князя Албазы Хабаровъ встрѣтилъ дауровъ. Они вышли изъ города на вылазку и бились съ казаками съ полудня до вечера. Въ бою было ранено 20 казаковъ; убитыхъ не было. Со стороны же дауровъ потери были большія *).

Городокъ былъ хорошо укрѣпленъ, стоялъ на удобномъ мѣстѣ. Но даурскіе князья устоять не могли, бросили городъ съ хлѣбными запасами, сѣли на коней и «*большимъ скопомъ разметалися по Амуру*», короче говоря: дауры бѣжали...

135 казаковъ подъ начальствомъ Трофимова и Ермолина преслѣдовали ихъ на стругахъ всю ночь до городка князя Атуя.

Утромъ жители городка Атуя, увидавъ казаковъ, наскоро сжигали свои жилища и, вскакивая на коней, бѣжали внизъ по берегу Амура **).

Въ полдень Трофимовъ и Ермолинъ нагнали бѣглецовъ и вступили въ бой. Въ бою пало много туземцевъ; казаки отбили у нихъ 117 головъ рогатаго скота. Въ этой стычкѣ у казаковъ ранено 9 человѣкъ. Съ добычею казаки вернулись въ Албазинъ.

Зимовка въ Албазинѣ 1650—1651 г.

Между тѣмъ приближалась зима, и Хабаровъ приступилъ къ укрѣпленію одного изъ городковъ. Городокъ этотъ былъ Албазинъ, одинъ изъ 5-ти даурскихъ городовъ, названный по имени князя Албазы. Хабаровъ укрѣпилъ его. Изъ этого городка начались развѣдки.

Отъ плѣнныхъ казаки узнали, что по Амуру живутъ 9 владѣльцевъ. «Всѣ они данники Богдойскаго Шамшахана. А самъ Богдой Шамшаханъ данникъ другого хана, имя котораго еще мудренѣе»...

Сдѣлавъ предварительныя развѣдки, изъ вновь укрѣпленнаго городка (Албазина), Хабаровъ предпринимаетъ походы: одинъ внизъ по Амуру, другой вверхъ до его верховьевъ, до «Стрѣлки». (Сліяніе Аргуни съ Шилкою).

24 ноября ходилъ онъ съ 2-мя пушками, которыя возили на партахъ, внизъ по Амуру, оставивъ въ городкѣ небольшой отрядъ ***).

Казаки шли по Амуру 9 дней, а на 10-й встрѣтили конницу даурскихъ князей. «*И въ томъ мѣстѣ казаки съ ними бой поставили и бились съ ними день весь съ утра и до вечера*»... Много дауровъ было перебито: противъ пушекъ они не могли устоять и бѣжали...

*) А. И. т. IV стр. 71.
**) А. И. т. IV, стр. 74.
***) А. И. т. IV, стр. 74.

Стояла холодная сибирская зима. Идти дальше было нельзя, и Хабаровъ вернулся назадъ въ Албазинъ *).

Усть-Стрѣлочный острогъ 1650—1651 г.

Но обезпечивъ себя съ одной стороны побѣдою надъ туземцами, онъ немедленно отправился и въ другую, вверхъ по Амуру до Стрѣлки. Здѣсь при сліяніи Шилки и Аргуни, которые вели въ новые ясачные раіоны, онъ поставилъ острогъ. Новый острогъ былъ «*въ урожемъ, крѣпкомъ мѣстѣ подъ волокомъ*». До него съ Олекмы «пѣшею ногою сухимъ путемъ» только два перехода. Въ острогѣ Хабаровъ оставилъ 50 человѣкъ: 20 для пашни «*на своихъ проторяхъ и со своими подъемы*» (т. е. со своимъ продовольствіемъ) и 30 казаковъ для привода подъ царскую руку тунгусовъ князя Гантимура-Улана, жившихъ по Гану и торгачинъ. Съ остальными служилыми Хабаровъ зимовалъ въ Албазинѣ, какъ на «*самомъ крѣпкомъ мѣстѣ*» **).

Ободренный успѣхомъ опытовщикъ писалъ якутскому воеводѣ Францбекову, что *выжить изъ того мѣста его, Хабарова ничѣмъ не можно*... А хлѣба у него запасено въ городѣ (Албазинѣ) хоть на 5 лѣтъ.

Если прислать побольше войска, то можно ходить войною и на Богдойскаго Шамшахана и на того, кѣмъ онъ въ ханы посаженъ. Покорить Шамшахана выгодно: въ его царствѣ есть серебряная гора. И ѣзды до нея съ Амура только 7 дней. Сторожей у горы стоитъ съ полтысячи. Много тамъ жемчугу и дорогого камня.

Но справа съ Шамшаханомъ будетъ не легкая: у него каменные и деревянные города съ пушками. Его люди выходятъ на бой съ копьями и кривыми саблями, не считая луковъ...

Около истоковъ Амура, въ его верховьяхъ, живетъ, напротивъ, слабый народъ и бѣжитъ онъ къ низовьямъ Амура къ сильнымъ людямъ, которые ясакъ никому не платятъ».

Оставаясь въ Албазинѣ въ теченіе зимы 1651 года, Хабаровъ собралъ ясаку 166 соболей и 1 шубу, а всего на 293 рубля (2900 руб.). Францбековъ ясакъ съ отпискою о всемъ происшедшемъ отослалъ въ Москву.

Въ этомъ первомъ документѣ зарождавшейся дальневосточной политики говорится: «князья Лавкай, Шильгиней и Албаза, которые ясакъ дали, подъ твоею царскою рукою быть въ вѣчномъ холопствѣ хотятъ. Остальные даурскіе князцы жи-

*) А. И. т. IV, стр. 71 и 42.
**) А. И. т. IV, стр. 75.

вутъ вскопѣ на низовьяхъ Амура и ждутъ обороны отъ царя Шамшахана и Алака-Батуракана. А Шамшаханъ, царь Богдойской земли, посаженникъ царя Алака-Батуракана».

«А Ероѳей съ служилыми живетъ въ Албазинѣ городѣ на рѣкѣ Амурѣ, въ самомъ крѣпкомъ мѣстѣ, и за помощію Божіею чаютъ, что его даурамъ изъ того мѣста выжить будетъ ничѣмъ не можно. А если пожелаетъ Государь овладѣть даурскою землею и тѣми царями Шамшаханомъ и Алака-Батураканомъ, и серебряною горою, то послать въ даурскую землю большую рать. Ратнымъ людямъ нужно взять хлѣба изъ Якутска по 7 пуд. на человѣка на дорогу до волоку, а за волокомъ на Амурѣ можно хлѣбъ взять у даурскихъ людей хоть на 20 тысячъ или больше» *).

Посольство и подкрѣпленіе Чичегина.

Между тѣмъ якутскіе воеводы стараются поддержать Хабарова и завязать сношенія съ богдыханомъ.

Они спѣшно собрали на подмогу Хабарову 137 человѣкъ подъ начальствомъ Чичегина; изъ нихъ 27 казаковъ и 110 охотниковъ. Дали имъ 30 пудовъ свинцу и столько же пороху, стопу писчей бумаги и писаря **).

Съ Чичегинымъ воеводы послали грамоту къ царю Шамшахану.

Чичегинъ, по сдачѣ людей Хабарову, долженъ былъ отвести ее по назначенію...

Въ грамотѣ воеводы писали:

«Государь нашъ силенъ и великъ и страшенъ, многимъ царямъ и князьямъ повелитель... Онъ велѣлъ тебѣ сказать милостивое жалованное слово, чтобъ ты, царь Шамшаханъ, былъ подъ его высокою рукою въ вѣчномъ холопствѣ со всѣмъ своимъ родомъ и съ иными даурскими князьями. И нынѣ Государь изволилъ послать немного людей, чтобъ сказать тебѣ милостивое слово, а не для боя. Но если ты не учнешь быть подъ его царевою рукою въ вѣчномъ холопствѣ, то тебя за непослушанье велитъ Государь смирить ратнымъ боемъ и города твои взять, чтобъ иные даурскіе князья, видя грозу Государя и смертную казнь и разоренье, были покорны и послушны впредь безъ боя. А Государь нашъ милостивъ и праведенъ и крови ничьей не искатель. Въ нынѣшнемъ 1651 году твои даурскіе князья русскихъ ратныхъ людей побить хотѣли и бои многіе ставили, но отъ нашего ратнаго боя устоять не могли. И тебѣ не стоять и съ людьми нашего Госуда-

*) А. И. IV т., 76 стр.
**) А. И. т. IV. стр. 74 и 42.

ря не биться; чтобъ не прогнѣвать Великаго Государя, вели дань давать серебромъ и золотомъ, самоцвѣтными каменьями, узорочными товарами и мягкою рухлядью, что въ вашемъ государствѣ есть, по вашей силѣ, какъ-бы вамъ въ мочь. А въ одномъ сибирскомъ царствѣ русскихъ людей многое множество... И якуты, и тунгусы, и юкагиры, и многіе люди ратному бою навычны и на непослушныхъ въ походы готовы и рады биться за Государя, не щадя головъ своихъ»*).

Такія же грамоты были посланы къ князьямъ Шильгинею и Гильдигѣ и къ хану Богдою.

Посольство это не дошло: дауры убили русскихъ дорогою **).

Проектъ посылки на Амуръ князя Лобанова Ростовскаго.

По отпискѣ якутскихъ воеводъ объ успѣхахъ Хабарова на Амурѣ заволновалась и Москва [1]).

Амурскій вопросъ разрѣшался въ трехъ мѣстахъ: на Амурѣ—Хабаровымъ, въ Якутскѣ—воеводами и въ Москвѣ—царемъ.

Хабаровъ укрѣпился въ Албазинѣ, построилъ острогъ на устьѣ Аргуни и собирался въ новый походъ внизъ по Амуру. Якутскіе воеводы снаряжали подкрѣпленіе Хабарову подъ начальствомъ Чичегина и послали грамоту къ Шамшахану.

А на Москвѣ обдумывалась грандіозная, по тому времени, экспедиція на Амуръ подъ начальствомъ князя Лобанова-Ростовскаго съ 3-хъ тысячнымъ отрядомъ. Писались грамоты въ Верхотурье и Тобольскъ объ изготовленіи въ Верхотурьѣ въ 1652—1653 г. г. судовъ. Изъ поморскихъ городовъ высылались плотники на Верхотурье. А они должны были сдѣлать въ 2 года (1652—1653) по 40 судовъ въ годъ для сплава отряда князя Лобанова-Ростовскаго, кромѣ того, изготовить лѣсъ на 60 судовъ.

Енисейскіе воеводы въ свою очередь снаряжали въ 1652 году Петра Бекетова въ Забайкалье, не дожидая царскаго разрѣшенія ***).

Всѣ эти событія имѣли общую связь [2]).

*) А. И. т. IV, стр. 72 и 42.
**) Садовниковъ, «Наши землепроходы» стр. 90.
***) А. И. т. IV, стр. 168. Рук. отд. Библ, Ак. Наукъ. Списки съ Ирк, Арх. стр. 172.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. И какъ же было не волноваться, когда такъ изъ Якутска доносили?

[2]) ПРИМѢЧАНІЕ. Это была весенняя пора Амурскаго вопроса. Но суждено было ему осуществиться только черезъ 200 лѣтъ. Поставленный тогда на очередь, онъ былъ отложенъ въ долгій ящикъ... Русскіе столкнулись здѣсь впервые съ китайцами и вопросъ осложнился...

Это было весною

Сожженіе городка Десаула 1651 г.

2-го іюня 1651 года Хабаровъ, сдѣлавъ суда, большія и малыя, пошелъ во второй разъ изъ Албазина внизъ по Амуру. Черезъ 2 дня встрѣтили оставленный жителями городъ князя Десаула и сожгли его. Прибрежные туземцы, жившіе по берегу р. Амура въ отдѣльныхъ жилищахъ, видя флотилію казаковъ, бѣжали. Казаки плыли по Амуру на легкихъ стругахъ.

Нападеніе на Гуйгудовъ городъ. Китайцы. 1651—1652 г.

На другой день вечеромъ, спустившись внизъ, Хабаровъ напалъ на Гуйгударовъ городъ *).

Жители встрѣтили казаковъ на берегу и не давали приставать къ берегу. Казаки начали стрѣлять со струговъ; 20 туземцевъ убили.

Князья Гуйгударъ, Олгемза (Олгодій) и Лотодій и ихъ люди берегъ очистили. Казаки высадились на берегъ и бросились за ними. Князья засѣли въ своихъ городахъ. У нихъ были сдѣланы три новыхъ города и обведены валомъ. Города стояли рядомъ, отдѣляясь только стѣнами.

Подъ валами были маленькіе выходы («подлазы»); воротъ не было. Подлазы были сдѣланы для того, чтобы переходить изъ одного города въ другой, коли понадобится.

Внутри городовъ ямы—рвы, въ которыхъ стоялъ скотъ и укрывались жены и дѣти. Около тѣхъ городовъ кругомъ обведены были два рва, по сажени глубиною. Въ эти рвы вели тоже «подлазы» **).

Около городовъ были улусы, но туземцы ихъ сожгли и засѣли въ городѣ. А въ сторонѣ, въ полѣ, стояли люди въ дорогихъ шелковыхъ одеждахъ, повидимому, не принимавшіе участія въ оборонѣ города.

Это были маньчжуры богдойскаго хана...

Русскіе осадили городъ. Когда они приблизились, съ городскихъ башенъ полетѣли тучи стрѣлъ. Хабаровъ попробовалъ было склонить князей къ покорности черезъ толмача, «*безъ драки*». Князья отвѣчали: «мы даемъ ясакъ богдойскому Шамшахану и вамъ де какой ясакъ у насъ ***)?»

Тогда казаки начали стрѣлять изъ пушекъ и ружей. Пушки наводили въ башни съ нижней стороны, а изъ мушкетовъ и пищалей стрѣляли по людямъ, защищавшимъ стѣны.

*) Д. И. т. III, стр. 359.
**) Д. И. т. III, стр. 260.
***) Д. И. т. III, стр. 260.

Дауры стрѣляли изъ луковъ. «Поле было какъ засѣянное стрѣлами».

Стрѣльба со стороны русскихъ продолжалась цѣлую ночь до восхода солнца, когда наконецъ удалось пробить башенную стѣну.

Чрезъ брешь первыми ворвались въ городъ куячные, за ними слѣдовали люди со щитами въ рукахъ... Русскіе сбили дауровъ со стѣнъ и заняли первый городокъ. Дауры заперлись во второмъ и третьемъ городкахъ. Полдня ушло на то, чтобы выбить ихъ изъ второго города. Наконецъ, они всѣ собрались въ третьемъ городѣ.

Казаки стрѣляли по нимъ безпрестанно изъ пушекъ и ружей. Въ перестрѣлкѣ казаки убили 234 дауровъ.

Наконецъ, сошлись въ рукопашную на сабляхъ и копьяхъ (*«драка завязалась съемная и копейная»*).

«Казаки сжали дауровъ въ городѣ со всѣхъ сторонъ, «и всѣхъ ихъ порубили въ пень, съ головы на голову». И тутъ на «съемномъ бою» (въ рукопашную) побили ихъ 427 человѣкъ, а всего 661. Спаслось дауровъ только полтора десятка, которые черезъ проломъ убѣжали изъ города. Русскихъ было убито 4, ранено 45.

Казаки захватили, какъ добычу, 243 женщины, 118 дѣтей, 237 коней и 113 головъ рогатаго скота.

Изъ трехъ пушекъ разстрѣляли въ теченіе сутокъ по 3 пуда свинцу и пороху.

Отъ плѣнныхъ бабъ казаки узнали, что люди въ дорогихъ шелковыхъ платьяхъ—маньчжуры, посланцы богдойскаго Шамшахана. Они собирали съ дауръ ясакъ и жили въ даурскихъ улусахъ, человѣкъ по 50, до перемѣны ихъ другими. Маньчжуры издали наблюдали за ходомъ боя.

На другой день одинъ изъ маньчжуровъ пришелъ къ Хабарову для переговоровъ. Платье у него было камчатное, а шапка соболиная. Языкъ оказался незнакомый и переводить было некому.

Долго не понимали, что ему было нужно. Наконецъ, добились толку. (Переводчицами были даурскія бабы). Оказалось, что Шамшаханъ не велѣлъ воевать съ русскими, а «приказалъ свидѣться честно».

Хабаровъ принялъ посланцевъ ласково и далъ имъ подарки.

Казаки пробыли въ Гуйгударовомъ городкѣ 1½ мѣсяца (6 недѣль), но въ подданство никого не привели. Отсюда они посылали пословъ къ князьямъ Десаулу, Бамбулаю, Шильгинею и Албазѣ съ предложеніемъ поклониться Русскому Ца-

рю. Посланцами были отправлены дауры, бабы и мужики. Но никто изъ посланныхъ не вернулся назадъ. А до того мѣста, гдѣ собрались князьки, было одинъ день пути.

Захватъ города Бамбулая. Развѣдка города Толги, Омутея и Турунчи 1651 г.

20-го іюля Хабаровъ отправился изъ Гуйгударова городка внизъ по Амуру; а черезъ два дня дошелъ до городка Бамбулая, который былъ пустъ. Недѣлю спустя нашли казаки и самого Бамбулая и просили съ него ясакъ.

«Какой вамъ ясакъ?» отвѣтилъ князь и ясаку не далъ.

Послѣ этого Хабаровъ послалъ часть казаковъ изъ Бамбулаева городка въ улусы внизъ по Амруу.

Проплывши день, казаки напали на одинъ улусъ, въ которомъ захватили «языковъ» и отъ нихъ узнали, что отъ этого улуса до устья Зеи ходу $1^1/_2$ сутокъ и что противъ Зеи на правомъ берегу Амура находится улусъ князя Кокорея, а ниже его три улуса, а за ними городъ, укрѣпленный накрѣпко всею даурскою землею.

Въ городѣ жилъ князь Турунча, богдоева князя Балтачи зять. Кромѣ того, тамъ были два брата князья Толга и Омутей.

На Зеѣ находился городъ даурскаго князя Олпела *).

Съ этими свѣдѣніями посланные казаки вернулись къ Хабарову въ городъ Бамбулая. Захваченныхъ въ плѣнъ дауровъ. Хабаровъ пыталъ (*«огнемъ жегъ»*).. Они подтвердили слухи.

Нападеніе на городъ Турунчи, Толги и Омутея 1651 г.

Посовѣтовавшись съ казаками, Хабаровъ направился внизъ по Амуру. Шли до устья Зеи два дня и ночь.

Дорогою противъ устья Зеи на правомъ берегу Амура нашли 24 пустыхъ жилища, оставленныя жителями улуса Кокорея, и еще 3 улуса. Въ первомъ изъ нихъ захватили «языка» и узнали, что до города есть еще два населенныхъ улуса**).

«Казаки наскоро тѣ населенные улусы прогребли» и подъ городъ Турунчи. Толги и Омутея приплыли въ тотъ же день вечеромъ.

Туземцы были захвачены врасплохъ. Часть казаковъ на легкихъ стругахъ шла впереди и быстро повыскакала на берегъ. Они ворвались въ городъ и заняли башни.

Въ это время три туземныхъ князя безпечно пировали за городомъ въ улусѣ.

*) Д. И. т. III стр. 362.
**) Д. И. т. III стр. 362.

Занявши городъ, казаки бросились въ улусъ, гдѣ гуляли князья и окружили ихъ. Часть жителей бросилась въ бѣгство. Казаки ихъ преслѣдовали и ловили; многихъ поймали, многихъ перебили. Въ это время прибыли казаки, плывшіе на большихъ судахъ съ лошадьми и пушками. Услыхавъ стрѣльбу, они «наскоро нагребали, похватали съ судовъ коней, ударились въ погоню за бѣжавшими даурами и поймали почти всѣхъ».

А князья Толга и Турунча засѣли въ юртѣ и не хотѣли сдаться; кн. Омутей бѣжалъ. Толга и Турунча отстрѣливались, какъ могли. Хабаровъ послалъ толмача уговорить ихъ къ сдачѣ. Князья отвѣтили, что они готовы сдаться, но что соболей у нихъ теперь нѣтъ, что тѣхъ соболей, которые у нихъ были, они только что отправили къ богдыхану, а остальныхъ продали. Вслѣдъ за тѣмъ князья вышли изъ юртъ и сдались. Всего сдалось 270 человѣкъ, кромѣ дѣтей; изъ нихъ 100 мужчинъ. У Толги и Турунчи было до 1000 вооруженныхъ людей (луковъ) которыхъ они и стали сзывать, равно какъ и людей князя Омутея, вернувшихся на зовъ вмѣстѣ съ княземъ (человѣкъ 300). Хабаровъ привелъ всѣхъ къ шерти.

Всѣ три князя со всѣми родственниками взяты были въ заложники.

Туземцы внесли ясаку 60 соболей.

Князья говорили, что принесли такъ мало ясаку потому, что недавно отослали соболей Шамшахану, а новыхъ еще не успѣли наловить.

Съ общаго совѣта Хабаровъ принялъ соболей, отпустилъ улусныхъ, пришедшихъ съ Омутеемъ, а князей оставилъ въ аманатахъ. Жителямъ велѣли жить на прежнихъ мѣстахъ безъ боязни. Туземцы выкупали плѣнныхъ по 40, 60 и по 100 рублей.

Хабаровъ, посовѣтовавшись съ казаками, «*для постоянья и утвержденія земли*» отпустилъ ихъ безъ выкупа: «*казаки своихъ зипуновъ не порадѣли*».

Казалось доброе согласіе возстановилось. Туземцы доставляли казакамъ продовольствіе и жили мирно.

Но 3-го сентября дауры бросили неожиданно свои улусы. Причиною бѣгства было или вымогательство или насиліе толмача.

Въ этотъ день онъ ходилъ въ улусъ, пробылъ у нихъ около часу и прибѣжалъ въ городъ, разсказывая, что едва спасся. Туземцы будто-бы хотѣли схватить его. Пока онъ бѣжалъ въ городъ, туземцы сѣли на коней и бѣжали.

Хабаровъ, имѣя въ своихъ рукахъ князей, обратился къ нимъ, упрекая ихъ въ томъ, что это навѣрное они приказали своимъ людямъ уйти. «*Чѣмъ намъ всѣмъ погибать, лучше если*

мы одни умремъ за свою землю», отвѣчалъ Толга. Князей подвергли пыткѣ на огнѣ, но добиться ничего не могли. «*Отсѣките намъ головы, мы остались на смерть*», говорили князья. Конные туземцы издали наблюдали за участью своихъ князей. Казаки были удивлены: ничего подобнаго не случалось раньше. Дауры стояли твердо за свою землю и себя.

Все это заставило призадуматься Хабарова.

Въ Толгиномъ городкѣ пробыли казаки 3½ недѣли.

Приближалась осень. Нужно было позаботиться о зимовкѣ. Запасы истощились.

7-го сентября Хабаровъ спустился на судахъ внизъ по Амуру, надѣясь тамъ найти припасы, а городокъ Толги сжегъ.

Князь Толга, захваченный Хабаровымъ съ собою, не пережилъ горя: выкравши ножъ, онъ зарѣзался на другой день пути.

Внизъ по Амуру въ землѣ гогуловъ 1651 г.

Изъ Толгина городка плыли «до Каменю» (Хингана) 4 дня. По берегамъ встрѣтили 120 улусовъ въ 5 и 10 жилищъ. Въ щекахъ Хингана жило племя дауровъ гогулы. «Каменемъ» плыли два дня и ночь. Всего казаки плыли по Амуру 6 дней въ ежедневныхъ стычкахъ. Наконецъ, они добрались до устья Сунгари, встрѣтивъ на пути, начиная отъ Хингана 21 улусъ, а при впаденіи Сунгари находилось 2 большихъ улуса, юртъ по 60 въ каждомъ. Въ послѣднихъ улусахъ, не доѣзжая Сунгари, казаки взяли «языковъ», нѣкоторыхъ убили, а часть захватили въ плѣнъ.

Туземцы вносить ясакъ отказались. Казаки начали ихъ рубить и колоть и многихъ перебили. Переночевавъ здѣсь, казаки поплыли дальше.

Въ землѣ дучеровъ 1651 г.

На пути встрѣчались улусы дучеровъ. Всѣ улусы были юртъ по 60 по 70. Казаки ихъ «громили, рубили въ пень», много они перебили людей, а женъ, дѣтей и скотъ отбирали себѣ.

7 дней плыли казаки отъ устья Сунгари по Амуру дучерами. Улусы попадались большіе, юртъ по 70 по 80. Мѣсто пахотное и скотное.

Въ землѣ ачанъ 1651 г.

На 8-й день, спускаясь внизъ по Амуру, Хабаровъ вступилъ въ землю ачанъ. «На правомъ берегу, на горѣ сто-

ялъ улусъ «великъ и грозенъ. И съ того мѣста пошли ачаны».

Пашенъ и скота у нихъ не было; питались они рыбою. Ачаны рыбаки были хитрѣе и храбрѣе своихъ сосѣдей нахарей.

Казаки плыли посреди нихъ двое сутокъ. Начали попадаться большіе улусы юртъ по 100 и больше. Казаки пробовали было приставать на стругахъ къ берегу. Ачаны имъ не давали высадиться; казаки встрѣчали вездѣ мужественный отпоръ.

Зимовка въ Ачанскомъ городѣ 1651—1652.

Хабаровъ идти далѣе не рѣшился.

29 сентября въ одномъ большомъ улусѣ на лѣвомъ берегу онъ остановился на зимовку съ общаго совѣта всѣхъ казаковъ... Срубили городъ, снесли въ него скарбъ. Мѣстные ачаны согласились вносить ясакъ, а сами рѣшили высмотрѣть, сколько русскихъ, какое у нихъ оружіе и хорошо ли укрѣпленъ городъ.

5-го октября Хабаровъ послалъ 100 казаковъ на двухъ парусныхъ судахъ внизъ по Амуру, чтобы достать у жителей побольше рыбы. Казаки ходили въ походъ 5 дней. Нагрузивъ свои суда въ 2 улусахъ, казаки уже возвращались.

А ачаны, воспользовавшись этимъ, на 4-й день послѣ отбытія казаковъ, 8-го октября соединились съ дучерами, только что ограбленными Хабаровымъ и напали въ числѣ 800 человѣкъ на городокъ. Они, боясь пушекъ, принесли солому и хотѣли подпалить русскихъ со всѣхъ сторонъ.

У Хабарова было въ городѣ 106 человѣкъ; изъ нихъ 70 казаковъ, одѣвшись въ куяки противъ стрѣлъ, сдѣлали вылазку. На вылазкѣ въ теченіе 2 часовъ казаки рубили и кололи инородцевъ. Въ это же время оставшіеся въ городкѣ 36 человѣкъ стрѣляли со стѣнъ и съ башенъ изъ пушекъ и ружей. Туземцы не выдержали и бѣжали. Казаки преслѣдовали и ловили бѣглецовъ. Много изъ нихъ было убито и взято въ плѣнъ. Оставшіеся въ живыхъ ачаны и дучеры, побросались въ струги, вмѣщавшіе человѣкъ по 50 по 60 и наскоро отчаливали внизъ по Амуру*).

Отбивъ нападеніе, казаки собрались въ городъ и стали распрашивать плѣнныхъ про силу Дучерской и Ачанской земли. Оказалось, что всѣ дучеры и ачаны соединились, въ числѣ 800 человѣкъ, для отраженія общаго врага.

Хабаровъ назвалъ городокъ, въ которомъ отсидѣлись отъ ачанъ.—Ачанскимъ

*) Д. И. т. III, стр. 365.

Во время осады пало 117 туземцевъ; у казаковъ 1 убитъ и 5 ранено.

Между тѣмъ на другой день послѣ битвы посланные за рыбою вернулись съ полными судами припасовъ.

Казаки укрѣпили Ачанскій городокъ еще сильнѣе и прожили спокойно всю зиму.

Туземцы не появлялись.

28 ноября казаки нашли зимній санный путь въ землю ачанъ, ѣздившихъ на собакахъ.

Хабаровъ отправилъ въ поискъ 120 казаковъ, которые поймали двухъ князцовъ въ аманаты, многихъ туземцевъ перебили и на третій день вернулись въ Ачанскій городокъ.

Ачаны стали платить ясакъ.

«И жили служилые и вольные охочіе казаки въ томъ городѣ всю зиму и питались рыбою. А рыбу ловили желѣзными крюками».

Осада Ачанскаго острога китайцами 1652 г.

Собирая насильно ясакъ, казаки вооружали противъ себя туземцевъ. Хабаровъ не могъ услѣдить за всѣми. Туземцы были выведены вымогательствомъ изъ терпѣнья и обратились за помощью къ Шамшахану.

Весною 1652 года, 24 марта, маньчжурскій воевода Исиней, съ отрядомъ въ 2000 конныхъ и куячныхъ, съ 6 пушками, 30-ю многоствольными, безъ замковъ, ружьями, съ глиняными начиненными порохомъ ядрами, внезапно появился подъ Ачанскимъ городкомъ.

Это было рано утромъ на зарѣ. «*И метались казаки на городъ, на стѣну городовую въ единыхъ рубашкахъ по крику атамана Андрея Иванова: «Братцы казаки, вставайте и облекайтесь въ куяки крѣпкіе»* *).

Здѣсь впервые казаки столкнулись съ маньчжурами—китайцами, съ организованнымъ государствомъ, имѣющимъ войско и огнестрѣльное оружіе, «съ людьми огненнаго боя».

Услыша залпы, казаки думали, что изъ пушекъ палятъ казаки изъ города. Оказалось, что «бьетъ изъ пушекъ по городу войско Богдойское».

Казаки отражали атаку «изъ-за стѣнъ съ зари до восхода солнца».

Маньчжуры проломили стѣну города—«*3 звена стѣны сверху до земли*».

Князь Исиней приказалъ не рубить казаковъ, а захватывать въ плѣнъ. Переводчики перевели Хабарову приказаніе

*) Д. И. III 265.

Исинея. *Казаки во главѣ съ Хабаровымъ и атаманомъ Андреемъ Ивановымъ поклялись умереть за вѣру крещеную, а живыми не сдаваться.*

«А въ стѣнные проломы стали скакать тѣ люди Богдоевы».

Казаки прикатили и поставили въ проломъ большую мѣдную пушку и мужественно отстрѣливались изъ нея и изъ имѣвшихся желѣзныхъ пушекъ и мелкаго ружья.

«И ихъ, собакъ, побили многихъ» говоритъ въ отпискѣ Хабаровъ. А какъ китайцы отъ пушечнаго бою отъ пролому отшатнулись прочь, тогда 156 казаковъ, въ куякахъ, сдѣлали вылазку за городъ, а 50 остались на стѣнахъ.

Вылазка удалась.—Казаки отбили 2 пушки желѣзныя и много ружей. Много враговъ было перебито. Казаки на вылазкѣ рубили саблями...

Богдойцы разбѣжались, оставивъ убитыми 676 человѣкъ и много плѣнныхъ, 830 лошадей, 8 знаменъ, хлѣбные запасы, 17 пищалей скорострѣльныхъ (по 3 и по 4 ствола вмѣстѣ, но безъ замковъ) и 2 желѣзныя пушки.

Болѣе половины казаковъ въ этомъ жаркомъ бою были выведены изъ строя: 10 казаковъ было убито и 78 ранено.

Раненые всѣ выздоровѣли.

Такъ завершилась побѣдою первая встрѣча русскихъ съ маньчжуро-китайцами (богдойцами).

Свѣдѣнія о Китаѣ.

Отъ плѣнныхъ Хабаровъ узналъ, что послѣ неудачнаго нападенія, дучеры Ачанскаго города жаловались на обиду казаковъ въ Нюлгуцкомъ городѣ (вѣроятно Нингутѣ) князю Исинею, подчиненному Учурвѣ, посаженнику богдойскаго царя.

Дучеры говорили: «пріѣхали русскіе и нашу всю землю вывоевали и вырубили, и женъ и дѣтей нашихъ взяли въ плѣнъ. И мы собирались всею землею и ходили на ихъ городъ, а они насъ побили. И намъ де противъ ихъ стоять нельзя. Обороняйте насъ. А не станете оборонять насъ, мы будемъ платить имъ ясакъ».

Князь Исиней извѣстилъ о томъ царя Учурву въ Надымнахъ. Съ отпискою ходили «мѣсяцъ наскоро». А ходятъ изъ Нюлгуцкаго въ Надымны степью въ правую сторону. На дорогѣ два города: Лобей и Тюмень, оба каменные. А въ нихъ по тысячѣ—двѣ—три юртъ. Въ Надымнахъ сидитъ царь Учурва. А посаженникъ онъ богдойскаго Шамшахана. Учурва приказалъ Исинею собирать войско великое и идти на казаковъ, которыхъ приказалъ взять и доставить живыми въ его землю съ казачьимъ оружіемъ.

Исиней выступилъ изъ Нюлгуцкаго (Нингуты) съ 600 человѣкъ, съ 6 пушками, съ 30 пищалями и 12 пинардами (пе-

тардами). Дорогою присоединились къ нему изъ Манзинскаго улуса 420 человѣкъ, да дучеровъ со всей рѣки Амура 500. Манзинскій улусъ стоитъ на полуднѣ на одной сторонѣ рѣки Шингала (Сунгари), а юртъ въ немъ 1000, а на другой сторонѣ такой же улусъ. До сихъ поръ ѣхали изъ Нюлгуцкаго три мѣсяца на коняхъ. Каждые два человѣка имѣли три коня. Около города Мовгена (Мукдена) живутъ сведенцы даурскіе люди и тунгусы и хлѣбъ пашутъ на Шамшахана. А отъ Мовгена дорога идетъ въ Богдойскую землю къ царю Шамшахану.

Свѣдѣнія о Кореѣ.

Къ востоку отъ Шамшахана и Богдойской земли лежитъ богатая земля Никанская (Корея), а въ ней золотая и серебряная руды, а по рѣкамъ жемчугъ. Она отдѣляется порубежною рѣкою Бучунъ, впадающей въ море. А на рѣкѣ Шунгуй живетъ Никанскій царь Зюльзей.

Въ Никанской землѣ много каменныхъ городовъ; много у него золота и серебра, и жемчуга, и камней дорогихъ. И ломаютъ тѣ руды въ камнѣ желѣзными ломами. Тамъ же много шелку и хлопчатой бумаги. Изъ шелка дѣлаютъ атласы и бархаты, а изъ бумаги кумачи. Да и въ иныхъ мѣстахъ Никанской земли много серебра и золота.

Богдойскій царь Шамшаханъ Никанскихъ людей воюетъ, а всей землей овладѣть не можетъ. Никанская земля несказанно велика. Никанскій царь ясаку никому не даетъ. И изъ той Никанской земли во всей Богдойской землѣ и золото, и серебро, и шелкъ, и камни, и всякія узорочья».

Удачное весеннее возвращеніе. Прорывъ у устья р. Сунгари сквозь линію китайцевъ въ 1652 г. Подкрѣпленіе Чичегина.

По первому весеннему пути, 22-го апрѣля 1652 года, черезъ мѣсяцъ послѣ сраженія, потянулся Хабаровъ назадъ на 6 изготовленныхъ самими казаками дощаникахъ вверхъ по Амуру.

На пути случилось съ Хабаровымъ два важныхъ событія.

1) Около устья Сунгари казаки чуть не попали въ ловушку: ихъ здѣсь ожидало маньчжурское войско. Но попутный вѣтеръ позволилъ казакамъ пройти на парусахъ срединою Амура, внѣ выстрѣловъ.

2) А наканунѣ Троицына дня по верхнюю сторону Хингана сошлись они съ подкрѣпленіемъ, посланнымъ изъ Якутска подъ начальствомъ Треньки Ермолина Чичегина и Артюшки Филиппова, которые привезли пушку, порохъ, свинецъ, деньги и взяли въ томъ отъ Хабарова «*пріемную отпись*» *).

Это подкрѣпленіе, силою въ 137 человѣкъ, прибыло на Амуръ еще 12-го сентября 1651 года.

Въ ту же осень Третьякъ Ермолинъ Чичегинъ, изготовивъ суда, пустился внизъ по Амуру разыскивать Хабарова.

Наступившіе холода и рѣкоставъ принудили Чичегина остановиться въ Бамбулаевомъ городкѣ, гдѣ онъ и провелъ зиму.

Городокъ Бамбулая былъ пустъ и разоренъ, а Чичегинъ оставилъ часть припасовъ въ Тугирскомъ острогѣ. Весною пришлось ихъ доставать оттуда. А когда открылся водный путь, 4 мая 1652 года онъ послалъ разыскивать Хабарова Ивана Нагибу съ 26 казаками. Самъ Чичегинъ съ остальною командою выступилъ 14 мая и наканунѣ Троицына дня между Сунгари и Зеею, «по верхнюю сторону Каменя» (Хингана), встрѣтилъ Хабарова, къ которому и присоединился со 144 казаками.

И съ тѣхъ поръ «стали служить общую службу за единъ человѣкъ и стояли подъ улусомъ недѣлю». Чичегинъ узналъ, что Хабаровъ не встрѣчался съ Нагибою, о которомъ не было никакихъ извѣстій. Въ ожиданіи Нагибы Хабаровъ, очевидно, и задержался на недѣлю. Стали призывать окрестныхъ жителей въ подданство и ясакъ съ нихъ просили, но туземцы не пріѣзжали.

13 іюня 1652 года вызвалось 140 охотниковъ итти на дучеровъ для поимки аманатовъ.

Они привели богатаго дучера, родственники котораго на другой день привезли ясакъ. Пойманный дучеръ былъ оставленъ въ аманатахъ.

15 іюня, узнавши, что ниже по Амуру есть улусъ, Хабаровъ послалъ туда 140 человѣкъ. Посланные поймали 5 бокановъ и дучера съ Сунгари. Плѣнникъ дучеръ разсказалъ, что дучеры не желаютъ платить ясакъ, а хотятъ драться,—что на устьѣ Сунгари находились Богдойское войско и дучеры «вскопѣ», тысячъ съ шесть и больше. Они ждали казаковъ съ верховьевъ Амура или съ устья и хотѣли ихъ истребить. Они

*) Д. И. А. т. III стр. 368.

долго ждали и съ верховьевъ казаковъ не дождались. Флотилія же Хабарова то мѣсто пробѣжала подъ парусами.

Маньчжуры, пославъ отрядъ слѣдить за казаками, предполагали зимовать и городъ ставить; хотѣли собрать войска тысячъ съ десять и казаковъ давить «давомъ» (силою).

Плѣнника пытали огнемъ. Онъ повторилъ то же самое, что будетъ де на казаковъ большое войско съ пушками и огненнымъ ружьемъ.

Товарищи Нагибы, которые пришли съ Третьякомъ Чичегинымъ, подали Хабарову челобитную о томъ, чтобы онъ ихъ отпустилъ искать Нагибу. Хабаровъ не согласился на это, мотивируя тѣмъ, что если послать часть отряда, то толку не будетъ: на устьѣ Сунгари стоитъ большое войско и вся земля вскопѣ, а если всему отряду плыть, то въ этомъ году вверхъ не подняться и съ отписками не поспѣть ни въ Якутскъ, ни въ Москву—«про службу вѣсть учинить».

Двѣ недѣли ждали здѣсь Нагибу. Но очевидно было, что Хабаровъ и Нагиба разминулись, или ночью, или въ многочисленныхъ руслахъ Амура, несмотря на то, что Нагиба оставлялъ вездѣ по островамъ замѣтки и записки *).

Нагиба. Тугурскій острогъ.

Между тѣмъ Нагиба на 4-й день послѣ отъѣзда изъ Бамбулаева городка выдержалъ нападеніе дауровъ.

Суда его были окружены лодками туземцевъ. На берегу стояла конница. Но Нагиба, рѣшительно двинувшись впередъ, разорвалъ цѣпь лодокъ и прорвался на глазахъ непріятеля.

4 недѣли онъ провелъ въ пути, тщетно разыскивая Хабарова. Одинъ инородецъ, родомъ изъ натковъ, сказалъ ему, что Хабаровъ находится ниже по р. Амуру.

Проплыли еще три недѣли. И снова казаки были окружены гиляцкими лодками. Выходъ казакамъ Нагибы былъ запертъ. Въ такомъ положеніи среди рѣки простояли казаки 2 недѣли.

Гиляки не подплывали на ружейный выстрѣлъ, но и не разрывали цѣпи.

Начался голодъ. Увидя на берегу вывѣшенную для вяленія рыбу, казаки пробились къ ней, убивъ 30 гиляковъ, и захватили ее. Добывъ запасъ продовольствія, Нагиба опять сталъ спускаться внизъ по Амуру и 26 іюня достигъ его устья **).

*) Садовниковъ «Наши землепроходы» стр. 100.
**) Паршинъ стр. 27—28.

Итти назадъ тѣмъ же путемъ было опасно, а плыть моремъ на суднѣ, сплоченномъ изъ даурскихъ струговъ, было нельзя, поэтому Нагиба построилъ новое судно, на которомъ возможно было плыть по морю.

Когда оно было готово, казаки вышли въ море.

На 13-й день судно было разбито бурею у береговъ; потонули всѣ съѣстные припасы, оружіе, порохъ и свинецъ...

Нагиба съ товарищами отправился пѣшкомъ по морскому берегу на сѣверъ. Пять дней шли такимъ образомъ, питаясь кореньями, ягодами и выброшенными изъ моря тюленями.

Потомъ построили опять кое-какъ судно и шли на немъ до рѣки Ульшальды, гдѣ встрѣтили первое жилое мѣсто.

Тамъ жили гиляки и тунгусы. Они приняли казаковъ радушно. Нагиба пробылъ у нихъ до 15 декабря. Затѣмъ перешелъ онъ на рѣку Тугуръ, гдѣ жили тунгусы, встрѣтившіе казаковъ ласково. Тунгусы съ избыткомъ давали русскимъ съѣстные припасы и согласились вносить ясакъ.

Лѣтомъ 1653 года Нагиба съ 5-ю казаками отправился въ Якутскъ, приказавъ казаку Уварову съ 20-ю товарищами итти вверхъ по рѣкѣ Тугуру и «въ угожемъ мѣстѣ построить ясачное зимовье».

Нагиба прибылъ въ Якутскъ 15 сентября 1653 года, а Уваровъ построилъ зимовье не въ верховьяхъ, а на устьѣ рѣки Тугура, гдѣ впослѣдствіи возникъ Тугурскій острогъ и куда для сбора ясака высылались казаки изъ Якутска, пока не разорили острожекъ китайцы...

Хабаровъ на устьѣ Зеи.

Между тѣмъ Хабаровъ, получивъ неожиданно подкрѣпленіе Чичегина и, подождавъ двѣ недѣли Нагибу, продолжилъ свой путь вверхъ по Амуру, собирая ясакъ съ дучеровъ.

Близь города Толгина пріѣхали встрѣтить казаковъ боканы (посланцы) и дѣти князца Турунчи; они привезли 37 соболей и 9 быковъ. Соболей и быковъ на суда доставили боканы, а сами князцы на суда не поѣхали.

Въ городкѣ Толги Хабаровъ опять призывалъ иноземцевъ. Онъ говорилъ имъ: «дайте ясакъ полный со всего рода и живите безбоязненно на прежнихъ кочевьяхъ».

Изъ Толгина городка шла дорога въ Китай. Хабаровъ надумалъ отправить Чичегина къ Богдыхану съ листами якутскихъ воеводъ,

Чичегинъ выбралъ 10 казаковъ; стали искать проводниковъ дучеровъ. Но изъ туземцевъ не нашлось охотниковъ сопровождать ихъ туда [1]). Посольство не было отправлено.

Флотилія Хабарова, простоявъ тутъ ровно 4 недѣли, отплыла далѣе вверхъ по р. Амуру и 1 августа 1652 года остановилась на устьѣ Зеи у Кокореева улуса.

Казаки не хотятъ строить острога при у. Зеи. Бунтъ.

Казаки держали совѣтъ, гдѣ построить городъ. Необходимость постройки города была настоятельная. По полученнымъ свѣдѣніямъ Шамшаханъ собирался выгнать русскихъ съ Амура и набиралъ для этой цѣли войско до 40 тысячъ.

Учитывая угрозы китайцевъ, Хабаровъ хотѣлъ построить городъ въ этомъ угожемъ мѣстѣ. Но тутъ произошелъ расколъ: 100 человѣкъ, недовольныхъ Хабаровымъ, отдѣлились и увлекли съ собою силою еще 30 казаковъ, не хотѣвшихъ бунтовать, но которые были съ ними на одномъ суднѣ.

Нѣсколько казаковъ съ этого судна бросились въ воду и остались у Хабарова. Прочихъ, не желавшихъ идти съ ними, бѣглецы связали и увезли силою. Всего ушло 136 человѣкъ.

Бунтовщики захватили «3 судна» и уплыли внизъ по Амуру «*радѣть своимъ зипунишкамъ и пожиткамъ*».

На захваченныхъ бунтовщиками судахъ были Государева казна, пушки, порохъ и свинецъ. Бѣглецы одну пушку выбросили съ судна на берегъ, а другую въ воду. Оружіе, порохъ и свинецъ они взяли частію съ собою, частію сбросили въ воду. Оставшіеся казаки перенесли брошенныя пушки на свои суда и «*поставили честно*».

Бѣглецы ушли подъ начальствомъ Степана Полякова, Константина Иванова и Логина Васильева.

Хабаровъ уговаривалъ ихъ вернуться; они не послушали и потерялись безъ вѣсти, увезя съ собою войскового живота на 2000 рублей, да войсковое знамя *).

У Хабарова осталось 212 человѣкъ.

Потерявъ болѣе трети состава, онъ уже не могъ оставаться въ Кокореевомъ улусѣ, предвидя неминуемое нападеніе китайцевъ. Бѣглецы повредили дѣлу Хабарова.

*) Д. И. т. III стр. 370.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Хабаровъ обратился тогда къ аманату, князю Турунчѣ. Турунча такъ объяснилъ отказъ туземцевъ: «та земля теперь съ вами задралась. Вы де много Богдоевыхъ людей побили, да и нынѣ будетъ Богдойское войско тысячъ въ 10 на васъ. Какъ де взять нашимъ людямъ Третьяка съ товарищами: ихъ къ вамъ назадъ не отпустятъ и вы де насъ побьете».

Провалъ Амурскаго дѣла. Непокорство туземцевъ.

На другой день послѣ отбытія бѣглецовъ пріѣхали дѣти князя Турунчи: Омутей и Кокорей. Они прислали съ боканами ясаку 100 соболей, но сами не пошли на суда, говоря: «вы насъ все обманываете, вотъ и теперь ваши ушли грабить нашихъ родичей. Какіе отъ васъ послы богдойскому хану, когда вы грабите? Отнюдь де мы къ вамъ не пойдемъ и пословъ вашихъ къ богдыхану не возьмемъ».

Казаки простояли здѣсь ровно шесть недѣль, пытаясь привесть туземцевъ въ подданство, но тѣ къ нимъ не ѣхали, несмотря на то, что у казаковъ были аманаты: даурскій князь Турунча, да сынъ кн. Шилгинея Тогочей, да дучерскій аманатъ Тоенча.

Хабаровъ, прося о помощи, съ горестью доносилъ въ Якутскъ, что воры учинили государевой службѣ «поруху».

Пробывъ 1½ мѣсяца на устьѣ Зеи, Хабаровъ пустился вверхъ по Амуру. Дорогою онъ продолжалъ собирать ясакъ, котораго было собрано 14 сороковъ соболей, 4 лисицы, 7 пластинъ лисьихъ въ одѣялѣ, 30 пластинъ собольихъ въ двухъ шубахъ, да сбора Чичегина 32 соболя.

Послѣдняя отписка Хабарова 1652 г.

Послѣднимъ донесеніемъ Хабарова была отписка отъ 9 августа 1652 года изъ Кокореева улуса.

Отправивъ съ ясакомъ послѣднюю отписку, Хабаровъ заявлялъ въ ней: «а того мы не знаемъ, гдѣ мы зазимуемся. На устьѣ Зеи и Сунгари сѣсть не смѣемъ: Богдоева земля близко и войско приходитъ на насъ большое съ пушками и огнестрѣльнымъ оружіемъ*).

Лѣтомъ мы по Амуру ходимъ для ясачнаго сбору и непослушныхъ громимъ, а къ зимѣ, чтобы казнѣ не учинить порухи и головъ казачьихъ напрасно не терять, сплываемъ внизъ по Амуру.

Моими людьми овладѣть Амурскою землею нельзя: земля та многолюдна и бой огненный. *А съ Амура на иныя рѣки сойти не смѣемъ безъ Государева указа...* Въ оныхъ походахъ убито 20 человѣкъ, ранено 59».

Не извѣстно, что дѣлалъ Хабаровъ послѣ того въ Приамурьѣ: въ бумагахъ якутскаго архива ничего не найдено относительно его дальнѣйшихъ дѣйствій.

Изъ приведенныхъ же словъ Хабарова видно, что Амурскія дѣла, начатыя такъ блестяще, разбились о стѣны недвижнаго Китая и близились къ концу.

*) Д. И. т. III стр. 371.

О положеніи дѣла на Амурѣ въ то время, кромѣ отписки самого Хабарова, свидѣтельствуютъ «*разспросныя рѣчи*», посланныхъ имъ 9-го августа 1652 года казаковъ съ отписками и прибывшихъ въ Якутскъ 24 сентября.

Они говорили, что имъ «съ пытки» дауры сказывали: «Богдойскій царь хочетъ послать зимою большое войско тысячъ въ 40, съ огненнымъ боемъ, съ пушками. Противъ него нужно русскихъ съ пушками и огненнымъ боемъ 6 тысячъ человѣкъ. Тогда даурскихъ людей можно смирить *) [1]).

А между тѣмъ какъ разъ въ ту пору правительство взглянуло на Амурскій вопросъ серьезно!...

Въ Москвѣ, какъ мы уже видѣли, снаряжался на Амуръ 3-хъ тысячный отрядъ князя Лобанова-Ростовскаго.

Дѣлались уже предварительныя распоряженія. Для развѣдокъ и подготовки дѣла на мѣстѣ былъ посланъ изъ Москвы на Амуръ дворянинъ Зиновьевъ, везшій отъ царя казакамъ награду: 320 золотыхъ и 50 пуд. пороху и который долженъ былъ прибрать дорогою 150 человѣкъ подкрѣпленія.

Но изъ Москвы до Якутска было годъ ходу. А на Амурѣ обстановка быстро измѣнялась и не въ пользу казаковъ.

Массовое переселеніе съ Илима на Амуръ по Ленѣ и Олекмѣ въ 1652—1653 г.

Между тѣмъ народная волна, созданная слухами о богатствѣ новаго края, двинулась на Амуръ.

Сибиряки оставляли насиженныя мѣста: хозяйства, избы; забирали только женъ и дѣтей и по Ленѣ и Олекмѣ направлялись въ благословенную страну. Переселенческая лихорадка охватила населеніе, жившее ближе къ Амуру и на большемъ къ нему пути.

На верховьяхъ Лены и по Илиму жили тогда русскіе крестьяне. На обширныхъ пустыряхъ было разбросано по двѣ, по три избы. Да и житье-бытье было плохое: холодно и не сытно.

А выходцы съ Амура сыпали деньгами, щеголяли въ парчевомъ и камчатномъ платьѣ и всѣхъ увѣряли, что это у нихъ на Амурѣ вещь обыкновенная...

Верхоленскіе казаки, утомленные безпрестанною борьбою съ бурятами, первые затѣяли движеніе на Амуръ. Къ нимъ

*) Д. И. т. III, стр. 373.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Изъ этой отписки узнаемъ: ходу изъ Якутска въ даурскую землю на малыхъ дощаникахъ (по 30 челов.) 6½ недѣль. Волокомъ съ устья Урки до Тугирскаго острога 12 дней. Изъ Тугирскаго острога рѣкою Тугиромъ по Олекмѣ и Ленѣ волокомъ 8 дней. По Амуру съ устья Урки на судахъ до Албазина 1 сутки, до Гуйгударова 3 сутокъ, до Бамбулая 1 сутки, до устья Зеи 2 сутокъ, до Толгина 1 сутки. Отъ Толгина до Каменя 1 сутокъ. Отъ Сунгари до Натокъ 4 сутокъ. Въ Богдойскую землю степью ходу 6 недѣль.

пристали плотники, строившіе суда на рѣкѣ Кутѣ для предположеннаго похода князя Лобанова-Ростовскаго. За ними потянулись крестьяне и промышленники изъ деревень, находившихся по рѣкѣ Ленѣ въ Илимскомъ уѣздѣ. Движеніе это проникло даже въ Якутскъ, откуда многіе бѣжали на Амуръ цѣлыми партіями, явно и тайно*).

Напрасно хотѣли остановить это движеніе, посылая въ погоню. Часто посланные отправлялись туда же вслѣдъ за бѣжавшими. Иногда бѣглецы вступали съ преслѣдователями въ кровавыя драки и все-таки бѣжали на Амуръ.

Переселенческая волна покатилась на Амуръ въ то время, когда амурскія дѣла приближались къ печальному концу...

Пришлось на Олекмѣ поставить заставу и людей на Амуръ не пускать.

Зиновьевъ подготовляетъ походъ князя Лобанова-Ростовскаго. Тугирскій острогъ. Бѣглецы Илимскіе.

Между тѣмъ важность пріобрѣтенія Амурскаго края ясно сознавалась Якутскими воеводами и Москвою [1]).

Получивъ донесеніе Хабарова отъ 9 августа 1652 года, якутскіе воеводы послали въ Москву отписку съ тѣми же нарочными, чтобы тѣ лично, какъ очевидцы, могли разсказать, что нужно Хабарову для удержанія его завоеваній.

Но еще до полученія ихъ донесенія въ мартѣ 1652 года изъ Москвы былъ отправленъ дворянинъ Дмитрій Зиновьевъ на помощь Хабарову. Онъ долженъ былъ изслѣдовать состояніе страны, силу непріятелей, ихъ подготовку, мѣстность и опредѣлить способъ борьбы**).

На обязанности его было приготовить все необходимое, въ особенности припасы для 3-хъ тысячнаго отряда князя Лобанова-Ростовскаго.

18 января 1653 года послѣдовалъ указъ объ отправленіи на Амуръ подъ предводительствомъ князя 3-хъ тысячъ стрѣльцовъ и казаковъ. Но (вѣроятно по полученіи отписки Хабарова отъ 9 августа 1652 года) исполненіе указа было отмѣнено.

*) Библ. Акад. Наукъ. Списки съ Иркутскаго Архива, стр. 176—177.

**) Паршинъ. Поѣздка въ Забайкальскій край. Исторія Албазина ч. II стр. 30—31. Рук. Отд. Библ. Ак. Наукъ. Списки съ Иркутск. Архива стр. 185.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Москва оцѣнила заслуги казаковъ и въ 1652 г. было послано Хабарову за его службу золотой червонный, а его 200 служилымъ по золотой новгородкѣ и 700 охочихъ по золотой московкѣ. Не свидѣтельствуетъ ли это, что у Хабарова было 900 человѣкъ*) (?)

*) (Сибир. прик. столб. 422). Оглоблинъ ч. IV стр. 22.

Зиновьевъ, какъ выше сказано уже, выступилъ въ Даурію; съ нимъ было 150 служилыхъ, 50 пудовъ пороху, 50 пудовъ свинцу и жалованье амурскимъ казакамъ*).

Зиновьевъ неособенно спѣшилъ къ мѣсту своего назначенія: въ первое лѣто 1652 года онъ спустился по Ленѣ къ устью Олекмы, откуда послалъ команду достраивать острогъ на рѣкѣ Тугирѣ, а самъ отправился зимовать въ Якутскъ.

Прибывши весною 1653 года изъ Якутска на Тугиръ, Зиновьевъ нашелъ все уже устроеннымъ.

Дорогою къ Тугиру на одномъ островѣ, при устьѣ Олекмы, Зиновьевъ встрѣтилъ 100 человѣкъ (искателей приключеній), двигавшихся на Амуръ... Онъ приказалъ имъ вернуться назадъ. Бѣглецы отвѣчали, что предпочитаютъ идти впередъ и, не заводя съ нимъ дальняго спора, пошли своею дорогою**).

Зиновьевъ на Амурѣ въ 1653 г. Встрѣча съ Хабаровымъ.

Зиновьевъ думалъ найти Хабарова въ Камарскомъ острогѣ, считавшемся тогда, по слухамъ, главнымъ мѣстомъ на Амурѣ, и хотѣлъ объявить ему царскую милость. Но, прибывъ туда, Зиновьевъ узналъ, что казаки въ походѣ. Онъ направился за ними вслѣдъ и въ августѣ 1653 года нашелъ Хабарова при устьѣ рѣки Зеи.

Московскій дворянинъ принялъ стараго опытовщика сурово: бранился, дралъ его за бороду, обвиняя въ утайкѣ казны.

Неизвѣстно, насколько дѣйствительно виноватъ былъ Хабаровъ. Весьма вѣроятно, что зависть была причиною суроваго съ нимъ обхожденія.

Хабаровъ прекрасно одѣвался и пышно жилъ, ни въ чемъ себѣ не отказывая.

Поперекъ сказанное слово могло осердить московскаго дворянина...

Недовольство казаковъ Зиновьевымъ.

Зиновьевъ не понравился и казакамъ***).

Причинъ было много:

1) Онъ не привезъ полностью отправленнаго съ нимъ на Амуръ пороху и свинцу, зарывъ по 40 пудовъ того и другого въ Тугирскомъ острогѣ. Тамъ же были оставлены земледѣльческія орудія, которыя онъ везъ на Амуръ: косы, серпы, укладъ, желѣзо.

2) Стараясь снискать расположеніе туземцевъ, онъ выпустилъ на свободу аманата—князя Лавкая.

*) Д. И. т. IV—145.
**) Исторія Албазина, Паршинъ, стр. 34.
***) Д. И. т. IV, стр. 145.

3) Казаки привыкли держать совѣтъ и важные вопросы рѣшать сообща. Своими планами съ ними дѣлились ихъ атаманы.

Зиновьевъ же все рѣшалъ единолично.

4) Вмѣсто безшабашнаго удальства и разъѣздовъ онъ приказалъ казакамъ строить остроги: одинъ при устьѣ рѣки Урки, другой на мѣстѣ Лавкаева городка и третій при устьѣ Зеи. Казаки же думали, что это безполезно, пока не будетъ достаточно войскъ, чтобы защитить ихъ.

5) Онъ заставлялъ казаковъ сѣять хлѣбъ для войска, которое должно было придти съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ. А казаки предпочитали хлопотать о себѣ.

6) Чичегинъ, какъ мы знаемъ, не былъ посланъ Хабаровымъ въ Китай съ якутскими листами: такую посылку горсти казаковъ считали опасной. Зиновьевъ настоялъ, чтобы посольство было отправлено... на вѣрную гибель, по мнѣнію казаковъ. И дѣйствительно, посланные дорогою были умертвлены.

7) Самовластный Зиновьевъ отдавалъ строгіе приказы. Казакамъ и это было не по вкусу. Глухое недовольство росло. Угрюмыя лица казаковъ становились все мрачнѣе. Казалось: лишь искра—и вспыхнетъ возстаніе...

Зиновьевъ рѣшилъ по-добру и по-здорову вернуться въ Москву.

Распоряженія Зиновьева при отъѣздѣ.

Неизвѣстно, для какой цѣли, быть можетъ мстя казакамъ, Зиновьевъ отнялъ у нихъ любимаго начальника, взявъ Хабарова съ собою, при отъѣздѣ въ Москву.

Отъѣзжая, Зиновьевъ поставилъ во главѣ всѣхъ казаковъ на Амурѣ Онуфрія Степанова. Предъ отъѣздомъ Зиновьева къ нему пришли 48 промышленниковъ, желавшихъ нести казачью службу. Они были приняты на службу съ Михаиломъ Кашинцевымъ во главѣ партіи. Послѣднему съ своею командою приказано было построить острогъ при устьѣ Урки и собирать ясакъ съ инородцевъ въ верховьяхъ Амура.

Оставя Степанова и Кашинцева на Амурѣ, Зиновьевъ зимовалъ (1653—1654) на Тугирѣ, а весною 1654 года отплывъ въ Москву, куда и прибылъ въ концѣ этого же года.

Передъ отъѣздомъ изъ Тугирскаго зимовья онъ послалъ съ 8-ю казаками «*наказныя памяти*» Степанову и Кашинцеву.

Изъ посланныхъ—6 утонуло, а 2 было спасено Кашинцевымъ.

Въ «наказной памяти» Кашинцеву подтверждалось построить острогъ при устьѣ Урки и посѣять хлѣбъ для 6 тысячъ человѣкъ.

Зиновьевъ увезъ въ Москву нѣсколько плѣнныхъ дауровъ: дучеровъ и гиляковъ. Но Московское правительство отпустило ихъ обратно на Амуръ.

Вообще Москва, вымогая всѣми силами ясакъ, избѣгала безцѣльныхъ жертвъ со стороны инородцевъ. И если интересы казны не требовали, правительство старалось обращаться съ инородцами милостиво.

Оцѣнка дѣятельности Хабарова и Зиновьева.

Въ Москвѣ Хабаровъ былъ пожалованъ въ дѣти боярскіе и опредѣленъ въ Илимскій острогъ приказчикомъ надъ деревнями по Ленѣ отъ Усть-Кута до Якутскаго уѣзда. Но на Амуръ его не возвратили *) [1]).

Вмѣсто него въ 1655 году Москва рѣшила послать на Амуръ енисейскаго воеводу Аѳонасія Пашкова.

На закатѣ дней Хабаровъ жилъ недалеко отъ Киренска въ селѣ, которое и до-нынѣ носитъ имя его. Такъ закончилась пятилѣтняя развѣдка Хабарова амурскихъ земель (1649—1654 г.), а также дѣятельность непонятаго или непонятнаго московскаго дворянина Зиновьева.

Этотъ печальный дѣятель, забравъ у Степанова всѣхъ переводчиковъ и аманатовъ, тѣмъ ухудшилъ еще болѣе положеніе казаковъ **).

Людей, которые сопровождали Зиновьева на Амуръ, онъ оставилъ тамъ, но почему-то не отдалъ Степанову. Онъ захватилъ также ясачныя книги. Но всего хуже было лишеніе Степанова переводчиковъ.

Дѣйствія Степанова на Амурѣ 1653—1658 г. Усть-Уркинскій острогъ Кашинцева.

Отъѣзжая, Зиновьевъ приказалъ построить остроги на устьѣ Урки, на устьѣ Зеи; а самому Степанову — на Лавкаевомъ

*) Рук. отд. Биб. Акад. Наукъ. Списки съ Ирк. Арх., стр. 184.
**) Д. И. т. III, стр. 524.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Хабарову поручено было въ послѣдствіи найти зарытые порохъ и свинецъ, косы и серпы на Тугирскомъ волокѣ при отъѣздѣ Зиновьева въ Москву и передать ихъ боярскому сыну Ѳедору Пущину, которому поручалось съ 30 казаками отвезти все это Аѳонасію Пашкову въ Нерчинскъ. Въ случаѣ, если бы Хабаровъ не нашелъ, то приказано было его заковать въ желѣзо и держать за крѣпкими караулами. Порохъ былъ разграбленъ братьями Сорокиными и въ Нерчинскъ его не доставили. Но наказали-ли Хабарова, неизвѣстно, по всей вѣроятности, нѣтъ. Такъ какъ въ 1668 г. Илимскій сынъ боярскій Ерофей Хабаровъ подавалъ челобитную объ отправкѣ его вновь на службу въ даурскую землю. Онъ хотѣлъ на свой счетъ поднять 100 человѣкъ. Эта челобитная, по всей вѣроятности, была вызвана успѣхами Черниговскаго. У стараго опытовщика загорѣлась вновь душа. Какая послѣдовала резолюція, неизвѣстно. Но эта челобитная свидѣтельствуетъ, что Хабаровъ жилъ на старости не бѣдно*).

*) Оглоблинъ ч. III, стр. 96.

острожномъ мѣстѣ острогъ поставить, и находиться тамъ до указу» и, заготовить отъ 5 до 6 тысячъ пудовъ хлѣба для войска Лобанова-Ростовскаго.

По отбытіи Зиновьева и Хабарова казаки Степанова терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ.

18-го сентября 1653 года Степановъ отправился на лодкахъ внизъ по Амуру до устья Сунгари. Доставъ здѣсь хлѣба, онъ спустился въ землю дучеровъ, гдѣ и провелъ зиму 1653—1654 года. Осенью онъ ходилъ за хлѣбомъ со всѣмъ отрядомъ опять туда-же. Зимою Степановъ собиралъ ясакъ съ окрестныхъ жителей и строилъ новыя суда *).

Весною 1654 года на вновь построенныхъ судахъ Степановъ отправился вверхъ по Амуру и 19 мая на устьѣ р. Сунгари встрѣтилъ Кашницева, который по отъѣздѣ Зиновьева, съ 50-ю товарищами, построилъ острогъ на рѣкѣ Уркѣ. По отбытіи Степанова къ устью Амура Кашницевъ сталъ подвергаться нападенію дауровъ. Издержавши въ продолженіе зимы 1653—1654 г. весь порохъ и свинецъ, не имѣя продовольствія и, видя, что далѣе противиться невозможно, весною 1654 года онъ спустился внизъ по Амуру **)

Неудачная попытка Степанова найти хлѣбъ на р. Сунгари въ 1654 г.

На другой же день послѣ встрѣчи съ Кашницевымъ (20-го мая) Степановъ, съ общаго совѣта казаковъ и есауловъ, пошелъ вверхъ по Сунгари на судахъ за хлѣбомъ.

6-го іюня, плывя по Сунгари, казаки были встрѣчены и атакованы китайцами, плывшими тоже на лодкахъ. А на берегу стояли китайскія сухопутныя силы. Китайцы стрѣляли по судамъ Степанова изъ пушекъ, а стрѣлки изъ-за туровъ и земляныхъ валовъ. Кромѣ того, часть китайцевъ на стругахъ преградила дорогу казакамъ [1]).

Китайцы на рѣкѣ были разбиты. Однако высадиться Степановъ не рѣшился, видя въ томъ безполезный расходъ людей и пороха, такъ какъ китайцы стрѣляли изъ-за туровъ.

Степановъ выслалъ казаковъ на стругахъ до дистанціи ружейнаго выстрѣла. Казаки—стружники выбили китайцевъ изъ струговъ на берегъ. Китайцы, перебравшись изъ лодокъ на

*) Д. И. т. III. стр. 524.

**) Д. И. т. III, стр. 524.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Въ этотъ день, по всей вѣроятности за трусость, «есаулу Трофиму Никитину и Семену Захарову въ кругу всего войска казаки отказали отъ есаульства, несмотря на то, что есаулы были написаны въ наказной памяти отъ Зиновьева» *).

*) Д. И. т. III, стр. 527.

берегъ, продолжали стрѣлять изъ-за валовъ. Много казаковъ было ранено. Порохъ и свинецъ вышли. Зиновьевъ изъ Тугира пороху и свинцу не прислалъ *).

Казаки должны были отказаться отъ мысли добыть хлѣба на Сунгари.

Присоединеніе къ Степанову казаковъ Бекетова. Китайцы не пускаютъ на р. Сунгари. И на Амурѣ хлѣба нѣтъ.

Съ общаго совѣта они вернулись и пошли вверхъ по Амуру. Въ это время къ Степанову присоединились 34 казака, пришедшіе изъ Нерчинскаго острога отъ Бекетова. Поднимаясь вверхъ по Амуру, 4-го іюля Степановъ разорилъ дучерскій улусъ и взялъ нѣсколько плѣнныхъ.

Изъ полученныхъ свѣдѣній выяснилось, что китайцевъ было до 3-хъ тысячъ человѣкъ, кромѣ дучеровъ и дауровъ. *Китайскій отрядъ былъ посланъ не допускать русскихъ ходить по Сунгари.* Онъ былъ раздѣленъ на полки со знаменами «*драки у нихъ были ученыя и стройныя*». Китайскій отрядъ долженъ былъ оставаться здѣсь для наблюденія 3 года. Китайцы ожидали еще 2 тысячи человѣкъ подкрѣпленія. Потерпѣвъ неудачу, Степановъ пошелъ обратно къ верховьямъ Амура. Положеніе становилось критическимъ: надежда достать припасы на Сунгари не оправдалась, а верховья Амура были разорены Хабаровымъ **).

Китайскій Императоръ приказалъ туземцамъ переселиться на рѣку Нонни и прекратить хлѣбопашество на Амурѣ, чтобы лишить казаковъ средствъ существованія.

Отъ плѣнныхъ дучеровъ Степановъ узналъ, что Чичегинъ съ товарищами убиты дучерами, братьями князя Тоенчи. Степановъ пошелъ на нихъ въ походъ, но никого не нашелъ изъ туземцевъ. Были найдены только вещи убитыхъ товарищей.

Совмѣстныя дѣйствія Бекетова и Степанова.

Въ это время присоединился къ нему самъ сотникъ Петръ Бекетовъ съ 29 казаками, пришедшими на Амуръ изъ Нерчинска. Между тѣмъ носился слухъ, что китайцы намѣрены при устьѣ Сунгари построить крѣпость ***).

Бекетовъ сообщилъ Степанову, что вверху по Амуру хлѣба нѣтъ, и что пришли они изъ-за хлѣбной скудости.

Сунгари была единственною житницею казаковъ!

*) Д. И. т. III, стр. 525.
**) Д. И. т. III, стр. 326.
***) Д. И. т. III, стр. 526.

Обстоятельства сильно осложнялись этимъ. Вопросъ продовольствія обострился до такихъ размѣровъ, до какихъ онъ никогда не достигалъ на Амурѣ *).

Горькая иронія судьбы.

Напрасно спѣшилъ старый сотникъ Петръ Бекетовъ съ 63 казаками на Амуръ. И здѣсь хлѣба не было. Не богаты казаки были и вооруженіемъ. Въ это время у Степанова были только—одна полковая и двѣ желѣзныхъ пушки.

Камарскій острогъ и славная его защита въ 1655 году.

Зиму 1654—1655 года Степановъ и Бекетовъ провели въ Камарскомъ острогѣ. Предвидя, что рано или поздно, придется столкнуться съ китайцами, они укрѣпили Камарскій острогъ [1]).

Живо принялись казаки за дѣло.

2-го октября 1654 года, когда начались снѣга и мятели, Камарскій острогъ обведенъ былъ землянымъ валомъ.

По угламъ были поставлены быки (батареи). По валу передъ батареями стоялъ двойной палисадъ (т. е. тынъ или бревна, поставленные рядомъ вертикально). Въ срединѣ вала находилась насыпь изъ крупнаго песку. Вокругъ острога былъ выкопанъ ровъ: шириною и глубиною въ сажень.

Около рва со всѣхъ сторонъ всажены въ землю желѣзныя острія, засыпанныя слегка рыхлою землею. Это называлось—«пересыпать чеснокомъ». Чеснокъ былъ сдѣланъ изъ непріятельскихъ стрѣлъ.

Внутри острога была построена высокая батарея (или «раскатъ) и на ней поставлены пушки. Въ острогѣ былъ «исподній» и «верхній бой».

Посреди крѣпости выкопанъ былъ колодецъ. И отъ него проведены жолоба во всѣ четыре стороны, дабы имѣть воду

*) Д. П. т. III, стр. 526.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. На выборъ мѣста и на самое рѣшеніе построить острогъ, нужно полагать, оказалъ нѣкоторое вліяніе старый стратегъ, строитель многочисленныхъ остроговъ, сотникъ Петръ Бекетовъ.

Здѣсь мы вновь встрѣчаемъ знакомую идею—укрѣпиться на среднемъ теченіи рѣки въ центрѣ водныхъ путей. Камарскій острогъ именно занималъ такое срединное положеніе: 1) съ одной стороны Тугиръ и Олекма, съ другой Зея и Алданъ вели въ Якутскъ, 2) Шилка и Нигода въ Забайкалье; 3) Амуръ до моря къ востоку; Аргунь и Сунгари, а также Камара небольшой волокъ и (Наунъ) Нонни въ Монголію, Маньчжурію и Китай. Принимая во вниманіе всю предшествующую дѣятельность сотника Петра Бекетова, можно предположить, что построеніе Камарскаго острога въ центрѣ водныхъ путей системы Амура не случайность, а плодъ военнаго знанія и опыта, унаслѣдованнаго отъ казаковъ Западной Сибири, выработавшихъ эту своеобразную тактику для борьбы съ инородцами. Тактика остроговъ была, какъ мы видѣли, знакома теоретически и Зиновьеву, онъ полагалъ построить 3 острога: одинъ—на устьѣ Урки у начала Олекминскаго пути; другой—г. Албазинъ, на мѣстѣ Лавкаева города, въ центрѣ и третій—при устьѣ Зеи, у начала Алданскаго пути. Идея одна и таже: центральный опорный пунктъ и обезпеченіе сообщеній. Но Зиновьевъ рѣшаетъ по трафарету, ученически: Степановъ съ Бекетовымъ—сообразно обстановкѣ. Силъ было мало, разбрасываться не приходилось при численномъ превосходствѣ новаго противника (китайцевъ),

всегда подъ рукою, въ случаѣ пожара. Жолоба были проведены на вышинѣ 6 саженъ.

Якутскіе казаки, озлобившіеся на Зиновьева за мысль о построеніи остроговъ, не могли не послушать совѣта стараго товарища, подкрѣпленнаго примѣрами изъ опыта его боевой, исполненной тревогъ жизни.

Послѣдующія событія оправдали цѣлесообразность построенія Камарскаго острога*).

13-го марта 1655 года къ нему подступили китайцы въ числѣ 10 тысячъ человѣкъ. Первыми жертвами пали 20 дровосѣковъ, вышедшихъ изъ острога для рубки лѣса. Китайцы перебили ихъ.

Для отраженія осаждавшихъ русскіе сдѣлали вылазку. Мужественно ударили они на враговъ, врѣзались въ ихъ ряды, но, увлекшись, отдалились отъ острога. Горсть храбрецовъ въ 84 человѣка была окружена со всѣхъ сторонъ: *они пали всѣ до единаго, не выпуская изъ рукъ оружія.*

Китайцы подошли къ острогу, предложили казакамъ сдаться. Имъ отвѣтили выстрѣлами.

Тогда китайцы приступили къ правильной осадѣ острога. На другой сторонѣ Амура, на холмѣ, вышиною въ 40 саженъ, въ 200-хъ саженяхъ отъ острога, поставили они пушки. Сверхъ того, устроили 2 батареи: одну въ 70-ти, а другую въ 100 саженяхъ отъ крѣпостцы.

20-го марта 1655 г. со всѣхъ пунктовъ началась канонада, продолжавшая цѣлыя сутки. Но выстрѣлы противника были не мѣтки. Видя безполезность бомбардировки, на 5-й день, въ полночь съ 24 на 25 марта (1655 г.) китайцы повели штурмъ.

Русскіе же твердо рѣшили скорѣе лечь на стѣнахъ крѣпости, нежели сдаться...

Китайцы шли на приступъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, тысячи по три на каждую сторону. Первый натискъ китайцевъ былъ отраженъ: разстроивъ непріятельскіе ряды пушками, казаки, воспользовавшись замѣшательствомъ враговъ, сдѣлали вылазку, сбили непріятеля, взяли двѣ пищали «съ жаграми» (замками), много ядеръ, мѣшковъ пороху и нѣсколько плѣнныхъ.

Сраженіе длилось съ полночи до разсвѣта. Потери противника были настолько значительны, что онъ отступилъ и въ 350 саженяхъ отъ острога сталъ лагеремъ.

На приступъ непріятель болѣе не дерзалъ, а началъ оригинальнымъ образомъ вести переговоры: китайцы пускали въ острогъ стрѣлы съ привязанными къ нимъ записками.

*) Д. П. т. VI стр. 30.

Съ любопытствомъ разсматривали казаки китайскія письмена, не понимая ихъ и не отвѣчая на нихъ.

Китайцы, убѣдившись, что писать безполезно, прекратили 4-го апрѣля осаду, продолжавшуюся 12 дней.

Десятитысячный отрядъ былъ отбитъ 500-ми казаками. Притомъ же китайцы были порядочно вооружены: у нихъ было 15 пушекъ, много пищалей (огнестрѣльнаго оружія), кромѣ того они имѣли съ собою для осады мѣшки съ порохомъ, длиною въ 15—20 саженъ.

Были у нихъ и осадныя лѣсницы, съ желѣзными крючьями на верхнихъ концахъ и съ колесами на нижнихъ, багры и сухое дерево, деготь, солома и другіе легко воспламенявшіеся горючіе матеріалы.

И все это не помогло.

Въ безсильной злобѣ, уходя, китайцы изрубили казачьи суда.

Такъ кончилась славная оборона Камарскаго острога.

Записки, присланныя на стрѣлахъ китайцами, Степановъ отослалъ въ Якутскъ при донесеніи, а отобранныя пищали въ Москву.

Отложеніе Степанова отъ Якутска.

Ободренный успѣхомъ Степановъ представилъ собранный имъ ясакъ прямо въ Москву, минуя якутскихъ воеводъ. Въ отместку за это, тѣ перестали высылать ему порохъ и свинецъ.

У Степанова не было: ни пороху, ни свинцу, ни хлѣба, «питались казаки съ великою нуждою». Пришлось по неволѣ обратиться къ якутскимъ воеводамъ за помощью. Но они считали Степанова выдѣлившимся и не хотѣли ему помогать.

На олекминской заставѣ посланныхъ Степановымъ казаковъ въ Якутскъ не пропустили.

Поискъ Пущина на Аргунь. Присоединеніе къ Степанову.

Еще ранѣе (въ 1654 г.) изъ Якутска на Аргунь посланъ былъ сынъ боярскій Ѳедоръ Пущинъ съ 50-ю казаками, но не въ помощь Степанову, а съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать самостоятельно.

Пущину приказано было построить на р. Аргуни зимовье и сбирать съ окрестныхъ тунгусовъ ясакъ. Выступивъ поздно, Пущинъ провелъ зиму 1654—1655 г.г. въ Тугирскомъ острогѣ.

Въ мартѣ 1655 года онъ отправился далѣе. На рѣкѣ Уркѣ судно его разбилось, и онъ потерялъ и оружіе и припасы.

15 мая, прибывши на Аргунь, Пущинъ построилъ зимовье, но, не имѣя продовольствія, не могъ тамъ удержаться.

Въ это время Степановъ послалъ 50 казаковъ на Аргунь навѣдаться, нѣтъ ли тамъ русскихъ.

Пущинъ съ товарищами присоединился къ этимъ развѣдчикамъ и вмѣстѣ съ ними пошелъ въ Камарскій острогъ.

А Степановъ выступилъ уже въ походъ внизъ по Амуру. Пущинъ присоединился къ нему при устьѣ Сунгари.

Степановъ на р. Сунгари и на устьѣ Амура въ 1655 г. Косогорскій острогъ 1655—1656 г. Вверхъ по Амуру въ 1656 г. Партія Сорокиныхъ.

Во время жатвы Степановъ собралъ на Сунгари хлѣба на цѣлый годъ. Зиму 1655—1656 годъ рѣшились казаки провести въ низовьяхъ Амура у гиляковъ.

Гиляки только что убили 30 казаковъ, пришедшихъ сухимъ путемъ изъ Охотска. Казаки отомстили жестоко за смерть товарищей.

Въ землѣ гиляковъ Степановъ построилъ острогъ Косогорскій [1]). Гиляки и дучеры покорились и понесли ясакъ; было собрано 120 сороковъ соболей, 8 черныхъ и 56 красныхъ лисицъ.

Весною 1656 года Степановъ сталъ подниматься вверхъ по Амуру. На пути попадались оставленныя жителями жилища дучеровъ. Далѣе казаки нашли на берегу остатки сожженныхъ и изрубленныхъ русскихъ судовъ, принадлежавшихъ партіи братьевъ Сорокиныхъ.

Партія эта образовалась въ 1655 году. Это были бѣглые Верхоленскіе казаки (53 человѣка), съ атаманомъ Михаиломъ Сорокинымъ, да крестьяне и промышленники Илимскаго и Верхоленскаго уѣздовъ *).

Партія возросшая до 300 человѣкъ, подъ предводительствомъ братьевъ Михаила и Якова Сорокиныхъ двинулась на Амуръ.

Сначала Сорокины грабили на Ленѣ, а затѣмъ уже перебрались на Амуръ. Но здѣсь ихъ ожидала печальная участь. Сорокъ человѣкъ изъ нихъ были убиты дучерами, а остальные погибли съ голоду. И трупы ихъ найдены были впослѣдствіи Пущинымъ.

*) Оглоблинъ ч. I стр. 195. Рукоп. отд. Биб. Акад. Наукъ. Списокъ съ Иркутск. Арх., стр. 184.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Въ этомъ опять нельзя не видѣть вліянія Петра Бекетова.

Степановъ на р. Сунгари въ 1656 г.

Послѣ разоренія Хабаровымъ Амурскаго края, заботы о продовольствіи были гвоздемъ существованія казаковъ. И теперь, дойдя до Сунгари, Степановъ отправился на легкихъ судахъ вверхъ по ней для развѣдки: есть ли тамъ жители и нѣтъ ли тамъ полей, засѣянныхъ хлѣбомъ?

Казаки находили вездѣ запустѣніе.

Оставшіеся одиночные туземцы—бѣдняки сообщали, что по указу богдыхана (Шамшахана) дучеры и дауры переведены и поселены въ верховьяхъ рѣки Сунгари.

Повѣсили казаки головы. Нанесенъ былъ смертельный ударъ и имъ и ихъ дѣлу завоеванія Амурскаго края. Прошлогодній запасъ хлѣба истощился, а получить новый не было никакой надежды. Оставалось одно средство—самимъ сѣять хлѣбъ.

Но мирная работа была не по сердцу такимъ отчаяннымъ авантюристамъ, каковы были казаки Степанова.

Степановъ снова подчиняется Якутску въ 1656 г.

Существовать безъ помощи изъ Якутска было не возможно.

22-го іюля 1656 года, смиренный обстоятельствами, Степановъ послалъ собранный ясакъ опять въ Якутскъ и просилъ о помощи, описывая свое бѣдственное положеніе... *Онъ хотѣлъ было даже оставить Амуръ, но не имѣя офиціальнаго приказанія, не смѣлъ на это рѣшиться.*

А между тѣмъ именно въ это время въ Москвѣ обратили особенное вниманіе на амурскія дѣла. Представленные Зиновьевымъ плѣнные были отпущены обратно. *Степанову и его казакамъ 15-го марта 1655 года объявлено было ВЫСОЧАЙШЕЕ благоволеніе за труды ихъ.*

Царскою грамотою повелѣвалось, чтобъ казаки вели себя и впередъ также благоразумно и храбро, къ побѣжденнымъ оказывали болѣе ласки, чѣмъ строгости, ясакомъ излишнимъ ихъ не обременяли бы, чтобъ съ китайцами безъ нужды не ссорились и защищали туземцевъ отъ непріятелей.

Амурское воеводство.

Въ 1655 году предполагалось образовать особое Амурское воеводство. Устроителемъ его былъ избранъ енисейскій воевода Пашковъ. Онъ долженъ былъ устроить амурскія дѣла.

Съ этою цѣлью Пашковъ выступилъ изъ Енисейска съ 300-ми казаками 18-го іюля 1656 года. Но онъ пошелъ туда

не тѣмъ путемъ, *по которому ему было приказано идти, и которымъ ходили до сихъ поръ, т. е. черезъ Илимскъ, Олекму и Тугиръ, а другимъ путемъ по Ангарѣ и черезъ Байкалъ, по Селенгѣ и Хилку.*

Пашковъ построилъ Нерчинскій острогъ, какъ опорный пунктъ для занятія Амура. Степановъ ему былъ подчиненъ, Пашкову слѣдовало найти его.

Послѣдніе два года Степанова.

Между тѣмъ Степановъ перебивался изъ кулька въ рогожку, съ 1656 по 1658 годъ въ продолженіе 2-хъ лѣтъ, терпя во всемъ недостатокъ. Хлѣбъ еще подвезли изъ Илимска въ Тугирскій острогъ для предполагавшагося по этому пути движенія Пашкова, но ни пороху, ни свинцу не было: не присылали изъ Тобольска, откуда получали всѣ города.

Тогда казаки Степанова вспомнили о порохѣ, зарытомъ въ Тугирскомъ острогѣ Зиновьевымъ. Но выше упомянутые братья Сорокины вынули его еще въ 1655 году, и посланные казаки ничего не нашли.

Въ 1658 году Пашковъ послалъ изъ Нерчинска на Амуръ 30 человѣкъ искать Степанова и объявить ему, что начальникомъ Амурскаго края назначенъ онъ, Пашковъ. При чемъ Степанову было приказано послать 100 человѣкъ въ Нерчинскъ, а съ остальными заложить острогъ въ Албазинѣ.

Но эти распоряженія Степановъ не могъ уже исполнить.

Геройская гибель Степанова въ 1658 г.

30-го іюня 1658 года, отправясь внизъ по Амуру добывать запасы, Степановъ, съ 500 казаками, былъ окруженъ китайцами ниже устья рѣки Сунгари.

Китайцы плыли на 47 бусахъ или лодкахъ, вооруженные ружьями и пушками.

При встрѣчѣ съ китайцами нѣкоторые изъ новоприборныхъ казаковъ бѣжали. У Степанова осталось только 270 человѣкъ, вѣроятно, старыхъ его товарищей, настоящихъ казаковъ.

Окруженный врагами Степановъ долго бился и «наконецъ исчезъ среди враговъ, какъ утесъ, затопленный волнами».

Степановъ и его лучшіе товарищи (270 человѣкъ) пали въ неравномъ бою *).

**) Д. И. т. IV, стр. 176.

По донесенію оставшагося въ живыхъ атамана Артемія Филиппова «а отъ того погрому живыхъ служилыхъ ушли на суднѣ 227 человѣкъ».

Казаки, такъ долго игравшіе жизнію, вѣроятно продали ее врагамъ дорогою цѣною крови. Быть можетъ часть ихъ попала въ плѣнъ, хотя Артемій Филипповъ опредѣленно говоритъ, что они убиты.

«Имя Степанова забыто; имена сподвижниковъ его не извѣстны, но славныя дѣла ихъ сохранились въ живомъ преданіи старины и въ полуистлѣвшихъ свиткахъ историческихъ документовъ *).

Встрѣча казаковъ Степанова съ казаками Пашкова (Енисейскихъ съ Якутскими).

Большая часть ушедшихъ живыми изъ сраженія (180 человѣкъ) встрѣтились съ казаками, посланными воеводою Пашковымъ, обобрали ихъ до чиста и отпустили въ Нерчинскъ, а сами отправились внизъ по Амуру къ его устью, гдѣ зимовали **)...

Судьба оставшихся казаковъ Степанова.

Весною 1659 года, съ 18 сороками соболей ясаку, взятаго съ гиляковъ и дучеровъ, возвратились они въ Камарскій острогъ, думая пробраться къ воеводѣ Аѳанасію Пашкову. Къ нимъ пристала еще другая партія казаковъ Степанова, бѣжавшихъ предъ сраженіемъ, въ 47 человѣкъ. Образовалась партія въ 227 человѣкъ. «Но тутъ ихъ взяла хлѣбная нужда и изнялъ голодъ»... И они раздѣлились на двѣ партіи: 107 человѣкъ пошли вверхъ по Амуру, къ воеводѣ Пашкову, думая найти его въ Албазинѣ.

Но, встрѣтивъ на пути плывущія по рѣкѣ разрушенныя части судовъ, повернули къ Якутску на Тугирскій волокъ. И тутъ «изняла ихъ опять хлѣбная нужда и голодъ». А потому они по Шилкѣ къ Аѳанасію Пашкову не пошли, а повернули на Олекму.

Ясачную соболиную казну, собранную ими послѣ гибели Степанова, перенесли они на себѣ черезъ волокъ. А идучи волокомъ до Олекмы, ѣли травы, ягоды и коренья.

Слышали они отъ иноземцевъ, что китайцы въ 1658 году пошли на Аѳанасія Пашкова.

Семь человѣкъ изъ этой партіи, съ выборнымъ войско-

*) Рукоп. отдѣлъ Библіотеки Академіи Наукъ, Списокъ съ Иркутскаго архива, стр. 184.
**) Д. И. т. IV, стр. 261.

вымъ атаманомъ Артеміемъ Филипповымъ, черезъ Илимскій волокъ, доставили соболиную казну, собранную ими послѣ Степанова, въ Енисейскъ. Остальные вернулись въ Якутскъ. А другая половина (120 человѣкъ) осталась отъ нихъ въ Камарскомъ острогѣ. Они попытались обложить ясакомъ тунгусовъ по Зеѣ, но тунгусы разбѣжались. Тогда они, не думая болѣе объ ясакѣ, въ 1660 году явились въ Якутскъ *).

По другой версіи *казаки, оставшіеся послѣ Степанова, были побиты на морѣ китайцами, и только немногіе явились съ ясакомъ въ Енисейскъ* **).

Остатки партіи Степанова въ Нерчинскѣ.

17 человѣкъ, оставшись на Амурѣ, не зная, гдѣ преклонить свою голову, пошли съ покорностью къ воеводѣ Пашкову въ Нерчинскъ. Но жизнь тамъ имъ показалась тяжелою. И 15 человѣкъ изъ нихъ, посланныхъ съ другими нерчинскими казаками, подъ начальствомъ сына Пашкова, для усмиренія тунгусовъ на Нигодѣ бѣжали оттуда на плоту до Нерчинска, гдѣ захватили силою суда, оружіе и рухлядь у служилыхъ и пошли на Амуръ ***).

Воевода Пашковъ былъ въ отсутствіи: онъ строилъ въ это время судно около озера Иргеня. *Бѣглецы ограбили Нерчинскій острогъ, а приказнаго человѣка пятидесятника Андрея Васильева хотѣли убить.* Съ Амура бѣглецы пробрались сухимъ путемъ на Тугиръ въ надеждѣ достигнуть Лены и тамъ гдѣнибудь пріютиться. Но дорогою они *встрѣтили воеводу Толбузина, слѣдовавшаго изъ Тобольска въ Нерчинскъ по рѣкѣ Ленѣ и Олекмѣ на смѣну воеводы Пашкова. Толбузинъ воротилъ бѣглецовъ въ Нерчинскъ.*

Такъ кончились безславно въ 1658 году славные въ началѣ якутскіе походы на Амуръ. Якутскіе походы не удались. Якутскъ завѣщалъ это славное дѣло вновь образованному Нерчинску...

И такъ изъ 500 слишкомъ казаковъ Степанова 270 погибли смертью героевъ; изъ 227 бѣглецовъ большая часть ушла въ Якутскъ, и только *17 тоже бѣлыхъ казаковъ попали въ Нерчинскіе казаки* [1]).

*) Доп. И. т. IV, стр. 176.
**) Д. И. т. IV, стр. 260.
***) Д. И. т. IV, стр. 260.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Часть слабодушныхъ казаковъ, бывшихъ въ составѣ отряда Степанова, объясняется неразборчивостью комплектованія. Начиная съ Хабарова, въ продолженіе 10 лѣтъ казаки въ постоянныхъ стычкахъ теряли товарищей. Естественно, страдая отъ малолюдства, они при пополненіи рядовъ били «сороку и ворону», т. е. брали то, что попадало, лишь бы былъ русскій... Въ новый край бѣжало много безпокойнаго и бездомнаго люда; примѣромъ тому могутъ служить братья Сорокины и ихъ товарищи (300 челов.). Были, конечно,

Заключеніе о Якутскихъ походахъ на Амуръ.

Якутскіе походы на Амуръ имѣли слѣдствіемъ ознакомленіе съ Амурскимъ краемъ. Кромѣ того, они заставили считать Амуръ законнымъ наслѣдствомъ Московской Руси. Рано или поздно онъ долженъ былъ стать русскимъ, такъ какъ выяснилось, что онъ не принадлежалъ Китаю... Но стало ясно также, что съ Китаемъ относительно Амурскаго вопроса придется считаться; для этого понадобилось накопить силъ. *Эту миссію выполнилъ Нерчинскъ.*

Якутскіе походы создали Амурскій вопросъ. Развѣдки Амура—дѣло Якутска; присоединеніе же его—дѣло Нерчинска, созданнаго енисейскимъ воеводствомъ.

Три города участвовали въ разрѣшеніи амурскаго вопроса. Якутскъ и Енисейскъ поставили его на очередь: Якутскъ далъ идею, а Енисейскъ средства, *Нерчинскъ же явился слѣдствіемъ возникновенія этого вопроса.* Нерчинскъ сталъ центромъ, около которого накоплялись силы для разрѣшенія амурскаго вопроса. Какъ разъ въ то время, когда кончились якутскіе походы на Амуръ, образовалось Нерчинское воеводство.

партій и меньше. Поступали въ казаки, по всей вѣроятности, и одиночные звѣроловы... Что такихъ гулящихъ людей было много, въ этомъ убѣждаетъ то обстоятельство, что несмотря на постоянныя убыли въ теченіе почти 10 лѣтъ (1649—1658 г.), партія Хабарова, а потомъ Степанова, рѣдко спускалась численностью ниже 500 человѣкъ. Словцовъ говоритъ, что за 10 лѣтъ ушли на Амуръ не менѣе 1500 человѣкъ и тамъ погибли. Явленіе это замѣчательно тѣмъ, что въ 1653 г. въ Якутскомъ уѣздѣ было всего 450 казаковъ и 30 крестьянъ. А изъ пополненій мы знаемъ только: Чичигинъ изъ Якутска повелъ 133 человѣка, а привелъ 147. Кашинцевъ прибралъ 18 гулящихъ. Бекетовъ привелъ 63 енисейскихъ казака; Пущинъ присоединился къ Степанову съ 50-ю казаками; Зиновьевъ пришелъ съ 150 казаками. Итого 300 человѣкъ за 10 лѣтъ. Конечно не этими 300-ми только пополняли казаки свои ряды.

Уже въ 1652 году Хабарова покинули 136 человѣкъ, а у него оставалось только 212 человѣкъ *).

*) Д. И. т. III, стр. 396.

КАЗАКИ НА СИСТЕМАХЪ АМУРА И СЕЛЕНГИ ВЪ ДАУРСКИХЪ ОСТРОГАХЪ.

Амурскій вопросъ. Утвержденіе въ Забайкальѣ какъ первый этапъ на пути къ его разрѣшенію.

Начавшаяся съ 1640 года развѣдка земель въ Забайкальѣ и на Амурѣ изъ двухъ исходныхъ пунктовъ Енисейска и Якутска закончилась къ 1656 году. Оба развѣдочныхъ отряда (изъ Енисейска—Бекетова, изъ Якутска—Степанова) соединились на среднемъ теченіи Амура. Амуръ былъ осмотрѣнъ отъ верховьевъ до устья, но удержаться на Амурѣ на этотъ разъ не удалось. Хотя Степановъ оставался на Амурѣ до своей гибели (въ 1658 году) еще два года, но его дѣйствія были не что иное какъ агонія умиравшей русской власти.

Степановъ не уходилъ только потому, что не имѣлъ разрѣшенія. Онъ тамъ держался поневолѣ, безцѣльно. Его героическія дѣйствія ничего не дали новаго.

Развѣдки, изъ Енисейска—Забайкалья, изъ Якутска—Амурскаго края, создали Амурскій вопросъ: «покореніе амурскаго края и борьбу изъ-за него съ Китаемъ».

Почва была подготовлена.

Правительство получило достаточно свѣдѣній о новыхъ землицахъ. Выгодность присоединенія богатаго Приамурья была несомнѣнна.

Зародилась мысль создать отдѣльное амурское воеводство.

Развѣдки Бекетова и Хабарова выяснили правительству, что тамъ малыхъ казачьихъ партій недостаточно [1]).

Китай могъ посылать десятки тысячъ, а Сибирь страдала малолюдствомъ.

Вотъ почему назначеніе на Амуръ князя Лобанова-Ростовскаго съ 3000 человѣкъ въ концѣ-концовъ не состоялось.

Слишкомъ тревожны были донесенія.

Очевидность столкновенія съ многолюднымъ Китаемъ, при постоянныхъ жалобахъ на малолюдство въ отпискахъ сибирскихъ воеводъ, заставила отказаться отъ грандіознаго плана.

Московское правительство не пошло на рискъ—вступить

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. «Нужно по меньшей мѣрѣ положить, что въ десять лѣтъ на Амуръ ушли и тамъ погибли до 1500 человѣкъ». (Словцовъ Истор. Сибири) стр. 55.

въ кровавую борьбу съ Китаемъ, но отъ плана занятія Амура не отказалось. По представленію енисейскаго воеводы Аѳанасія Пашкова, оно рѣшило создать оплотъ казачьимъ партіямъ въ Забайкальѣ.

Утвердившись и заселивши русскимъ людомъ Забайкалье, и устроивъ центральный пунктъ на рѣкѣ Шилкѣ, оттуда полагалъ Пашковъ, безъ риска, постепенно распространить вліяніе на Амурскій край.

Розмахъ былъ не такъ широкъ, но болѣе обезпечивалъ успѣхъ.

Правительство согласилось съ нимъ и поставило себѣ ближайшею цѣлью укрѣпиться въ Забайкальѣ.

Автору плана было предоставлено выполненіе его.

Первая царская грамота Забайкальскимъ казакамъ. Походъ Аѳанасія Пашкова 1656—1657 г. Даурскіе остроги: Иргенскій, Нерчинскій и Телембинскій 1657—1658 г. Остатки партій Хабарова и Степанова въ Нерчинскѣ.

Царскою грамотою енисейскому воеводѣ Ивану Акинфову отъ 20-го августа 1655 года велѣно Аѳанасію Пашкову, съ сыномъ его Еремѣемъ, быть на Государевой службѣ въ новой даурской землѣ, и послать туда съ нимъ 300 сибирскихъ служилыхъ людей разныхъ городовъ, пятьдесятъ пудъ пороху, сто пудовъ свинцу, сто ведеръ вина, восемьдесятъ четвертей ржаной муки енисейской пахоты, десять четвертей крупы и столько же толокна, кромѣ того, выписку изъ таможенныхъ книгъ, какъ образецъ для ясачнаго сбора, да для перевозки ихъ суда, изготовленныя для даурской службы, на чемъ бы можно было имъ поднять запасы*).

Отпустить ихъ въ Илимскій острогъ весною 1656 года.

Вотъ въ какую форму вылилось практическое осуществленіе Амурскаго вопроса.

Эта грамота была *«да будетъ»* Забайкальскаго края, его культуры, его войска!

Ею устанавливается связь съ енисейскими и всѣми сибирскими казаками забайкальскихъ казаковъ. Приказомъ по В. В. 1913 года № 449 Забайкальскому войску дано старшинство на основаніи этой грамоты (см. стр. 1—2), съ 20 августа 1655 года.

*) Д. И. т. IV, стр. 41.

18-го іюля 1656 года Пашковъ выступилъ изъ Енисейска. Съ нимъ было 300 казаковъ *) [1]).

Сибирскимъ Приказомъ изъ Москвы дана была Пашкову главная власть надъ всѣми казаками и промышленниками Амурскаго края.

Ему поручалось возобновить Нерчинскій острогъ и тамъ положить прочное основаніе русскому владычеству.

Онъ долженъ былъ идти по Ленѣ и Олекмѣ, т. е. по пути якутскихъ казаковъ.

Тобольскому главному сибирскому воеводѣ предписано было снабдить Пашкова оружіемъ, порохомъ и свинцомъ.

Илимскій воевода долженъ былъ по пути, а главнымъ образомъ въ Тугирскомъ острогѣ, заготовить провіантъ **).

Провіантъ, доставленный въ Тугирскій острогъ, былъ расхищенъ въ 1652 году возвращавшимися съ Амура бѣглецами.

А Тобольскій воевода предложилъ Пашкову воспользоваться порохомъ и свинцомъ, зарытыми Зиновьевымъ въ Тугирскомъ острогѣ.

Ни пороху, ни свинцу тоже не оказалось.

Якутскіе воеводы, которымъ подчиненъ былъ Илимскъ и другія мѣста по пути предполагавшагося движенія, недовольные выдѣленіемъ Нерчинска, чинили Пашкову всяческія препятствія.

Узнавъ обо всемъ этомъ, рѣшительный Пашковъ измѣнилъ маршрутъ.

Въ Илимскѣ Пашковъ захватилъ 225 четвертей муки, да 500 пудовъ хлѣба. Затѣмъ онъ свернулъ на путь Бекетова (Ангарой, Байкаломъ, Селенгой, Хилкомъ и Ингодой) ***).

Въ Братскомъ острогѣ онъ зимовалъ (1656—1657).

Выступивъ весною 1657 года изъ Братскаго острога, онъ пополнилъ свои запасы отъ при-ангарскихъ крестьянъ и пошелъ вверхъ по Ангарѣ чрезъ Байкалъ по пути енисейскихъ казаковъ.

Далѣе онъ слѣдовалъ по Селенгѣ вдоль Хилка къ бывшему Иргенскому острогу, хорошо освѣдомленный прежними донесеніями и чертежами рѣкъ Колесникова и Бекетова.

Пашковъ прошелъ по рѣкѣ Хилку на баркасахъ въ двѣ-

*) Ежем. сочин. 1757 г., стр. 154.
**) Рук. отд. Биб. Акад Наукъ. Списки съ Ирк. Арх., стр. 182—183.
***) Ежемѣсяч. сочин. 1757 г., стр. 125.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Андріевичъ въ Ист. Сибири ч. I стр. 84—86 показываетъ число 566, а Паршинъ (Ист. Албазина, стр. 53) 660 человѣкъ. Но истор. документовъ, подтверждающихъ эти цифры, не осталось. Въ виду того, что послѣ Пашкова черезъ два года осталось только 75 человѣкъ, а войнъ никакихъ не было, я считаю число 300 наиболѣе вѣроятнымъ и при томъ же обоснованнымъ на документѣ *).

*) Д. П. т. IV, стр. 41.

надцать дней до ея верховьевъ и построилъ тамъ Иргенскій острогъ (1657 г.).

Устроивъ дѣла Иргенскаго острога, Пашковъ перебрался въ одинъ день, волокомъ, на Ингоду, гдѣ построилъ новые дощаники [1]) и на нихъ въ трое сутокъ дошелъ до Шилки, на берегу которой на устьѣ р. Нерчи заложилъ острогъ Нерчинскій въ 1658 году *).

Тогда же онъ поставилъ Телембинскій острогъ при рѣкѣ Кондѣ между озерами Телемба.

Нерчинскій острогъ сдѣланъ былъ главнымъ. Къ нему приписанъ былъ весь Амуръ.

За шесть лѣтъ предъ тѣмъ въ 1652 году Пашковъ доносилъ Царю о планѣ занятія Забайкалья боярскаго сына Василія Колесникова **).

«Въ Шилку, верстахъ на 50 ниже устья Ингоды, впала р. Нерча.

По Шилкѣ и Нерчѣ и озеру Иргеню живетъ много тунгусовъ.

Отъ озера Иргеня до Шилки четыре дня пути.

Пристойно на озерѣ Иргенѣ и на Шилкѣ при устьѣ Нерчи поставить остроги.

И тогда можно будетъ привесть въ ясакъ живущихъ тамъ инородцевъ.

А не поставивши острогов, привесть ихъ подъ Царскую руку нельзя, потому что по тѣмъ рѣкамъ тунгусовъ живетъ много. Для приведенія ихъ въ ясакъ нужно идти изъ Енисейска на Байкалъ, а потомъ Селенгою. Изъ Селенги до Иргеня небольшими дощанниками. Въ одно лѣто изъ Енисейска можно дойти и поставить остроги». Теперь Пашковъ буквально выполнилъ планъ Колесникова.

Сначала Нерчинскій острогъ названъ былъ Нелюдскимъ по имени живущихъ здѣсь тунгусовъ.

Эти тунгусы, не желая платить ясака, ушли въ Маньчжурію. Тогда и острогъ былъ переименованъ въ Нерчинскій.

Словомъ, въ 1658 году, когда послѣднее зерно русской колонизаціи на Амурѣ погибло вмѣстѣ со Степановымъ, такое же зерно упало на болѣе благопріятную почву въ Забайкальѣ.

Возникли Нерчинскій острогъ и его даурскіе казаки. *Они и были предками Забайкальскихъ казаковъ, давшихъ Россіи выходъ въ Великій океанъ.*

17 бѣглыхъ казаковъ погибшаго отряда Степанова, посту-

*) Спафарій, стр. 192.
**) Д. П. Акт. т. III стр. 313.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Вѣроятно на Плотбищѣ, на мѣстѣ нынѣшняго г. Читы.

нившихъ на службу Пашкова, связываютъ забайкальцевъ съ защитниками Камарскаго острога и якутскими казаками.

Въ Забайкальѣ зарождалась новая самостоятельная русская жизнь, а на Амурѣ вмѣстѣ со смертью Степанова угасла до 1665 года.

Пашковъ послалъ изъ Нерчинска къ Степанову на Амуръ указъ о своемъ назначеніи воеводою надъ всѣми Амурскими землями.

Онъ приказывалъ Степанову прибыть со 100 казаками въ Нерчинскъ, а остальнымъ казакамъ ожидать Пашкова въ Албазинѣ.

А пѣсня Степанова между тѣмъ была уже спѣта. Плывя по Амуру, окруженный десятью-тысячнымъ отрядомъ китайцевъ, онъ погибъ съ 270 товарищами, въ неравной борьбѣ; остальные спаслись. Изъ нихъ большая часть перебралась въ Якутскъ, а 17 прибыли въ 1660 году въ Нерчинскъ и поступили въ нерчинскіе казаки.

Посланные за Степановымъ нерчинскіе казаки, не заставъ Степанова въ живыхъ, вернулись въ Нерчинскъ, ограбленные бѣглецами изъ отряда Степанова, впослѣдствіи ушедшими въ Якутскъ.

Устройство Даурскихъ остроговъ Пашковымъ.

Первый Нерчинскій воевода Аѳанасій Пашковъ, убѣдясь въ безполезности хлопотъ о закрѣпленіи за Россіею Амура, пустыннаго къ этому времени до Сунгари, занялся устройствомъ Нерчинскаго острога.

Предстояло много хлопотъ.

Первымъ дѣломъ онъ старался ввести въ Нерчинскѣ хлѣбопашество—и земледѣльцами, нужно полагать, были казаки и гулящіе люди.

Но это дѣло, какъ увидимъ дальше, не привилось сразу.

Піонеры испытывали много лишеній: приходилось ѣсть лошадей, собакъ, волковъ, лисицъ и т. п.*).

Все это были люди холостые и только самъ воевода Аѳанасій Пашковъ и сынъ его Еремѣй были въ Забайкальѣ съ женами и дѣтьми **).

Пашковъ былъ крутъ на мѣры. «*Люди изшибали, бродили въ водахъ, а зимою чрезъ волокъ волочились. Рѣка Ингода мелкая, плоты тяжелые, палки большія, батаги суковатые, кнуты острые, пытки жестокія, огонь да встряска,—люди голодные, станутъ мучить—иной и умретъ*»...

*) Сиб. Ист. Фишера стр. 628.
**) Д. И. т. IV, стр. 178.

Такъ описываетъ протопопъ Аввакумъ, сосланный за расколъ въ Дауры, средства, къ которымъ прибѣгалъ Пашковъ для созданія культуры *).

Не смотря на энергію Пашкова Нерчинское воеводство, состоявшее изъ трехъ остроговъ, не могло существовать собственными средствами. И долгое время нуждалось оно въ поддержкѣ изъ Енисейска.

Въ Нерчинскъ теперь перешло разрѣшеніе Амурскаго вопроса.

Однако до 1689 года, т. е. до Нерчинскаго договора, въ разрѣшеніи его принималъ участіе Енисейскъ, откуда черпались средства.

Пашковъ донесъ Царю о катастрофѣ, случившейся со Степановымъ.

Амурскимъ дѣламъ былъ нанесенъ чувствительный ударъ: въ Москвѣ грандіозный планъ занятія Амура бросили окончательно.

Поставили ближайшую цѣль—укрѣпиться за Байкаломъ.

Дѣло уже не было такъ значительно, чтобы посылать въ Нерчинскъ воеводу.

Даурскіе остроги во время правленія Нерчинскаго приказчика Илларіона Толбузина 1662—1667 г.

Царскою грамотою 20 октября 1659 года назначается въ Нерчинскъ приказчикъ (не воевода), чиномъ только боярскій сынъ. Москва предоставила даже выборъ лица Тобольскому воеводѣ князю Ивану Хилкову.

Князь Хилковъ долженъ былъ избрать одного изъ тобольскихъ боярскихъ дѣтей въ приказчики Нерчинскаго острога.

По 30 казаковъ должны были сопровождать новаго приказчика изъ Енисейска и Якутска, а изъ Илимска 10.

Сопровождавшимъ служилымъ выдали годовое жалованье. Тѣ же самые провожатые должны были на обратномъ пути сопутствовать возвращавшемуся Пашкову до Енисейскаго острога.

Путь для новаго нерчинскаго приказчика назначался опять по Ленѣ и Олекмѣ чрезъ Тугирскій волокъ на Шилку.

Въ Тобольскѣ приказчикомъ Нерчинскаго острога былъ избранъ боярскій сынъ Илларіонъ Толбузинъ.

Въ 1660 году назначенъ онъ былъ въ Даурскую землю на Шилку для смѣны воеводы Аѳанасія Пашкова.

2-го октября 1661 года прибылъ онъ въ Тугирскій ос-

*) «Сибирь и каторга», Максимова.

трогъ. А оттуда, проведя тамъ зиму, въ сопровожденіи 20 казаковъ енисейскихъ, якутскихъ и илимскихъ, 20-го марта 1662 года, на лыжахъ, пошелъ онъ въ Нерчинскій острогъ, куда прибылъ 12-го мая 1662 года и гдѣ не засталъ Аѳанасія Пашкова, находившагося въ то время въ Иргенскомъ острогѣ.

Толбузинъ принялъ отъ Пашкова три даурскихъ острога: Нерчинскій, Иргенскій и Телембинскій и въ нихъ служилыхъ и новоприборныхъ 75 человѣкъ.

25-го мая 1662 года отбылъ Пашковъ чрезъ Байкалъ въ Енисейскъ, съ женою и дѣтьми, сопровождаемый 7 якутскими казаками. Остальные 7 якутскихъ казаковъ, которые слѣдовали съ Толбузинымъ и должны были по отпискѣ Тобольскаго воеводы сопровождать обратно Пашкова, остались на Тугирскомъ волокѣ съ церковными вещами, свинцомъ и порохомъ.

Пашковъ ихъ не дождался.

Они прибыли въ Нерчинскъ 5-го іюня 1662 г. по Шилкѣ на стругахъ, а 16-го іюля отправились обратно въ Якутскъ.

Состояніе Даурскихъ остроговъ во время правленія приказчика Толбузина съ 1662—1667 г.

Въ 1662 году грандіозно задуманный планъ занятія Амурскаго края свелся къ нулю. Во главѣ дѣла былъ поставленъ не воевода, а приказчикъ сынъ боярскій Илларіонъ Толбузинъ и у него въ трехъ даурскихъ острогахъ было 75 казаковъ, да съ нимъ пришли 25 якутскихъ, енисейскихъ и илимскихъ и изъ отряда Степанова 14 казаковъ.

«Хлѣбъ въ Нерчинскѣ и на Иргени не родится», доносилъ онъ енисейскому воеводѣ. «И мнѣ съ такими малыми служилыми людьми, безъ присылки изъ Енисейска хлѣба и казаковъ въ трехъ острогахъ служить никакими мѣрами нельзя. И учинить въ ясачномъ сборѣ прибыль и остроги отъ иноземцевъ оберегать некѣмъ.

И тебѣ, господине, прислать изъ Енисейска въ прибавку служилыхъ людей и хлѣбныхъ запасовъ мимо Братскаго острога, а не чрезъ Тугирскій волокъ, куда хлѣбъ возить нельзя».

(Такимъ образомъ устанавливался ближайшій путь въ Даурію).

«А если въ Нерчинскій и Иргенскій остроги служилые въ прибавку и хлѣбные запасы не пошлются, то мнѣ съ служилыми на службѣ помереть голодною смертью».

Вотъ какъ плачевно были поставлены Амурскія дѣла къ 1662 году вопреки утвержденію Андріевича, историка Забайкалья, что Нерчинское воеводство, благодаря энергіи Пашко-

ва могло существовать послѣ него собственными средствами, не требуя подвоза провіанта отъ другихъ воеводствъ *).

Гибель Степанова была гибелью Амурскаго вопроса на 200 лѣтъ.

Куда дѣвались казаки Пашкова, прибывшіе съ нимъ въ числѣ 300 [1]), не извѣстно.

Историческіе документы не даютъ отвѣта. Вѣроятнѣе всего, когда Амурскій вопросъ провалился, имъ было прекращено денежное и хлѣбное жалованье и въ теченіе двухъ лѣтъ «они врознь разбрелися», какъ тогда выражались.

Такъ или иначе, но фактъ на лицо, что къ 1662 году, въ концѣ воеводства Пашкова, на рѣкахъ системы Амура было въ трехъ острогахъ только 75 казаковъ!

Толбузинъ пробылъ въ Забайкальѣ пять лѣтъ съ 1662 по 1667 годъ.

Воеводство Толбузина (1662—1667 г.) было самою тяжелою порою Даурскихъ остроговъ.

Окружавшіе ихъ тунгусы не были многочисленны, но покорялись только силѣ. Видя малолюдство казаковъ, они отказались платить ясакъ. Мало того, они набрались настолько храбрости, что стали нападать на остроги, въ которыхъ было десятка по три казаковъ.

Первое нападеніе сдѣлано въ іюлѣ 1662 года на Иргенскій острогъ. Тунгусы отогнали десять лошадей (четыре казенныхъ и шесть казачьихъ).

Бѣгство Абрама Парфенова съ 68 казаками на Амуръ въ 1663 г.

У Толбузина было въ трехъ острогахъ 114 казаковъ: 75 нерчинскихъ и 25 изъ числа сопровождавшихъ его якутскихъ, илимскихъ и енисейскихъ и 14 казаковъ изъ отряда Степанова и Хабарова **).

Въ виду дерзости тунгусовъ Толбузинъ задержалъ якутскихъ и енисейскихъ казаковъ за Байкаломъ до присылки подкрѣпленія.

Московское правительство, отказавшись отъ Амура, совсѣмъ не интересовалось даурскими острогами. Съ 1658 по 1669 г., въ теченіе семи лѣтъ, оно не выслало ни копѣйки жалованья, ни пуда муки.

Хлѣба не было.

Казаки терпѣли голодъ.

---

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. (Ист. Сибири Андріевича 566, а по Паршину 660 Ист. Албаз.).

*) Андріевичъ. Ист. Забайк., стр. 39.

**) Д. И. т. IV, стр. 320—327.

Съ горстью казаковъ Толбузинъ не рѣшался даже собирать ясакъ.

Отписку за отпиской писалъ онъ въ Москву, прося о помощи и присылкѣ хлѣба, писалъ въ Енисейскъ, даже въ Якутскъ.

Между тѣмъ казакамъ стало не въ мочь терпѣть долѣе лишенія.

68 казаковъ (всѣ енисейскіе, илимскіе, якутскіе и албазинскіе и 29 даурскихъ) подъ начальствомъ Абрама Парфенова (албазинца) въ 1663 году ушли на Амуръ.

Этотъ Абрамъ Парфеновъ замѣчателенъ своими побѣгами. Въ 1656 году онъ бѣжалъ со своими товарищами, ограбивъ Василія Колесникова и казну, на Амуръ. Въ 1658 году онъ явился съ ними же съ Амура къ Аѳанасію Пашкову и вновь бѣжалъ отъ него изъ Нерчинска опять на Амуръ. Вернулся съ Тугирскаго волока съ Толбузинымъ въ 1661 году, а въ 1663 опять бѣжалъ съ ними же на Амуръ и увлекъ еще, кромѣ своихъ постоянныхъ товарищей по бѣгамъ, 54 другихъ казака *).

Осадное положеніе Даурскихъ остроговъ въ 1664-мъ году.

Послѣ этого побѣга (въ 1664 г.) въ трехъ даурскихъ острогахъ осталось всего 46 казаковъ.

И это было тѣмъ досаднѣе, что какъ разъ въ 1664 году пришли изъ Монголіи къ Нерчинскому и Иргенскому острогамъ конные тунгусы и согласились платить ясакъ.

А монголы не хотѣли ихъ отпустить изъ своего подданства. По 30—40 монголовъ пріѣзжали къ тунгусамъ, принуждая платить ясакъ хану монгольскому **).

Естественно, что тунгусы просили защиты у новыхъ своихъ повелителей русскихъ.

Положеніе Толбузина было не блестящее. Онъ обратился за помощью къ якутскому воеводѣ, уже во второй разъ. Первый разъ онъ просилъ подкрѣпленія 12-го мая 1662 года, но помощи не послѣдовало. Теперь онъ снова просилъ присылки казаковъ, говоря: «*Тунгусы просятъ у меня обороны отъ монголовъ. А у меня оборонять ихъ некѣмъ: со мною въ трехъ острогахъ 46 человѣкъ. И тѣ сидятъ отъ монголовъ въ осадѣ и помираютъ голодною смертью*».

Смута начала проникать даже къ оленнымъ тунгусамъ (ороченамъ) Телембинскаго острога. Толмачъ Телембинскаго острога новокрещенный тунгусъ Алешка сталъ подбивать со-

*) Д. И. т. IV, стр. 262.
**) Д. И. т. IV, стр. 326—353.

родичей напасть на Нерчинскій и Телембинскій остроги и затѣмъ откочевать въ Монголію. Заговоръ былъ открытъ.

Толбузинъ хотѣлъ его казнить. Тогда тунгусскіе старшины Починскаго роду подали челобитную, на имя Государя, Толбузину, прося отослать Алешку въ Енисейскъ, чтобы впредь отъ него смуты не было.

Толбузинъ, по просьбѣ ихъ, выслалъ Алешку въ Баргузинскій острогъ.

Между тѣмъ слухи о малочисленности казаковъ дошли и до табунутовъ (хоринскіе буряты).

Среди ясачныхъ тунгусовъ въ январѣ 1664 года ходили толки, что табунуты собираются напасть на Нерчинскіе остроги.

И дѣйствительно въ 1664 году Нерчинскій острогъ подвергся нападенію монголовъ *).

Должно быть слухи о малочисленности казаковъ дошли и до нихъ.

46 казаковъ храбро защищались, голодали, но все-таки острогъ отстояли.

У монголовъ не хватило терпѣнія для дальнѣйшей осады, и они ушли.

Подчиненіе Даурскихъ остроговъ Енисейскому воеводѣ въ 1664 году.

Между тѣмъ Москва, получивъ отписку о нападеніи въ 1662 году на Иргенскій острогъ, и, не зная еще ничего о побѣгѣ Парфенова съ 68 казаками на Амуръ, рѣшила поддержать даурскіе остроги.

Царская грамота въ декабрѣ 1664 года енисейскому воеводѣ предписывала: «*посылать въ Даурскіе остроги по отпискамъ изъ Тобольска и Даурскихъ остроговъ все, что годно на тамошнюю руку, не отписываясь о томъ къ намъ, Великому Государю*».

Короче сказать, въ концѣ 1664 года на енисейскаго воеводу возложено было снабженіе и защита даурскихъ остроговъ **).

Присылка казаковъ изъ Тобольска и Енисейска въ 1664 г.

Въ тоже время сдѣланы были распоряженія Тобольскому воеводѣ о высылкѣ изъ Тобольска 60, а изъ Енисейска 20 казаковъ на службу въ даурскіе остроги, выбравъ посылаемыхъ

*) Д. И. т. IV, стр. 133.
**) Д. И. т. IV, стр. 323.

изъ стрѣльцовъ и пѣшихъ казаковъ. Выслать приказано было ихъ спѣшно, теперь-же зимою на нартахъ, не дожидаясь водяного пути.

Эти 80 человѣкъ, посылаемыхъ въ прибавку 114 даурскимъ казакамъ, должны были оставаться въ Дауріи со дня прибытія туда два, три и даже четыре года.

Смѣну предписывалось производить воеводамъ Тобольскому и Енисейскому самимъ, не спрашивая разрѣшенія Москвы.

Казакамъ, которые остались бы въ Дауріи, вѣчно или болѣе 4 лѣтъ, жалованье приказано было давать съ прибавкою.

Командируемымъ казакамъ выдавалось жалованье впередъ на три года.

Казаки назначались въ Даурію по ихъ собственному желанію, а если охотниковъ не было, то—по назначенію.

Выбирали преимущественно плотниковъ и тѣхъ, кому «*судовой ходъ за обычай*».

Вообще приказано было въ даурскую службу выбирать «*людей самыхъ добрыхъ*».

Они должны были выступить весною по первой водѣ на легкихъ судахъ, построенныхъ въ Енисейскѣ, чтобы въ первое же лѣто придти въ Нерчинскъ.

Всѣ эти казаки удовлетворялись денежнымъ, солянымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ на два года впередъ.

Деньгами снабжались они въ своихъ городахъ, а хлѣбомъ и солью всѣ въ Енисейскѣ, по 12 четей ржаной муки и по 12 чети крупъ и толокна на человѣка.

Снабженіе даурскихъ казаковъ хлѣбомъ изъ Енисейска, а жалованьемъ и товаромъ изъ Москвы.

Съ ними же послали изъ Енисейска 114 нерчинскимъ казакамъ: на каждаго казака—ржаной муки по $5^1/_8$ чети, крупъ и толокна по 2 чети, соли по $1^1/_2$ пуда; боярскимъ дѣтямъ—по 10 чет. муки и соли по 3 пуда *).

Въ томъ же 1664 году изъ Москвы послано 114 нерчинскимъ казакамъ жалованье: 26 половинокъ гамбургскаго сукна разныхъ цвѣтовъ на кафтаны, по 4 аршина на человѣка, 1000 аршинъ холсту, 1000 саженъ сѣтей для рыбной ловли.

Кромѣ того, послано было воеводѣ для раздачи иноземцамъ на подарки, когда они начнутъ приходить въ острогъ съ ясакомъ: оловянныя блюда и тарелки, всего вѣсомъ одинъ пудъ, пудъ же синяго бисеру (одекую), 200 ножей усольскихъ и для отписокъ 2 стопы бумаги.

На покупку хлѣба и всѣхъ перечисленныхъ предметовъ

*) Д. И. т. IV, стр. 323.

гонцамъ изъ Москвы выдано 1,200 р. Причемъ посланные съ казною гонцы должны были товары купить въ русскихъ городахъ, а хлѣбъ въ Енисейскѣ.

О купленныхъ товарахъ и оставшихся деньгахъ Енисейскій воевода долженъ былъ донести царю съ нарочнымъ гонцомъ.

Когда вѣсти о тяжеломъ положеніи нерчинцевъ дошли до Москвы, то въ томъ же 1664 году было въ первый разъ выслано денежное жалованье за 6 лѣтъ (за 1659, 1660, 1661, 1662, 1663 и 1664) 46 нерчинскимъ казакамъ, оставшимся въ даурскихъ острогахъ послѣ побѣга 68 казаковъ съ Абрамомъ Парфеновымъ во главѣ [1]).

Въ 1666 году посланы были изъ Верхотурскихъ доходовъ въ Дауры съ албазинцемъ Иваномъ Перелѣшинымъ 2,000 руб. на жалованье казакамъ. Перелѣшинъ свезъ всѣ деньги въ Албазинъ, хотя они были посланы нерчинскимъ казакамъ *).

Штатное число казаковъ въ Даурскихъ острогахъ въ 1664 г.

30-го декабря 1664 года царскою грамотою енисейскому воеводѣ былъ установленъ, до нѣкоторой степени, штатъ казаковъ въ трехъ даурскихъ острогахъ (къ прежнимъ 114 посылалось на службу на два года 60 томскихъ и 20 енисейскихъ) 194 человѣка или въ круглыхъ числахъ 200 человѣкъ **).

Лѣтомъ 1665 года томскіе и енисейскіе казаки прибыли.

Въ Даурскихъ острогахъ надолго устанавливается штатъ казаковъ въ 200 человѣкъ (до Нерчинскаго договора включительно).

Но фактически въ продолженіе 15 лѣтъ до 1680 года число служилыхъ въ Нерчинскѣ всегда было менѣе 200 [2]).

---

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. А именно въ 1664 году выслано изъ Москвы: 1) жалованье 46 нерчинскимъ казакамъ: деньгами за 6 лѣтъ (1659—1664) 1380 руб.; 2) товарами (за 1663—1664 г.): а) половинокъ сукна разныхъ цвѣтовъ и достоинствъ на кафтаны, всего на 407 руб., б) сѣтей и холста на 53 руб.; 3) на покупку хлѣба въ Енисейскѣ 460 рублей для нерчинскихъ казаковъ.

На эти деньги приказано было купить въ Енисейскѣ и послать въ Нерчинскъ на два года 490 четей ржаной муки, по расчету $7^1/_8$ четь на каждаго казака въ годъ, (въ этомъ числѣ 2 чети муки за 4 чети овса).

Кромѣ того, приказано было изъ Енисейска выслать на два года 46 казакамъ по 2 пуда соли—92 пуда.

Тогда же выслано въ Нерчинскъ изъ Москвы на подарки ясачнымъ оловянныя блюда и тарелки, вѣсомъ 3 пуда, и синяго бисеру (одекуя) 2 пуда.

[2]) ПРИМѢЧАНІЕ. Даурскими острогами въ тѣсномъ смыслѣ назывались остроги Восточнаго (Заяблоноваго) Забайкалья: Нерчинскій, Телембинскій и Иргенскій ***).

*) Д. И. т. 8, стр. 348.
**) Д. И. т. 4, стр. 320.
***) Д. И. т. 6, стр. 364.

Остроги западнаго Забайкалья.

Баргузинское головство. Байкальскіе остроги. Верхнеангарскій, Баргузинскій, Баунтовскій.

Въ Западномъ Забайкальѣ въ острогахъ Верхнеангарскомъ, построенномъ Василіемъ Колесниковымъ (въ 1646 г.), и Баргузинскомъ находились постоянно 70 енисейскихъ казаковъ для сбора ясака съ жившихъ по Верхней Ангарѣ и по Баргузину оленныхъ тунгусовъ.

Въ 1646 году по Верх. Ангарѣ жили князцы Котега и Мукотей, имѣвшіе 600 луковъ (взрослыхъ мужчинъ), а въ верховьяхъ В. Ангары находился третій князецъ, у котораго было 300 луковъ. Словомъ тамъ жило въ 1646 году до 1,000 семействъ оленыхъ тунгусовъ. Они вносили ясаку 4 сорока 35 соболей, 3 красныхъ лисицы, шубу соболью и 3 бобра.

Эти оленные тунгусы управлялись родовыми старшинами.

Въ каждомъ родѣ было человѣкъ до 300 взрослыхъ мужчинъ. Они вели бродячій образъ жизни и вооружены были луками.

Подчинившись русскимъ въ 1646 году, часть ихъ навсегда осталась за Россіею, часть впослѣдствіи ушла за р. Аргунь.

Тогда какъ Восточное Забайкалье съ уходомъ Бекетова на Амуръ было очищено русскими въ періодъ съ 1656 по 1657 годъ, Западное же Забайкалье казаки никогда не покидали.

Сначала два острога: Верхнеангарскій и Баргузинскій, а впослѣдствіи, съ 1652 года, еще и Баунтовскій были заняты всегда отрядомъ енисейскихъ казаковъ.

Въ 1656 году, когда Пашковъ шелъ въ Забайкалье, въ Баргузинѣ былъ Иванъ Галкинъ, а боярскій сынъ Василій Колесниковъ и атаманъ Иванъ Колесниковъ въ Верхнеангарскомъ острогѣ. Предполагалось, что Аѳанасій Пашковъ будетъ на рѣкѣ Амурѣ, а енисейскіе воеводы хотѣли собирать ясакъ не только съ западнаго, но и съ восточнаго Забайкалья, т. е. по Ингодѣ и Шилкѣ *).

Но такъ какъ Пашковъ оставался въ Нерчинскѣ, то енисейскіе воеводы ограничились западнымъ Забайкальемъ. Замѣ-

*) Д. И, т. IV, стр. 53.

чателенъ антагонизмъ между воеводами. Енисейскій воевода предписывалъ Василію Колесникову ни въ коемъ случаѣ не приставать къ Пашкову.

Въ періодъ съ 1656 по 1673 годъ были головами въ Баргузинѣ: Барыбинъ, Власьевъ, Первый Самойловъ, Барнешлевъ, Лисовскій, Несвитаевъ и др. *).

Они оставались въ Забайкальѣ по два года, получая денежное, хлѣбное и соляное жалованье впередъ **).

Хлѣбъ имъ доставляли по Байкалу. При вступленіи въ должность они получали наказы.

Къ 1660 г. тамъ были, кромѣ выше перечисленныхъ остроговъ, уже и ясачныя зимовья.

«*А на Байкалъ посылаются 74 казака для ясачнаго сбору и на многія стороннія рѣки и по зимовьямъ. И въ тѣ службы и разсылки тѣхъ служилыхъ сполна не будетъ*», говорится въ отпискѣ того времени.

Баргузинское головство распространяло ясачный раіонъ сначало къ сѣверу. Такъ въ 1661 году сотникъ Тарховъ обложилъ тунгусовъ по Витиму и собралъ съ нихъ ясаку 3 сор. 16 соб. на сумму 212 руб. На Витимѣ на устьѣ Кидимита было поставлено ясачное зимовье ***).

Обложивъ ясакомъ ороченовъ къ сѣверу, казаки скоро двинулись на югъ.

Это привело къ основанію Селенгинска.

Система остроговъ въ Забайкальѣ.

Въ это время Забайкалье было слабо заселено.

На сѣверѣ по Витиму кочевали бродячіе тунгусы (оленные орочены), по Шилкѣ—конные тунгусы.

По Онону, Селенгѣ и Аргуни и въ верховьяхъ Чикоя кочевали монголы, а по нижнему Чикою селенгинскіе буряты, перекочевавшіе сюда съ верхней Тунгусски (Ангары) отъ Балаганскаго острога ****).

Наконецъ на всемъ пространствѣ между озеромъ Еравной и Селенгою и къ югу до Керулена обитали въ числѣ 2 т. буряты табунуты (хоринскіе), отдѣляя русскіе остроги восточнаго Забайкалья отъ поселеній западнаго Забайкалья.

Остроги Нерчинскій, Телембинскій и Иргенскій, расположенные по среди ясачныхъ тунгусовъ, служили для сбора ясака въ восточномъ Забайкальѣ. Мѣста ихъ построенія предопредѣлялись географическими условіями: кочевые инородцы, не прола-

*) Столбцы Спб. пр. № 481.
**) Д. И. т. V, стр. 49.
***) Д. И. т. IV, стр. 241.
****) Д. И. т. V, стр. 49—55. Д. И. т. V, стр. 175.

гавшіе дорогъ, жили по долинамъ рѣкъ. Для подчиненія ихъ надобно было возвести остроги въ центрѣ ихъ путей. А путями то и были долины рѣкъ. Казаки располагались на среднемъ теченіи рѣкъ, преимущественно при впаденіи какого нибудь притока, или между двумя рѣчными системами, на волокѣ. Нерчинскій острогъ былъ на среднемъ теченіи р. Шилки, съ путями въ 4 стороны: внизъ по Шилкѣ и вверхъ—по Ингодѣ, Онону и Нерчѣ.

Иргенскій острогъ былъ на волокѣ между Хилкомъ (системы Селенги) и Ингодою. Телембинскій—на волокѣ между Витимомъ и Ингодою.

Построивши эти остроги и держа твердо (рѣки) бразды правленія въ рукахъ, даурскіе казаки господствовали надъ этими путями и, какъ слѣдствіе, надъ самими туземцами, съ которыхъ собирали ясакъ.

Сборомъ ясака пока ограничивалась вся цѣль занятія Забайкалья.

Вскорѣ все Восточное Забайкалье (Заяблоновое) системы Амура, было во власти русскихъ. Скоро русская волна въ Западномъ Забайкальѣ двинулась на югъ.

Селенгинскій острогъ, какъ южный форпостъ Забайкалья съ 1666 по 1683 г.

Основаніе Селенгинска десятниками казачьими Осипомъ Васильевымъ и Гавріиломъ Ловцовымъ въ 1665 г.

Въ 1665 году, въ бытность въ Баргузинскомъ острогѣ приказчикомъ стрѣлецкаго головы Перваго Самойлова, десятники казачьи Осипъ Васильевъ и Гавріилъ Ловцовъ, «провѣдавъ накрѣпко и допряма отъ баргузинскихъ тунгусовъ про рѣку Селенгу и бурятъ», подали Самойлову челобитную, прося разрѣшенія привести подъ Государеву руку измѣнниковъ бурятъ, отъѣхавшихъ изъ Балаганска, жившихъ теперь на Чикоѣ, и поставить среди ихъ кочевьевъ острогъ на рѣкѣ Селенгѣ, при устьѣ Чикоя.

Пунктъ былъ такъ же централенъ, какъ и Нерчинскій острогъ: вверхъ и внизъ по Селенгѣ, по Хилку, Чикою и Удѣ пути вели вѣеромъ во всѣ стороны. Кромѣ того, онъ имѣлъ прямое водное сообщеніе съ Енисейскомъ, а по Байкалу и его притокамъ—Баргузину и Верхней Ангарѣ—входилъ въ связь, посредствомъ маленькихъ волоковъ, съ притоками Витима на сѣверной сторонѣ Яблоноваго хребта.

Въ то бездорожное время такой пунктъ былъ истиннымъ кладомъ.

Разспросивъ у тунгусовъ про новую мунгальскую землю, что лежала недалеко отъ устья Чикоя, испрося у приказнаго Самойлова 19 казаковъ, полковую мѣдную пищаль, 1 пудъ свинцу, 20 фунтовъ пороху, 40 пушечныхъ ядеръ, 2 дощаника съ парусами и якорями, 4 спуска бичевокъ, направились наши завоеватели искать новую землицу. Но прежде сплавали въ Нижній Братскій острогъ по хлѣбные запасы; накупили тамъ пороху, свинцу, всякое приступное боевое ружье и русскіе товары—красное сукно, котлы мѣдные, олово и всякую мелочь иноземцамъ на подарки, чтобы лаской и привѣтомъ задобрить братскихъ и тунгусовъ *).

И на все это «ни денежнаго, ни хлѣбнаго жалованья и никакихъ подъемовъ не получили отъ казны».

А оттуда, обезпечивъ себя хлѣбомъ и прибравъ въ Брат-

*) Д. И. т. V, стр. 49.

скомъ, Балаганскомъ и Иркутскомъ острогахъ 69 охочихъ служилыхъ людей, вверхъ по Селенгѣ дошли до устья Чикоя.

Здѣсь 27 сентября 1665 года, выбравъ угожее мѣсто въ монгольской землѣ, новый острогъ поставили и назвали его Селенгинскимъ.

Острогъ мѣрою кругомъ 60 саженъ (т. е. 15 сажень каждая сторона); по угламъ 4 башни «съ развалы» (батарея) и крытыми вышками.

Вышина острога $2^1/_2$ сажени.

Вокругъ острога «крѣпъ»: ровъ, чеснокъ и надолбы. Проторей учинилось казакамъ 2625 р.

А острогъ на Селенгѣ поставленъ близъ мунгальскихъ царей и близъ каменнаго города Кукана Хана. Ходу до каменнаго города (Калгана?) пѣшею ногою три дня *).

И услыша объ острогѣ, мунгальскій царь Куканъ-Ханъ приклонился подъ Царскую руку и послалъ трехъ пословъ въ Москву.

Имена тѣхъ пословъ: Банбара Болотъ Косючи, Зоректу Зайсанъ и Азаръ Мергень Батуръ.

30 сентября 1665 года Осипъ Васильевъ отпустилъ монгольскихъ пословъ въ Москву съ пятидесятникомъ Гаврилкою Ловцовымъ и четырьмя казаками.

Въ Селенгинскѣ осталось 85 человѣкъ.

О своихъ успѣхахъ Осипъ Васильевъ донесъ енисейскому воеводѣ.

Между тѣмъ къ 27 апрѣля 1666 года онъ призвалъ въ ясачный платежъ 25 тунгусовъ Коленкурскаго рода.

Но между этими тунгусами и баргузинскими произошла стычка на устьѣ р. Итанцы.

Приказчикъ Баргузинскаго острога, защищая подвѣдомственныхъ ему инородцевъ, отобралъ у коленкурскихъ тунгусовъ скотъ и животъ и захватилъ плѣнныхъ (ясырей).

Коленкурскіе тунгусы, боясь смерти, разбрелись по лѣсамъ. Десятникъ Осипъ Васильевъ остался безъ ясачныхъ.

«А вновь ихъ призывать нечѣмъ», доносилъ онъ: «нѣтъ ни сукна, ни олова, ни мѣдныхъ котловъ, ни вина горячаго, никакихъ подарковъ.

«Изволь, Государь», просилъ онъ енисейскаго воеводу, «въ Селенгинскъ прислать: вина горячаго, краснаго сукна, олова и мѣдные котлы иноземцамъ на подарки, свинцу, пороху, полкового наряду, пушки и всякаго мелкаго осаднаго оружія— для осаднаго времени. Намъ, по челобитью, дали изъ Баргузинскаго острогу пищаль полковую мѣдную, чѣмъ бы было мунгальскую землю беречь и очистить. И мы въ той пищали

*) Списки Нерчинской Архивы № 29, стр. 9. Д. И. т. V, стр. 49.

дали *«поручную запись»*. Прикажешь той пищали быть въ Селенгинскомъ или въ Баргузинскій острогъ отослать?

А безъ нея въ Селенгинскомъ острогѣ быть нельзя, потому что земля многолюдная и орды прилегли многія.

Да пожалуй, Государь, Василій Алексѣевичъ, изволь прислать изъ Енисейскаго острогу въ Селенгинскій на прибавку служилыхъ людей десятка съ три.

А у насъ въ Селенгинскѣ конечное малолюдство: прилегли орды многія и Царства разныя и земля многолюдная.

Да пожалуй дать тѣ три дощанника съ парусами и якорями и съ судовою снастью, на которыхъ отпущены служилые сюда, въ Иргенскій острогъ къ Илларіону Толбузину [1]).

Да изволь выдать изъ казны Нижней братской похоты на обиходъ 50 пудовъ ржаной муки иноземцамъ на кормъ для приводу и призову подъ Государеву руку [2]).

Да изволь прислать писчей бумаги дести съ три.

Въ 1666 году былъ присланъ въ Селенгинскій острогъ изъ Братскаго енисейскій служилый Петрушка Васильевъ для письма въ подъячіе, а въ 1666 году изъ Иркутскаго Аѳонька Федоровъ Байданъ (не Бейтонъ ли?) для великихъ Государевыхъ дѣлъ для толмачества тунгусскаго и братскаго языку и монгольскаго переводу. Изволь ихъ перемѣстить на оклады изъ Енисейскаго въ Селенгинскій острогъ съ нашими казачьими окладами вмѣстѣ. А кои енисейскіе служилые разныхъ остроговъ въ Селенгинскую службу прибирались и кто именно, и на какой годъ Великаго Государя жалованьемъ пожалованы, и тѣмъ служилымъ въ Енисейскомъ острогѣ въ съѣзжей избѣ— слѣдуютъ окладныя книги и отписи.

Да по сіе число (27 апрѣля 1666 года) въ Новомъ Селенгинскомъ острогѣ тихо и скромно и шатости не слыхать. Да посылалъ пословъ отъ себя мунгальскій царь Куканъ-Ханъ. А раньше онъ былъ въ ихъ землѣ славный именемъ Контайша. И какъ они мунгалы повоевали Алтынова царя, кои послованись къ Великимъ Государямъ къ Москвѣ и въ Томской, и послѣ той войны того славнаго именемъ Контайшу мунгальскіе цари за службу назвали меньшимъ царемъ Куканомъ-Ханомъ.

Мунгальскіе цари живутъ по своимъ удѣламъ и владѣютъ ими, и посылаютъ они своихъ улусныхъ людей торговать всякими товарами къ Богдойскому царю. Богдойское (китай-

---

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Это присланные въ Даурію на службу 60 томскихъ и 20 енисейскихъ казаковъ.*).

[2]) ПРИМѢЧАНІЕ. Т. е. пахоты людей, приписанныхъ къ Нижнему Братскому острогу на устьѣ Оки.

---

*) Д. И. т. IV, стр. 320.

ское) царство богато и всѣмъ изобильно. Есть серебро и дорогія вещи.

Откуда золотая руда, изъ иныхъ ли царствъ или въ Китаѣ добывается, про то мы не знаемъ.

Да и впредь съ мунгальскими царями и съ лучшими тайшами и со всѣми мунгалами пословаться ли и призвать ли ихъ подъ Царскую руку?

И о томъ о всемъ изволь прислать изъ Енисейскаго острога изъ «съѣзжей избы» «указную память» за Государевою печатью [1]).

Монгольское посольство и похвальная царская грамота Селенгинскимъ казакамъ.

Первая встрѣча казаковъ съ монголо-бурятами произошла подъ Селенгинскомъ. Здѣсь впервые казаки столкнулись съ обломками имперіи Чингизъ-Хана. Встрѣча имѣла мирный характеръ «посольской пересылки», какъ тогда говорили.

Первыми начали «пословаться» съ ними строители Селенгинскаго острога казачій пятидесятникъ Ловцовъ и десятникъ Осипъ Васильевъ, если не считать посольства Якова Похабова и Василія Колесникова къ князю Турукай-Табуну.

Характерныя черты службы казаковъ.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Выше приведены выдержки изъ отписки Селенгинскаго десятника Осипа Васильева, какъ характеризующія бытъ и службу Селенгинскихъ казаковъ. Построеніе Селенгинскаго острога было типичнымъ образчикомъ службы казаковъ: 1) провѣдываніе разспросами, 2) челобитная о порохѣ, 2) сборы на свой счетъ, 4) поискъ съ пушкою на дощаникахъ, 5) приборъ служилыхъ и заготовка запасовъ, 6) построеніе острога на среднемъ теченіи при устьѣ рѣки, 7) сборъ свѣдѣній о землицахъ, 8) организація службы въ острогѣ и призывъ инородцевъ въ ясакъ, отписка съ именными списками вновь приборныхъ казаковъ съ просьбой о зачисленіи въ оклады, составленіе окладныхъ книгъ и наконецъ мотивированная просьба о присылкѣ оружія и подкрѣпленія. Характерна отписка и относительно сущности острожной службы и въ смыслѣ необходимыхъ предметовъ въ острогѣ: пушки, дощаники, сукно, мѣдные котлы и тарелки на подарки ясачнымъ, хлѣбъ на кормъ аманатамъ, бумага для отписей и наказная память. Не забыты и необходимые для острога люди: подъячій (писарь) и толмачъ.

Характерно также построеніе новаго зимовья Удинскаго, при впаденіи рѣки. Только что построенъ острогъ, сейчасъ же начинаются вѣтви. Словомъ въ этой отпискѣ сказалась вся острожная служба.

Недостаетъ только невода и ловли рыбы на аманатовъ и топоровъ и лопатъ для постройки острога и замковъ для амбара съ аманатами.

Построеніе Иркутскаго острога въ 1666 году.

Особенность системы распространенія остроговъ по рѣкамъ сказалась и въ томъ, что,—построивъ Селенгинскій острогъ на южномъ пути (по Ангарѣ, Байкалу и Селенгѣ),—27 марта 1666 года было приказано построить на р. Ангарѣ, подальше отъ Енисейска новый острогъ, какъ опору для казаковъ и промышленниковъ, ѣдущихъ въ Забайкалье *).

Въ результатѣ возникъ Иркутскій острогъ, сначала игравшій по отношенію къ Селенгинскому служебную роль—какъ опора на пути къ Байкалу. Въ 1683 году Иркутскій острогъ былъ приписанъ къ Селенгинскому городу. А въ 1690 г. Иркутскій острогъ обращенъ въ городъ и къ нему, наоборотъ, приписанъ городъ Селенгинскъ («Иркутскаго присуду»).

*) Рук. Отд. Библ. Ак. Наукъ. Списки Иркутск. Арх., стр. 205.

До нихъ доходили смутные слухи о происходившихъ въ Монголіи переворотахъ *) [1]).

Четыре—пять монгольскихъ владѣльцевъ, имѣя каждый отъ 5 до 10 т. конницы, кочевали отъ Далайнора (Аргуни) до Телецкаго озера (Оби) *****).

Одинъ изъ нихъ Куканъ-Ханъ, по всей вѣроятности данникъ Очирой-Сапна-Хана, и отправилъ посольство къ русскому царю, съ десятникомъ Осипомъ Васильевымъ, склонившимъ хана послать царю подарки.

Десятникъ Осипъ Васильевъ называетъ его контайшою. Это навѣрное ошибка. Контайша былъ калмыкъ, а рѣчь идетъ о монголахъ.

Въ Селенгинскѣ пятидесятникъ Ловцовъ отнялъ у Васильева честь предстать предъ свѣтлыя очи царя.

Ловцовъ самъ отправился съ послами въ Москву. Во время зимовки въ Иркутскѣ послы бѣжали. Ловцовъ, съ казаками, бросился въ погоню, но нигдѣ не нашелъ ихъ.

Настойчивый пятидесятникъ вернулся изъ Иркутска въ Селенгинскъ и, въ сопровожденіи толмача и одного казака, отправился къ Кукану-Хану. Онъ нашелъ его кочевавшимъ не доѣзжая каменнаго города (вѣроятно Калгана) и склонилъ его отправить новыхъ пословъ.

Въ 1667 году въ сопровожденіи пяти казаковъ доставилъ Ловцовъ монгольскихъ пословъ въ Москву, и привезъ оттуда Царскую милостивую, похвальную грамоту, а 85 казакамъ—товарищамъ жалованье: 600 рублей денегъ, да суконъ тоже на 600 рублей.

Въ этой первой похвальной грамотѣ Забайкальскимъ казакамъ сказано: «*сказать имъ наше Государево жалованное слово, что мы, Великій Государь, видя ихъ къ намъ Великому Государю службу за то милостиво похваляемъ и они бы, видя къ себѣ нашу Государеву милость, впредь намъ Великому Государю служили и добра хотѣли и во всемъ нашей Великаго Го-*

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Усилившійся джунгарскій контайша, или владѣлецъ черныхъ калмыковъ, Галданъ или Бошохту, кочевавшій раньше со 100 тысячами калмыковъ между верхнимъ Иртышемъ и рѣкою Или, разбилъ монгольскаго Лозанна-Хана и распространился на востокъ, на мѣсто Алтыновыхъ кочевьевъ и далѣе по рѣкѣ Толѣ до Керулена. Монголы были потѣснены. Нѣкоторые тайши бывшаго ханства Лозанна бросились къ Забайкалью. Самъ Лозаннъ, сынъ Алтына, просился въ русское подданство **).

Нѣкоторые тайши черныхъ калмыковъ, распространившихся на востокъ на мѣсто царства Лозанна, въ 1666 году просились тоже въ подданство Россіи***).

Очевидно отъ этихъ переворотовъ той и другой сторонѣ приходилось не легко, а съ востока напирали маньчжуро-китайцы.

Почти всю вторую половину XVII вѣка, то джунгарскіе тайши (вѣдомства Контайши), то монгольскіе (вѣдомства Лозана) просятся въ подданство Россіи ****).

И наконецъ Лозаннъ ушелъ въ Индію.

*) Д. И. т. V, стр. 49—53.
**) Д. И. т. XI, стр. 375.
***) Кузнецовъ Ист. акты XVII стол., стр. 25.
****) Миллеръ, Еж. сочин. 1757 г., стр. 299.
*****) Сычевскій, стр. 130—135.

сударя казнь прибыли искали, которая прибыль бы впредь намъ Великому Государю была прочна и стоятельна и наша-бъ Царскаго Величества Сибирская отчина впредь пространялась» [1]).

Значеніе Селенгинскаго острога.

Селенгинскій острогъ былъ и долго оставался передовымъ опорнымъ пунктомъ и щитомъ русскихъ поселеній за Байкаломъ отъ нападенія монголовъ.

«Казаки не смѣли ѣздить изъ острога въ мунгальскую землю для подлиннаго провѣдыванія. Къ Селенгинскому острогу прилегли орды многія и царства разныя и мѣсто многолюдное. И провѣдывать про новую мунгальскую землю изъ Селенгинскаго острога подлинно было некѣмъ», писалъ Енисейскій воевода Царю въ 1666 году.

Отсюда ясно важное значеніе острога и понятно желаніе воеводы увеличить въ немъ число казаковъ.

Съ построеніемъ Селенгинска начались русско-монгольскія отношенія. Въ 1666 году не ясачные тунгусы и буряты, кочевавшіе въ долинѣ рѣки Чикоя, опасаясь русскихъ, отъѣхали въ Монголію. Съ этихъ поръ начались перебѣжки инородцевъ изъ Россіи въ Монголію и обратно. Инородцы подъ давленіемъ двухъ могущественныхъ народовъ, русскихъ и китайцевъ, бросались то въ Монголію, то приходили снова въ Забайкалье *).

Въ 1668 году, спустя три года послѣ построенія Селенгинскаго острога, тамъ было 97 казаковъ. Въ 1670 году въ острогѣ и за острогомъ было 29 избъ. Внизъ по рѣкѣ Селенгѣ казаки завели пашни и пріискали соляное озеро **).

Общее заключеніе о системѣ остроговъ Забайкалья.

Въ 10 лѣтъ, съ прибытія Пашкова въ Забайкалье до конца службы Илларіона Толбузина (1667 года), русскіе, отказавшись отъ Амура, довольно прочно утвердились за Байкаломъ.

У нихъ были зависящіе отъ Енисейска три основныхъ пункта съ гарнизонами 90, 70 и 85 казаковъ: главный изъ даурскихъ Нерчинскій острогъ въ центрѣ водныхъ путей системы Амура и Селенгинскій и Баргузинскій на водныхъ путяхъ Байкальскаго бассейна.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Забайкальцы блестяще исполнили завѣтъ Тишайшаго Царя, открывъ Нерчинскіе заводы, создавъ кяхтинскую торговлю и занявъ Амуръ и тѣмъ открывши двери въ Великій океанъ.

*) Д. И. т. V, № 38.

**) Д. И. т. VIII, стр. 213—216 Рук. отд. Имп. Акад. Наукъ Спис. Нерчин. арх. № 29 стр.9.

Отъ всѣхъ трехъ пунктовъ пути, по рѣкамъ, шли въ разныя стороны и разсѣкали Забайкалье на десятки маленькихъ площадей. Кромѣ того, были острогъ Верхнеангарскій (путь по Верхней Ангарѣ) и Удинское зимовье (при устьѣ Уды) на рѣкахъ того же бассейна Байкала. А на волокахъ, соединяющихъ рѣки системъ Селенги и Лены, а также Селенги и Амура,—Телембинскій и Иргенскій остроги.

Этимъ почти исчерпывалось все русское населеніе Забайкалья.

Не привлекалъ новый край ни промышленниковъ, ни пашенныхъ крестьянъ.

На мѣстѣ хлѣба почти не производилось, все доставляли чрезъ Баргузинъ изъ енисейскаго воеводства.

Существованіе остроговъ оправдывалось соболиною казною, которую давали тунгусы—оленные у Баргузина, конные —у Нерчинска и монголы и буряты у Селенгинска.

Инородческое населеніе Забайкалья (въ 5-6 тысячъ) группировалось, тысячи по двѣ, около остроговъ: Баргузинскаго—по Баргузину и Верхней Ангарѣ, Нерчинскаго—по Нерчѣ и Шилкѣ, около Селенгинскаго—по Селенгѣ и Чикою.

Среди этого рѣдкаго инородческаго населенія русскіе остроги были еще болѣе рѣдкими оазисами.

На югѣ начинались катаклизмы (сшибки) монгольскихъ племенъ подъ давленіемъ Китая и Джунгаріи. Монголы и буряты, родъ за родомъ, будучи вытѣсняемы происходившими переворотами, появлялись съ юга подъ Селенгинскомъ и Нерчинскомъ.

Однако русскіе успѣли уже занять не заселенное Забайкалье.

Приливающимъ, необъединеннымъ властью, безъ огнестрѣльнаго оружія, племенамъ пришлось или признать власть бѣлаго царя или навсегда остаться въ Монголіи.

Опоздай эти казаки на полвѣка—и не видать бы намъ Забайкалья.

Правило римскихъ колонистовъ—провести и обезпечить пути внутрь новой страны—значитъ покорить ее—оправдалось здѣсь въ полной силѣ.

Укрѣпившись въ перечисленныхъ семи острогахъ, преимущественно на водныхъ путяхъ, русскіе, разъединивъ инородцевъ, объясачили малолюдный Забайкальскій край, создали три основныя колонизаціонныя ячейки: Нерчинскъ, Баргузинъ и Селенгинскъ, около которыхъ, какъ рой пчелъ, начало скопляться русское населеніе.

Старѣйшій собратъ ихъ Баргузинъ, благодаря своему сѣверному положенію, гдѣ не могло развиваться хлѣбопашество, будучи первымъ опорнымъ пунктомъ въ Забайкальѣ, господ-

ствующую роль въ колонизаціи края вскорѣ уступилъ Нерчинску и Селенгинску, оставаясь посредникомъ между ними и Енисейскомъ, такъ какъ путь пролегалъ чрезъ него.

Удачный выборъ мѣстъ для Селенгинскаго и Удинскаго остроговъ много способствовалъ закрѣпленію Забайкалья за русскими.

Благодаря этимъ острогамъ, сообщеніе Нерчинскаго воеводства съ Енисейскимъ было обезпечено: Селенгинскъ вскорѣ обратился въ южный форпостъ отъ набѣговъ монголовъ, а Удинскъ (Верхнеудинскъ) со временемъ сталъ промежуточной станціею на пути изъ Енисейска въ Нерчинскъ.

И такъ къ 1666 году въ трехъ основныхъ пунктахъ Забайкалья считалось казаковъ:

Въ Нерчинскѣ	194
» Баргузинѣ	70
» Селенгинскѣ	90
Итого	354 человѣка.

Возобновленіе Албазинскаго острога въ 1665 году.

Въ 1665 году снова былъ поднятъ Амурскій вопросъ.

И на этотъ разъ его воскресило незначительное Илимское воеводство, бывшее посредникомъ между Енисейскомъ и Якутскомъ.

Бѣглый полякъ Никифоръ Черниговскій, бѣжавшій изъ Киренска съ 34 товарищами, возобновилъ въ 1665 г. Албазинъ.

Никифоръ Черниговскій въ 1638 году былъ посланъ изъ Москвы съ другими земляками въ Енисейскъ для несенія военной службы. Онъ былъ надзорщикомъ надъ соляными варницами въ Усть-Кутскомъ острогѣ на рѣкѣ Ленѣ.

Въ 1665 году въ Усть-Кутскъ пріѣхалъ илимскій воевода Обуховъ *).

Жена Черниговскаго понравилась могущественному воеводѣ, вызвавшему ревность мужа. На обратномъ пути въ Илимскъ Обуховъ подвергся нападенію Черниговскаго съ шайкой товарищей; воевода былъ убитъ, а его и казенное имущество было ограблено. Грабители же, избѣгая кары, ушли на Амуръ. Всего съ приставшими по дорогѣ ушли 84 человѣка. Они пришли на мѣсто стараго Албазина. Черниговскій возстановилъ его**).

Создали маленькую деревянную крѣпостцу въ 18 саженъ длиною и 13 шириною, съ тремя башнями: двѣ въ стѣнѣ, обращенной къ рѣкѣ и одну на нагорной сторонѣ съ воротами.

Острогъ былъ окруженъ рвомъ въ 2 сажени шириною. Надъ воротами находилась приказная изба, на ней караульная. Въ двухъ прочихъ башняхъ жилые покои съ бойницами. Въ острогѣ были только кладовыя. Жилища обывателей находились внѣ крѣпости съ нагорной стороны.

Въ Албазинѣ собрались 101 казакъ.

Черниговскій обложилъ ясакомъ окрестныхъ жителей. Желая испросить помилованіе, онъ надумалъ посылать ясакъ сначала въ Нерчинскъ, къ Толбузину, а потомъ и прямо въ Мо-

*) Рукоп. отд. Библ. Акад. Наукъ. Списки Ирк. Арх. 208—212 Еж. соч. 1757 г. стр. 195.
**) Еж. соч. 1757 г., стр. 197.

скву вмѣстѣ съ повинною. Въ 1670 году прислали изъ Албазина въ Нерчинскъ—93 соболя *).

Въ Москвѣ 15-го марта 1672 г. Черниговскій, вмѣстѣ съ сыномъ и главными сообщниками, всего 17 человѣкъ, приговорены были къ смертной казни, а 46 человѣкъ остальныхъ, приставшихъ къ шайкѣ Черниговскаго послѣ убійства воеводы, къ отсѣченію рукъ и наказанію кнутомъ. Но черезъ два дня они всѣ были помилованы и Никифору Черниговскому съ товарищами велѣно было быть въ Албазинѣ на царской службѣ. Казаки получили въ награду за службу 2,000 рублей.

Между тѣмъ изъ Нерчинска въ Албазинъ былъ присланъ приказчикъ.

Іеромонахъ Ермогенъ, увлеченный казаками во время бѣгства изъ Илимска, заложилъ около Албазина монастырь во имя Спаса. А гулящіе люди построили Покровскую слободу и приписались къ Албазинскому острогу крестьянами.

Такъ снова появились русскіе на рѣкѣ Амурѣ.

Такъ возникъ снова Албазинскій острогъ.

Но до 1672 года царю о немъ не доносили.

Между тѣмъ царскою грамотою 30 декабря 1664 года на енисейскаго воеводу, какъ мы видѣли, возложено было снабженіе всѣхъ даурскихъ остроговъ всѣмъ необходимымъ **).

Такимъ образомъ въ 1665 году снова возникаетъ Амурскій вопросъ подъ главенствомъ енисейскаго воеводы.

Амурскій вопросъ носилъ въ себѣ самомъ зародышъ осложненія съ Китаемъ, но къ этому присоединились еще другіе мотивы.

Возвращеніе изъ Маньчжуріи князя Гантимура въ 1667 г.

Въ 1667 году, въ послѣдній годъ управленія Илларіона Толбузина, изъ Китая въ предѣлы нерчинскаго воеводства пришелъ князь Гантимуръ [1]) съ 40 родовыми старшинами и съ ихъ семьями, (болѣе 500 человѣкъ) ***).

Они отдались въ русское подданство и стали платить по 3 соболя въ годъ съ человѣка ****).

Появленіе князя Гантимура подъ Нерчинскомъ было довольно неожиданное. Онъ занималъ видное мѣсто въ Китаѣ и пользовался милостью богдыхана. Онъ получалъ жалованья 9 пудовъ серебра (4200 ланъ) и 4 коробки золота. Его тунгусы

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Тотъ самый, который въ 1651 году, разграбивъ Нерчинскій острогъ Бекетова, ушелъ въ Китай на рѣку Ганъ.

*) А. И. т. VI, стр. 451.
**) Д. И. т. IV, стр. 323.
***) Д. И. т. VI стр. 41.
****) Рук. Отд. Пуб. Биб. Ак. Наукъ Списки Нерчинскаго Арх. стр. 31.

жили на рѣкѣ Нонни около Цицикара. Въ 1667 году Гантимуръ былъ посланъ уничтожить Камарскій острогъ на Амурѣ.

Князь вмѣсто Амура пошелъ къ Нерчинску и съ 40 сородичами передался Россіи.

Онъ пригласилъ еще послѣдовать его примѣру Зайсана Бакая съ родами Дулигарскимъ, Баягирскимъ и частью Дулигатскаго*).

Часть потомковъ этихъ родовъ позднѣе были перечислены въ казаки и составили пятисотенный тунгусскій казачій полкъ.

Бакай занялъ земли по Аргуни.

Сношеніе Нерчинскаго приказчика съ Китаемъ изъ-за Гантимура.

Съ поднятіемъ Амурскаго вопроса военное значеніе Нерчинскаго острога усилилось. Но Амурскій вопросъ поставленъ былъ ребромъ, только при слѣдующемъ приказчикѣ Даурскихъ остроговъ ротмистрѣ Даніилѣ Аршинскомъ (1667—1673). Обостренію его способствовалъ переходъ Гантимура въ русское подданство.

Правитель Маньчжурскій, жившій въ Цицикарѣ на рѣкѣ Сунгари, прислалъ къ Аршинскому грамоту, прося возвращенія Гантимура.

«Изъ-за двухъ—трехъ соболей ссориться мы не будемъ», писалъ онъ полное достоинства письмо, «но если у Васъ сбѣжитъ подданный, развѣ Вы его не ищите по 10—20 и даже по 100 лѣтъ?» **)

И если воевода пошлетъ ко мнѣ пословъ,—и я ли не сумѣю «честь имъ воздать?»

«Бояться послать послами два—три человѣка нечего. Гдѣ де видано, чтобы пословъ побивали и задерживали? Какая честь задержать или убить пословъ?

Убить пословъ ни честь и ни хвала!»

Въ заключеніе онъ просилъ отправить въ Пекинъ уполномоченныхъ для переговоровъ о Гантимурѣ.

Даніилъ Аршинскій понималъ пользу дружескихъ сношеній съ Китаемъ и въ отпискѣ тобольскому воеводѣ доносилъ, что въ 1670 году къ нему на Шилку пришелъ—князецъ Шаранда для соболинаго промыслу. Аршинскій его разспрашивалъ, почему китайцы не приходятъ съ торгомъ въ Нерчинскъ. Оказалось, что первую попытку китайцы сдѣлали при Толбузинѣ въ 1666 году, но Толбузинъ взялъ князца Чепчевула въ кандалы и заковалъ его. Это отбило охоту у торговцовъ. Ар-

*) Спб. вѣст. 1822 г. ч. XVII стр. 115.
**) Д. И. т. 6, стр. 41.

шинскій, напротивъ, «воздавалъ честь и кормилъ Шаранду довольно» *).

Посольство въ Китай казака Милованова въ 1670 г.

Даніилъ Аршинскій, воспользовавшись предложеніемъ цицикарскаго дзяньдзюня, послалъ въ 1670 году боярскаго сына Милованова, съ 6-ю казаками, но не къ нему, а прямо къ богдыхану въ Пекинъ съ предложеніемъ союза и безпрепятственной торговли.—

Дипломатомъ назначенъ былъ нерчинскій казакъ Игнатій Миловановъ, который описалъ свое путешествіе.

Изъ Нерчинска до первыхъ китайскихъ людей на рѣкѣ Аргуни Торгочинъ шелъ онъ 17 дней *) [1]). Торгочины были народъ кочевой. По Аргуни и Хайлару шелъ онъ до Нонни, гдѣ жили осѣдлые дауры—земледѣльцы.

Отъ Нонни до Китая ѣхали на коняхъ 13 дней.

Въ Пекинѣ пословъ поставили на посольскомъ дворѣ. Такъ прожили они недѣлю, а китайцы переводили посольскій листъ на китайскій языкъ.

Потомъ пришлось ждать еще три недѣли «за крѣпкими караулами» аудіенціи императора. Кормили и поили ихъ хорошо.

Наконецъ, богдыханъ принялъ Милованова съ товарищами и «учредилъ стойку».—

Богдыханъ сидѣлъ во время пріема на асидномъ тронѣ съ золотою рѣшеткою. Онъ былъ въ одеждахъ съ золотымъ шитьемъ. Шапка на немъ была тоже золотая, съ теремкомъ наверху, а въ теремкѣ драгоцѣнные камни. Богдыханъ принялъ посольство милостиво и въ честь ихъ выпустилъ на свободу узниковъ, а въ честь русскаго царя онъ приглашалъ ихъ три дня сряду къ своему столу, въ свою столовую палату. А послѣ угощенія богдыханъ подарилъ каждому казаку шапку, халатъ камчатный (шелковый), поясъ съ ножемъ, коня съ сбруею и 50 кумачей.

Подъ присмотромъ караула казакамъ разрѣшено было ходить по торгамъ. Богдыханъ послалъ съ Миловановымъ грамоту русскому царю.

Въ этой грамотѣ говорилось:

«По твоему Великаго Государя указу присланы изъ Нерчинска служилые, чтобы намъ съ тобою посольство сводить и чтобы наши люди ѣздили къ намъ и къ вамъ съ торгами безъ всякой помѣшки безпрестанно и надежно.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. 500 и 800 верстъ.

*) Д. И. т. 6, стр. 44.
**) Д. И. т. 6, стр. 41.

И буде сторонніе люди пойдутъ войною подъ Нерчинскіе остроги или въ Китай, то намъ другъ другу помогать...

И впредь бы твои люди нашихъ украинныхъ земель не воевали и худо бы никакого не чинили. И какъ на этомъ словѣ положено, будемъ жить въ миру и радости».

Далѣе богдыханъ сообщалъ, что Черниговскій разорялъ его людей на Амурѣ и что богдыханъ хотѣлъ послать на него войска, но, узнавъ, что это русскіе, приказалъ не посылать. Вскользъ упоминалось и о Гантимурѣ. По смыслу нужно было понять, что я де, богдыханъ, жду разрѣшенія вопроса о Гантимурѣ.

Спорныя дѣла Россіи и Китая.

Черниговскій дѣйствительно безпокоилъ китайцевъ и послалъ въ 1669 году 70 человѣкъ въ походъ внизъ по Амуру и на Чучаръ (Цицикаръ) *).

Войдя въ дипломатическую переписку съ Китаемъ и, боясь осложненій изъ-за Амура, Даніилъ Аршинскій написалъ въ 1676 году Никифору Черниговскому въ Албазинъ, чтобъ онъ не воевалъ съ даурами безъ указу **).

Между тѣмъ тунгусы, тѣснимые въ Забайкальѣ русскими, бросались то въ Монголію, то обратно.

Игнатій Миловановъ, возвратясь изъ посольства, сообщалъ, что 50 тунгусовъ хотятъ выйти изъ Китая подъ высокую руку царя.

А китайцы, послѣ разгрома Степанова, считали Амуръ своимъ достояніемъ, подвигаясь къ сѣверу, они съ стратегическою цѣлью строили города: Нингуту, Мергень и Цицикаръ.

Еще прежде, чѣмъ Черниговскій утвердился на среднемъ Амурѣ, въ 1662 году 70 китайскихъ лодокъ стояли на устьѣ Амура ***).

Они облагали тунгусовъ ясакомъ, давали подарки: камки, кумачи, луки и тщательно разспрашивали про русскихъ ****).

Даже якутскій воевода опасался ихъ нашествія.

Въ началѣ 1677 года албазинскій приказчикъ Гаврила Фроловъ доносилъ нерчинскому воеводѣ: «внизъ по Амуру, по Зеѣ и по Быстрой живутъ конные и оленные тунгусы подъ державою богдыхана *****).

Все это вмѣстѣ взятое: албазинскія дѣла, и Гантимуръ, и отдѣльные бѣглецы инородцы, и претензіи Китая на устьѣ Аму-

*) А. И. т. 4, стр. 451.
**) Д. И. т. 6, стр. 45.
***) Зап. Сычевскаго стр. 1—21.
****) Д. И. т. 4, стр. 279.
*****) Паршинъ стр. 143.

ра, и постройка городовъ въ сѣверной Маньчжуріи—все это были горючіе матеріалы.

Въ неясныхъ чертахъ назрѣвало столкновеніе съ Китаемъ. Между тѣмъ положеніе русскихъ дѣлъ въ Дауріи было шаткое.

Нашествіе въ Даурію монголо-бурятъ въ 1669 -1671 г.

Между тѣмъ съ юга появились новые враги монголо-буряты.

Съ 1668 года монгольскіе тайши начинаютъ нападать на южные русскіе остроги. Такъ въ 1668 году Сейгунъ тайша напалъ на Балаганскій, Верхоленскій и Илимскій остроги*).

Въ 1669 году 15,000 монголовъ ворвались въ Нерчинскій край и напали на конныхъ тунгусовъ, которые «кочевали въ одномъ дницѣ пути отъ Нерчинска». Монголы ихъ захватили и увели въ свои улусы. Нерчинское воеводство лишилось ясачныхъ, которые платили ясакъ (за 6 сороковъ соболей) рогатымъ скотомъ (т. е. всего 80 семей) **).

Сами монголы кочевали въ четырехъ дняхъ пути отъ Нерчинска. Въ это время ясачные тунгусы Нерчинскаго острога жили по Онону.

Въ 1669 году они ясаку не внесли, и въ концѣ года (10 декабря) говорили казакамъ: «безъ приказу монгольскихъ тайшей мы не смѣемъ давать ясакъ. Монгольская земля многолюдна, а казаковъ въ Нерчинскомъ остротѣ мало и оборонять насъ отъ монголовъ некѣмъ». А когда 15 апрѣля 1670 года 5 казаковъ явились вторично за ясакомъ, то тунгусы набрались даже храбрости на столько, что отобрали у нихъ лошадей и хотѣли убить. Сборщики бѣжали ночью и выплыли на плоту въ Нерчинскъ. Принудить тунгусовъ къ уплатѣ ясака Аршинскій не могъ: у него въ 3-хъ острогахъ было 124 казака.

Монголы оставались въ предѣлахъ нерчинскаго воеводства до 1671 года.

Въ 1671 году монголы ушли сами.

Снабженіе Даурскихъ остроговъ оружіемъ и пушками.

Когда, такимъ образомъ, усложнялось положеніе нерчинскихъ казаковъ, тобольскіе воеводы, снабжавшіе порохомъ и свинцомъ всю Сибирь, (въ 1670 г.) писали: «Въ Нерчинскіе остроги наряду (артиллеріи) послать нечего, потому что въ Тобольскѣ мало». Только въ 1672 году, когда опасное поло-

*) Д. И. т. 5, стр. 380.
**) Д. И. т. 6, стр. 84.

женіе Даурскихъ остроговъ ясно обрисовалось, прислали изъ Тобольска въ Нерчинскъ 54 пуд. пороху, 38 пуд. свинцу и 4 пуд. укладу, мѣдную пушку, вѣсомъ въ $6^1/_2$ пуд. и въ 2 арш. длины и 2 желѣзныя въ 3 арш. длины, а на всѣ пушки 90 ядеръ желѣзныхъ. Въ 1673 году были присланы еще 2 мѣдныя пушки вѣсомъ 14 пуд., да 20 пуд. свинцу *).

Пытались дѣйствовать и мирными средствами: въ 1673 году въ Нерчинскъ прислали 8 ведеръ вина на угощеніе аманатовъ и ясачныхъ. Правительству «вѣдомо учинились, что подъ Нерчинскій острогъ хотятъ идти войною богдойскіе (китайскіе) и иныхъ немирныхъ землицъ иноземцы» **)...

Относительно подкрѣпленія живою силою дѣло стояло значительно хуже. Въ ближайшемъ резервѣ—Енисейскѣ (въ 1674 г.) за всякими посылками и службами оставалось всего 17—20 казаковъ, стоявшихъ ежедневно на караулахъ день и ночь ***).

Откуда же Даурскимъ острогамъ было ждать помощи?...

Даурскіе остроги во время правленія боярскаго сына Павла Шульгина (1673—1676 г.)

Послѣ Аршинскаго нерчинскимъ приказчикомъ былъ назначенъ тобольскій сынъ боярскій Павелъ Шульгинъ.

Несправедливостью, взяточничествомъ и жестокостью онъ превзошелъ всѣхъ предшественниковъ.

Но нельзя отнять у него нѣкоторой доли энергіи.

Онъ первый разгромилъ Забайкальскихъ бурятъ (Хоринскихъ), построилъ Еравинскій острогъ, далеко распространилъ на юговостокъ по р. Аргуни границы русскаго вліянія.

При немъ найденъ прямой путь изъ Иркутскаго острога по Селенгѣ и Удѣ на Плотбище (въ Читу); открыты Нерчинскіе серебряные рудники. При немъ начинается регулярная доставка хлѣба изъ енисейскаго воеводства въ Даурскіе остроги. Онъ подчинилъ себѣ Албазинскій острогъ.

Погромъ бурятъ. Еравинскій острогъ въ 1674 г.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ XVII столѣтія начались враждебныя дѣйствія съ монголами табунутами (бурятами).

Монголы табунуты (нынѣшніе буряты) кочевали почти на всемъ пространствѣ между Удою и Еравинскимъ озеромъ

*) Д. И. т. VI, стр. 84, Д. И. т. IV, стр. 171, А. И. т. IV, стр. 481—483, Д. И. т. VIII, стр. 95.

**) Д. И. т. IV, стр. 200.

***) Д. И. т. VI, стр. 353.

на сѣверѣ и Селенгою и Онономъ на югѣ; они кочевали иногда и южнѣе до Керулюна. Многочисленные, они не признавали власти русскихъ.

Павелъ Шульгинъ, получивъ пушки, порохъ и ядра, началъ дѣйствовать рѣшительно. Онъ отправилъ пословъ къ тайшамъ съ предложеніемъ платить ясакъ; тѣ отказались. Въ 1674 году онъ выслалъ на нихъ своего сына съ нерчинскими казаками. Пушки произвели свое дѣйствіе: 3 тысячи бурятъ были разгромлены близъ Еравинскаго озера (у станціи Погромной на старомъ почтовомъ трактѣ). Самое мѣсто съ тѣхъ поръ называется Погромнымъ. Разбитые буряты бѣжали и кочевали уже южнѣе по Онону *).

Но пока что... а погромъ былъ большимъ ударомъ для бурятъ **).

Послѣ этого уже не встрѣчается почти нападеній ихъ на русскіе остроги.

Послѣ погрома табунутовъ для охраненія ясачныхъ тунгусовъ былъ поставленъ Еравинскій острогъ.

Состояніе Даурскихъ остроговъ, во время правленія Шульгина: Нерчинскій, Иргенскій, Телембинскій, Еравинскій (Несвижскій).

Къ концу правленія Шульгина въ Нерчинскомъ острогѣ была церковь, 60 казачьихъ дворовъ и 200 служилыхъ, кромѣ промышленниковъ.

Въ 1676 году около Нерчинска, по рѣкѣ Урульгѣ, жили конные тунгусы князя Гантимура, тогда еще не крещенаго. Князь имѣлъ девять женъ, тридцать сыновей и триста вооруженныхъ копьями и куяками воиновъ. Люди его были «самые ратные» и служили опорою, до нѣкоторой степени, Даурскихъ остроговъ ***).

Въ вѣдѣніи нерчинскаго приказчика были остроги: Иргенскій, Телембинскій и вновь присоединенный Албазинскій, съ приписанными къ нему острогами. Въ Иргенскомъ острогѣ служилыхъ было мало. Путь къ нему шелъ водою по рѣкѣ Ингодѣ, да волокомъ одинъ день.

Въ четырехъ дняхъ пути отъ Еравинскаго острога (Баргузинскаго головства) находился Телембинскій острогъ подъ управленіемъ нерчинскаго приказчика.

Въ Телембинскомъ острогѣ были двѣ пушки, одна мѣдная, а другая желѣзная и часовня. Занимали его 30 нерчинскихъ казаковъ.

*) Д. И. т. VI, стр. 353.
**) Спафарій стр. 135.
***) Андр. Ист. Сиб. ч. 2 стр. 140.

Около острога жили 200 ясачныхъ тунгусовъ, платившихъ по пяти соболей съ человѣка.

Въ концѣ правленія Шульгина русское вліяніе значительно распространилось на юго-востокъ, и границу съ Китаемъ считали по рѣкѣ Улучи, подъ хребтомъ Торгачинскимъ (Хинганъ) *).

По Онону и въ низовьяхъ Унды и далѣе до Далай-Нора кочевали монголы—(буряты) и тунгусы, ни отъ русскихъ, ни отъ Китая не зависѣвшіе **).

На правомъ берегу Аргуни, по ея притоку Гану, жили Намясинскіе тунгусы. Они были «воры великіе». Численностью ихъ было до 200 мужчинъ. Ясаку они никому не платили.

Прежде они жили около Баргузинскаго острога и въ другихъ мѣстахъ. Нерѣдко они нападали на казаковъ, что въ свою очередь вызывало казачьи походы противъ нихъ.

Вытѣсненные со старыхъ мѣстъ Намясинскіе тунгусы бѣжали отъ русскихъ остроговъ и жили теперь за Аргунью, по рѣкѣ Гану.

Около озера Далай-Нора жили монголы, занимавшіеся хлѣбопашествомъ.

Нерчинскіе казаки завели съ ними сношенія и ежегодно ѣздили къ нимъ на торгъ.—Ѣзды до Далай-Нора налегкѣ было пять—шесть дней.

Самыми безпокойными сосѣдями русскихъ были братскіе около Телембинскаго острога. Они часто отгоняли у русскихъ скотъ и табуны ***).

Однако всѣ эти инородцы не представляли значительной силы. По мнѣнію Спафарія достаточно было 2000 казаковъ, чтобъ покорить не только всю даурскую землю (Забайкалье) но и все, что есть, до самыхъ китайскихъ стѣнъ.

Толчекъ, данный русскими казаками, отозвался тѣмъ, что коренные обитатели Забайкалья тунгусы были разбросаны клочками по окраинамъ, а центръ Забайкалья заняли русскіе и буряты.

Перемѣщеніе бурятъ и тунгусовъ потѣснило нѣсколько дауровъ, таргутинъ и торгочинъ, которые удалились къ востоку отъ Аргуни ****).

Впослѣдствіи они были подчинены маньчжурами.

Собственно дауры ушли на средній Амуръ, ранѣе вторженія русскихъ. Они были отличные стрѣлки изъ лука, сѣяли ячмень, овесъ и просо, имѣли большія стада; ѣздили на волахъ и лошадяхъ.

*) Спафарій стр. 157. Д. И. т. 6, стр. 133.
**) Спафарій стр. 142. Бантышъ-Каменскій стр. 28.
***) Спафарій стр. 127, 174 и 143.
****) Спафарій 175.

Лѣтомъ они одѣвались въ бумажныя ткани, а зимою въ звѣриныя шкуры. Говорили они на тунгусскомъ языкѣ. Всѣ вмѣстѣ они составляли независимое мирное племя; избирали себѣ главнаго начальника сами и платили дань Китаю.

Они обитали къ востоку отъ Аргуни до Нонни.

Такимъ образомъ эта сторона нерчинскаго воеводства была обезпечена заселеніемъ этого мирнаго земледѣльческаго народа *).

Однако эти дауры (торгачины и таргутины) подлили, съ своей стороны, масло въ огонь для обостренія Амурскаго вопроса.

Неохотно подчиняясь Китаю, начавшему распространять свое владычество на сѣверъ, они пригласили Никифора Черниговскаго съ 300 албазинскими казаками къ себѣ, желая освободиться отъ Китайскаго подданства. Походъ Черниговскаго, какъ увидимъ ниже, вызвалъ неудовольствіе Китая и былъ богатъ отрицательными послѣдствіями.

Албазинскій острогъ.

Въ 1674 году нерчинское воеводство обогатилось значительнымъ приращеніемъ: къ нему былъ приписанъ Албазинскій острогъ **) [1]).

12-го февраля 1674 года, по приказанію Павла Шульгина, нерчинскій боярскій сынъ Семенъ Вешняковъ (1674—1676) принялъ Албазинъ отъ Никифора Черниговскаго ***).

Албазинскій острогъ былъ съ нагороднею и покрытъ тесомъ. Въ сторонѣ, обращенной къ Амуру, по угламъ были двѣ башни. Подъ башнями—избы, крытыя тесомъ. Въ острогѣ—колодецъ и амбаръ, въ надолбахъ—часовня.

Служилыхъ по списку было 109 человѣкъ. Около острога поселились 5 пашенныхъ крестьянъ.

Въ острогѣ хранились приходныя и расходныя книги десятиннаго хлѣба, ясачныя и десятиннаго сбора съ промышленниковъ, списки и указныя памяти изъ Нерчинскаго острога, челобитныя и поручныя казаковъ,—знамя камчатное красное, 56 пудовъ хлѣба, соболиной казны 8 соболей, денегъ 2 рубля 54 коп., пороху 2 пуда 12 фунтовъ, свинцу 26 фунтовъ, 7

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Вызвано это было тѣмъ, что путь къ Нерчинску былъ ближе и лучше, чѣмъ къ Якутску.

Путь до Албазина изъ Якутска въ 1676 году: Леною 2 недѣли, Олекмою 8 недѣль (большіе пороги и шивера), Тугиромъ 2 недѣли до Тугирскаго острожка, гдѣ никто не жилъ, изъ Тугирскаго острожка до Амура 12 дней на нартахъ, по Амуру на судахъ 2 дня. Всего 14 недѣль ($2^1/_2$ мѣсяца) ****).

*) Спафарій 172.

**) Паршинъ.

***) Паршинъ стр. 138.

****) Д. И. т. VI, стр. 401—408.

ядеръ пушечныхъ желѣзныхъ, 38 мушкетовъ, 10 серповъ, 7 напарей, 2 пазника, 4 топора, 1 якорь, 2 безмѣна, 29 огнивъ, бумаги 1 десть, 1 стругъ и веревокъ 46 саженъ *).

Тамъ же находился одинъ аманатъ Калтагирскаго роду.

Чрезъ два года Вешнякова смѣнилъ Ѳедоръ Евсевьевъ, дѣятельно расширявшій ясачный раіонъ (1676—1677). При немъ въ 1676 г. собирали ясакъ съ оленныхъ тунгусовъ Киндигирскаго роду (бѣглецовъ изъ Баргузина) 97 соболей, съ Почегирскаго рода 17, съ Украинскаго 20 и съ Верхо-Зейскихъ Тунгусовъ Улагирскаго рода новольнаго ясаку 67 соболей, въ Албазинѣ 39 соболей, да съ промышленниковъ десятиннаго сбора 106 соболей, всего 8 сороковъ 26 соболей. Изъ нихъ 6 сороковъ отослано было въ Нерчинскъ (на 2400 руб.) а 66 соболей оставлено на постройку дощаника. Въ этомъ же 1676 году было поставлено на Зеѣ зимовье **).

Въ концѣ 1676 года внизъ по Амуру, по Зеѣ и Быстрой жили конные и оленные тунгусы, платившіе ясакъ Китаю ***).

Въ 1676 году Албазинскимъ острогомъ управлялъ Гаврила Фроловъ (1677—1678); число казаковъ возрасло до 170, но ни пороху, ни свинцу, ни оружія не было. Наказною памятью Спафарія ему воспрещено было собирать на Амурѣ ясакъ.

Открытіе серебряной руды въ 1676 г.

Въ 1676 году монгольскій Даинъ-Контайша просилъ Павла Шульгина выпустить братскихъ аманатовъ изъ Нерчинска и тутъ же сообщилъ о томъ, что онъ Даинъ-Контайша недалеко отъ рѣки Аргуни нашелъ оловянную и серебряную руду. Контайша послалъ за рудою своихъ людей на верблюдахъ и хотѣлъ отвести ее въ Ургу къ Хутухтѣ. Онъ спрашивалъ Шульгина, нѣтъ ли въ Нерчинскомъ острогѣ мастеровъ плавить руду ****)?

Получивъ извѣстіе о серебряной рудѣ, Шульгинъ выслалъ въ 1676 году Василія Милованова съ пятью казаками къ Намясинскимъ тунгусамъ узнать про руду. Миловановъ привезъ по четыре золотника серебряной и оловянной руды. Однаго тунгусы казакамъ не сказали, гдѣ добывалась руда; напрасно Василій Миловановъ обыскивалъ Намясинскаго князца Анга, сынъ котораго сидѣлъ въ Нерчинскѣ въ заложникахъ. Василію Милованову едва удалось купить у открывшаго руду монгола Аранзы нѣсколько золотниковъ той и другой руды (желтую—золотую и сѣрую—серебряную). Аранза указалъ, что

*) Паршинъ стр. 137. Росп. списокъ Албаз. острога.
**) Паршинъ стр. 142.
***) Паршинъ стр. 144—145.
****) Сибир. вѣст. 1819 г., ч. 5, стр. 144.

руды эти имѣлись по рѣкѣ Алтачѣ (золотой) и Мунгачѣ (серебряной) и Тузячѣ (оловянной).

Всѣ эти рѣчки впадали недалеко одна отъ другой въ Аргунь.—Онѣ находились въ пяти дняхъ пути отъ Нерчинска.

Павелъ Шульгинъ послалъ десятника Жилку Свѣшникова съ 5-ю казаками и 4-мя тунгусами— проводниками на выше названныя рѣки. Тунгусамъ были даны подарки: сукна, котлы и желѣзная мелочь.

Свѣшниковъ нашелъ тамъ старыя плавильни, серебряную жилу шириною въ сажень и привезъ образцы всѣхъ трехъ рудъ.

Продолжая развѣдки, Павелъ Шульгинъ разспросилъ Челкагирскаго рода тунгуса Даянъ-Шамана, знавшаго мѣстонахожденіе рудъ и послалъ съ нимъ на розыски вторично Василія Милованова съ 5-ю казаками. Даянъ-Шаманъ показалъ то же самое мѣсто, гдѣ былъ Свѣшниковъ. Мѣсторожденіе рудъ такимъ образомъ было открыто; но не было мастеровъ плавить ихъ.

Въ 1676 году пришелъ изъ Албазина бронный мастеръ Кузьма Новгородцевъ. Изъ сѣрой руды онъ выплавилъ 90 золотниковъ свинцу. При возвращеніи Спафарія изъ Китая съ нимъ пріѣхали два грека: Чудевъ и Остаждевъ *).

Шульгинъ показалъ имъ руду, они изслѣдовали и нашли, что руда была свинцовая, заявляя, что тутъ-же должна быть и серебряная, только нужно было глубже копать. Свѣшниковъ подтвердилъ, что взялъ руду сверху.

Шульгинъ донесъ о найденной серебряной рудѣ въ Москву и Тобольскъ, пославъ съ донесеніемъ образцы руды и выплавленный свинецъ. Въ Москвѣ заволновались.

29 іюня 1679 года были посланы царскія грамоты къ воеводѣ въ Енисейскъ и *къ головѣ Самойлѣ Лисовскому въ Нерчинскъ* о розыскѣ руды.

Павлу Шульгину за радѣнье обѣщалось Великаго Государя жалованье.

Но наступившія тревожныя времена не позволили Московскому правительству воспользоваться рудными богатствами, которыя открыли нерчинскіе казаки.

(Добыча серебра началась не ранѣе 1704 года).

Доставка хлѣба въ Даурскіе остроги въ 1665—1672 г.

Въ хозяйственномъ отношеніи нерчинское воеводство мало подвинулось впередъ. Во время правленія Шульгина весь хлѣбъ для Нерчинска доставлялся, по прежнему, изъ Енисейска и его остроговъ.

Нерчинскіе казаки получали хлѣбъ изъ Енисейска не всегда исправно.

*) Сиб. вѣст. ч. 5, стр. 150.

Кажется, посылка хлѣба въ 1665 году была единственная до 1672 года. Енисейскій воевода писалъ въ Нерчинскъ: «Въ Енисейскѣ и Братскихъ острогахъ, за расходомъ, хлѣба не остается, послать въ Нерчинскъ не изъ чего, въ 1667, 1669, 1670 и 1671 годахъ писалъ я также, что въ Енисейскѣ хлѣба нѣтъ».

На это получилось категорическое повелѣніе царя: «*Посылать хлѣбъ въ Нерчинскъ изъ Енисейска и изъ Братскихъ остроговъ безпереводно*». Съ 1672 года енисейскіе воеводы должны были, если не хватало хлѣба въ казнѣ, то покупать его для посылки въ Нерчинскъ. Такимъ образомъ регулярная доставка хлѣба въ Забайкалье начинается только съ этого года *).

И, дѣйствительно, въ 1672 году въ Нерчинскъ прислано было изъ Иркутска 1,000 пудовъ и изъ Братскаго острога 666 пудовъ хлѣба (купленныхъ по 15 коп. за пудъ) **).

Хлѣбъ покупали въ Братскомъ и Иркутскомъ острогахъ и посылали ихъ на судахъ до Баргузинскаго острога. Пріемщики хлѣба изъ Нерчинска отправлялись въ Баргузинъ на верблюдахъ и лошадяхъ. Путь проходилъ черезъ Телембинскій острогъ; на пути были высокія горы, лѣса и болота. Ходу было изъ Баргузина до Нерчинска 2 недѣли ***).

Злоупотребленія Шульгина и бунтъ казаковъ.

Энергичный въ отношеніи инородцевъ Шульгинъ во внутреннемъ управленіи былъ самодуромъ и взяточникомъ. Нерчинскіе казаки занимались главнымъ образомъ сборомъ ясака****).

Уѣзжая въ ясачныя волости, казаки оставляли по церквамъ свои пожитки. Въ походахъ они часто погибали. Отъ нихъ оставались выморочныя имущества. Шульгинъ эти оставшіяся за смертью казаковъ «животишки» переводилъ на себя, а если казаки пытались жаловаться, Шульгинъ непокорныхъ заковывалъ въ желѣзо и ставилъ на правежъ. Онъ отбиралъ у знатныхъ инородцевъ женъ и держалъ ихъ наложницами.

Однажды, напившись пьянымъ, онъ приказалъ раздѣть донага священника Гермогена и жечь; для этого былъ даже зажженъ костеръ.

Онъ варилъ пиво, курилъ вино и занимался продажею ихъ. Хлѣбъ для нерчинскихъ казаковъ главнымъ образомъ доставляли купцы изъ Братскихъ остроговъ, Шульгинъ скупалъ у купцовъ хлѣбъ и продавалъ казакамъ дорогою цѣ-

*) Д. И. А. т. VI, стр. 176.
**) Д. И. т. VI, стр. 176—177.
***) Д. И. т. IV, стр. 481. Спафарій стр. 122.
****) Д. И. т. VIII, стр. 435.

ною, а денегъ у казаковъ не было. Казаки бѣдствовали. Питались корою и кореньями, стали «нужны и бѣдны и умирали голодною смертью». Къ тому же Шульгинъ и обращался съ ними жестоко: приказывалъ наказывать батогами, и нерѣдко самъ билъ тростью *).

Для наказанія казаковъ раздѣвали до-нага. Шульгинъ давилъ также казаковъ налогами.

Все это заставило казаковъ брести врознь.

Немного находилось охотниковъ служить въ Нерчинскомъ краѣ [1]).

Ѣздя для сбора ясака по ясачнымъ волостямъ, по установившемуся обычаю, казаки должны были возить подарки ясачнымъ: сукна, топоры, ножи и удила.

Эту подарочную казну Шульгинъ имъ не выдавалъ, а оставлялъ за собою. Шульгинъ выпускалъ бурятскихъ аманатовъ за взятки, а буряты уходили въ Монголію. Шульгинъ подговаривалъ однихъ бурятъ отгонять табуны у другихъ и дѣлился съ хищниками добычею.

Выведенные изъ терпѣнья казаки отказались повиноваться Шульгину и не пускали его въ «*съѣзжую избу*».

Временнымъ правителемъ они выбрали боярскаго сына Григорія Лоншакова. О случившемся казаки подали челобитную.

Такъ закончилъ свою дѣятельность энергичный, но своекорыстный Шульгинъ, умершій въ Нерчинскѣ въ 1678 году **).

Въ концѣ правленія Шульгина въ Нерчинскомъ краѣ было пять остроговъ: Нерчинскій, Иргенскій, Еравинскій, Телембинскій и Албазинскій.

Во всѣхъ этихъ острогахъ было 370 казаковъ (200 Нерчинскихъ и 170 Албазинскихъ) ***).

Съ инородцевъ собиралось ясаку: въ Нерчинскѣ 30 сороковъ соболей на 900—1200 р. да скотомъ за 6 сороковъ соболей, на 240 руб. ****).

Изъ Албазина получалось 6 сороковъ соболей на 240 р. Всей казны собиралось на 1700 руб. [2]).

---

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Хотя и былъ случай зачисленія въ нерчинскіе казаки 12 вольныхъ охочихъ людей въ 1670 году, но въ общемъ число служилыхъ не увеличилось, а даже уменьшилось.

[2]) ПРИМѢЧАНІЕ. На наши деньги около 17,000 рублей.

*) Д. И. т. VII, стр. 371.
**) Ежем. Сочинен. 1747 г. стр. 20.
***) Спафарій стр. 135.
****) Паршинъ стр. 142.

Новый путь изъ Нерчинска въ Иркутскъ по р. Удѣ съ 1675 г.

Въ правленіе Шульгина произошло нѣкоторое улучшеніе въ смыслѣ внутренняго сообщенія въ нынѣшней Забайкальской области. Въ 1675 году былъ открытъ болѣе короткій путь въ Иркутскъ по Удѣ, черезъ Еравинское озеро и Верхнеудинскъ [1]). Посланникъ Спафарій въ 1675 г. первый проѣхалъ по этому пути.

Баргузинскій острогъ. Послѣдніе дни Баргузинскаго головства 1668—1683 г.

По прежнему въ Баргузинѣ жили 70 енисейскихъ казаковъ. Въ Баргузинъ, казаки высылались изъ Енисейска, они распредѣлялись по острогамъ: Ангарскому, Баргузинскому, Баунтовскому, и всѣ вмѣстѣ составляли одно стрѣлецкое и казачье головство *).

Несмотря на малолюдство въ Забайкальѣ возникали несогласія между приказчиками остроговъ. Въ 1668 году Андрей Барнепилевъ, баргузинскій приказчикъ, началъ строить острогъ на озерѣ Еравнѣ, а нерчинскій приказчикъ Илларіонъ Толбузинъ, враждуя изъ-за ясачнаго раіона, приказалъ Еравинскій острогъ сжечь.

Только въ 1674 году послѣ погрома табунутовъ, въ одномъ переходѣ отъ Иргенскаго острога, былъ поставленъ баргузинскимъ приказчикомъ Богданомъ Несвидаевымъ для охраненія ясачныхъ тунгусовъ—Еравинскій острогъ. По имени основателя Еравинскій острогъ назывался еще Несвижскимъ. Еравинскій (Несвижскій) острогъ, съ 10 ясачными тунгусами, былъ приписанъ къ Баргузинскому головству и занятъ 16 енисейскими казаками, жившими въ 6 дворахъ **).

Въ томъ же 1675 году изъ Баргузинскаго острога тунгусы киндигирскаго рода откочевали къ Телембинскому острогу и просили телембинскаго приказчика приписать ихъ для уплаты ясака къ Телембинскому острожку. «За обидою и за налогами енисейскихъ казаковъ платить имъ ясакъ въ Баргузинскій острогъ было не вмочь». Ихъ послали обратно въ Баргузинъ. Въ 1675 году два князца: Мунго Киндигирскаго и

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. До открытія Удинскаго пути (въ 1675 году) изъ Иркутска въ Нерчинскъ ѣздили чрезъ Баргузинскій острогъ отъ устья Ангары до Ольхона и далѣе къ Святому Носу. Съ Селенгинской заимки до Нерчинска тихимъ ходомъ было двѣ недѣли. Путь шелъ чрезъ устье р. Читы, потомъ хребтами вдоль Нигоды до Устья Кручины, затѣмъ вдоль Нигоды и Шилки до Нерчинска. Изъ Селенгинскаго острогу до Нерчинскаго было 26 дней ходу ***).

*) Спафарій стр. 135, 142, 172, 162.
**I Д. И. т. X, стр. 227. Д. И. т. VIII, стр. 155. Д. И. т. IV, стр. 200.
***) Д. И. т. VI, стр. 364.

Дербуга Челкагирскаго рода напали на Баунтовскій острогъ, ограбили казну, казаковъ переранили, аманатовъ отбили и отошли отъ Баунтовскаго острога *).

Баунтовскіе тунгусы были оленные. Коней кормить имъ было негдѣ. Мѣсто было каменное и трава не родилась.

Киндигирскаго рода тунгусы ушли за Аргунь на рѣку Ганъ. Нерчинскій приказчикъ Павелъ Шульгинъ писалъ въ Албазинъ: «если измѣнники тамъ объявятся, то добромъ, или силою, но все-таки взять у нихъ аманатовъ» **).

Бѣглецамъ не нравилось и на Ганѣ, и они подали челобитную въ Баргузинскій острогъ, прося проводниковъ и защитниковъ отъ китайцевъ для переселенія къ Албазину, куда они думали перебраться. Черниговскій встрѣтилъ ихъ съ 300 казаками ***).

Въ 1676 году они приписались къ Албазинскому острогу и вносили ясаку 97 соболей.

Въ 1677 году приказчикомъ Баргузина былъ назначенъ Самойла Лисовскій. Онъ прибылъ въ октябрѣ 1677 года на дощаникахъ на устье Баргузина и принялъ Баргузинскій острогъ и аманатовъ. Хлѣбъ для казаковъ въ Баргузинъ доставляли изъ Иркутска на дощаникахъ по Байкалу ****).

Въ 1676—1677 году въ Баргузинскомъ и Баунтовскихъ острогахъ (Телембинскомъ и Еравинскомъ) собиралось отъ 25 до 30 сороковъ соболей, въ Верхнеангарскомъ 3 сорока соболей *****).

Баунтовскіе тунгусы тогда раскочевались, ушли за рѣку Аргунь.

Судя по ясаку нужно было считать въ Баргузинскомъ головствѣ ясачныхъ отъ 660—до 1320 человѣкъ, расчитывая по одному и по два соболя на человѣка.

Съ уходомъ за Аргунь баргузинскихъ тунгусовъ, а также съ проведеніемъ Удинскаго пути, Баргузинъ потерялъ свое значеніе, какъ посредникъ между Иркутскомъ и Нерчинскомъ. Его мѣсто занялъ Удинскъ (Верхнеудинскъ), который во время проѣзда Спафарія въ 1675 году былъ незначительнымъ казачьимъ зимовьемъ, а послѣ проложенія пути быстро развился въ населенный пунктъ ******).

Въ 1683 году Баргузинскій острогъ былъ приписанъ къ Селенгинскому острогу *******).

Наоборотъ Удинскъ (Верхнеудинскъ) въ 1684 году уже

*) Д. И. А. т. VI, стр. 353, стр. 367.
**) А. И. т. IV, стр. 560—561.
***) Д. И. т. VI, стр. 395.
****) Д. И. т. X, стр. 227. Д. И. А. т. VIII, стр. 155.
*****) Д. И. Акт. т. X, стр. 227 и т. VIII, стр. 155.
******) Спафарій стр. 135.
*******) Д. И. А. т. VIII, стр. 333.

(хотя и не успѣшно) соперничалъ по значенію съ Селенгинскомъ *).

Селенгинскій острогъ въ 1674—1676 годахъ во время правленія боярскаго сына Гавріила Ловцова.

Въ 1676 году въ Селенгинскомъ острогѣ, по словамъ Спафарія, было 30 казачьихъ дворовъ съ 200 казаками [1]).

Острогъ былъ лучшимъ изъ всѣхъ даурскихъ.

Селенгинскъ началъ пріобрѣтать нѣкоторое торговое значеніе. Кругомъ его кочевали монголы (буряты) и вели торгъ съ казаками.

Отъ монголовъ (бурятъ) казаки получали коней, верблюдовъ, рогатый скотъ и всякіе китайскіе товары.

Казаки взамѣнъ отпускали соболей и русскіе товары. Въ 1674 году енисейскій боярскій сынъ Поршенниковъ съ 43 товарищами ѣздилъ изъ Селенгинска въ Пекинъ для торга **).

Въ 1675 году селенгинскій приказный боярскій сынъ Гаврила Ловцовъ прислалъ Государю казну, что была куплена на ясачныхъ соболей: $6^1/_2$ арш. шелковой ткани, 6 штукъ камки и китайку, и кромѣ того, десятинную казну: (50 камокъ, 73 китайки, 32 фун. хлопчатой бумаги) собранную съ лицъ, отправлявшихся изъ Селенгинска въ Китай ***).

Начало хлѣбопашества въ Селенгинскомъ острогѣ.

По словамъ Спафарія, между Селенгинскомъ и Байкаломъ по Селенгѣ была (въ 1676 г.) деревня Брянскихъ, Селенгинскихъ казаковъ и Ильинская слобода, въ послѣдней 20 дворовъ казачьихъ и крестьянскихъ. Они пахали хлѣбъ и продавали по 15 коп. пудъ (1 руб. 50 коп.) ****).

Основателемъ хлѣбопашества въ Селенгинскомъ округѣ былъ казачій десятникъ Любимъ Ѳедоровъ, находившійся въ Селенгинскѣ съ самаго основанія острога. Въ 1670 году для заведенія десятинной пашни онъ получилъ 10 пуд. ржи изъ енисейской казны. Наемными рабочими Ѳедоровъ засѣялъ хлѣбъ. Опытъ оказался удачнымъ. Собравъ 294 пуд. хлѣба, Любимъ Ѳедоровъ часть его роздалъ 20 крестьянамъ «на ссуду и на подмогу».

Крестьяне были поселены Ѳедоровымъ на десятинную

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Оффиціально считалось: 130 казаковъ и 10 промышленниковъ въ Селенгинскѣ *****).

*) Списки Енисейск. Арх. ч. III, л. 491. Б. А. И. Р. отд.
**) Андр. ист. Заб. стр. 43.
***) Д. И. т. III, стр. 395.
****) Спаф, стр. 190. Д. И. т. 8, стр. 213.
*****) Д. И. А. т. X, стр. 227.

пашню. Кромѣ того, онъ часть хлѣба употреблялъ на кормъ ясачнымъ и аманатамъ. И за всѣмъ тѣмъ расходомъ у Ѳедорова оставалось еще 150 пудовъ ржи. Это обстоятельство убѣждаетъ, что въ 1676 году хлѣбъ доставлялся изъ Иркутска исправно, и казаки не сидѣли безъ хлѣба.

Однако-жъ хлѣбопашество не получило дальнѣйшаго развитія.

Начавшіяся осложненія съ Китаемъ не способствовали заселенію края. Хлѣбопашество даже совсѣмъ прекратилось впослѣдствіи.

Въ 1684 году енисейскій воевода князь Константинъ Щербатовъ спрашивалъ селенгинскаго приказчика сына боярскаго Ивана Поршенникова, пашутъ ли государеву пашню крестьяне, поселенные Ѳедоровымъ, гдѣ они и сколько у нихъ дворовъ? Очевидно пашня не привилась. Крестьяне, если бъ таковые были, вносили бы десятинный хлѣбъ. и селенгинскіе приказные доносили бы объ этомъ воеводѣ.

Селенгинскій острогъ въ 1674 году не имѣлъ для Москвы значенія ясачной волости.

Ясакъ собирался ничтожный (75 соболей) и его употребляли на жалованье Селенгинскимъ казакамъ *).

Но все-таки селенгинцы должны были присылать ясакъ для оцѣнки въ Енисейскъ. Тамъ его оцѣнивали енисейскою цѣною и присылали въ Селенгинскъ обратно казакамъ на жалованье.

Селенгинскіе казаки предпочитали ясакъ вовсе не посылать въ Енисейскъ, дѣля его между собою.

Они вообще мало считались съ енисейскимъ воеводою, которому были подчинены. Такъ они самовольно верстали въ казаки приходившихъ къ нимъ енисейскихъ посадскихъ и пашенныхъ крестьянъ **).

Но было ли это своеволіемъ или необходимостью, съ точностью установить нельзя. Скорѣе второе.

По свидѣтельству Спафарія они имѣли самыхъ безспокойныхъ сосѣдей—монголовъ, жившихъ близъ Селенгинскаго острога, по лѣвому берегу Селенги. Эти монголы отгоняли у нихъ скотъ и табуны ***),

«Монголы не позволяли казакамъ подниматься вверхъ по р. Селенгѣ далѣе 5 дней пути» отъ Селенгинска для развѣдки ****).

Съ 1674 года, послѣ погрома бурятъ Павломъ Шульгинымъ, Селенгинскій приказчикъ Гаврило Ловцовъ, не смѣлъ

*) Д. И. т. VI, стр. 327.
**) Д. И. т. VI, стр. 327.
***) Спафарій стр. 127 и 171.
****) Спафарій стр. 127 и 131.

уже посылать казаковъ въ улусы для сбора ясака, боясь нападенія табунутскаго хана Гыгана (бурятскаго) *).

«По Хилку и Чикою», говоритъ Спафарій: «жили тунгусы. (юртъ въ 60), платившіе ясакъ монгольскимъ тайшамъ (бурятамъ) жившимъ по лѣвому берегу р. Хилка **).

Монголовъ (бурятъ) было много, а селенгинскихъ казаковъ мало. Поэтому монголы (буряты) ясаку не платили».

Въ 1674 г. енисейскій воевода писалъ: «въ Селенгинскомъ, Иркутскомъ и Братскихъ острогахъ людей мало, обороняться некѣмъ. Изъ Енисейска послать некого. За всякими посылками въ Енисейскѣ остается 20 человѣкъ и тѣ стоятъ въ караулѣ днемъ и ночью.

Ни пороху, ни свинцу, ни ружья въ Енисейскѣ нѣтъ и послать нечего. А ясачные люди Иркутскаго, Братскаго и Балаганскаго острога терпятъ отъ монголовъ не малое утѣсненіе.

Ежегодно пріѣзжаютъ монголы шайками по 100—200 человѣкъ и собираютъ съ ясачныхъ бурятъ ясакъ себѣ».

Получивъ донесеніе изъ Селенгинска о надвинувшейся грозѣ табунутскаго хана Гыгана, енисейскій воевода въ 1674 году послалъ туда 2 пуда пороху и 1 пудъ свинцу. Въ другіе остроги вмѣсто подкрѣпленія послалъ «указныя памяти—всѣмъ жить съ великимъ береженіемъ и съ карауломъ». И только ***).

Съ 1673 года начинается ссылка въ Забайкалье за проступки лицъ чиновныхъ—«въ казачью службу», а казаковъ и крестьянъ «въ пашню» ****)

Такъ въ 1673 году сосланы въ Селенгинскъ въ казачью службу знаменитый гетманъ Демьянъ Многогрѣшный, Астраханецъ толмачъ Романовъ и сотникъ Сенька Чуркинъ и Игнашка Пареный.

Нерчинскій и Селенгинскій остроги не приносили никакой пользы, а только носили въ себѣ зародыши будущихъ благъ.

Они были, по выраженію того времени, только «застѣнье и оборона».

Постройка Тункинскаго острога въ 1676 г.

Въ 1676 году для обороны Иркутска отъ нападенія монголовъ вверхъ по рѣкѣ Иркуту, близъ рѣки Тунки, былъ поставленъ Тункинскій острогъ.

Строилъ его боярскій сынъ Иванъ Перфильевъ, *«въ самомъ крѣпкомъ и угожемъ мѣстѣ, со всякими рыбными и звѣ-*

*) Д. И. Акт. т. VI. стр. 353.
**) Спафарій стр. 127, 163, 172 и 192.
***) Д. И. т. VI, № 114.
****) Д. И. т VI, стр. 325—327.

ринными промыслами, со скотиннымъ выпускомъ и пашнею. Такого скотопашеннаго мѣста во всемъ Енисейскомъ уѣздѣ не было».

Въ томъ же году былъ сдѣланъ опытъ хлѣбопашества: посѣяли двѣ десятины ржи.

Тункинскій острогъ былъ небольшой: двѣ избы подъ башнями, въ длину по 4 саж.; между избами острожныя стѣны по 6 саженъ, съ двумя боями. У стѣнъ были катки. Кругомъ въ острожныхъ стѣнахъ надолбы.

У новаго острога поселили 20 бѣломѣстныхъ казаковъ, которые должны были заниматься хозяйствомъ и 15 служилыхъ казаковъ.

Малому отряду въ Тункинскомъ острогѣ оставаться было опасно, такъ какъ «*стало смежно съ мунгальскою землею и съ иными немирными землями*».

Тункинскій острогъ стоялъ на такомъ мѣстѣ, что какіе бы люди, куда-бы ни поѣхали съ монгольской стороны,—миновать его было невозможно. Всѣмъ Ангарскимъ острогамъ и ясачнымъ Тункинскій острогъ былъ «застѣнье и оборона» *).

Тувицкіе и соетскіе люди не могли уже безнаказанно грабить ясачныхъ по Ангарѣ.

Сами туваи и соеты изъ этого острога были приведены въ подданство. Для уговору и призыву былъ посланъ къ нимъ ихъ же соетскій мужикъ Андалай.

Ясачные буряты, болѣе 100 человѣкъ, кочевавшіе внизъ по Иркуту и по другимъ рѣкамъ, съѣзжались жить къ острогу. Прежде они не смѣли тамъ жить, боясь прихода монголовъ.

Изъ новаго острога до тувинской и соетской земли было два дня пути, до монголовъ два съ половиною дня, до Иркутска вьючно шесть дней ѣзды, налегкѣ два дня.

Шатость инородцевъ въ Забайкальѣ въ 1674—1675 г.

Инородческое населеніе Забайкалья, тѣснимое съ одной стороны русскими, съ другой монголами, металось, какъ угорѣлое.

Создать какія-либо прочныя отношенія было совершенно невозможно: сегодня тунгусы и буряты были русскими подданными, завтра уходили въ Монголію. Ихъ временные властелины, и русскіе и монголы, одинаково заявляли свое право на собираемый съ нихъ ясакъ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVII столѣтія баргузинскіе буряты ушли къ монголамъ-бурятамъ. Въ 1664—1667 гг.

*) Д. И. т. VII.

партіи ихъ стали появляться подъ Нерчинскомъ. Три года они вносили даже ясакъ *).

Но въ 1669 году, во время нападенія 15 тысячъ монголо-бурятъ—табунутовъ, они были уведены табунутами въ кочевья.

Съ 1669 по 1675 годъ они платили ясакъ монголо-бурятскимъ тайшамъ. Но должно быть тамъ имъ пришлось солоно: и они снова предпочли русское владычество, когда Павелъ Шульгинъ послалъ къ нимъ Григорія Лоншакова съ предложеніемъ вернуться въ русское подданство. Въ числѣ болѣе 1000 семей въ 1675 году они появились около Нерчинска.

Князецъ Зербо и 20 человѣкъ старшинъ (даруги и шуленги) пріѣхали въ Нерчинскій острогъ въ съѣзжую избу и просили Шульгина отпустить ихъ на прежнюю родную землю на Байкалъ и островъ Ольхонъ.

Попытка Зербо возвратиться на Ольхонъ была слѣдствіемъ погрома бурятъ при Еравинскомъ озерѣ (станція Погромная).

Инородцы почувствовали силу присланныхъ пушекъ.

Шульгинъ не отпустилъ ихъ на Ольхонъ, а вынудивши взятку, позволилъ имъ откочевать отъ Нерчинска, сказавъ казакамъ, что они бѣжали. Казаки, догадавшись въ чемъ дѣло, подали челобитную, *въ которой, «помня крестное цѣлованье»*, просили послать ихъ въ погоню за бѣглецами. Шульгинъ принужденъ былъ согласиться.

Казаки догнали Зербо на рѣкѣ Торгѣ. Началась перестрѣлка. Два казака были убиты и многіе были ранены. Но казаки все-таки разсѣяли нестройныя толпы бурятъ, а самого Зербо съ его семействомъ привезли въ Нерчинскъ, какъ амината.

Шульгинъ вторично, получивъ взятку серебряныя чаши и блюда, далъ князцу 10 войсковыхъ верблюдовъ [1]) и три коня, вновь отпустилъ Зербо со всею семьею. Зербо съ 3 т. человѣкъ откочевалъ къ Даинъ-Кантайшѣ въ Монголію, откуда дѣлалъ набѣги на Нерчинскъ, отгоняя казенныхъ и казачьихъ лошадей. Эти буряты стали кочевать въ Монголіи по правому берегу Аргуни подъ именемъ баргутовъ *).

Въ 1675 году Табунутскій Гыганъ-ханъ съ тайшами собирался въ походъ на Селенгинскій и Братскій остроги (Иркутскій, Балаганскій, Братскій и Верхоленскій) съ цѣлью отомстить за погромъ соплеменниковъ, но не рѣшился этого сдѣлать *).

Въ то же время монгольскій Очирой Саинъ-Ханъ и ур-

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Войсковымъ животомъ назывался животъ, пріобрѣтаемый, какъ ясакъ.

*) А. И. т. IV стр. 539.
*) Д. И. т. VII, стр. 371. Бантышъ Каменскій, стр. 27.
*) Андр. Ист. Заб. стр. 43.

гинскій хутухта, (духовный владѣлецъ), жаловались на селенгинскихъ казаковъ, что они, распространяясь къ югу вверхъ по Селенгѣ, начали собирать ясакъ съ сосѣднихъ бурятъ, прежде платившихъ его монголамъ *).

По образному выраженію того времени,—*«вездѣ замѣчалась шатость»* по всей длинной Сибирской линіи границъ, тогда еще не установленныхъ [1]).

1676 годъ, какъ начало активной политики въ Восточной Сибири. Енисейскъ областной городъ Восточной Сибири съ 1676 г.

Это и заставило Московское правительство въ 1676 году объединить власть надъ всѣми острогами къ востоку отъ Енисея, кромѣ Якутскаго воеводства, въ рукахъ енисейскаго воеводы.

Енисейскъ сдѣланъ былъ областнымъ городомъ для управленія всѣми водвореніями по Ангарѣ и въ Забайкальѣ со включеніемъ Нерчинска, не выдѣляясь въ то же время изъ вѣдѣнія Тобольскаго приказа **).

Въ 1676 году Московское правительство отвѣтило на тревожныя вѣсти окружною грамотою. Во всѣхъ городахъ, слободахъ и острогахъ Сибири предписывалось починить пушки и ружья, а пушки, кромѣ того, устроить въ станки: осмотрѣть оружіе у казаковъ и жить отъ воинскихъ людей съ великимъ береженьемъ.

Приказано было изъ казачьихъ дѣтей приготовить бронныхъ мастеровъ для починки оружія. Гдѣ бронныхъ мастеровъ не было, то приказано было ихъ взять изъ Томска и Енисейска ***).

Посольство Спафарія.

Независимо отъ внутреннихъ мѣръ правительство старалось дипломатическимъ путемъ отодвинуть надвигавшуюся грозу: «Гантимуръ и Албазинъ сдѣлались, по словамъ Словцова, двумя нестерпимыми занозами для Китайскаго Императора Канси. «Изъ Москвы послали—дьяка посольскаго приказа грека Спафарія въ Китай съ цѣлью умиротворить пограничныя дѣ-

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Въ 1670—7680 г. киргизскіе князцы Еренячко и Шалдачко нападали: первый на Красноярскій уѣздъ, второй на Томскій, жгли села, деревни, сожгли даже Ачинскій острогъ и приступали къ самому Красноярску ****).

Въ Красноярскомъ уѣздѣ было спалено 16 деревень (143 двора).

*) Д. И. т. VI, стр. 353.
**) Щегловъ стр. 125.
***) Д. И. т. VII. стр. 134.
****) Д. И. т. VIII, стр. 42—52.

ла, заключить торговый договоръ и добиться позволенія вывозить ежегодно изъ Китая 50.000 ф. серебра, драгоцѣнные камни и шелкъ. Спафарію приказано было ѣхать наскоро, кратчайшимъ путемъ, чрезъ Селенгинскъ *.

Всюду по пути летѣли съ нарочными грамоты о заготовленіи подводъ и судовъ съ гребцами.

Въ Тобольскѣ для Спафарія было приготовлено 3 дощаника и 45 гребцовъ. Все, что бы ему ни понадобилось, предписывалось отпускать безъ замедленія. Изъ Енисейска до Селенгинска онъ ѣхалъ на трехъ дощаникахъ въ сопровожденіи 86 человѣкъ, изъ которыхъ 35 были гулящихъ, прибранныхъ въ Енисейскѣ за неимѣніемъ тамъ служилыхъ людей **).

Изъ Селенгинска до Нерчинска ѣхали по пути Пашкова на подводахъ, приготовленныхъ боярскимъ сыномъ Игнатіемъ Миловановымъ.

19 декабря 1675 года Спафарій выѣхалъ изъ Нерчинска въ Китай.

Но къ этому времени все успокоилось. Произвело ли на китайцевъ впечатлѣніе пышное посольство или что другое, но 24 января 1676 г. Павелъ Шульгинъ писалъ: «Въ Нерчинскѣ все сохранно и безмятежно, и никакихъ воинскихъ вѣстей ниоткуда не слышно» ***).

Спафарій направился изъ Нерчинска чрезъ Цицикаръ въ Пекинъ, куда прибылъ 15 мая 1676 года; въ посольствѣ его было 30 тобольскихъ казаковъ и 6 дѣтей боярскихъ. Проводникомъ былъ Игнатій Миловановъ, ѣздившій въ Китай посломъ при Аршинскомъ.

Въ Пекинѣ Спафарію пришлось столкнуться съ китайскими церемоніями.

У него просили грамоту для предварительнаго прочтенія. Онъ не соглашался. Наконецъ, были сняты копіи грамоты на китайскомъ языкѣ, и сошлись на сдѣлкѣ такого рода: Спафарій положилъ грамоту на богдыханское мѣсто, а два мандарина взяли и понесли ее прямо къ богдыхану.

Посольство не удалось: грамота богдыхана заключала оскорбительныя выраженія для русскаго царя—и Спафарій не рѣшился ее принять.

На словахъ ему было поручено доложить царю:

1-е. Чтобъ выдать Гантимура.

2-е. Наказать посланникамъ исполнять китайскія требованія.

3-е. Приказать своимъ людямъ не обижать пограничныхъ китайскихъ подданныхъ ****).

*) Словцевъ стр. 121. Д. И. т. VII, стр. 322.
**) Д. И. т. IX, стр. 31—45.
***) Д. И. т. VII, стр. 326.
****) Андр. Ист. Забайк. 44.

Если царь исполнитъ эти требованія, то и богдыханъ исполнитъ его желанія.

Посольство Спафарія взяло съ собою въ Пекинъ для торга товары, но они остались не проданными.

Китайцы сговорились и предлагали такія цѣны, что всѣ товары пришлось везти обратно и понести большіе убытки.

На обратномъ пути Спафарій послалъ въ Албазинъ память, чтобъ казаки внизъ по Амуру на судахъ не плавали, а ходили сушею.

Бывшій при немъ нерчинскій боярскій сынъ Игнатій Миловановъ говорилъ ему: «для ясачнаго сбора по Амуру и по Зеѣ иначе, какъ на судахъ, идти невозможно».—Спафарій его не послушалъ, приказалъ заковать и хотѣлъ бить за противорѣчіе.

Спафарій уступилъ богдыхану зейскихъ ясачныхъ тунгусовъ, которые платили прежде въ Албазинъ 67 соболей *).

Посольство Спафарія не уладило Амурскаго вопроса, а наоборотъ оставило его во всю ширь и глубину открытымъ. Такимъ образомъ, во время правленія Шульгина (1673—1676) въ Нерчинскѣ и Ловцова въ Селенгинскѣ за Байкаломъ назрѣли всѣ элементы, «обусловливавшіе почти два вѣка областную жизнь и русско-китайскія отношенія. Начались торговыя и дипломатическія сношенія Россіи съ Китаемъ, участились перебѣжки инородцевъ то въ Россію, то въ Китай, открыты были серебряные рудники, стали посылать въ Забайкалье въ ссылку и былъ поднятъ Амурскій вопросъ.

На Амурѣ теперь явились два хозяина: на верховьяхъ русскіе, при устьѣ—китайцы. Такое положеніе неминуемо должно было привести къ столкновенію [1]).

Тревожныя вѣсти изъ Даурскихъ остроговъ во время правленія приказчиковъ Илларіона Толбузина и Григорія Лоншакова 1676—1680 г.

Въ Нерчинскъ, попрежнему, продолжали назначать приказчиками боярскихъ дѣтей съ незначительными полномочіями.

Тамъ слѣдовали одинъ за другимъ приказчики: боярскій сынъ Илларіонъ Толбузинъ (1678—1680), боярскій сынъ Григорій Лоншаковъ (1676—1678) **).

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Ограждая Даурскіе остроги отъ вторженія южныхъ кочевниковъ *посольскими пересылками* въ 1678—1681 г., Московское правительство старается въ развитіе этой идеи завести мирныя сношенія съ калмыцкимъ ханомъ Бошохту, кочевавшимъ между озеромъ Зайсаномъ и рѣкою Или, посылаетъ ему подарки: сукна, камки и юфть красную***).

*) Д. И. т. IV, стр. 322—346.
**) Андр. Ист. Заб. стр. 43.
***) Д. Ист. т. VIII, стр. 47.

Поднятый въ 1676 году Амурскій вопросъ вызвалъ лишь посылку оружія и пороха въ Даурію.

Въ 1676 году послано было изъ Тобольска въ Даурскіе остроги: пищалей—239, свинцу—40 пуд., пороху—40 пуд.

Но на этомъ и успокоились *).

Тревожное положеніе по всей длинной сибирской южной границѣ связывало Московскому правительству руки, и оно не могло ничего серьезнаго предпринять на Амурѣ, гдѣ установилось двоевластіе, продолжавшееся 10 лѣтъ (съ 1676—1686 г.)

Въ это время китайцы готовились къ войнѣ съ Россіею, а русскіе почти ничего не дѣлали для подготовки къ войнѣ, хотя тревожныя вѣсти изъ Дауріи не переставали получаться.

Въ 1678 году албазинскій приказчикъ сынъ боярскій Григорій Лоншаковъ писалъ: «Китайцы по 500 человѣкъ и больше пріѣзжаютъ подъ Албазинскій острогъ, ясачныхъ и служилыхъ грабятъ, соболей и запасы отнимаютъ».

Китайскій императоръ, готовясь къ войнѣ въ долинѣ Амура, подстрекалъ къ нападенію на Селенгинскъ монгольскихъ князей. Селенгинскій приказчикъ Данила Строгановъ писалъ въ 1678 году въ Енисейскъ: «Очирой-Санинъ-ханъ и его братъ Батуръ-Контайша хотятъ итти подъ Селенгинскій и Иркутскій остроги», и что онъ, Данила, сидитъ въ осадѣ. А Алексѣй Толбузинъ тогда же доносилъ изъ Нерчинска: «Наряжается де богдойскій царь подъ Нерчинскій и Албазинскій остроги; а въ тѣхъ острогахъ пороху и свинцу мало».

*) Д. И. т. VIII, стр. 95.

Учрежденіе Нерчинскаго воеводства.

1-й Нерчинскій воевода Ѳедоръ Воейковъ. Его дѣятельность 1680—1683 г.

Въ 1680 году назначили въ Нерчинскъ воеводою стольника Федора Воейкова (1680—1683).

Во время правленія приказчиковъ Амурскій вопросъ обострился.

Нужно было ожидать съ часу-на часъ разрыва. Между тѣмъ подготовки къ войнѣ со стороны русскихъ не было сдѣлано.

Достаточно сказать, что число казаковъ и жителей въ Нерчинскомъ краѣ не увеличилось.

Федоръ Воейковъ, пріѣхавъ въ Нерчинскъ, нашелъ Амурскій вопросъ поставленнымъ ребромъ. Онъ дѣятельно принимается за устройство далекаго края. Нужно было увеличить воинскую силу и облегчить доставку необходимыхъ средствъ для жизни и для военныхъ дѣйствій: хлѣба, пороху, свинцу, оружія и пушекъ. 20-ти лѣтній опытъ доставки хлѣба изъ Енисейска показалъ, что такъ жить нельзя. Нужно было запастись мѣстнымъ хлѣбомъ.

Одинъ изъ первыхъ опытовъ хлѣбопашества въ Нерчинскѣ.

Съ этого и начинаетъ свою работу Воейковъ, который съ горечью писалъ: «нерчинскій приказчикъ Илларіонъ Толбузинъ съ товарищами, своимъ нерадѣніемъ извели хлѣбъ въ Нерчинскомъ острогѣ» *).

Въ 1681 году Ѳедоръ Воейковъ сдѣлалъ опытный посѣвъ хлѣба своими людьми.

Уродилось съ пуда: 13 пудовъ пшеницы, 7 пудовъ овса, 12 пудовъ ячменя, 17 пудовъ гречихи.

Въ томъ же году боярскій сынъ Никифоръ Сѣнотрусовъ посѣялъ для опыта на рѣкѣ Уюргѣ (Урульгѣ) 20 пудовъ хлѣба и получилъ умолоту 450 пудовъ.

Въ слѣдующемъ 1682 году Федоръ Воейковъ начинаетъ

*) Д. И. т. VIII, стр. 345.

селить на пашню крестьянъ,—и 17 семей ссыльныхъ были водворены на Шилкѣ ниже Нерчинска на десятинную пашню.

Правою его рукою въ этомъ дѣлѣ былъ боярскій сынъ Игнатій Миловановъ.

Миловановъ былъ посланъ въ 1682 году искать удобныя мѣста для хлѣбопашества по Шилкѣ и Аргуни.

Оказалось, что по Шилкѣ, Нерчѣ и Аргуни хлѣбородныхъ мѣстъ было много—для поселенія крестьянъ слободами, въ каждой семействъ по 50 и по 100.

Но бѣда состояла въ томъ, что въ Нерчинскомъ острогѣ было «малолюдство и въ пашню селить некого» *).

Въ 1683 году въ Нерчинскомъ уѣздѣ 23 крестьянина сѣяли 14 десятинъ хлѣба **).

Но развить болѣе земледѣлія не пришлось, въ виду наступившаго тревожнаго времени.

Построеніе Аргунскаго острога въ 1681 г.

Несмотря однако на «воинскія вѣсти», нерчинцы старались распространить ясачный раіонъ.

По обычаю того времени въ 1681 году два казачьихъ десятника Василій Миловановъ и Иванъ Волга, да съ ними 11 казаковъ и 9 промышленниковъ, подали Воейкову челобитную о построеніи Аргунскаго острога.

Дѣло состояло въ томъ, что намясинскіе тунгусы, жившіе по Аргуни, считались ясачными съ окладомъ ясака по 3 соболя на человѣка. Благодаря отдаленности, они вносили ясакъ неисправно и вмѣсто соболей платили лошадьми и мелкимъ скотомъ, и то далеко не сполна.—Между тѣмъ имъ давали большіе ясачные подарки: за каждую ясачную лошадь по куску сукна гамбургскаго (или шиптуга).

Намясинскіе тунгусы грозили часто сборщикамъ смертью, и ихъ подданство было скорѣе номинальное (т. е. только по имени).

Чтобы закрѣпить ясачный раіонъ, на Аргуни, по выработанной казаками тактикѣ, необходимо было поставить острогъ.

Обыкновенно для новаго предпріятія не хватало казаковъ, и потому при построеніи остроговъ приходилось всегда прибѣгать къ прибору охочихъ и промышленныхъ людей.

Такъ случилось и на этотъ разъ. И вотъ 11 казаковъ и 9 промышленниковъ подъ начальствомъ двухъ казачьихъ десятниковъ Василія Милованова и Волги «провѣдали разспросами угожія крѣпкія мѣста на рѣкѣ Аргуни, гдѣ быть острогу,

*) Д. И. т. VIII, стр. 345—346.
**) Д. И. т. XI, стр. 74.

—у рыбныхъ, звѣринныхъ и птичьихъ промысловъ и гдѣ было много хлѣбородныхъ и пашенныхъ мѣстъ».

Принято было во вниманіе и то, что «по Аргуни съ хлѣбными запасами можно было ходить судовымъ ходомъ, и что Аргунь отъ Китая удалѣла».

О цѣли построенія острога Воейковъ писалъ царю: «А какъ острогъ на Аргуни поставимъ и тѣ воры, намясинскіе тунгусы, послушны будутъ и ясакъ станутъ платить сполна».

13-го іюля 1681 года Миловановъ и Волга, съ 20-ю товарищами, были отпущены на Аргунь. Они были снабжены мушкетами, порохомъ, свинцомъ, а для постройки инструментами: долотами, тесниками, напарьями и скобелями. Изъ Нерчинскаго острога выдано было имъ 60 пудовъ муки да изъ Албазинскаго 100 пудовъ.

Въ томъ же 1681 году они построили острогъ и призвали къ нему неясячныхъ тунгусскихъ князцовъ Арикана Калтагацкаго роду и Базюкана Чинонямяцкаго.

Съ князцовъ было взято ясаку: 22 лошади и 15 скотинъ: да съ намясинскихъ тунгусовъ собрали 2 сорока и 3 соболя*).

Около Аргунскаго острога много было конныхъ и оленныхъ тунгусовъ, а въ 10 верстахъ отъ него находилась серебряная руда.

Въ 1682 году получена была Царская грамота о пріисканіи на Аргуни, гдѣ Шульгинъ нашелъ, серебряную руду, сланца и камня. Приказано было досмотрѣть, смѣтить и описать, насколько верстъ и саженъ въ длину и ширину и какихъ рудъ будетъ и можно ли острогъ поставить и заводы завесть, и не чаять ли въ томъ съ Китаемъ ссоры? Предписано было сдѣлать опытъ плавки руды и о результатѣ написать въ Москву и Енисейскъ**).

Воейковъ острогъ поставилъ (Аргунскій), но людей для плавки руды не послалъ, такъ какъ замѣчалась «съ Мунгальской стороны шатость. А какъ въ монгольскихъ людяхъ войны и шатости не будетъ, тогда хотѣлъ Воейковъ посылать и рудознатныхъ мастеровъ» [1]).

Торговля съ инородцами. Подарочная казна.

Къ 1681 году въ Нерчинскѣ стала развиваться торговля съ инородцами. Понадобилось даже учредить таможню. Пош-

1) ПРИМѢЧАНІЕ. Иркутскій воевода получилъ указъ въ 1682 году искать руду въ Селенгинскомъ и Баргузинскомъ острогахъ и Иркутскѣ***).

*) Д. И. т. VIII, стр. 325.
**) Д. И. т. VIII, стр. 293.
***) А. И. т. VIII, стр. 293, Д. И. т. V, стр. 105.

Острогъ Аргунской.

лины установлены были какъ на рѣкѣ Ленѣ. Для образца приказано было взять таможенныя книги изъ Енисейска.

Въ 1681 году Воейковъ просилъ Енисейскаго воеводу о присылкѣ подарочной казны, вина, бумаги и таможенныхъ книгъ, но и въ 1682 году онъ ничего не получилъ [1]).

Стараясь распространить ясачный раіонъ, Воейковъ заботился и объ увеличеніи въ Нерчинскомъ острогѣ подарочной казны. Съ этою цѣлью въ 1682 году онъ писалъ: «пріѣзжаютъ въ Нерчинскъ ясачные князцы разныхъ родовъ и бьютъ челомъ о подаркахъ». Они просили сукна, котлы, топоры, ножи, огнивы, удила *).

Въ Нерчинскихъ острогахъ подарочной казны, горячаго вина и писчей бумаги для отписокъ нѣтъ».

Но одна изъ главныхъ насущныхъ потребностей удовлетворялась въ Нерчинскомъ воеводствѣ на мѣстѣ: въ Телембинскомъ острогѣ плавили желѣзо въ ручныхъ печахъ; изъ него въ 1683—1685 г. г. доставляли желѣзо и для Албазинскаго острога **.

Удовлетвореніе казаковъ жалованьемъ.

Съ 1676 года, т. е. съ момента возникновенія вновь Амурскаго вопроса, Московское правительство считало, что у него въ Даурскихъ (Нерчинскихъ) и Албазинскихъ острогахъ находятся 500 казаковъ, и по такому расчету оно и высылало жалованье, хотя въ дѣйствительности нерчинскихъ казаковъ было только 200, да въ Албазинѣ 101 штатныхъ и 99 прибранныхъ безъ указу (т. е. тоже 200).

Въ періодъ съ 1676 по 1682 г. нерчинскимъ и албазинскимъ казакамъ было выслано жалованья изъ Москвы и Верхотурья, деньгами и товарами, по расчету 5 руб. на человѣка, всего за эти года на сумму 8.122 руб. 30 коп., а выдано 8.622 руб. 30 коп. [2]).

Изъ этого видно, что жалованье казакамъ высылалось да-

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Характерна узость понятій тогдашнихъ правителей: енисейскій воевода отвѣчалъ, что онъ «безъ грамоты Великаго Государя ничего выдать не можетъ». Между тѣмъ обязанность снабжать всѣмъ необходимымъ Даурскіе остроги была возложена на енисейскаго воеводу еще въ 1667 году. Это непониманіе своихъ обязанностей енисейскими воеводами, кажется, было одною изъ причинъ (помимо главной изъ нихъ—войны съ Китаемъ) посылки въ 1683 году въ Енисейскъ воеводою важнаго боярина князя Константина Щербатова и объединеніе власти надъ всею Восточною Сибирью въ его рукахъ. По нынѣшней терминологіи съ 1683 года князь Константинъ Щербатовъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ всей Заенисейской Сибири ***).

[2]) ПРИМѢЧАНІЕ. Нерчинскій воевода Федоръ Воейковъ занялъ у купцовъ въ 1682 году 500 руб. и далъ Албазинцамъ. За 1676—1682 г. Нерчинцамъ выдано на 200 человѣкъ 5,122 руб. 30 коп., а Албазинцамъ 101 человѣку 3,500 руб.

*) Д. И т. VIII, стр. 349.
**) Миллеръ Е. С. г. 1657, стр. 217. Д. И. т. VII, стр. 346.
***) Д. И. т. VIII, стр. 345.

леко не сполна: даже на 400 человѣкъ за 6 лѣтъ полагалось 12.000 руб., а на 500 человѣкъ, какъ считало Московское правительство, полагалось за 6 лѣтъ 15.000 рублей: выслали же только половину 8,122 руб. 30 коп. да и то частью товарами *).

Такъ, за этотъ періодъ товаровъ выслали на 1.122 руб. 30 коп., а именно: сукна разныхъ цвѣтовъ и достоинствъ подъ названіемъ англійскихъ, гамбургскихъ, кармазина, шиптуга и сермяжнаго (109 половинокъ кусковъ и 414 аршинъ) шнуровъ и нашивокъ (5.500 аршинъ) [1]).

Казаки одѣвались въ цвѣтные суконные кафтаны: преобладали красные, иногда попадались бѣлые; пояса носили шелковые, обувь домашняго приготовленія изъ кожи и праздничную изъ красной юфти [2]).

Энергичный воевода Ѳедоръ Воейковъ, устраивая Нерчинское воеводство, подробно доносилъ о своихъ работахъ. Въ его отпискахъ давался обстоятельный отчетъ и о мѣрахъ, принимаемыхъ имъ для развитія земледѣлія и о порядкѣ довольствія казаковъ за періодъ времени съ 1676 по 1682 годъ [3]).

Въ 1682 году Ѳедоръ Воейковъ роздалъ 1.000 рублей нерчинскимъ казакамъ, а 1.000 руб. послалъ въ Албазинъ **).

Развѣдки о намѣреніяхъ Китая.

Независимо отъ хозяйственныхъ мѣръ Ѳедоръ Воейковъ энергично собиралъ свѣдѣнія о надвигавшейся грозѣ изъ Китая.

12-го марта 1681 года албазинскій приказчикъ енисейскій боярскій сынъ Яковъ Евсевьевъ доносилъ, что китайцы начали тайную развѣдку русскихъ поселеній. Онъ писалъ, что

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Это жалованье высылалось не регулярно; такъ съ 1675 года по 1682 годъ оно высылалось частями и не въ одинаковомъ размѣрѣ: въ 1675 г.—1.000 руб. денегъ и на 1.122 руб. 32 к. товаромъ, въ 1677 г.—2.000 р., въ 1678 г —2.000 р., въ 1679 г.—2.000 руб. Итого 8.122 руб. 32 коп.

[2]) ПРИМѢЧАНІЕ. Сукно оцѣнивалось: шиптуги—аршинъ 6 руб., англійское—аршинъ 45 к., гамбургское—аршинъ 35 к., кармазинъ—аршинъ 1 р. 20 к. и 1 р. 10 к., шелковой нашивки—аршинъ 15—20 к., шелковые шнуры—арш. 7/10 к. ***)

[3]) ПРИМѢЧАНІЕ. Въ 1682 году на жалованье нерчинскимъ и албазинскимъ казакамъ выслано было 1.500 руб. изъ Верхотурскихъ доходовъ и 500 руб. изъ Енисейскихъ; и, кромѣ того, по указу не дослано было 500 руб. изъ енисейскихъ доходовъ. Въ той же самой отпискѣ число служилыхъ даурскихъ показано въ 500 человѣкъ, а годовой окладъ въ 5 рублей.— Все это наводитъ на мысль, что въ это время въ Нерчинскѣ и Албазинѣ считалось, какъ штатъ, 500 казаковъ, съ годовымъ жалованьемъ 2.500 рублей.

*) Д. И. т. VIII, стр. 345.
**) Д. И. т. VIII, стр. 348.
***) Д. И. т. VIII. стр. 346.

въ острогъ явились два китайскихъ офицера (сотники) и просили Евсевьева поѣхать внизъ по Амуру къ тремъ китайскимъ воеводамъ для переговоровъ.

Евсевьевъ не посмѣлъ самъ «безъ царскаго указу» ѣхать для переговоровъ, а посланцевъ отпустилъ съ 7-ю провожатыми казаками. Казаки вернулись 1-го апрѣля и подали «доѣздъ» о томъ, что съ ними говорили китайскіе воеводы. «Доѣздъ» этотъ былъ посланъ въ Нерчинскъ и оттуда въ Москву.

Къ сожалѣнію точное содержаніе «доѣзда» неизвѣстно.

Получивъ свѣдѣнія изъ «доѣзда» о замыслахъ китайцевъ, 29 апрѣля 1681 года Воейковъ послалъ десятника Юшку Алексѣева съ толмачемъ на рѣку Нонни къ китайскимъ воеводамъ для подлиннаго провѣдыванія, чтобы китайцы подъ Албазинъ и Нерчинскъ безвѣстно не пришли.

20-го сентября 1681 года Алексѣевъ вернулся и представилъ «доѣздъ», о чемъ онъ, Юшка, говорилъ съ китайскими воеводами.

Въ доѣздѣ было написано: «велитъ богдыханъ свести Долонскій острогъ, иначе угрожаетъ войною» *).

«А я не смѣю безъ твоего, Государь, указа свести Долонскій острогъ», писалъ Воейковъ царю.

Въ мартѣ 1682 года торгочинскіе и даурскіе князцы Аюси, Лоскудей и Каялда съ рѣки Нонни, со своими родичами, въ числѣ 400 человѣкъ просили воеводу прислать казаковъ, чтобы защитить ихъ отъ китайцевъ и принять въ русское подданство.

Они послали для переговоровъ даурца Даральну, который извѣстилъ Воейкова, что богдыханъ собралъ въ Маньчжуріи большое войско и много хлѣбныхъ запасовъ и хотѣлъ итти подъ Зейскій и Албазинскій остроги, чтобы остроги разорить, казаковъ выгнать оттуда и поселить тамъ китайцевъ.

Приведенные факты указываютъ, что распространеніе русскаго вліянія на Зею задѣло китайцевъ, что все устье Амура ниже Зеи считалось достояніемъ Китая.

Воейковъ, зная, что переходы инородцевъ изъ Китая въ Россію вели къ осложненію, отказался принять даурскихъ князей въ русское подданство. Къ тому же и царскія грамоты говорили: «съ китайскими людьми не ссориться». **).

Развѣдки рѣки Амура Игнатіемъ Миловановымъ въ 1681 г.

Московское правительство не понимало серьезнаго положенія дѣлъ на Амурѣ: тамъ приходилось въ пору обороняться—

*) Д. И. т. VIII, стр. 330.
**) Д. И. т. IX, стр. 208.

утвердить то, что захватили казаки. Правительство же, преслѣдуя увеличеніе ясачной казны, предписывало въ 1681 году распространить ясачный раіонъ на рѣку Селимбу.

«И на Селимбѣ быть острогу, да осмотрѣть и описать накрѣпко и учинить чертежъ, и ясачныхъ инородцевъ призвать и аманатовъ имать» *).

По этой грамотѣ для развѣдки Амура въ 1681 году Воейковъ послалъ того же Игнатія Милованова осмотрѣть и описать накрѣпко, въ какихъ мѣстахъ по Зеѣ и Селимбѣ стоятъ остроги и ясачныя зимовья и есть ли тамъ хлѣбородныя мѣста? **)

Въ іюнѣ 1681 года Миловановъ отплылъ на пяти дощаникахъ изъ Нерчинска на Амуръ, захвативъ съ собою:

560 саженей бечевокъ 2 пушки 30 ядеръ желѣзныхъ 2 пуда 30 фунтовъ пороху 3 пуда свинцу 3 напарья 2 пазника 1 тесникъ 25 гвоздей 3 дести бумаги	Казакамъ.
31 3/4 аршина сукна 150 ножей 59 огнивъ 5 фунтовъ хмѣлю 44 фунта табаку 170 пудовъ муки	Ясачнымъ на подарки и аманатамъ на кормъ.

Въ началѣ 1682 года Игнатій Миловановъ представилъ результатъ своей развѣдки: обстоятельный докладъ («на письмѣ сказку») о положеніи дѣлъ на рѣкѣ Амурѣ съ чертежами ***).

Свѣдѣнія, добытыя Миловановымъ.

Оказалось, что на рѣкѣ Зеѣ ниже Селимбы былъ поставленъ Албазинцами Долонскій острогъ.

Одна сторона его была въ 3 сажени слишкомъ, другая 2 1/2. Внутри острога находилась изба въ 3 сажени длиною. Для наблюденія устроены были вышки. На избѣ и на вышкѣ было приспособленіе для стрѣльбы—«верхній бой».

*) Д. И. т. IX, стр. 214.
**) Паршинъ стр. 149.
***) Паршинъ стр. 156. Д. И. т. VII, стр. 214.

Игнатій Милововъ одобрилъ выборъ мѣста: «и въ томъ мѣстѣ на устьѣ Долонца на берегу рѣки Зеи острогу быть пригоже: и хлѣбородныя мѣста есть и есть гдѣ селить крестьянъ».

Вверхъ по Зеѣ, ниже Брянды, противъ озера Бабака тоже поставлено было зимовье «съ верхнимъ боемъ». Прежде оно стояло на верхней Зеѣ далеко отъ дороги и торговища. Игнатій перенесъ его на другое мѣсто—на дорогу къ торговищу, гдѣ тунгусы и китайцы обмѣнивались товарами, чтобы тунгусы не продавали соболей раньше, чѣмъ уплатятъ ясакъ. Отъ Долонскаго до этого Зейскаго зимовья ходу было на дощаникахъ мѣсяцъ.

А изъ Албазина внизъ по теченію до Долонскаго ходу $2^1/_2$ недѣли.

Съ устья Зеи до Албазина на дощаникахъ (вверхъ по теченію) 3 недѣли. Отъ Албазина внизъ по Амуру и по Зеѣ много имѣлось хлѣбородныхъ мѣстъ, гдѣ поселилось бы болѣе 1000 крестьянъ. Только не было строевого лѣса; но его можно было сплавить по Зеѣ и Селимбѣ.

Въ горахъ имѣлась желѣзная руда. Ниже устья Зеи, въ полпереходѣ, находился китайскій земляной городъ Айгунъ, двойной, съ цитаделью, со стѣнами вышиной отъ 2—3 саженъ. Городъ былъ необитаемъ, и мѣстные жители не знали, кто и когда въ немъ жилъ. Милововъ представилъ чертежъ этого города.

Отъ устья Зеи до Албазина вверхъ по Амуру вездѣ попадались слѣды старыхъ заброшенныхъ пашенъ. Милововъ узналъ, что тутъ прежде жили дауры, перекочевавшіе, по приказанію богдыхана, въ Маньчжурію во времена Степанова.

На рѣкѣ Селимбѣ поставлены были два ясачныхъ зимовья по 4 сажени длиною и по 3 шириною. Оба зимовья были съ приспособленіемъ для стрѣльбы съ вышки («съ верхнимъ боемъ»).

На устьѣ Зеи, на мѣстѣ нынѣшняго Благовѣщенска, Игнатій Милововъ находилъ пристойнымъ быть городу. Всѣ мѣста, которыя посѣтилъ, Милововъ изобразилъ чертежомъ*).

Таковъ былъ этотъ полуграмотный забайкальскій казакъ, съ успѣхомъ исполнявшій обязанности: то дипломата, то проводника, то агронома, то офицера генеральнаго штаба.

По тогдашнему времени онъ былъ практически образованный человѣкъ, «бывалецъ и видалецъ». Онъ два раза былъ въ Пекинѣ, ѣздилъ въ Москву, исколесилъ Забайкалье и Амуръ. Онъ былъ стойкій и смѣлый человѣкъ, и вступилъ даже въ пререканіе со Спафаріемъ, отстаивая ту точку зрѣнія,

*) Паршинъ стр. 156.

что владѣть Амуромъ нельзя, не плавая по Амуру и Зеѣ, за что и былъ закованъ въ желѣзо *).

Будучи въ Пекинѣ посломъ, онъ велъ себя съ достоинствомъ и составилъ обстоятельное описаніе своего пребыванія въ Китаѣ.

На 180 лѣтъ ранѣе Муравьева-Амурскаго Миловановъ предрѣшилъ, что на устьѣ Зеи пристойно быть городу: возможно, что мысль эта занята Муравьевымъ у Милованова.

Устройство Албазинскаго острога.

Принявъ Нерчинское воеводство, Ѳедоръ Воейковъ дѣятельно принялся за устройство далекаго Албазинскаго края.

По тревожнымъ вѣстямъ въ концѣ 1681 года, онъ послалъ своего сына Андрея управителемъ въ Албазинъ и велѣлъ ему «Албазинскій острогъ дѣлать съ великимъ радѣніемъ, наскоро, со всѣми острожными крѣпостями» **).

Андрей Воейковъ (1681—1682 г.), прибывши въ Албазинъ, отписывалъ отцу:

«Албазинскій острогъ не поставленъ, потому что нынѣ въ Албазинскомъ острогѣ людей мало, а всѣ въ расходѣ по промысламъ. А какъ промышленные съ промысловъ выйдутъ, и я тотчасъ велю башни рубить, ровъ копать и чеснокъ бить и надолбы дѣлать» [1]).

«А мѣрою Албазинскій острогъ кругомъ $165^{1}/_{2}$ саженей съ башнями. Проѣзжая башня отъ слободы на увалѣ въ 4 квадратныхъ сажени, другая проѣзжая башня въ полѣ $3^{1}/_{2}$ сажени. Три угловыхъ башни были по 3 сажени, а въ четвертомъ углу, обращенномъ къ Амуру, что выше по теченію на яру, поставленъ воеводскій дворъ».

Въ Албазинѣ и по заимкамъ крестьянамъ заказано было накрѣпко, чтобы жили съ великою бережью отъ китайскихъ воинскихъ людей.

Въ одной изъ отписокъ въ мартѣ 1682 года Андрей Воейковъ писалъ отцу: «Есть де у богдойскаго царя такая дума.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Въ Албазинѣ съ его основанія до паденія были слѣдующіе приказчики:

Съ 1669—1674 Черниговскій, 1674—1676 Семенъ Вишняковъ, 1676—1677 Ѳедоръ Евсевьевъ, 1677—1678 Гаврило Фроловъ, 1681—1682 Андрей Воейковъ, 1682—1684 Иванъ Семеновъ Войлошниковъ, 1684—1687 Алексѣй Толбузинъ ***).

*) Паршинъ стр. 149—156, Д. И. т. VII, стр. 326, Д. И. т. VIII, стр. 345.
**) Еж. соч. 1757 ст. 203.
***) Паршинъ стр. 140—146, Е. С. 1757 стр. 200.

Собрано де у него великая сила. Посылаетъ де свою силу войною подъ Нерчинскій и Албазинскій остроги. Подозваны у него черные мунгалы (калмыки). По ихъ вѣрѣ они пожалованы. И дано имъ много камокъ, атласовъ, бархату и лаинаго серебра и хлѣба на два года» *).

«Къ даурскимъ мужикамъ присланъ большой бояринъ отъ богдыхана. И велѣно имъ де бусы (лодки) дѣлать подъ хлѣбные запасы. А хлѣбные запасы и лошади жирныя готовы. И всякіе воинскіе припасы къ тому же изготовлены.

Подъ остроги нынѣшнею весною напередъ будетъ легкая конница, а остальная богдойская сила будетъ водянымъ путемъ въ бусахъ (на лодкахъ) съ хлѣбными запасами, съ пушками и съ воинскими припасами» **).

Всѣ эти свѣдѣнія Андрей Воейковъ собралъ путемъ разспросовъ китайскихъ купцовъ чрезъ преданныхъ тунгусовъ. Андрей послалъ съ донесеніемъ въ Нерчинскъ нарочнаго и приказалъ всѣмъ крестьянамъ и промышленникамъ съ хлѣбными запасами собраться въ Албазинъ. Но тревога была пока еще преждевременна и крестьяне остались по заимкамъ ***).

Крестьянское населеніе на Амурѣ и заведенное имъ хлѣбопашество въ 1682 г.

Получивъ обстоятельныя свѣдѣнія отъ Милованова объ Амурѣ, Ѳедоръ Воейковъ въ маѣ 1682 года командировалъ нерчинскаго сына боярскаго Григорія Лоншакова и крестьянина Немирова на Амуръ въ Албазинскій уѣздъ, вѣдать слободою и заимками албазинскихъ крестьянъ, жившихъ ниже Албазина и разводить десятинную пашню.

Въ памяти, данной Григорію Лоншакову, интересна была одна деталь: «учинить заказъ крѣпкій крестьянамъ, у которыхъ есть дочери, чтобы они ихъ за албазинскихъ казаковъ отнюдь не выдавали замужъ, а выдавали бы за крестьянъ, чтобы крестьяне были всѣ женаты и постоянны» ****).

За неисполненіе грозили торговою казнію.

Мѣстность отъ устья Аргуни до Албазинскаго острога поручена была крестьянину Ивану Вяткѣ и цѣловальнику Родіону Васильеву.

Они должны были вѣдать всѣхъ крестьянъ по заимкамъ и велѣть имъ пахать государевы десятинныя пашни. Въ 1682 году въ Албазинѣ было 70 пашенныхъ крестьянъ, сосланныхъ за свои согрѣшенія и посаженныхъ на пашню—пень и коло-

*) Д. И. т. IX, стр. 208.
**) Д. И. т. IX, стр. 8.
***) Паршинъ стр. 148.
****) Паршинъ стр. 159.

ду. Имъ были даны ссуды: старые кони и жеребята, которые ни въ соху, ни въ борону не годились. Ральниками снабдили ихъ тоже старыми и негодными. Они купили у торговцевъ въ долгъ коней по 12 руб., а ральники по 3 руб. Никакихъ другихъ пособій крестьяне не получили. Всѣ они жили бѣдно. Многіе изъ нихъ были холостые одинокіе; льготы имъ не было дано вовсе; съ перваго же года они пахали десятинную пашню, по $^1/_2$ десятины безоброчно въ теченіе 6 лѣтъ (съ 1676—1682 г.) *).

Въ 1682 году Ѳедоръ Воейковъ далъ имъ, по ихъ челобитной, косы и серпы и сбавилъ окладъ съ холостыхъ до $^1/_4$ десятины.

Въ 1679—1682 г. хлѣбъ не родился; его давила ржа и червь. Въ 1682 году были проливные дожди, вслѣдствіе чего крестьяне не поставили сѣна, не перепахали пашню на другой рядъ, а хлѣбъ весь затопило. Между тѣмъ въ Албазинѣ было все дорого: соль по 20 коп. фунтъ; сукно аршинъ по 30 коп.; чарки (башмаки) по 50—60 коп.; шуба (шубные кафтаны) 3 руб.; наварки отъ ральниковъ по 1 руб., отъ топоровъ по 30 коп.. Ради всего этого крестьяне впали въ долги.

Они мало сѣяли ржи, такъ какъ ее выдувало. Да и что родилось, и то приходилось отдавать дешевою цѣною: рожь пудъ по 20 коп., пшеницу по 30 коп., а весною сами обратно покупали отъ тѣхъ же купцовъ по 50—60—80 коп. за пудъ.

Многіе не имѣли коней, были наги и босы, ни овецъ, ни свиней у нихъ не было.

Крестьянское населеніе Албазина быстро увеличивалось бродячимъ людомъ. Черезъ два года въ 1684 году въ Албазинскомъ уѣздѣ было крестьянъ и промышленниковъ 480 семействъ. Всѣ албазинцы вмѣстѣ съ казаками засѣвали до 1000 десятинъ хлѣба, да казенной пашни десятинъ 50 **).

Они занимали весь лѣвый берегъ Амура отъ Стрѣлки (устье Аргуни) до Албазина и ниже Албазина почти до устья Камары ***).

Поселились они отдѣльными заимками; на Стрѣлкѣ была первая заимка. Наибольшее число заимокъ было расположено ниже Албазина, тамъ же находилась и единственная большая слобода Покровская.

Нужно полагать, что эти деревни и заимки въ 2—3 двора по всему побережью Амура исчислялись двумя—тремя де-

*) Д. И. т. X, стр. 201.
**) Д. И. т. XII, стр. 112, Д. И. т. X, стр. 80.
***) Паршинъ, стр. 153.

сятками. Крестьяне вполнѣ обезпечивали албазинскихъ казаковъ хлѣбомъ *).

Изъ заимокъ были извѣстны на Шилкѣ Микишкино зимовье, на устьѣ Аргуни Астраханцева, выше Албазина села: Паново и Ильинское; ниже Албазина: Озерная (въ 4-хъ верстахъ) Вагадаева, Шингалова (въ 15-ти верстахъ) слобода Андрюшина (въ 140 верстахъ), у устья рѣки Буринги... Въ нѣкоторыхъ отпискахъ упоминались также слободы: Солдатова, Игнашина и Монастырщина.

Такимъ образомъ въ 1682 году русскіе владѣли Амуромъ до устья Зеи и по Зеѣ. Ниже устья Зеи Амуръ находился въ сферѣ вліянія Китая.

Обращеніе нерчинскихъ пѣшихъ казаковъ въ конные.

Въ Нерчинскомъ, Телембинскомъ, Иргенскомъ, Еравинскомъ и Итанцинскомъ острогахъ служилыхъ было 200 человѣкъ. Всѣ эти казаки были пѣшіе **).

Воейковъ вошелъ съ представленіемъ, нельзя ли ихъ обратить въ конныхъ. Онъ говорилъ: «Въ Нерчинскихъ острогахъ безъ конныхъ казаковъ никакими мѣрами быть нельзя. И нынѣ живу въ Нерчинскомъ и Албазинскомъ острогахъ съ великимъ опасеніемъ отъ приходу военныхъ китайскихъ людей. Промышленныхъ въ Нерчинскихъ острогахъ мало. Оружія у нихъ нѣтъ. Да и вообще все оружіе въ Нерчинскомъ острогѣ заведено еще при Пашковѣ, проржавѣло, попорчено и къ стрѣльбѣ не годится. Починить его нельзя, такъ какъ въ Нерчинскѣ броныхъ мастеровъ нѣтъ. Былъ одинъ мастеръ Козьма Ѳедоровъ, да и тотъ сталъ старъ и слѣпъ.

Правда, у нѣкоторыхъ казаковъ были свои пищали, но и то не у всѣхъ добрыя. Въ случаѣ осады пришлось бы обороняться ножами.

«И о томъ мнѣ, что Ты Великій Государь укажешь», спрашивалъ Воейковъ царя.

Въ рядѣ отписокъ въ 1682—1683 годахъ Нерчинскій воевода Ѳедоръ Воейковъ доносилъ: «Въ Нерчинскомъ, Телембинскомъ, Еравинскомъ, Иргенскомъ, Новомъ Аргунскомъ и Итанцинскомъ острогахъ служилыхъ 202 человѣка. Ни бердышей, ни рогатинъ, ни топоровъ, ни ружей, ни пищалей въ Нерчинскомъ острогѣ нѣтъ...

Обороняться некѣмъ и нечѣмъ» ***).

*) Паршинъ, стр. 163.
**) Д. И. т. IX, стр. 208.
***) Д. И. т. X, стр. 229—235.

Въ 1682 году во всѣхъ Даурскихъ острогахъ было 302 человѣка казаковъ промышленныхъ и крестьянъ *).

Недовольство албазинскихъ казаковъ назначаемыми изъ Нерчинска приказчиками. Выборъ въ приказчики десятника Ивана Войлошникова.

Въ то время, когда со стороны китайцевъ надвинулась гроза, открылась скрытая вражда между албазинскими и нерчинскими казаками.

Албазинцы были недовольны тѣмъ, что къ нимъ въ приказчики посылали нерчинскихъ казаковъ. Албазинцы не считали себя хуже нерчинцевъ и рѣшили избирать приказчика изъ своей среды.

Это глухое броженіе заставило Ѳедора Воейкова въ концѣ 1681 года послать приказчикомъ въ Албазинъ своего сына Андрея. Но и это не помогло. Албазинцы плохо слушались Андрея Воейкова и даже нѣкоторые казаки оскорбляли его **).

Насколько вольница была не дисциплинирована, видно изъ того, что казакъ Столбовъ осмѣлился сказать Андрею Воейкову: «Когда мы поплывемъ на Амгунь, ты будешь у насъ кашеваромъ» ***).

Андрей Воейковъ собралъ казаковъ и объявилъ имъ о дерзкомъ поступкѣ Максима Столбова. Благоразумное большинство казаковъ однако осудило своего товарища. Казаки, собравшись въ кругъ, говорили: «мы за такого дурака не стоимъ и его не научаемъ. А чего де онъ Максимка довелся и ты де по указу Великаго Государя, то ему и учини».

Въ началѣ апрѣля 1682 года албазинскіе казаки не хотѣли посылать ясакъ въ Москву, самого Андрея Воейкова они забрали въ кругъ и просили жалованья. Вѣроятно онъ написалъ объ этомъ отцу, и тотъ, чтобы уладить дѣло, 17-го мая 1682 года на дощаникѣ приплылъ самъ въ Албазинъ. Федоръ Воейковъ, пріѣхавъ въ Албазинъ, обошелся съ казаками сурово.

Самолюбивая вольница, непривыкшая подъ начальствомъ своихъ приказныхъ (атамановъ) къ такому высокомѣрному обращенію, озлобилась на воеводу. Казаки требовали съ него жалованья: «Послано намъ изъ Москвы 2000 руб., а ты 1000 руб. отдалъ нашего жалованья нерчинцамъ», громко выражали неудовольствіе казаки и даже бранили воеводу.

Казаки не давали воеводѣ ясака прежде, чѣмъ онъ вы-

*) Д. И. т. X, стр. 8, Д. И т. IX, стр. 208.
**) Паршинъ, стр. 146.
***) Д. И. т, XII, стр. 2.

дастъ имъ жалованье. Воейкову пришлось занять у купцовъ 300 руб., да приложить къ нимъ своихъ 200 и только тогда казаки принесли ясачную рухлядь на дощаникъ къ монастырю, гдѣ остановился воевода.

Воейковъ не рѣшился оставить сына съ албазинцами, несмотря на ихъ просьбу.

Тогда албазинцы заявили ему: «если не оставляешь сына, то нерчинскихъ дѣтей боярскихъ и казаковъ мы не примемъ. Не хотимъ быть у нихъ подъ началомъ. Вели у насъ *на приказъ* быть албазинскимъ казакамъ». Воейковъ приказалъ имъ выбрать изъ своей братіи приказчика. Албазинцы выбрали десятника Ивана Семенова Войлошникова *).

Поѣздка Воейкова не удалась; ему не пришлось уладить дѣла. Главное недоразумѣніе происходило изъ-за того, что албазинцы самовольно прибрали 99 казаковъ: по штату полагалось 101, а у нихъ было 200.

Воейковъ не признавалъ этихъ сверхштатныхъ 99 человѣкъ казаками, т. е. не соглашался выдавать имъ жалованья.

Кромѣ того, Воейковъ приказалъ, опасаясь осложненій съ китайцами, снести Долонское зимовье, дававшее незначительный ясакъ (въ 1681 году 12 соболей, въ 1682 году 17 соболей) **).

Воейковъ закупилъ въ Албазинѣ для Нерчинска до 500 пудовъ муки. Казаки не дали ему эту муку, не позволяя вывозить хлѣбъ изъ Албазина. Все вмѣстѣ взятое повело къ полному разрыву. Отъѣзжая въ концѣ мая 1682 года изъ Албазина въ Нерчинскъ, Воейковъ называлъ казаковъ ворами, а Албазинъ воровскимъ острогомъ. Воейковъ говорилъ: «доведется церковь Божію раскласть и острогъ сжечь».

Такимъ образомъ въ маѣ 1682 года во главѣ управленія Албазинскаго острога оказался десятникъ Иванъ Войлошниковъ

Съ тѣхъ поръ своеволіе албазинцевъ увеличилось. Зависимость ихъ отъ Нерчинска стала номинальною. Если самъ воевода лично не могъ ничего уладить, то что же могли сдѣлать его «*указныя памяти*»? Тѣмъ не менѣе Ѳедоръ Воейковъ продолжалъ считать Албазинскій острогъ принадлежащимъ Нерчинскому воеводству.

Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Албазина Ѳедора Воейкова, пріѣхалъ туда Игнатій Миловановъ съ рѣки Зеи изъ Селимбинскаго и Зейскаго остроговъ, гдѣ онъ собралъ ясачную десятинную казну: 7 сороковъ 9 соболей, да 9 руб. оброчныхъ съ промышленниковъ.

По приговору всѣхъ албазинскихъ казаковъ, приказчикъ

*) Д. И. т. XII, стр. 2.
**) Д. И. т. IX, стр. 214. Д. И. т. XII, стр. 2.

Иванъ Семеновъ Войлошниковъ отобралъ эту казну у Милованова, заявивши ему: «до указу Великихъ Государей казна будетъ въ Албазинскомъ острогѣ». Казну албазинцы собирались отправить чрезъ Олекминскій острогъ прямо въ Москву. Такой поступокъ былъ равносиленъ отдѣленію Албазина отъ Нерчинска. Албазинцы стали проявлять значительное своеволіе *).

Два брата Нарицыны записали своего племянника въ казаки и, пользуясь его именемъ, торговали безпошлинно и пахали пашню безъ десятиннаго хлѣба.

Албазинцы прибрали безъ указа еще 8 казаковъ и собирались отправить партію на рѣку Амгунь подъ начальствомъ Фролова безъ вѣдома нерчинскаго воеводы.

17-го іюля 1682 года въ Нерчинскъ вслѣдъ за Воейковымъ прибылъ Игнатій Милованов и привезъ эти неутѣшительныя вѣсти.

Въ Ахилесовой пятѣ русскихъ владѣній восточной Сибири, въ Нерчинскомъ воеводствѣ, произошелъ расколъ.

Албазинцы фактически отложились отъ Нерчинска.

Въ концѣ 1682 года Ѳедоръ Воейковъ и албазинцы пишутъ въ Москву жалобы другъ на друга.

Воевода писалъ: «Я купилъ для Нерчинска въ Албазинѣ 500 пудовъ хлѣба и послалъ за нимъ своего человѣка на дощаникѣ съ наемными рабочими. Купленный запасъ оставленъ былъ въ Албазинскомъ монастырѣ и на монастырской мельницѣ. Албазинцы взяли себѣ этотъ хлѣбъ, а человѣку моему Емельяну сказали: полно де боярину твоему въ Албазинѣ хлѣбъ покупать. Если-бъ товарищи вернулись съ Зеи, когда твой бояринъ былъ въ Албазинѣ, то ему и живу не бывать бы».

Албазинцы не присылали ясаку и даже тотъ ясакъ, который везъ Милованов изъ Зейскаго и Селимбинскаго острогов, они отобрали и оставили въ Албазинскомъ острогѣ. Они собирались послать самовольно экспедицію на рѣку Амгунь и тѣмъ осложняли отношенія съ Китаемъ.

Въ заключеніе Воейковъ доносилъ царю: «*Памяти*» моей албазинцы *не слушаютъ* ни въ какихъ государевыхъ дѣлахъ и *твоему указу чинятся не послушны* и живутъ самовольствомъ своимъ».

Албазинцы въ свою очередь послали товарищей съ челобитной въ Москву.

Въ Сибирскомъ приказѣ на допросѣ челобитчики—албазинцы показали:

*) Д. И, т. IX. стр. 214—215.

«Воевода Ѳедоръ Воейковъ и сынъ его Андрей, будучи въ Нерчинскомъ и Албазинскомъ острогахъ, казакамъ всякую тѣсноту чинили, и виномъ, и пивомъ торговали». Албазинцы выразили свою жалобу главнымъ образомъ въ томъ духѣ, что Ѳедоръ Воейкокъ не радѣлъ на Государя: крестьянамъ и промышленникамъ давалъ льготу и убавлялъ десятинную пашню. Долонскій острогъ приказалъ снять и тѣмъ уменьшилъ ясачный раіонъ. Морилъ голодомъ аманатовъ, способствуя отпаденію ясачныхъ отъ русскаго подданства и т. п. *)

Начало враждебныхъ дѣйствій съ Китаемъ.

Между тѣмъ, подготовивъ въ 1681—1682 г.г. войска и запасы въ сѣверной Маньчжуріи, китайцы въ 1682 году появляются на рѣкѣ Амурѣ.

Утвердившись между Зеею и Буреею, китайцы захватывали Зеѣ—Буреинскую равнину, самую плодородную и лучшую часть нынѣшней Амурской области. Какъ исходный опорный пунктъ операцій на Амурѣ, они построили въ 1682—1683 г.г. земляной городъ Айгунъ ниже устья рѣки Зеи въ одномъ днѣ пути на лѣвомъ берегу Амура.

Въ 1685 году онъ былъ перенесенъ на правый берегъ Амура **).

Айгунъ.

Айгунъ имѣлъ громадное стратегическое значеніе.

Построеніемъ крѣпости китайцы хотѣли поставить предѣлъ распространенію русскихъ владѣній на нижнемъ теченіи Амура.

Стѣны города были сложены изъ дерна высотою въ 1 сажень, снаружи и внутри облицованы были острожнымъ полисадомъ. Толщина стѣнъ между полисадомъ была въ 2 сажени; протяженіе стѣнъ кругомъ 600 саженъ. Снаружи около валовъ выкопали ровъ въ 1 сажень глубины; возлѣ рва устроили «чеснокъ». Въ двухъ воротахъ стояли по 2 пушки на станкахъ и колесахъ. Городъ занятъ былъ значительнымъ гарнизономъ (2000 человѣкъ съ 30 пушками). На берегу на каткахъ стояли суда... Вмѣстѣ съ войсками прибыли земледѣльцы (500 человѣкъ) для колонизаціи ***).

Въ то же время, начиная съ 1681 года, китайцы дѣятель-

*) Д. И. т. XII, стр. 2.
**) Миллеръ сж. соч. 1757 г., стр. 206.
***) Д. И. т. XI, стр. 80.

но вели развѣдку о русскихъ силахъ въ Нерчинскѣ и Албазинѣ *).

Скоро столкновенія съ китайцами на Амурѣ приняли открытый характеръ. Поводомъ къ этому послужили два обстоятельства.

Лѣтомъ 1682 года изъ Албазина на 6 дощаникахъ и на одномъ каюкѣ посланъ былъ Гаврила Фроловъ, съ 60 товарищами, собирать ясакъ на рѣки Быструю и Амгунь.

Китайцы считали всѣ рѣки восточнѣе Зеи находившимися въ сферѣ своего вліянія и потому прислали спросить Войлошникова, по какому праву онъ собираетъ ясакъ съ китайскихъ подданныхъ и разоряетъ ихъ?...

Къ этому присоединилось еще и другое недоразумѣніе. Албазинцы, выведенные изъ терпѣнія шпіонствомъ китайцевъ, заманили въ Монастырскую заимку 20 китайскихъ промышленниковъ (шпіоновъ) и сожгли ихъ въ банѣ, несмотря на то, что изъ Нерчинска шли памяти: «Китайцамъ задору не чинить».

Въ долинѣ Зеи въ 1682 году начались столкновенія съ Китаемъ. Китайцы сердились за построеніе Долонскаго зимовья. У нихъ въ томъ мѣстѣ былъ перевозъ и торговище. Въ 1682 году Долонское зимовье было покинуто казаками. Въ ноябрѣ 1682 года 800 китайцевъ явились для осмотра Албазина **).

Нападеніе китайцевъ на казачій отрядъ Григорія Мыльника.

17-го іюля 1683 года посланы были изъ Албазинскаго острога на Амгунь на смѣну Фролову 20 казаковъ и 46 промышленниковъ подъ начальствомъ Григорія Мыльника. Отправились они на 4 дощаникахъ и 2 каюкахъ. 10 августа изъ этого отряда вернулись 10 человѣкъ бѣглецовъ и сообщили, что до устья Зеи они проплыли благополучно. Но, спускаясь далѣе по Амуру, на 11 день пути отъ Албазина и въ $1^1/_2$ дняхъ отъ устья Зеи, встрѣтили 300 лодокъ (бусъ), на которыхъ было китайское войско съ пушками. Казаки, однако, не бросились вспять; они причалили только къ берегу. Китайцы окружили ихъ судами и стали на якоряхъ. На другой день два китайскихъ офицера пріѣхали за Григоріемъ Мыльникомъ и звали его для переговоровъ. Мыльникъ съ 10-ю казаками отправился къ китайцамъ и тамъ былъ задержанъ. На русскія суда были посланы русскіе измѣнники—переводчики, которые

*) Д. И. т. X, стр. 255.
**) Д. И. т. X, стр. 253. Д. И. т. IX. стр. 214. Д. И. т. X. стр. 204.

уговаривали казаковъ сдаться. Григорій Мыльникъ, попавши неожиданно въ плѣнъ, послалъ казака сказать оставшимся на судахъ 50 товарищамъ: «казаки, промышляйте, куда ближе, а я де Гришка задержанъ» *).

Часть казаковъ рѣшилась бѣжать и бросилась въ воду, а часть осталась на судахъ и сдалась. Плѣнныхъ увезли въ Китай. (Двое изъ нихъ привезли потомъ письмо богдыхана албазинскому приказчику).

23 человѣка убѣжали въ Селимбинскій острожекъ, а изъ него въ Удскій, отдѣливъ отъ себя 5 человѣкъ для сообщенія казакамъ, находившимся въ Зейскомъ острожкѣ, о надвигавшейся грозѣ. 10 человѣкъ изъ отряда Мыльника попали въ Албазинъ.

Прибѣжавшіе въ Албазинъ казаки разсказывали, что китайцы идутъ подъ Албазинъ на 567 бусахъ, да, кромѣ того, идетъ до 15 тысячъ конницы сухимъ путемъ подъ Албазинъ и подъ Нерчинскъ.

Албазинцы послали въ Нерчинскъ съ этою грозною вѣстью нарочнаго. Албазинскій приказчикъ Войлошниковъ доносилъ, что китайцы похваляются взять всѣ Даурскіе остроги, что проводниками китайцевъ были русскіе измѣнники, что китайцы заняли всѣ пути, ведущіе изъ Долонскаго, Зейскаго, Селимбинскаго зимовьевъ къ Албазину.

Селимбинскій приказчикъ Мокрошубовъ, отрѣзанный отъ Албазина, рѣшилъ черезъ Удскій острожекъ пробраться въ Якутскъ.

Развѣдки китайцевъ въ концѣ 1683 г.

Зянявши Амуръ съ устья до рѣки Зеи, до 1684 года китайцы не предпринимали рѣшительныхъ дѣйствій противъ Албазина, подготовляя базу для будущихъ операцій и производя развѣдки.

Развѣдчики посылались подъ видомъ посольства съ пустыми порученіями.

Въ 1633 году съ рѣки Нонни въ Нерчинскъ пріѣзжали два китайскихъ офицера съ 17 рядовыми. Они сообщили, что съ рѣки Нонни китайскій воевода Асканба велѣлъ прислать Нерчинскихъ казаковъ для переговоровъ. Въ сущности это были шпіоны. Воейковъ, воспользовавшись этимъ, послалъ съ ними казака Юрія Кожевникова съ тремя товарищами «*доподлинно узнать о воинскомъ приходѣ и рѣчи китайцевъ записать*» **).

*) Д. И. т. XI, стр. 80. Д. И. т. XI, стр. 17.
**) Д. И. т. X, стр. 27.

Въ томъ же году 15 ноября пришли два китайца и двѣ бабы въ Албазинъ и просили принять ихъ въ русское подданство. Въ простотѣ сердечной Албазинскій приказчикъ Иванъ Войлошниковъ принялъ ихъ.

26-го ноября 1683 года китайцы, пользуясь предлогомъ, прислали въ Албазинъ цѣлый развѣдочный отрядъ въ 1,000 человѣкъ при восьми офицерахъ. Китайцы пришли якобы за бѣглецами и требовали ихъ выдачи. Войлошниковъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ выдать китайцевъ «безъ указа Великихъ Государей», такъ какъ перебѣжчики были приведены къ шерти (въ подданство). При этомъ онъ остроумно замѣтилъ: «*Если Вы съ добрымъ дѣломъ, то ѣхать бы Вамъ въ Нерчинскій острогъ. А ему, Ивашкѣ, переговоры вести не указано*».

Произведя развѣдку, китайскій отрядъ пошелъ внизъ по Амуру. Вслѣдъ за нимъ Войлошниковъ выслалъ 11 казаковъ подъ начальствомъ Панкратьева, прослѣдить, куда ушли китайцы и не стоятъ ли гдѣ въ прикрытыхъ мѣстахъ. Войлошниковъ понялъ, что это были развѣдчики—шпіоны и донесъ въ Нерчинскъ, что «*пріѣзжали они не для бѣлыхъ мужиковъ, а для осмотра острогов и много ли въ немъ русскихъ*».

Посланіе китайскаго богдыхана у албазинскихъ казаковъ.

Подготовивъ такимъ образомъ все для открытія военныхъ дѣйствій въ 1684—1685 г., богдыханъ послалъ письма (листы) въ Москву съ русскими плѣнниками (по 3 человѣка съ каждымъ письмомъ) по четыремъ разныхъ дорогамъ: чрезъ Якутскъ, Тобольскъ, Селенгинскъ и Албазинъ. Въ этихъ посланіяхъ онъ предлагалъ очистить Амуръ и быть рубежу по Ленѣ и Енисею *).

Письма эти характерны въ томъ отношеніи, что въ нихъ сказываются взгляды богдыхана на Амурскую землю и на причины начавшейся войны. **)

Письмо, адресованное въ Албазинъ, пришло туда въ началѣ 1684 года съ двумя плѣнными казаками изъ отряда Мыльника ***).

Письмо было написано на трехъ языкахъ по-русски, по-монгольски и по-китайски.

Вотъ выдержки изъ письма въ Албазинъ: «Вы пришли на мою землю, моихъ ясачныхъ людей изгоняете, у промышленныхъ отнимаете соболей и запасы. Приняли Гантимура съ товарищами. И много лѣтъ на моемъ рубежѣ дѣлаете худо. Я,

*) Паршинъ, стр. 167.
**) Д. И. т. X, стр. 233.
***) Д. И. т. XI, стр. 81.

богдыханъ, послалъ на васъ большое войско... но убить и погубить васъ жалѣю. Бросьте дѣлать худое: идите назадъ. Вотъ мои люди къ вамъ сдались (Гантимуръ); я просилъ ихъ назадъ и Спафарію объ этомъ говорилъ. Но вы не понимаете этого и еще хуже стали воровать: моихъ подданныхъ ловите и жжете на огнѣ; такъ въ прошломъ году заманили вы моихъ людей въ избу и сожгли. Албазинскіе и нерчинскіе люди, бросьте злое, отдайте Гантимура и уходите сами. И мы будемъ жить въ любви и согласіи. Но если вы добра не понимаете и станете жить на моей землѣ, то ни небомъ, ни землею вы не управитесь. Убить васъ не жалѣю. А если итти вамъ далеко, придите ко мнѣ, и я васъ пожалую».

Приказчикъ Войлошниковъ прочиталъ это письмо торжественно на площади предъ всѣми казаками, снялъ съ него копію, а подлинное письмо съ тѣми же казаками, которые привезли его, отправилъ въ Нерчинскъ.

Албазинскіе казаки, прослушавъ листъ богдыхана, собравшись въ войсковой кругъ, говорили: «*Нечего тому прелестному письму вѣрить. Воленъ въ томъ Господь Богъ и Великіе Государи. А изъ Албазина де отъ казны Великихъ Государей имъ для того не бѣжать. А сколько де пороху будетъ и они де съ тѣмъ порохомъ готовы умереть за Великихъ Государей, а острогъ де они не покинутъ*». Албазинцы только о томъ тужили, что «*пороху, свинцу, оружія и пушекъ гораздо скудно*». Въ то время въ Албазинѣ было 120 казаковъ и 480 крестьянъ, разселенныхъ въ его округѣ *).

Привезшіе письмо плѣнные разсказывали, что богдыханъ собираетъ большое войско и готовится къ войнѣ. Бываютъ часто смотры и ученія. Они же сообщили, что Гришка Мыльникъ, попавши въ плѣнъ, не потерялся. Онъ рѣшилъ въ Китаѣ строить заводы и мыло варить. Таковы были эти энергичные русскіе люди, не терявшіеся ни при какихъ обстоятельствахъ.

Пребываніе въ плѣну казаками считалось измѣною, и они называли Гришку измѣнникомъ.

Сформированіе полка изъ сибирскихъ казаковъ для обороны Даурскихъ остроговъ.

О всемъ случившимся написалъ Воейковъ въ Москву, прибавляя, что весною китайцы хотятъ притти на Даурскіе остроги сухимъ путемъ и водою, а обороняться ему отъ такого большого войска некѣмъ: во всѣхъ Даурскихъ острогахъ всего 200 казаковъ.

*) Д. И. т. XI, стр. 80.

Но Московское правительство все это знало и готовилось встрѣтить грозу. Уже въ 1683 году приказано было *въ городахъ Тобольскаго разряда изъ литвы, конныхъ, пѣшихъ казаковъ и стрѣльцовъ составить полкъ въ 500 человѣкъ преимущественно изъ охочихъ* *).

Казакамъ выдавали по 50 рублей пособія и по ружью. Деньги и ружья высланы были изъ Москвы по зимнему пути.

Для доставки казаковъ въ Даурію изготовлялись въ Тобольскѣ дощаники. Постройка дощаниковъ была отнесена на Верхотурскіе таможенные доходы **).

Кромѣ этихъ 500 человѣкъ, приказано было прибрать въ въ Тобольскѣ 100 пѣшихъ казаковъ.

Всѣ они отправлялись въ Енисейскъ для обороны острогов Восточной Сибири.

Этимъ закончилась дѣятельность воеводы Ѳедора Воейкова по оборонѣ Нерчинскаго края.

Объединеніе власти надъ всѣми Даурскими острогами въ 1683 г.

Въ 1683 г. власть надъ всей Восточною Сибирью была объединена въ рукахъ енисейскаго воеводы.

А въ Енисейскъ въ 1683 году назначенъ былъ воеводою важный бояринъ князь Константинъ Щербатовъ съ большими полномочіями ***).

Въ царской грамотѣ говорилось объ этомъ такъ:

«Извѣщали насъ даурскіе служилые, что въ 1682 году китайскіе люди сухимъ путемъ и водою великимъ собраніемъ и огненнымъ боемъ хотятъ приходить въ Даурскіе остроги...

А оборонять ихъ тамъ за малолюдствомъ некѣмъ... Посланъ въ Енисейскъ въ 1683 году бояринъ князь Константинъ Щербатовъ...

И велѣно ему Селенгинскій и всѣ Байкальскіе и Даурскіе и иные, которые можно, оберегать...»

Далѣе говорится о сформированіи для него полка.

Назначеніе воеводами въ Нерчинскъ Ивана Власова, въ Албазинъ Алексѣя Толбузина.

Московское правительство, получая съ одной стороны вѣсти о приготовленіи Китая къ войнѣ, а съ другой о распрѣ

*) П. А. т. V, стр. 183.
**) Д. П. т. X, стр. 227.
***) П. А. т. V, стр. 183.

Воейкова съ албазинцами, рѣшилось замѣнить Федора Воейкова другимъ воеводою. Но принимая во вниманіе осложненіе тамошнихъ дѣлъ, оно отступило даже отъ общаго правила назначать въ Сибирскіе города воеводу изъ Москвы въ награду за службу... на кормленіе.

Въ данномъ случаѣ оно руководствовалось тѣмъ, что въ такое тревожное время нужно послать знающихъ край людей, и вотъ иркутскій (съ 1683 года селенгинскій) воевода Власовъ переводится въ Нерчинскъ, а въ Албазинъ для производства слѣдствія и на воеводство посылается изъ Тобольска тобольскій боярскій сынъ Алексѣй Толбузинъ, бывшій прежде приказчикомъ Нерчинскаго и Албазинскаго остроговъ *).

Въ іюнѣ 1684 года Иванъ Власовъ принялъ Нерчинскій острогъ, а Алексѣй Толбузинъ—Албазинскій **).

По обычаю того времени, оба они произвели сперва слѣдствіе о злоупотребленіяхъ Федора Воейкова. И затѣмъ спѣшно оба начинаютъ укрѣплять свои остроги. Имъ пришлось выдержать надвигавшуюся борьбу съ Китаемъ. Когда они прибыли на воеводство, враждебныя дѣйствія уже начались, но не имѣли еще рѣшительнаго характера.

Городъ Селенгинскъ и остроги Западнаго Забайкалья въ 1683 г.

Въ 1683 году къ Селенгинскому острогу были приписаны Иркутскій, Баргузинскій, Кучицкій, Верхнеангарскій и Баунтовскій (Телембинскій и Еравинскій) остроги ***).

Селенгинскій острогъ возвысился надъ всѣми своими старыми собратіями и какъ южный форпостъ скоро обратился въ городъ. Возвышеніемъ своимъ онъ обязанъ осложненію съ Китаемъ.

Построеніе Троицкаго-Селенгинскаго монастыря.

Въ 1681 году сибирскій митрополитъ Павелъ послалъ игумена Феодосія съ 11 старцами строить Троицкій Селенгинскій монастырь и обращать язычниковъ въ православіе.

Въ томъ же году старцы начали строить монастырь на рѣкѣ Селенгѣ въ 100 верстахъ отъ Селенгинска и въ 50 отъ Байкала ****).

*) Д. И. т. XII, стр. 2.
**) Д. И. т. XI, стр. 173.
***) Сибирскіе Городск. матеріалы для ихъ исторіи XVII и XVIII в., стр. 45. И. Н.
****) А. И. т. V, стр. 101. Д. И. т. VIII, стр. 314.

Игумену для прокормленія были даны пашни, покосы, лѣса и рыбныя ловли.

Рыбныя ловли были отведены у Посольскаго мыса.

Служба селенгинскихъ казаковъ въ 1683 г., по словамъ современниковъ. Проектъ Власова объ увеличеніи селенгинскихъ казаковъ до 500.

Въ 1682 году на Селенгинскъ, Верхнеудинскъ и на заимки начали нападать монгольскіе и табунутскіе (бурятскіе) тайши. Они убивали и грабили русскихъ, отгоняя лошадей и рогатый скотъ. Это мѣшало дѣлу колонизаціи. Населеніе состояло почти исключительно изъ казаковъ *).

Ясакъ платили только мелкіе роды, а селенгинскіе и хоринскіе буряты ясаку не платили.

«Подъ угрозою монгольскихъ тайшей, они чинили смуты и задоры великіе».

Напрасно малочисленные селенгинскіе казаки (130 человѣкъ и 6 посадскихъ) старались ихъ привести въ ясакъ. Инородцы то появлялись въ русскихъ предѣлахъ, то уходили къ монголамъ и нерѣдко нападали на заимки.

Въ связи съ этимъ, а также въ связи съ объединеніемъ власти надъ Даурскими острогами въ рукахъ енисейскаго воеводы, поднимается значеніе Селенгинска, какъ южнаго форпоста, въ ущербъ Иркутскому острогу.

Ясачныхъ во всѣхъ шести острогахъ было 75 человѣкъ, платившихъ 122 соболя. Окладъ ясака былъ различный отъ 4 до 6 соболей. Большинство платили по 1 соболю.

Ясачные Западнаго Забайкалья были слѣдующихъ семи родовъ: Тумадинскаго, Камчагирскаго, Сяскиргизскаго, Ангуцкаго, Окукокирскаго, Поинскапскаго, Сартолыгулющева. Послѣдніе два рода были самыми большими (17 и 35 человѣкъ).

Между тѣмъ въ 1682 году ясаку и десятинной казны за селенгинскою печатью получилось въ 10 разъ болѣе.

74 сорока и 3 соболя, 70 сороковъ и 34 пунка собольихъ и 23 лисицы.

Вслѣдствіе чего нужно предположить, что въ 1683 году, благодаря агитаціи китайцевъ, большинство инородцевъ отложилось отъ Россіи.

Все это заставило селенгинскаго воеводу Ивана Власова (впослѣдствіи Нерчинскаго) (въ 1682—1683 годахъ) представить проектъ объ увеличеніи штата селенгинскихъ казаковъ.

Въ 1682 г. селенгинскихъ казаковъ было 125. Изъ нихъ въ Селенгинскѣ 85, въ Удинскомъ острогѣ на годовой службѣ

*) Д. И. т. VIII, стр. 333.

20, по заимкамъ для охраны ясачныхъ 20, пороху было 10 пуд., свинцу 5 пуд *).

Власовъ просилъ довести штатъ до 500 человѣкъ и прислать 500 ружей, 20 затинныхъ пищалей, 100 пудовъ пороху, 100 пудовъ свинцу.

«Въ такомъ случаѣ, предполагалъ онъ: «ясачные жили бы безъ сомнѣнія и выходцы мунгальскихъ, табунутскихъ людей (бурятъ) были бы многіе».

Штатъ однако не былъ увеличенъ, а положеніе дѣлъ осложнилось.

Въ 1683 году селенгинскихъ казаковъ было 130. Они раздѣлялись на 13 десятковъ. Во главѣ всѣхъ казаковъ стоялъ пятидесятникъ Ѳедоръ Кряжъ.

Было еще два пушкаря.

Пятидесятники и десятники получали по 5 руб. 50 коп. въ годъ, а казаки и пушкари по 5 руб.

Кромѣ казаковъ, въ Селенгинскѣ было 6 посадскихъ (купцовъ). Они платили по 30—60 коп. оброку въ годъ **).

Сравнительное значеніе Селенгинскаго и Удинскаго остроговъ въ 1684 г.

Въ 1684 году Царскою грамотою изъ Сибирскаго приказа было предписано енисейскому воеводѣ князю Константину Щербатову развѣдать доподлинно: «Не лучше ли перевесть служилыхъ людей и приказнаго человѣка изъ Селенгинска въ Удинскъ? А въ Селенгинскѣ, какъ и въ другіе острожки, посылать «годовальщиковъ» на годовую службу?

И если такъ будетъ лучше, то перевесть служилыхъ въ Удинскъ, а въ Селенгинскъ изъ Удинска посылать годовальщиковъ столько, сколько нужно, по усмотрѣнію енисейскаго воеводы».

Эти вопросы были предложены енисейскимъ воеводою въ приказной избѣ казакамъ, возвратившимся изъ Забайкалья.

Енисейскій казачій голова Андрей Строгановъ и сынъ боярскій Василій Перфильевъ сказали:

«Пристойно де казакамъ служить въ обоихъ—и въ Селенгинскомъ и Удинскомъ постольку человѣкъ, поскольку Великій Государь укажетъ.

Въ Удинскомъ казаковъ нужно потому, что тамъ за государевою казною и другими дѣлами бываетъ большой проѣздъ въ Даурскіе остроги и обратно. Ѣздятъ чрезъ Удинскъ много

*) Д. И. т. VIII, стр. 333.

**) Н. Н. Сибирскіе города. Матеріалы для ихъ исторій XVII—XVIII в., Селенгинскъ стр. 45.

торговыхъ и промышленныхъ людей и въ Удинскомъ острогѣ собираются пошлины.

Удинскій острогъ стоитъ въ большой крѣпости, межъ Селенгою и Удою, въ боровомъ лѣсномъ мѣстѣ. Возлѣ Селенги къ Удинскому острогу подошли узкія степи. Пашенные крестьяне и ясачные поселены отъ Удинскаго въ ближнихъ мѣстахъ. И за нимъ отъ приходу воинскихъ людей и нынѣ и впредь жить и деревнями строиться будетъ безстрашно.

Селенгинскій же острогъ стоитъ на степи, по край Мунгальской земли. Въ немъ служилымъ людямъ быть пристойно для страсти мунгальскимъ людямъ и для всякихъ вѣстей и степныхъ карауловъ и распространенья въ даль государскихъ земель.

А Удинскому острогу отъ Селенгинскаго оберегательство малое: 1) удалены другъ отъ друга, и 2) внизъ по Селенгѣ отъ Удинскаго до Байкала мѣста лѣсныя и крѣпкія. Поэтому въ Удинскомъ острогѣ необходимо быть прибавочнымъ людямъ сверхъ селенгинскихъ казаковъ.

А если изъ Селенгинска сколько-нибудь человѣкъ переселить въ Удинскъ, отъ того бы въ мунгальскихъ людяхъ какой шатости и отъ нихъ Селенгинску какого-нибудь дурна и разоренія не учинилось бы».

Енисейскій воевода не удовлетворяется этими разспросными рѣчами. Прежде чѣмъ отдать окончательныя распоряженія, онъ старается ихъ провѣрить. И вопросы, поставленные на очередь, онъ предлагалъ проѣзжавшимъ изъ Дауріи торговымъ людямъ.

Торговцы на эти вопросы отвѣтили уклончиво:

«Ничего де они не вѣдаютъ, такъ какъ были въ Удинскѣ и Селенгинскѣ проѣздомъ».

Съ ними же допрошенный литовскаго списку казакъ Адамъ Мисюркіевъ сказалъ:

«Служилымъ людямъ пристойно жить и въ Удинскомъ и въ Селенгинскомъ, потому что пріѣзжаютъ въ Селенгинскъ изъ мунгальской земли для всякихъ договоровъ посланцы, а въ Удинскъ не пріѣзжаютъ.

Изъ Селенгинскаго острога въ Удинскъ казаковъ перевесть не доведется и потому еще, что объ этомъ услышатъ мунгальскіе люди. А отъ того въ мунгальской землѣ какой шатости не было бы.

И не только переводить казаковъ изъ Селенгинска въ Удинскъ, но они для страху мунгальскимъ людямъ поставили бы въ мунгальской степи еще вновь остроги. Только де надобно служилыхъ къ прежнимъ казакамъ въ прибавку.

А проѣздъ мимо Удинска въ Нерчинскъ и изъ Нерчин-

ска въ Иркутскій и Верхоленскій остроги по вся годы бываетъ не малый. Мѣсто на пути, а отъ Селенгинска удалено. Изъ Селенгинска же въ Нерчинскъ и обратно никто не ѣздилъ.

А пошлины въ Селенгинскомъ, Удинскомъ и Ильинской слободѣ собираются ежегодно и впредь собираться будутъ».

Десятникъ Любимъ Ѳедоровъ, казаки Максимовъ и Матвѣевъ на тѣ же вопросы отвѣтили:

«Если прикажетъ Государь переселиться изъ Селенгинска въ Удинскъ, будетъ, конечно, такъ, какъ Великій Государь укажетъ. Но, по ихъ мнѣнію, изъ Селенгинска въ Удинскъ казаковъ переводить не доведется. Услышатъ мунгальскіе люди о переселеніи казаковъ изъ Селенгинска въ Удинскъ, и отъ того бы въ мунгальской землѣ какой шатости не было.

И они служилые не только селенгинскихъ казаковъ не перевели бы въ Удинскъ, но поставили бы еще вновь остроги для страху мунгальскимъ людямъ, въ мунгальской степи по рѣкамъ Оркону и Чикою...

Только де надобно къ прежнимъ служилымъ въ Селенгинскъ, въ Удинскъ и Ильинскую слободу послать въ прибавку казаковъ, чтобъ въ Селенгинскѣ, въ Удинскѣ и Ильинской слободѣ было 500 человѣкъ служилыхъ людей и за тѣми служилыми въ Селенгинскомъ, въ Удинскомъ, въ слободахъ и въ деревняхъ, и ясачныхъ юртахъ жить будетъ отъ монголовъ безстрашно».

Енисейскій пятидесятникъ Аѳанасій Кореневъ съ товарищами показалъ то же, что Андрей Строгановъ (до словъ: и деревнями строиться будетъ безстрашно) и прибавилъ:

«А въ Селенгинскій посылать будетъ пристойно человѣкъ по 30—40 для степныхъ карауловъ и обереганія отъ приходу мунгальскихъ людей.

А отъ Селенгинскаго острогу Удинскому за дальностью разстоянія никакого оберегательства и помощи нѣтъ, потому что Селенгинскъ стоитъ въ степи и отъ Удинскаго удалѣлъ. А внизъ по Селенгѣ отъ Удинска до Байкала мѣста лѣсныя и крѣпкія.

Служилымъ людямъ переселиться изъ Селенгинска въ Удинскъ и дворовое и хоромное строеніе сплавить можно будетъ весною по Селенгѣ въ большую воду. И въ то же время отъ воинскихъ людей переселиться имъ будетъ безстрашно, потому что весною мунгальскіе люди изъ подъ Селенгинскаго острогу откочевываютъ вверхъ по Селенгѣ и по Чикою въ дальнія мѣста. И лошади де и всякая животина у иноземцевъ въ то время бываютъ отъ безкормицы худы» *).

*) Имп. А. И. Списки Енис. Арх. ч. III л. 491.

Опасное положеніе Селенгинскаго и Тункинскаго острогов въ 1684—1685 г. Построеніе новаго Селенгинскаго города.

Китайскій богдыханъ, породнившійся съ монгольскими ханами, привязывавшій ихъ къ себѣ подарками, тайно агитировалъ противъ русскихъ.

Въ 1684 году въ Селенгинскѣ было извѣстно, что богдыханъ призывалъ къ себѣ на помощь монголовъ, чтобы совмѣстно съ ними выгнать изъ Забайкалья русскихъ. Монгольскіе ханы и тайши были призваны въ Пекинъ «для совѣту». Богдыханъ не пришелъ къ соглашенію съ ними, но событія все-таки принимали для русскихъ угрожающій характеръ *).

Главными врагами селенгинскихъ казаковъ были могущественные монгольскіе Очирой-Саинъ-Ханъ и братъ его Батуръ Контайша.

Съ 1678 года они держали Селенгинскъ подъ постоянною угрозою нападенія **).

Въ 1684 году пріѣзжалъ въ Селенгинскъ отъ Очироя посланецъ. Онъ заявилъ право Очироя на всѣхъ русскихъ ясачныхъ бурятъ: верхоленскихъ, балаганскихъ, иркутскихъ и селенгинскихъ. Онъ дерзко требовалъ, чтобъ всѣхъ этихъ ясачныхъ отдали хану.

«Если же вы», говорилъ посланецъ: «братскихъ людей не отдадите, то ни жить вамъ на нашей землѣ и острогу вашему не стоять».

При этомъ онъ сообщилъ, что китайцы идутъ на Нерчинскіе остроги, и что Очирой-Саинъ-Ханъ и богдыханъ дѣйствуютъ заодно ***).

Въ то же время монголы нападали на Иркутскій острогъ, а въ особенности на Тункинскій острогъ ****).

Въ Тункинскомъ острогѣ безпрестанно отгоняли лошадей и скотъ.

Тревожныя извѣстія, благодаря родственности монгольскаго и бурятскаго языковъ, распространялись въ глубь Забайкалья до Баргузинскаго острога. Приказчикъ Баргузинскаго острога, пятидесятникъ Оедоровъ доносилъ въ январѣ 1684 года, что баргузинскіе буряты хотятъ итти въ Монголію и для этого перекочевали съ Ольхона на Большую Бугульденху.

150 юртъ баргузинскихъ бурятъ пришлось перевесть обратно на Ольхонъ *****).

---

*) Д. И. т. XI, стр. 71.
**) Д. И. т. VIII. стр. 95.
***) Д. И. т. X, стр. 227.
****) Д. И. т. XI, стр. 231.
*****) Д. И. т. XI, стр. 71.

Обращеніе Селенгинскаго острога въ городъ въ 1684 г.

Между тѣмъ грозныя вѣсти о наступленіи китайцевъ по тремъ направленіямъ на Албазинъ, Нерчинскъ и Селенгинскъ безпрестанно повторялись. Селенгинскій приказчикъ Иванъ Поршенниковъ писалъ: «*Страшитъ насъ Богдойская сила, потому что въ Селенгинскѣ конечное малолюдство, порохомъ и оружіемъ скудно*» *).

Въ отвѣтъ на это въ 1684 году было приказано ему построить около стараго Селенгинскаго острога *новый рубленный городъ, «съ верхними боями со всякою городовою крѣпостью»* **).

Въ 1685 году открылись и враждебныя дѣйствія нападеніемъ 10 тысячъ монголовъ на Тункинскій острогъ. Въ острогѣ было только 34 казака, но они мужественно отсидѣлись ***).

Положеніе Селенгинскаго острога было не изъ завидныхъ.

Такъ какъ хлѣба на мѣстѣ не производилось, то изъ Селенгинска ежегодно посылались 40 человѣкъ въ Иркутскъ за хлѣбомъ; 16 казаковъ отвозили хлѣбъ Иркутской присылки для нерчинскихъ казаковъ; 20 казаковъ находились на городовой службѣ въ Удинскѣ, а для защиты Селенгинска оставалось 50—60 человѣкъ ****).

Построеніе Селенгинскаго города.

Съ 22 марта по 26 мая 1686 года Иванъ Поршенниковъ спѣшно построилъ около стараго Селенгинскаго острога деревянный рубленный городъ.

Городъ былъ построенъ квадратный, каждая стѣна по $2^1/_2$ сажени высотою и по 30 саженъ длиною.

По угламъ города возведены были башни по 3—4 сажени въ сторонѣ. Башни были съ двойными бойницами, однѣ на высотѣ 4-хъ саженъ, другія на высотѣ 5 саженъ; высота всей башни доходила до 9 саженъ. *****).

Между башнями въ серединѣ стѣны были ворота; надъ воротами часовня.

Планъ города Иванъ Поршенниковъ послалъ Енисейскому воеводѣ князю Константину Щербатову.

Въ это тревожное время приростъ населенія новымъ людомъ прекратился совсѣмъ.

*) Д. И. т. X, стр. 252.
**) Д. И. т. X, стр. 313.
***) Д. И. т. X, стр. 257.
****) Д. И. т. X, стр. 227.
*****) Д. И. т. X. стр. 315.

Нерчинскій воевода Иванъ Власовъ и его дѣятельность по защитѣ Албазинскаго острога.

Нерчинскимъ воеводствомъ съ 1684 по 1689 г. управлялъ воевода Иванъ Власовъ.

Нерчинское воеводство въ 1685 году состояло изъ 5 острогов: Нерчинскаго, Телембинскаго, Иргенскаго, Аргунскаго и Итанцинскаго. Вооруженныя силы Нерчинскаго воеводства въ 1685 году представлялись въ слѣдующемъ видѣ: во главѣ казаковъ стоялъ московскій дворянинъ князь Павелъ Петровичъ Гантимуровъ. Помощниками его были по ратному дѣлу боярскіе дѣти: Григорій Лопшаковъ, Игнатій Миловановъ, Баженъ Никитинъ и Иванъ Поповъ.

Въ острогѣ числилось по штату 200 конныхъ казаковъ, раздѣленныхъ на 20 десятковъ. Въ каждомъ десяткѣ во главѣ стоялъ десятникъ *).

Кромѣ того, былъ одинъ бронный мастеръ (оружейный мастеръ-кузнецъ), 3 толмача и палачъ.

Всѣхъ служилыхъ вмѣстѣ съ княземъ было 208 человѣкъ. Князь Павелъ Гантимуровъ получалъ жалованья въ годъ 30 руб., боярскіе дѣти по 10 руб., конные казаки по 7 руб. 26 коп. Всѣ вмѣстѣ они получали 1,542 руб. въ годъ.

Въ это время уже твердо установился штатъ нерчинскихъ казаковъ въ 200 человѣкъ. Всѣ казаки, по ходатайству Воейкова, были конные.

Въ теченіе года убылыя мѣста заполнялись новоприборными казаками. Верстались въ службу преимущественно родственники казаковъ. За недостаткомъ казачьихъ дѣтей сторонніе (напр., ссыльный конюхъ Федька Пилковъ).

Въ такомъ положеніи силы Нерчинскаго воеводства находились до Нерчинскаго договора.

Хотя и присылались войска изъ Западной Сибири, но они шли, главнымъ образомъ, на укомплектованіе гарнизона Албазина. Высланные въ 1684 году изъ Тобольска въ Даурію, набранные изъ стрѣльцовъ, пѣшихъ, конныхъ казаковъ и новокрещенныхъ и литовцевъ новоприборные конные казаки шли изъ Енисейска, подъ начальствомъ Бейтона: тобольскихъ 250, верхотурскихъ 130, тюменскихъ 90, туринскихъ 30 да пѣшихъ тобольскихъ 100. Всего 600 **).

Выбраннымъ давали на подъемъ по 10 рублей да по ружью, высланному изъ Москвы.

Необходимость пополнять ряды казаковъ въ Нерчинскѣ вызвала ссылку туда служилыхъ за проступки. Такъ, въ 1684

*) Н. Н. Сибирскіе город. матер. для ихъ исторіи. Нерчинскъ, стр. 1—7.
**) Д. И. т. V, стр. 186; Др. Рос. В. ч. VIII, стр. 384.

году былъ сосланъ изъ Якутска Юрій Крыжановскій, а въ 1686 году Тоб. д. б. Иванъ и Петръ Арсеньевы. *Какъ общее правило, было принято старшихъ разрядовъ служилыхъ разжаловать за проступки и посылать казаками въ Даурію* *).

Въ Нерчинскомъ уѣздѣ неслужилаго люда (промышленниковъ и крестьянъ) было 94 человѣка. Изъ нихъ было 23 крестьянина, а остальные промышленники и гулящіе.

Къ 1-му іюня 1685 года во всѣхъ 5 острогахъ находилось 302 человѣка: 208 казаковъ, 71 промышленниковъ и 23 крестьянина.

Начавшееся при Ѳедорѣ Воейковѣ хлѣбопашество не получило дальнѣйшаго развитія. Имъ занимались только 23 крестьянина, поселенные въ 3 деревняхъ по Шилкѣ. Производимаго ими хлѣба едва хватало на собственное ихъ пропитаніе. Они сѣяли не болѣе полдесятины каждый **).

Весь хлѣбъ для 302 человѣкъ Нерчинскаго воеводства сплавлялся изъ Иркутска по Селенгѣ въ Верхнеудинскъ, откуда привозился до Плодбища (Читы) сухимъ путемъ, а съ Плодбища въ Нерчинскъ по Ингодѣ на плотахъ, которые дѣлались на Плодбищѣ (въ Читѣ).

Все, что было потребно для жизни и для обороны, нужно было привезти, исключая желѣза, которое выплавлялось въ Телембинскомъ острогѣ. Въ 1685 году Нерчинскій воевода писалъ: «для постройки Албазина, для косъ и для серповъ желѣза въ Нерчинскѣ нѣтъ, о высылкѣ желѣза писалъ я Телембинскому приказчику» ***)...

Всѣ потребности служилыхъ Нерчинскаго воеводства, начиная съ хлѣба и кончая товарами въ періодъ 1685—1689 года, удовлетворялись частью казенными присылками, а частью доставкою частныхъ купцовъ. Только соль съ 1686 года Нерчинскіе казаки стали добывать изъ Борзинскаго озера ****).

Путь изъ Иркутска по Байкалу и Селенгѣ до Верхнеудинска былъ въ полномъ ходу... «*и проѣздъ купцовъ изъ Иркутска черезъ Удинскъ въ Нерчинскъ и обратно былъ ежегодно немалый*». Ѣздятъ черезъ Удинскъ много торговыхъ людей и въ Удинскомъ острогѣ собираются пошлины... Чита (подъ именемъ Плодбища) и Удинскъ (Верхнеудинскъ) были передаточными станціями, а Иркутскій уѣздъ—житницею *****).

Въ 1685 году иркутскій сынъ боярскій Иванъ Перфильевъ закупилъ въ Иркутскомъ уѣздѣ 16.122 пуд. ржи даурскимъ ратнымъ людямъ на жалованье. Для перевозки хлѣба

*) А. И. т. V, стр. 232.
**) Д. И. т. XI, стр. 71.
***) Д. И. т. X, стр. 253.
****) Библіотека Ак. Наукъ. Списки съ Нерчин. Архива, стр. 63.
*****) Д. И. т. XI, стр. 117.

въ Забайкалье имѣлось въ Иркутскомъ острогѣ 395 холщевыхъ мѣшковъ и 108 бочекъ *).

23 іюня 1685 года прибыли въ Нерчинскъ 27 человѣкъ изъ полка Бейтона, шедшаго въ Даурію. Вмѣстѣ съ ними въ Нерчинскомъ воеводствѣ насчитывалось 331 человѣкъ русскихъ **).

А между тѣмъ враждебныя дѣйствія уже начались [1]).

Нападеніе китайцевъ на Албазинъ. Защита. Переговоры. Переселеніе въ Нерчинскъ.

10-го іюня 1685 года 10 тысячъ китайцевъ осадили Албазинъ. 20-го іюня Власовъ получилъ объ этомъ донесеніе. Пришлось на поддержку выдѣлить 100 человѣкъ. Въ Нерчинскомъ воеводствѣ осталось 231 человѣкъ. Изъ нихъ 118 было разбросано по острогамъ, а собственно въ Нерчинскѣ осталось 113 человѣкъ всѣхъ званій.

Правда ожидалось скорое прибытіе Бейтона.

Между тѣмъ военныя дѣйствія въ Албазинѣ открылись. 4-го іюня 1685 года китайцы угнали изъ подъ Албазина казачій табунъ, «*а въ погоню послать было некого, да и не на комъ*»...

10-го іюня подъ Албазиномъ появилось китайское войско на судахъ и сухимъ путемъ, всего около 10 тысячъ человѣкъ, съ 200 пушками: (150 полевыхъ и 50 осадныхъ) ***).

Пѣхота пришла на 100 судахъ по 40 по 50 человѣкъ въ каждомъ (около 5 тысячъ). Она была вооружена луками и саблями. Съ ружьями были только 100 человѣкъ. Эти ружья были отобраны у казаковъ въ Зейскомъ, Селембинскомъ и Удскомъ острогахъ.

Конница (1000 человѣкъ) пришла берегомъ и тоже была вооружена луками.

Въ рядахъ китайскаго войска были маньчжуры, дауры, дучеры, тунгусы и монголы. Рать эта собиралась въ теченіе 3-хъ лѣтъ съ 1682 года ****).

Отрядъ былъ сформированъ въ Цицикарѣ на рѣкѣ Нон-

---

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ Изъ Аргунскаго острога приказчикъ Василій Миловановъ доносилъ 14 іюня 1685 года: «На рѣкѣ Нонни китайцы собираютъ отрядъ въ 8.900 человѣкъ. Отрядъ выступаетъ въ походъ, а куда неизвѣстно».

А еще въ 1681 году китайцы провели дорогу съ рѣки Нонни къ Аргунскому острогу. Естественно было предполагать, что этотъ отрядъ идетъ на Нерчинскъ.

Однако, несмотря на всѣ зловѣщіе признаки, Нерчинскъ отдѣлался только страхомъ. Главныя событія разыгрались въ Албазинѣ *****).

---

*) Иркут. мат. для ист. гор. XVII и XVIII в., стр. 2 и 4.

**) Библ. Акад. Наукъ. Списки Нерчинск. архива, стр. 39—62.

***) Д. И. т. XII, стр. 110—112

****) Д. И. т. XII, стр. 112.

*****) Паршинъ, стр. 169, Д. И. т. XII, стр. 107.

ни. Опорнымъ пунктомъ для китайцевъ на Амурѣ былъ Айгунъ.

11-го іюня начальникъ китайскаго отряда послалъ въ Албазинъ грамоту на русскомъ, латинскомъ и маньчжурскомъ языкахъ съ предложеніемъ сдаться *).

Воевода не отвѣчалъ.

Къ этому времени русскіе жители на Амурѣ сбѣжались въ Албазинъ. Крестьяне побросали пашни и жилища и обратились въ воиновъ. Всѣхъ людей собралось 450 человѣкъ; изъ нихъ вооруженныхъ 200; оружія: 3 пушки и 300 мушкетовъ и 3 ядра. Этотъ гарнизонъ заперся въ острожкѣ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми **).

12 іюня началась двухнедѣльная осада. Въ первые же дни русскіе потеряли больше 100 человѣкъ.

Башни и острогъ были разбиты пушками, а ракетами (огненными стрѣлами), выпускаемыми изъ станка, были зажжены церковь, колокольня, лавки и хлѣбные амбары.

Казаки бились съ китайцами, не щадя головъ своихъ, пока былъ порохъ и свинецъ. Наконецъ, запасы истощились.

26 іюня священникъ и жители просили воеводу Толбузина начать переговоры о сдачѣ съ тѣмъ, однако, чтобы всѣ люди были отпущены въ Нерчинскъ, чтобы въ плѣнъ никого не брали и съ женами и дѣтьми не разлучали.

Начались переговоры. И маньчжуры согласились отпустить казаковъ, «а животишки у всѣхъ пограбили безъ остатку: ни хлѣбнаго запасу, ни рогатаго скота, ни лошадей—ничего не дали».

Казакамъ было предложено перейти на службу богдыхана. 25 человѣкъ приняли предложеніе, а остальные, *«памятуя православную христіанскую вѣру и Великаго Государя милость и свое обѣщаніе и крестное цѣлованіе на ихъ прелесть не сдались: къ китайскому богдыхану служить не пошли»*. Они, съ воеводою Толбузинымъ, отправились по Амуру въ Нерчинскъ. Ихъ было 300 слишкомъ человѣкъ.

На другой день пути Толбузинъ встрѣтилъ запоздалое подкрѣпленіе пятидесятника Анцифера Кондратьева со 100 казаками, шедшими изъ Нерчинска на 11 стругахъ. Они везли 5 пушекъ, 300 мушкетовъ, 8 пуд. пороху, $7^1/_2$ п. свинцу, 230 ядеръ и 43 бердыша. Въ этомъ отрядѣ были два пушкаря, 17 солдатъ и стрѣльцовъ изъ полка Бейтона.

Вмѣстѣ съ Толбузинымъ Кондратьевъ вернулся въ Нерчинскъ.

На пути съ рѣки Урки Толбузинъ отпустилъ нѣсколько

*) Еж. соч. 1757 г., стр. 211.
**) Д. И. т. XII, стр. 110.

человѣкъ на рѣку Лену, «чтобы одною дорогою идучи, голодною смертью не помереть. Албазинцы шли наги, босы и голодны. Питались травою и кореньями» *).

Плѣнные, 25 человѣкъ, передавшіеся китайцамъ, увлекли съ собою священника Максима Леонтьева, который основалъ въ Пекинѣ первую русскую церковь.

Русскіе второй разъ потеряли рѣку Амуръ.

10-го іюля Алексѣй Толбузинъ съ албазинцами явился въ Нерчинскъ.

Изъ числа албазинскихъ казаковъ пришли въ Нерчинскъ 111, да въ Нерчинскѣ къ нимъ присоединились 12 казаковъ, ходившихъ съ Гавриломъ Фроловымъ на рѣку Амгунь и чрезъ Иркутскъ возвращавшихся въ Албазинъ **).

Албазинскіе казаки съ 1682 по 1685 г. никакого жалованья отъ казны не получали. Всѣ ихъ потребности удовлетворялись купцами. Даже порохомъ и свинцомъ снабжали казаковъ торговцы: въ 1684 году албазинскіе торговцы купили на свои деньги 7 пуд. пороху и 5 пуд. свинцу и подарили ихъ Алексѣю Толбузину. Промышленники были всегдашними товарищами казаковъ по колонизаціи Сибири: они восполняли несовершенства системы правительственной доставки ***).

Полкъ Бейтона изъ сибирскихъ казаковъ.

Между тѣмъ прибылъ въ Нерчинскъ полкъ Бейтона.

Казаки Бейтона были сплавлены изъ Тобольска до Енисейска на дощаникахъ подъ начальствомъ тобольскихъ боярскихъ дѣтей, которыхъ казаки не слушали, бунтовали и неистовствовали и даже связали ихъ и хотѣли побросать въ воду ****).

Когда Енисейскій воевода князь Константинъ Щербатовъ началъ производить слѣдствіе объ этомъ, то казаки отказались выдать зачинщиковъ и даже угрожали самому воеводѣ «съ великимъ невѣжествомъ». Князь Щербатовъ приказалъ запереть отъ нихъ городъ «и сидѣлъ въ осадѣ многое время» *****).

Въ Енисейскѣ принялъ ихъ Бейтонъ.

Изъ Енисейска Бейтонъ выступилъ съ 576 казаками, 10 пушками и 220 ядрами (желѣзными) и 100 пуд. пороху ******).

Бейтону пришлось преодолѣть неимовѣрныя трудности, чтобы довести эту ватагу до Забайкалья. Они и его не слу-

*) Д. И. т. XII, стр. 110.
**) Паршинъ, стр. 166.
***) Д. И. т. IX. стр. 173.
****) И. А. т. V, стр. 133. Д. И. т. X, стр. 227—296.
*****) Д. И. т. XII, стр. 13.
******) Зап. Имп. Геогр. Общ. Сиб. отд. кн. IV—1858 г.

шались. Они самовольно отправились въ даурскіе остроги, хвалились, что дорогою будутъ грабить воеводъ и купцовъ. И дѣйствительно ограбили возвращавшагося изъ Нерчинска воеводу Ѳедора Воейкова. Дорогою они принимали самовольно въ отрядъ бѣглыхъ людей.

Въ Удинскѣ селенгинскіе буряты отогнали казачьихъ лошадей. Бейтонъ съ отрядомъ вернулся въ Селенгинскъ и направился въ Монголію. У Гусинаго озера онъ нагналъ грабителей, отобралъ своихъ лошадей, а бурятъ прогналъ въ Монголію.

Благодаря всему этому, онъ прибылъ въ Нерчинскъ тогда, когда албазинцы вернулись послѣ сдачи города въ Нерчинскъ.

Попытка возвратить Албазинъ.

Въ Нерчинскомъ воеводствѣ собралось, вмѣстѣ съ албазинцами и полкомъ Бейтона, 689 казаковъ, да ожидалось къ прибытію еще 126 казаковъ Бейтона. Всего въ распоряженіи Власова имѣлось 815 казаковъ. Къ этому можно было прибавить еще 155 албазинскихъ крестьянъ, готовыхъ постоять за свои пепелища. Итого 970 человѣкъ *).

Это и была активная сила, которую Власовъ могъ противопоставить 10-тысячному китайскому отряду въ Албазинѣ и вообще имѣлъ для обороны Албазинскаго и Нерчинскаго остроговъ.

Не думая долго, Власовъ рѣшился возвратить Албазинъ.

Развѣдка Телицина.

Чрезъ пять дней послѣ прибытія Толбузина, 15-го іюля онъ посылаетъ пятидесятника Телицына съ 70-ю развѣдчиками на 5 стругахъ внизъ по Шилкѣ до устья Аргуни и далѣе до встрѣчи съ китайцами.

7-го августа Телицынъ вернулся. Онъ спустился до Албазинскаго острога, но нигдѣ не встрѣтилъ китайцевъ. Албазинъ и всѣ заимки были сожжены, а на поляхъ хлѣбъ остался цѣлъ. Китайцы, оставивъ 500 человѣкъ при 4 пушкахъ въ Айгунѣ, ушли на рѣку Нонни.

Посылка Бейтона и Толбузина въ Албазинъ.

У Власова зарождается мысль воспользоваться засѣяннымъ албазинскимъ хлѣбомъ (1.050 десятинъ).

*) Д. И. т. XII, стр. 107—112.

Для обережи хлѣба немедленно командируется Бейтонъ на легкихъ стругахъ съ 198 казаками, пушкою, 20 ядрами, 10 пуд. свинцу и столькими же пудами пороху.

А затѣмъ въ разныхъ числахъ августа 1685 года отправляются подъ общимъ начальствомъ Толбузина казаки и албазинскіе крестьяне. Всего ушли на Амуръ съ Бейтономъ и Толбузинымъ, которому вручено главное начальство, 671 человѣкъ (516 казаковъ и 155 крестьянъ).

Жизнь въ Нерчинскѣ послѣ отбытія Албазинцевъ.

Въ Нерчинскѣ остались 173 казака (140 конныхъ старыхъ и 33 новоприборныхъ), да ожидались къ прибытію 126 новоприборныхъ, т. е. всего 299 казаковъ. Посадскихъ и крестьянъ было 94 человѣка.

Несмотря на угрозы китайцевъ, жизнь Нерчинскаго воеводства до 1686 года шла своимъ чередомъ.

Воевода Власовъ объѣзжалъ остроги, оставляя за себя въ Нерчинскѣ одного изъ служилыхъ, чинилъ судъ, бралъ пошлины съ каждаго рубля по 10 коп., да 10 коп. пересуду. Такъ называемаго «праваго десятка» взимали 22 копѣйки *).

Судныя дѣла записывались въ особую записную книгу, а пошлины за судъ—въ приходную.

Собирали десятинный хлѣбъ съ тѣхъ 23-хъ крестьянъ, которые поселились еще при Воейковѣ **).

Земледѣльческая колонизація Нерчинскаго края подвигалась чрезвычайно туго.

Число нерчинскихъ крестьянъ съ 1683 по 1700 г. не увеличивалось, въ 1683 году было 23, а въ 1700 году—24. Хлѣба они сѣяли въ 1683 году 11 десятинъ, а въ 1700 году, кромѣ собственнаго продовольствія, они пахали 11½ десятинъ десятинной пашни.

Казаки ѣздили въ ясачныя волости за сборомъ ясаку. А главная ихъ обязанность была *«оберегать городъ отъ непріятельскаго нападенія»*.

За выѣздомъ воеводы изъ острога его замѣщалъ временно одинъ изъ пятидесятниковъ или боярскихъ дѣтей ***).

*) Д. И. т. V, стр. 306. Д. И. т. XI, стр. 74.
**) Спб. Гор. Нерч. мат. для ихъ ист. XVII и XVIII. Н. Н., стр. 10.
***) Д. И. т. V, стр. 316.

Благодаря войнѣ съ Китаемъ, притока новыхъ людей не было, и жизнь до 1690 года впередъ не подвигалась.

Возобновленіе Албазина и геройская его защита.

Прибывъ 27 августа 1685 года на мѣсто, албазинцы сначала сняли хлѣбъ съ полей, а потомъ 25 сентября начали строить городъ *).

Къ половинѣ октября валъ былъ возведенъ на $1^1/_2$ сажени. Ранняя зима остановила работы; закончили ихъ весною.

Городъ обнесенъ былъ землянымъ валомъ толщиною въ основаніи 4 сажени, вышиною въ 3 сажени. Валъ скрѣпили кореньями и дерномъ. Внутри острога построили домъ для воеводы, а для себя 10 избъ внѣ острога.

Весною посѣяли хлѣбъ. Все пошло постарому; только неожиданныя появленія маньчжурскихъ партій тревожили албазинцевъ.

Толбузинъ высылалъ разъѣзды, чтобы поймать «языка». Но попытки были неудачны.

Развѣдка Бейтона.

7 марта 1686 года Толбузинъ послалъ Бейтона съ 300 казаками на мѣсто бывшаго Камарскаго острога для наблюденія и поимки «языковъ» **).

17-го марта 1686 года показался небольшой отрядъ (въ 40 человѣкъ) китайцевъ, присланныхъ для развѣдки изъ Цицикара. Но они, увидѣвъ русскихъ, тотчасъ скрылись. Бейтонъ бросился за ними въ погоню. Началась упорная перестрѣлка. Въ результатѣ ея оказались убитыми 30 маньчжуръ и 7 русскихъ, Бейтонъ добылъ одного языка (плѣннаго). Отъ него узнали, что Цицикарскій цзянь-цзюнь готовится въ походъ на Албазинъ весною будущаго 1687 года; а конница китайская будетъ безпокоить русскихъ, нападая на пашни. Городъ Айгунъ китайцы оставили, а построили новый городъ на правомъ берегу Амура ниже устья Зеи. Въ новомъ городѣ находился гарнизонъ въ 2,000 человѣкъ съ 10-ю пушками. Кромѣ того, китайцы намѣревались построить новую крѣпость на рѣкѣ Нонни-Ула ***).

Возвращаясь назадъ, Бейтонъ забралъ съ заимокъ Андрюшкиной и Озерной крестьянъ съ ихъ запасами, а деревни сжегъ.

*) Ежем. соч., стр. 216.
**) Д. И. т. X, стр. 254—67.
***) З. С. И. Р. Г. О. кн. IV—1858 г., стр. 108.

Осада Албазина.

Въ іюлѣ 1686 года Албазинскій острогъ былъ осажденъ 10 тысячнымъ отрядомъ китайцевъ и началась 19-ти мѣсячная оборона Албазина.

Къ 26-му іюля 1686 года силы и средства Нерчинскаго и Албазинскаго воеводствъ представлялись въ слѣдующемъ видѣ *).

	Всѣхъ людей м. п. казаковъ, промышленниковъ и крестьянъ.	Пушекъ.	Пороху.	Свинцу.	Ядеръ и гранатъ.
Нерчинскъ (во всѣхъ острогахъ)	394	7	66 п.	77 п.	(неизвѣстно)
Албазинъ . . .	826	11	112 п.	60 п.	175 шт.
Всего .	1,220	18	178 п.	137 п.	—

Толбузинъ приказалъ сжечь дома, стоявшіе внѣ крѣпости. Обыватели перешли въ городъ и выкопали тамъ землянки. Въ городѣ собралось 736 человѣкъ **).

Маньчжуры начали вести правильную осаду, прикрываясь стѣною изъ срубленныхъ деревьевъ.

Русскіе уничтожили ее: частью ядрами, частью взорвали. Китайцы окружили тогда городъ валомъ и поставили на немъ пушки. (Валъ этотъ виденъ и теперь).

1-го сентября 1686 года китайцы пошли на приступъ. *Казаки сдѣлали пять вылазокъ, и штурмъ былъ отбитъ.* Но осада продолжалась. У осажденныхъ началась цынга.

Толбузинъ въ концѣ сентября 1686 года былъ убитъ пушечнымъ ядромъ. Начальство перешло къ Бейтону.

Положеніе осажденныхъ становилось тяжелымъ. Однако они ни за что не хотѣли сдаться.

Китайцы отчаявались взять городъ силою и пустились на хитрости. Они привязывали къ стрѣламъ, пускаемымъ въ городъ, записки, въ которыхъ уговаривали албазинцевъ сдаться.

Албазинцы не отвѣчали.

*) Д. И. т. X, стр. 260.
**) Миллеръ Е. С., стр. 221.

Приближалась волшебница—зима, выручившая русскихъ. Непривыкшіе къ холоду китайцы мерзли, какъ мухи, и прекратили наступательныя дѣйствія.

Съ ноября 1686 года по май 1687 года маньчжуры держали Албазинъ только въ осадѣ.

Назначеніе посольства Головина.

Пока горсть казаковъ героически отстаивала Албазинъ, въ Москвѣ надумали кончить Амурскія дѣла дипломатическимъ путемъ. Москва поняла, что нельзя прочно владѣть Амуромъ безъ опредѣленія границъ съ сопредѣльнымъ Китаемъ.

Для веденія переговоровъ въ 1685 году назначенъ былъ окольничій Ѳедоръ Головинъ. 11-го декабря 1685 года въ Пекинъ послали нарочнаго съ извѣщеніемъ о назначеніи посольства.

Богдыханъ, получивъ извѣщеніе о посольствѣ, приказалъ своимъ войскамъ отступить отъ Албазина. Вотъ причина остановки военныхъ дѣйствій, о чемъ не знали осажденные.

Положеніе Албазинцевъ зимою 1686—1687 г.

Враждебныя дѣйствія фактически пріостановились въ ноябрѣ 1686 года, когда китайскіе воеводы получили листъ отъ богдыхана о прекращеніи войны, но въ зимнюю пору отступить отъ города было нельзя, такъ какъ китайскія суда стояли замерзшими въ рѣкѣ.

Въ декабрѣ 1686 года осада въ тѣсномъ смыслѣ была прекращена, продолжалась только легкая блокада.

Китайцы пропускали въ Албазинъ хлѣбные запасы. Въ Албазинѣ осталось 150 человѣкъ. Всѣ они были больны цынгою. Караулы могли держать не болѣе 30 казаковъ и 15 малолѣтковъ *).

Въ апрѣлѣ 1687 года русскіе едва держались. Израненый и больной Бейтонъ на костыляхъ выходилъ командовать. Хлѣбные запасы давно истощились. Осажденные питались сосною да кореньями; отъ скудной пищи и жизни въ сырыхъ землянкахъ цынга усиливалась и уносила новыя жертвы. Острогъ былъ заваленъ трупами, некому было ихъ зарывать. Но тяжелые дни близились къ концу.

*) Оглоблинъ ч. III, стр. 316.

Прекращеніе военныхъ дѣйствій.

6-го мая 1687 года китайцы, отступивъ отъ города версты на четыре, прекратили совсѣмъ враждебныя дѣйствія. Узнавъ о свирѣпствовавшей въ Албазинѣ цынгѣ, китайцы предложили Бейтону своихъ лѣкарей и припасы, но Бейтонъ отвѣчалъ, что не нуждается въ ихъ помощи. Въ доказательство избытка, припасовъ онъ послалъ маньчжурскому полководцу пирогъ вѣсомъ въ пудъ. У Бейтона оставалось всего только 66 человѣкъ; остальные всѣ были или убиты, или умерли отъ цынги [1]).

Осажденные получили свободный пропускъ изъ города и въ городъ. Они могли теперь добывать припасы и посылать нарочныхъ въ Нерчинскъ.

Перемиріе 30 августа 1687 г.

29-го августа 1687 года китайскіе воеводы послали Бейтону 10 человѣкъ съ предложеніемъ назначить людей для переговоровъ о перемиріи и прислать ихъ въ китайскій лагерь. Китайцы увѣдомляли, что между Пекиномъ и Москвою велись переговоры о мирѣ, и что богдыханъ приказалъ имъ отступить отъ Албазина. Бейтонъ назначилъ для заключенія перемирія пятидесятниковъ Василія Смиренникова и Анцыфера Кондратьева *).

Начальникъ китайскаго осаднаго отряда говорилъ посланнымъ Бейтона, что русскіе могутъ теперь ходить свободно на соболиный и рыбный промыслы—китайцы не будутъ имъ въ этомъ препятствовать, но въ свою очередь просилъ, чтобъ казаки не нападали на китайцевъ.

Заключивъ перемиріе 30-го августа 1687 года, китайцы совсѣмъ покинули Албазинъ и ушли въ Маньчжурію на рѣку Нонни. Послѣ этого русскіе стали жить по-прежнему въ деревняхъ по Амуру.

Снаряженіе посольства Головина и сопровождавшее его войско.

Между тѣмъ изъ Москвы и Пекина снаряжались и ѣхали посольства. Головинъ выѣхалъ изъ Москвы 20-го января 1686

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. По свидѣтельству Оглоблина (ч. III, стр. 316) въ числѣ защитниковъ Албазина въ послѣдній періодъ было «15 ребятъ албазинскихъ жителей». Это подтверждается и резолюціей Головина: выдать 51 албазинцу по 5 рублей за службу, т. е. деньги выдавали только казакамъ, а 15 дѣтей крестьянъ не получили жалованья **).

*) Соловьевъ т. XIV, 1880 г., стр. 65—72.
**) Паршинъ, стр. 206.

года. Его сопровождалъ стрѣлецкій пятисотенный полкъ полковника Скрипицына. Дорогою предполагали сформировать еще 2 полка изъ сибирскихъ казаковъ. Сдѣланы были соотвѣтствующія распоряженія. Набирались казаки изъ стрѣлецкихъ и казачьихъ дѣтей, преимущественно «охочіе» т. е. по желанію [1]).

Въ рукахъ посла были объединены власть надъ всѣми острогами Енисейскаго разряда и Даурскими. Въ товарищи къ нему былъ назначенъ Нерчинскій воевода Иванъ Власовъ.

Съ московскими стрѣльцами и тобольскими казачьими полками Головинъ выступилъ изъ Тобольска на 23 дощаникахъ. Остальные 2 казачьихъ полка отправились въ Енисейскъ. Для пріема и доставки казаковъ въ Енисейскъ были заранѣе посланы въ сибирскіе города дѣти боярскіе. Изъ Енисейска всѣ полки должны были слѣдовать до Нерчинска, а въ случаѣ надобности и до Албазина *).

1-го августа 1687 года Головинъ прибылъ въ Иркутскъ, 27-го августа въ Верхнеудинскъ, гдѣ получивъ извѣстіе, что китайцы отступили отъ Албазина [2]), Головинъ вернулся въ Селенгинскъ и 19 ноября 1687 года послалъ въ Пекинъ увѣдомленіе о своемъ прибытіи, прося назначить мѣсто съѣзда пословъ.

Зиму 1687—1688 годовъ посолъ ожидалъ отвѣта богдыхана въ Селенгинскѣ. Сопровождавшее его войско было разставлено въ деревняхъ по рѣкѣ Селенгѣ. Въ Селенгинскѣ при себѣ посолъ имѣлъ только одну роту стрѣльцовъ **).

Китайцы подговариваютъ монголовъ нападать на русскіе остроги.

Между тѣмъ китайцы, прекративъ явно враждебныя дѣйствія на Амурѣ, чтобы обезсилить русскихъ къ моменту пере-

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Царскою грамотою предписывалось набрать: изъ Тобольска 500 человѣкъ, Тюмени—100, Томска—100, Нарыма—30, Енисейска—100, Илимска—170 чел. И въ добавку изъ Братскаго, Иркутскаго, Илимскаго и Енисейска—400 чел. Итого 1.400 человѣкъ ***).

Кромѣ того, московскихъ стрѣльцовъ 500 человѣкъ. Всего 1,900 человѣкъ ****).

Здѣсь приводятся эти цифры, чтобы наглядно показать, изъ какихъ элементовъ составлялось Забайкальское войско. 1.400 казаковъ Головина остались въ Забайкальѣ казаками, отчасти служилыми, отчасти отставными. И только московскіе стрѣльцы вернулись съ Головинымъ. Такова была рать у Головина для защиты русскихъ интересовъ отъ китайцевъ...

[2]) ПРИМѢЧАНІЕ. Головинъ съ войсками провелъ зиму 1686—1687 г. г. въ Рыбенскомъ острогѣ въ землянкахъ; 18 февраля 1687 года онъ узналъ о томъ, что китайцы пріостановили осаду и пропускаютъ казаковъ съ припасами изъ Нерчинска. 9-го іюня онъ отправился въ Забайкалье и въ Братскомъ острогѣ узналъ, что 6-го мая китайцы покинули Албазинъ, а 27-го августа въ Удинскѣ получилъ донесеніе Власова *****).

*) Сѣв. арх. стр 230.
**) Паршинъ, стр. 173.
***) Спб. лѣт. Сѣв. арх. 1826 г. № 2, стр. 230.
****) Устряловъ, Ист. П. В., стр. 244.
*****) Публ. библ. рук. отд. IV, стр. 204.

говоровъ, съ весны 1687 года тайно возбуждали монголовъ нападать на Нерчинскій и Селенгинскій остроги.

Обстоятельства однако не способствовали исполненію замысла: 1) зима 1687—1688 г. была очень снѣжная и скотъ у монголовъ погибъ; *) 2) въ это время началась война между монголами (Очирой-Саинъ-ханъ и Ургинскій хутухта) и калмыками (Галданъ-бошохту).

Монголамъ было не до русскихъ.

Тѣмъ не менѣе китайцы подбивали монголовъ нападать на русскихъ. Каждые 100 монголовъ должны были выдѣлить для похода 20 воиновъ. По условію монголы выступали съ луками и копьями, сами себя продовольствуя. Для этого былъ сдѣланъ сборъ со всѣхъ монголовъ по 1 барану съ человѣка и кромѣ того собрали верблюдовъ и скотъ съ такимъ расчетомъ, чтобы на каждаго монгола, выступившаго въ походъ, приходилось по 15 овецъ, по скотинѣ и верблюду.

Такая система снабженія сковывала воиновъ и дѣлала неосуществимыми предполагавшіяся операціи.

Неудачная попытка нападенія на Селенгинскъ.

Въ мартѣ 1688 года предполагалось нападеніе монголовъ на Нерчинскъ и Селенгинскъ. Китайцы обѣщали поддержать монголовъ отрядомъ съ артиллеріею.

Замыселъ окончился неудачно.

7-го декабря 1687 года главный монгольскій владѣлецъ Очирой-Саинъ-ханъ, кочевавшій въ верховьяхъ Селенги, соединившись съ другими монгольскими тайшами, пошелъ на Селенгинскъ съ цѣлью возвратить себѣ подъ власть бурятъ.

Монголы осадили Селенгинскъ и распространились до Верхнеудинска. Сообщеніе было прервано. Но когда разнесся слухъ о нападеніи на Селенгинскъ, расквартированные по деревнямъ стрѣльцы и казаки двинулись на помощь осажденному городу.

Въ двухъ верстахъ отъ Верхнеудинска казаки сразились съ соединенными силами монголовъ и разбили ихъ на голову.

Во время осады въ Селенгинскѣ была одна рота стрѣльцовъ (98 человѣкъ), 137 селенгинскихъ казаковъ, 49 мѣщанъ и купцовъ, 10 подъячихъ, всего 294 человѣка. Они не только отражали нападеніе, но даже дѣлали вылазки. Въ концѣ осады горсть русскихъ храбрецовъ сдѣлала вылазку и вступила въ рѣшительное сраженіе въ долинѣ, недалеко отъ Селенгинска. Предводительствовалъ отрядомъ бывшій гетманъ малороссійскій Демьянъ Многогрѣшный, находившійся въ ссылкѣ въ

*) Паршинъ, стр. 174—175.

Селенгинскѣ въ казачьей службѣ. Монголы были разбиты. По множеству убитыхъ, долина, гдѣ было сраженіе, названа «Падью убіенныхъ» *).

Разгромъ и подданство Селенгинскихъ бурятъ.

Въ сентябрѣ 1688 года посолъ узналъ въ Удинскѣ, что съ 11-го по 23-е іюня 1688 года китайцы снова появились подъ Албазиномъ и потолочили у казаковъ весь хлѣбъ.

Головинъ, боясь за тылъ, 4-го сентября 1688 года рѣшился разбить табунутовъ и вернулся къ Хилку, перейдя который разбилъ табунутскаго тайшу Серенъ-Секулая. Остальные 30 шуленогъ съ 1200 юртъ обязались платить ясакъ и поселены между Селенгинскомъ и Удинскомъ и имъ сдѣлана перепись.

Затѣмъ посолъ Головинъ, имѣвшій у себя двухтысячный отрядъ, разбилъ монголовъ въ трехъ сраженіяхъ подъ Селенгинскомъ, Верхнеудинскомъ и Ильинскою заимкою...

Неудачная попытка монгольскаго хана Очироя отбила охоту у его сородичей, кочевавшихъ между Керулюномъ и Онономъ (около Ононъ-Борзи) напасть на Нерчинскъ.

Подданство бурятъ хоринскихъ Россіи.

Напротивъ, поощренный успѣхомъ, Головинъ приказалъ нерчинскимъ казакамъ совмѣстно съ ясачными братскими и тунгусами 9-го мая 1688 года напасть на монголовъ—табунутовъ (нынѣшнихъ хоринскихъ и агинскихъ бурятъ). Самъ Головинъ предполагалъ пойти на табунутовъ изъ Селенгинска. Но походъ этотъ не осуществился: въ мартѣ 1688 года табунуты (буряты) заключили съ Головинымъ договоръ о вѣчномъ подданствѣ Россіи съ платежомъ ясаку *).

Калмыцко-монгольская война и подданство Монголіи Китаю.

Въ то же время (1688 г.) произошло подчиненіе Монголіи Китаю.

Событія эти имѣли общую связь.

Калмыцкій Галданъ контайша (Бошохту) напалъ на Очирой-Саинъ-хана и другихъ монгольскихъ тайшей. Очирой, его братъ Ургинскій духовный владѣлецъ (гыгенъ) Кутухта и другіе тайши, прежде независимые, въ поискахъ защиты отъ калмыковъ, отдались въ подданство Китаю.

*) Рук. отд. Акад. Наук., списк. Нерч. арх. № 29, стр. 8.
**) Соловьевъ, стр. 128—129.

Очирой-Санъ-ханъ получилъ новый титулъ—Тушету-хана (т. е. подвластный, вассальный).

Монголы оказались такимъ образомъ данниками Китая.

Закрѣпленіе за Россіею бурятъ.

Напротивъ монголы-табунуты (нынѣшніе буряты), подданство которыхъ Россіи было только номинальнымъ, не желая подчиниться Китаю, остались кочевать въ предѣлахъ Нерчинскаго и Селенгинскаго воеводствъ. Это ихъ и заставило подписать договоръ съ Головинымъ о подданствѣ Россіи. Не остались, конечно, безъ вліянія и военные успѣхи Головина.

Не только буряты, но даже шесть тайшей Очирой-Санъ-хана, не желая подчиниться Китаю, заключили въ январѣ 1688 года договоръ съ Головинымъ о вѣчномъ подданствѣ Россіи. Они хотѣли поселиться около Селенгинска и платить ясакъ скотомъ *).

Даже внукъ Очироя и братъ Кутухты вступили въ подданство Россіи съ 600 душами мужескаго пола.

Впослѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ вернулись въ Монголію, но все же часть осталась за Россіею.

Калмыцко-монгольская война отвлекла силы Очироя-Сана-хана отъ Забайкалья и не позволила осуществиться мысли богдыхана, дѣйствуя совмѣстно съ монголами, выгнать русскихъ изъ Дауріи.

Попытка Очироя напасть на Селенгинскъ осталась единственною. Ему было не до нападеній—приходилось самому обороняться отъ Галдана. Эта же война ускорила подчиненіе бурятъ Россіи.

Но въ тоже время былъ поставленъ предѣлъ распространенію русскаго вліянія къ югу...

Послѣ подчиненія Тушету-хана (Очироя) Китаю, русскимъ пришлось имѣть дѣло на югѣ не съ отдѣльными монгольскими тайшами, а съ могущественнымъ Китаемъ.

Но за то Китай, получившій такой подарокъ, какъ Монголія, не затрогивалъ вопроса о бурятахъ, и буряты остались навсегда русскими подданными.

Монголы подчинились Китаю послѣ того, какъ китайскіе послы выѣхали для переговоровъ въ Нерчинскъ. Поэтому послы не признавали еще монголовъ китайскими подданными. Это и было причиною, что по Нерчинскому договору русско-монгольская граница отъ Аргуни до Байкала не была опредѣлена.

Между тѣмъ Головинъ получилъ увѣдомленіе о томъ, что

*) Словцовъ, стр. 128—129.

китайское посольство назначено, и что пунктомъ переговоровъ избранъ Селенгинскъ. Китайскіе послы выѣхали изъ Пекина въ Селенгинскъ въ началѣ 1688 года. Но скорому ихъ прибытію въ Селенгинскъ помѣшала вышеупомянутая война между монголами и калмыками. Китайскіе послы увѣдомили Головина о томъ, что они получили изъ Пекина приказаніе возвратиться назадъ, если калмыки продолжаютъ войну.

Весь 1688 годъ и половина 1689 года прошли въ переговорахъ о мѣстѣ встрѣчи пословъ, и на этотъ разъ мѣстомъ переговоровъ былъ назначенъ Нерчинскъ *).

Положеніе Албазинцевъ въ эпоху Нерчинскаго договора.

Албазинцамъ пришлось хватить много горя и лишеній—и голоду, и холоду—въ теченіе двухъ лѣтъ съ августа 1687 по августъ 1689 года, пока велись дипломатическіе переговоры; въ Нерчинскъ они попали только черезъ три года—въ августѣ 1690 года **).

Съ осени 1687 года албазинцы стали выходить на промыслы и заводить хозяйство. Но у нихъ не было ни зерна, ни лошадей, ни скота. При такихъ условіяхъ единственнымъ средствомъ пропитанія оставалась охота. И только охотою жили казаки.

Вскорѣ они получили офиціальное извѣщеніе отъ Головина о начавшихся мирныхъ переговорахъ и первое подкрѣпленіе запасами изъ Нерчинска.

12-го октября 1687 года проѣхалъ чрезъ Нерчинскъ стрѣлецъ Нѣмкинъ, посланный Головинымъ въ Албазинъ. Онъ первый привезъ въ Албазинъ радостную вѣсть о мирѣ. Съ нимъ же пріѣхали 20 нерчинскихъ казаковъ, привезшихъ 23 пуда пороху, 20 пудовъ свинцу и 40 гранатъ, и (что всего важнѣе было для умиравшихъ отъ истощенія албазинцевъ) пригнали 15 скотинъ для продовольствія ***).

Послѣднее нападеніе китайцевъ на албазинцевъ.

Весною 1688 года албазинцы посѣяли хлѣбъ. Зерно для посѣва привезли изъ Нерчинска. Но казакамъ не пришлось воспользоваться посѣвомъ. Лѣтомъ 1688 года, чтобы не дать снова утвердиться русскимъ на рѣкѣ Амурѣ, китайцы приплы-

*) Словцовъ, т. IV, стр. 65.
**) Паршинъ, стр. 97.
***) Паршинъ, стр. 176.

ли на лодкахъ съ рѣки Нонни и неожиданно появились подъ Албазиномъ.

Въ теченіе 13 дней съ 11-го по 24-е іюля 1688 года они разорили всѣ поля, сожгли и вытоптали до 2 тысячъ пудовъ хлѣба и затѣмъ снова ушли въ Маньчжурію *).

Переговоры переговорами, а казакамъ все-таки приходилось держать ухо остро.

Подкрѣпленіе Албазинцевъ припасами и людьми.

Осенью 1688 года Бейтонъ очень опасался быть отрѣзаннымъ отъ Нерчинска—единственнаго источника, откуда хотя и съ трудомъ, но все же можно было достать припасы **).

Входя въ тяжелое ихъ положеніе, лѣтомъ 1688 года Головинъ предписалъ Нерчинскому воеводѣ послать 60 казаковъ въ Албазинъ съ 600 пудами хлѣба и рогатымъ скотомъ ***).

На лодкахъ, по послѣднему водному пути, Нерчинскій воевода успѣлъ доставить въ Албазинъ только 100 пудовъ муки и 50 скотинъ собранныхъ съ инородцевъ взамѣнъ ясака. Остальной хлѣбъ 500 пуд. за малолюдствомъ и за послѣднимъ путемъ не былъ посланъ. «Албазинцы, разоренные нечестивыми до основанія, терпѣли голодъ».

Получивъ объ этомъ донесеніе, Головинъ предписалъ Власову зимою 1688 года безъ замедленія послать въ Албазинъ 100 скотинъ рогатаго скота и хлѣбныхъ запасовъ столько, сколько можно было набрать въ Нерчинскѣ или въ Читинскомъ острогѣ («Плодбищѣ») ****).

Въ это время албазинцы, числомъ вмѣстѣ съ прибывшимъ подкрѣпленіемъ до 140, разселились по заимкамъ отъ устья Аргуни до Албазина, питаясь преимущественно тѣмъ, что давала охота.

Въ октябрѣ 1688 года Бейтонъ такъ описывалъ свое положеніе:

«*Въ Албазинѣ житье тяжелое. Помираемъ голодною смертью. Всѣ просятъ хлѣба и просятся въ Нерчинскъ. А держать невѣдомо какъ. Кормить нечѣмъ. И я уже отпустилъ 10 человѣкъ. 100 пудовъ хлѣба, что были присланы, розданы и съѣдены. А зима вотъ надъ головою...*

Съ нужи и бѣдности пропадаю. Вотъ уже 6-я недѣля лежу на одрѣ... Не дайте томною и голодною смертью умереть» *****).

*) А. И. т. V, стр. 296.
**) Паршинъ, стр. 186.
***) А. И. т. V, стр. 296.
****) А. И. т. V, стр. 298.
*****) А. И. т. V, стр. 298.

Въ январѣ 1689 года албазинцамъ снова выслали 54 скотины.

Тѣмъ не менѣе зимой 1688—1689 года въ Албазинѣ было «зѣло скудно и прокормиться было нечѣмъ». Почти всѣ албазинцы просились въ Нерчинскъ. Самъ Бейтонъ ходилъ на костыляхъ больной цынгою. Терпя во всемъ недостатокъ, онъ отпускалъ нѣкоторыхъ казаковъ до весны въ Нерчинскъ съ тѣмъ, чтобы они по водополью возвратились въ Албазинъ *).

Такъ провели албазинцы зиму 1688—1689 года. Весною они посѣяли хлѣбъ и по опыту прошлаго года дрожали за него.

Ложныя тревоги.

Въ маѣ 1689 года Бейтонъ послалъ казака отвести письмо Головина въ Цицикаръ. Тогда Цицикаръ представлялъ изъ себя деревянный городокъ съ землянымъ валомъ, насыпаннымъ между двумя деревянными стѣнами. Поверхъ стѣнъ были устроены бойницы. Городокъ служилъ складомъ оружія и хлѣба и въ немъ же находился генералъ, осаждавшій Албазинъ. Жителей въ городѣ не было,—жили только караульные. Изъ Цицикара же снабжался всѣми запасами Айгунъ **).

Китайскія войска, осаждавшія Албазинъ, не были распущены; они были расквартированы по рѣкѣ Нонни.

Посланные Бейтономъ казаки видѣли, что китайцы готовили суда. Напуганному Бейтону показалось, что они собираются подъ Албазинъ, чтобы не дать казакамъ снять хлѣбъ съ полей ***).

Въ дѣйствительности же китайцы собирались идти подъ Нерчинскъ для мирныхъ переговоровъ.

Тяжелая пора для албазинцевъ миновала. Теперь ужъ они могли спокойно сѣять хлѣбъ, спокойно заниматься промыслами и имѣли свободное сообщеніе съ Нерчинскомъ.

Въ лицѣ Головина они имѣли большого «печальника», заботившагося о нихъ съ отеческимъ участіемъ.

Однако трудно было ему питать осадныхъ сидѣльцевъ въ Албазинѣ, въ особенности хлѣбомъ.

Инородческое населеніе нерчинскихъ остроговъ.

Въ Нерчинскомъ краѣ населеніе было почти все инородческое.

*) Паршинъ, стр. 168.
**) Паршинъ, стр. 180.
***) Паршинъ. стр. 180.

Въ 1689 году на 400 человѣкъ русскаго населенія Нерчинскаго воеводства приходилось 788 ясачныхъ тунгусовъ (изъ нихъ 29 подростковъ).

Тунгусы были приписаны къ тремъ острогамъ: Нерчинскому, Телембинскому и Еравинскому. Для учета ясака въ каждомъ острогѣ велись книги. Записывались ясачные по родамъ. Нормальный окладъ ясака былъ три соболя съ мужской души. Какъ исключеніе, нѣкоторые платали по два и по пяти соболей. Нерчинскіе тунгусы раздѣлялись на 12 родовъ: Баягирскій, Жанжуровъ, Уляцкій Дулигарскій, Колтагирскій, Почегорскій, Луникарскій Баликагирскій, Намясинскій, Кучилицкій, Шунинскій, Ижевцевъ (?)

Кромѣ того, были еще инородцы разныхъ родовъ «выѣзжіе изъ Китая». Чѣмъ мотивировались различные оклады (отъ 2 до 5 соболей) неизвѣстно. По всей вѣроятности, большею или меньшею возможностью добыть соболей. Малолѣтки платили по 2 соболя.

Въ 1689 году собиралось въ Нерчинскомъ уѣздѣ 2,688 соболей *).

Соболь цѣнился по 1 рублю 50 коп. (10—15 руб. на современный счетъ).

Но необходимость питанія албазинцевъ заставила Головина вмѣсто соболей брать скотъ, такъ какъ хлѣба ближе Иркутска достать было негдѣ.

Селенгинскій уѣздъ былъ населенъ не лучше Нерчинскаго.

Въ началѣ 1688 года въ Селенгинскѣ считалось жителей 137 селенгинскихъ казаковъ, 49 торговыхъ и посадскихъ, да прибывшихъ съ Головинымъ 98 стрѣльцовъ и 10 подъячихъ Всего 290 человѣкъ **).

Численность уѣзднаго населенія въ это время тоже стояла на точкѣ замерзанія и число дворовъ, по всей вѣроятности, исчислялось нѣсколькими десятками отдѣльныхъ заимокъ, принадлежавшихъ преимущественно отставнымъ казакамъ и ихъ родственникамъ ***).

Заключеніе Нерчинскаго договора. Твердость Головина. Заслуга Гантимура.

9-го августа 1689 года добрался Головинъ до Нерчинска. Китайскіе послы прибыли ранѣе его. Посольство отъ Пекинскаго двора составляли: Амбань-Гонготу-Торги; князь 1-й сте-

*) Нерчинскъ Спб. гор. м. для ихъ ист. XVII—XVIII, И. И., стр. 1—6.
**) Спис. съ Нерч. арх. № 29, стр. 8.
***) Д. И. т. VIII, стр. 333.

пени Тонъ-Чуегканъ; дядя императора Чинъ-Гудзай-Эдженъ; вице-президентъ министерства иностранныхъ дѣлъ Вейте-Люси; начальники войскъ: Лантань и Лантарги и др. Они пріѣхали въ Нерчинскъ 21-го іюля.

Головину пришлось столкнуться съ непріятнымъ положеніемъ: до 10 тысячъ китайскихъ войскъ было сосредоточено подъ Нерчинскомъ, *«чтобы подкрѣпить свои домогательства оружіемъ»*, по мѣткому выраженію богдыхана.

Войска албазинскаго осаднаго корпуса, квартировавшаго на рѣкѣ Нонни, оставивъ въ Айгунѣ 400—500 человѣкъ, пришли сюда частью водою на 76 судахъ съ пушками, частью сушею чрезъ Аргунскій острогъ. Съ сухопутнымъ отрядомъ пригнали до 800 лошадей для немедленнаго сформированія конницы.

У Головина было только три полка: одинъ стрѣлецкій и два казачьихъ, да нерчинскіе казаки, всего не болѣе 2,000 человѣкъ *).

Подъ угрозою въ пять разъ сильнѣйшаго противника пришлось составлять Головину Нерчинскій договоръ.

Переговоры начались 12-го августа. Былъ разбитъ шатеръ въ полѣ въ 200 саженяхъотъ Нерчинска, между китайскими судами и городомъ.

По 250 человѣкъ китайцевъ и русскихъ, вооруженныхъ только саблями, назначены были къ посольскому шатру. 500 человѣкъ русскихъ были выстроены предъ Нерчинскомъ, 500 китайцевъ у судовъ на берегу Нерчи. Въ одно время съ китайскими послами подъѣхалъ Головинъ къ шатру, одновременно съ ними вошелъ въ шатеръ, который былъ раздѣленъ на двѣ половины: русскую и китайскую. Русская половина была убрана коврами. Посреди столъ, покрытый тоже ковромъ. На немъ письменные приборы и часы. За столъ сѣли Головинъ и Нерчинскій воевода Власовъ въ креслахъ и рядомъ съ ними на стулѣ дьякъ Семенъ Корницкій. Китайскіе послы размѣстились на низкой скамьѣ, покрытой войлоками. Неподалеку отъ нихъ на малой скамьѣ сидѣли іезуиты-переводчики: Перейра и Гербильонъ.

Послѣ привѣтствій приступили къ переговорамъ. *Головинъ предложилъ границею рѣку Амуръ, китайцы же потребовали оставить за собою Албазинъ, Нерчинскъ, Верхнеудинскъ и Селенгинскъ, т. е. все пространство до Байкала.* Они говорили, что Лена издревле была границею двухъ государствъ. Да, кромѣ того, Забайкалье нѣкогда было во владѣніи монголовъ, а монголы теперь данники Китая, слѣдовательно вмѣстѣ съ монголами и Забайкалье должно отойти Китаю.

*) Устряловъ, Ист. Петра В., т. I, стр. 244.

Переговоры продолжались два дня; на другой день китайцы уступили русскимъ земли западнѣе Нерчинска съ тѣмъ, чтобы Нерчинскъ былъ пограничнымъ городомъ, а границѣ быть внизъ по рѣкѣ Шилкѣ. Китайцы стояли на этомъ твердо и начали толковать о прекращеніи переговоровъ.

Переговоры сначала велись на латинскомъ языкѣ чрезъ іезуитовъ, но потомъ, заподозрѣвъ іезуитовъ въ «отсебятинѣ», стали переговариваться на монгольскомъ языкѣ.

Къ концу второго дня (13 августа) китайцы настаивали, чтобы граница была по Шилкѣ, а Головинъ предложилъ по Зеѣ. На этомъ и разстались.

Китайцы велѣли снять свои шатры, заявляя, что болѣе съѣзжаться не станутъ.

Далѣе личные переговоры прекратились и начинается пересылка переводчиковъ. Сами же послы не видѣлись.

14-го августа пріѣхали къ Головину іезуиты спросить:

— Какая будетъ уступка?

— Никакой, отвѣчалъ Головинъ.

— Китайцы обычаевъ политики не знаютъ и имѣютъ склонность къ войнѣ, говорили іезуиты.

Головинъ отвѣчалъ іезуитамъ:

— За стараніе въ пользу мира будетъ вамъ милость Московскаго царя, но войны русскіе не боятся.

Между тѣмъ до Головина доходили слухи, что китайцы сносятся съ окрестными ясачными бурятами и тѣ хотятъ вмѣстѣ съ ними напасть на Нерчинскъ.

14-го пріѣхали опять іезуиты. Китайцы сдѣлали маленькую уступку: «*...быть границѣ внизъ по Шилкѣ до Черной рѣки*»...

Головинъ сказалъ:

— *Ниже рѣки Черной построены русскіе остроги и ихъ уступить нельзя.*

— Богдыханъ наказалъ своимъ посламъ не оставлять Албазина за русскими. Объ этомъ и помину быть не можетъ, объявили іезуиты.

Головинъ тогда отправилъ переводчика Бѣлободскаго къ китайскимъ посламъ съ картою, чтобы они указали на ней границу, но только не рѣку Черную.

Китайцы отвѣчали, что, кромѣ рѣки Черной, иной границы они поставить не могутъ.

Бѣлободскій, возвратясь, доложилъ Головину, что китайцы перебираются на суда.

Опять пріѣхали іезуиты съ новымъ предложеніемъ:

— «Быть границѣ по рѣкѣ Горбицѣ».—Это ужъ послѣдняя уступка, говорили они тайно.

Между тѣмъ въ Нерчинскѣ разнеслась вѣсть, что буряты

и онкоты ведутъ переговоры съ китайцами, что когда китайцы нападутъ на Нерчинскъ, тогда буряты съ онкотами отгонятъ изъ-подъ города лошадей и скотъ. Головинъ посылалъ два раза Бѣлободскаго съ предложеніемъ границы по Албазину; посылая второй разъ, Головинъ соглашался, чтобы Албазину, какъ поселенію не быть, и чтобы ратныхъ людей обѣимъ сторонамъ оттуда вывесть. При этомъ Бѣлободскій потребовалъ, чтобы китайцы не переманивали русскихъ ясачныхъ.

Китайцы, смѣясь, отвѣчали:

«Пусть де Головинъ велитъ своимъ ратнымъ наказать измѣнниковъ».

Они знали, что у Головина меньше войскъ, чѣмъ у измѣнниковъ. Вслѣдъ затѣмъ китайскіе послы сѣли на бусы и спустились внизъ по Шилкѣ. А вокругъ Нерчинска появились тысячи три китайскихъ войскъ.

Головинъ послалъ узнать, что это значитъ и вышелъ съ полками изъ города въ ожиданіи боя. Засѣсть въ Нерчинскѣ было нельзя: острогъ былъ малъ и бревна въ немъ всѣ погнили. Было признано лучше дѣйствовать въ полѣ.

Въ это время китайскіе послы прислали съ Бѣлободскимъ послѣднія условія: 1) быть границѣ по рѣкѣ Горбицѣ, которая впадаетъ въ Шилку и по Аргуни вверхъ до Б. Газимура; 2) Аргунскій острогъ снесть. На Аргуни никакихъ поселеній не имѣть; 3) Албазинъ разорить и съ китайской стороны на его мѣсто никакихъ поселеній не будетъ.

Бѣлободскій подтвердилъ при этомъ Головину, что видѣлъ вооруженныхъ бурятъ и онкотовъ, стоявшихъ въ караулѣ вмѣстѣ съ китайцами. Между тѣмъ русскіе наблюдали, какъ буряты и онкоты переправлялись за рѣку и присоединялись къ китайцамъ. Къ нимъ былъ посланъ боярскій сынъ Демьянъ Многогрѣшный, чтобы уговорить ихъ возвратиться къ русскимъ. Они встрѣтили его выстрѣлами. Демьянъ вступилъ съ ними въ бой и взялъ трехъ плѣнныхъ. 2000 вооруженныхъ тунгусовъ и бурятъ стали въ $1^1/_2$ верстахъ отъ города вверхъ по рѣкѣ Нерчѣ. Была рѣшительная минута, отъ нея зависѣла судьба Забайкалья. Князь Гантимуръ, преданный русскимъ, вооружилъ всѣхъ своихъ тунгусовъ и присоединился къ нашимъ отрядамъ. Русскіе дѣлали демонстративное движеніе, съ цѣлью ввести китайцевъ въ заблужденіе; на сѣверо-востокъ отъ Нерчинска на горѣ показывалось пѣшее и конное русское войско, долженствовавшее показать китайцамъ, что къ русскимъ войскамъ прибываетъ подкрѣпленіе. А это были одни и тѣ же люди и конница Гантимура. Жители трепетали отъ страха. Головинъ уступилъ. Участь Албазина была рѣшена. Это было 17-го августа.

Видя упорство китайцевъ, измѣну тунгусовъ, боясь за

участь всей Даурской земли, желая сохранить серебряную руду, соляное озеро и пашни по Аргуни за Россіею, Головинъ вынужденъ былъ: I) принять Горбицу за границу: II) разорить Албазинъ, чтобы тамъ не было ни русскаго, ни китайскаго поселенія. Вотъ сущность условій, которыя рѣшился принять Головинъ.

Китайцы согласились. И послы положили:

I. Границу установить по рѣкѣ Горбицѣ и далѣе съ верховьевъ ея Яблоновымъ хребтомъ до самаго моря. Всѣ рѣки, стекающія съ него на сѣверъ, отошли бы къ Россіи, а стекающія на югъ—Китаю. *Спорныя мѣста у Амурскаго устья до рѣки Уды, которая отошла къ Россіи, оставить не разграниченными до другого болѣе удобнаго времени.*

II. Также рѣка Аргунь будетъ составлять границу: лѣвыя ея притоки отходятъ къ Россіи, правыя—къ Китаю.

III. Городъ Албазинъ разорить и казаковъ оттуда вывесть.

IV. Бѣглецы, перебѣжавшіе до трактата изъ Китая въ Россію, или изъ Россіи въ Китай, остаются безъ размѣна. Перебѣжавшіе послѣ заключенія трактата безъ замедленія отсылаются къ пограничнымъ воеводамъ.

V. Всѣмъ русскимъ и китайцамъ съ проѣзжими грамотами (билетами) разрѣшается переѣзжать границу и торговать.

VI. Всѣ пограничные споры прекращаются, а если кто послѣ заключенія договора перейдетъ границу и произведетъ грабежъ и убійство, тотъ долженъ быть представленъ къ пограничнымъ воеводамъ того государства, къ которому принадлежитъ преступникъ. Виновника подвергать жестокой казни, а если это цѣлая шайка,—то смертной казни. Войну за проступки пограничныхъ людей не начинать, а споры разрѣшать посольствами.

VII. Богдыхану предоставляется право на границѣ поставить знаки и на нихъ написать статьи договора. *Словесно китайцы поклялись не заводить строенія на мѣстѣ Албазина.*

Таковы были статьи Нерчинскаго договора. Три дня составляли ихъ.

21 августа они были представлены русскому послу; 23 августа Головинъ выразилъ согласіе.

Наконецъ, 27 августа 1689 года договоръ былъ подписанъ.

Размѣнъ трактатовъ былъ на лугу близъ Нерчинска въ посольской палаткѣ. Послы передали другъ другу трактаты, подписанные и запечатанные. Русскіе получили экземпляръ трактата на маньчжурскомъ языкѣ, китайцы—на русскомъ. Два перевода его на латинскій языкъ были подписаны обѣими сторонами. Одинъ латинскій переводъ договора взяли русскіе,

Городъ Пермиско.

Stepnne

[illegible]

другой китайцы... При звукѣ трубъ и музыки послы обнялись и поцѣловались. Головинъ угощалъ китайцевъ винами и фруктами. Курьеры съ извѣщеніемъ о заключеніи мира скакали въ Албазинъ и Аргунскій острогъ.

Разореніе Албазина. Возвращеніе казаковъ въ Нерчинскъ.

На третій день китайскіе послы выѣхали изъ Нерчинска, а китайское войско пошло подъ Албазинъ и разорило его до основанія *).

Бейтонъ съ 66 албазинцами и ихъ женами направился въ Нерчинскъ. Албазинцы осенью 1689 года не успѣли вернуться въ Нерчинскъ. Они прибыли туда въ августѣ 1690 года. По приказанію Головина, по прибытіи въ Нерчинскъ, албазинскіе казаки поверстаны были въ конные казаки, а албазинскіе крестьяне «за осадное сидѣнье» въ пѣшіе казаки. Всего албазинцевъ зачислено въ Нерчинскіе казаки 84 человѣка **).

Головинъ, уѣзжая, приказалъ построить въ Нерчинскѣ вмѣсто прежнаго острога, деревянный рубленный городъ. Онъ заложилъ его самъ. Городъ построили уже послѣ него, въ 1690 году.

Весною этого же года Аргунскій острогъ перенесенъ на сѣверо-западный берегъ на 2 версты ниже стараго мѣста (при устьѣ Камары).

Головинъ оставилъ въ Нерчинскѣ всю бывшую съ нимъ артиллерію (до 40 пушекъ). Онъ взялъ назадъ съ собою только полкъ московскихъ стрѣльцовъ и офицеровъ двухъ набранныхъ въ Сибири полковъ, а рядовыхъ этихъ полковъ записалъ казаками: въ Нерчинскѣ, Селенгинскѣ и Верхнеудинскѣ ***).

Славный Бейтонъ былъ впослѣдствіи полковникомъ казачьимъ въ Иркутскѣ, а умеръ управителемъ Верхоленска. Потомки его жили въ Нижнеудинскѣ въ деревнѣ Бейтоновой, Балаганскаго уѣзда.

Печально окончилась славная Албазинская эпопея: въ третій разъ русскіе потеряли Амуръ...

Около 300 казаковъ, оставшихся въ распоряженіи Нерчинскаго воеводы, во время осады Албазина, 84 возвратившихся албазинца, около 1,000 казаковъ изъ двухъ казачьихъ полковъ, пришедшихъ съ Головинымъ, 137 казаковъ, бывшихъ въ

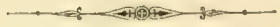
*) Библіотека Акад. Наукъ. Списки съ Нерчинск. Арх., стр. 79.
**) Паршинъ, стр. 197 и 198.
***) Д. П. т. X., стр. 258. Е. соч. 1757 г., стр. 323—326.

Селенгинскѣ, всего около 1,500 казаковъ, оставшихся въ Забайкальѣ послѣ Головина, были предками нынѣшнихъ забайкальскихъ казаковъ русскихъ, 1-го и 2-го отдѣловъ.

Боевая служба отошла въ область преданій. Начинается мирная полицейская служба. Первый періодъ службы Забайкальскихъ казаковъ закончился, утвержденіемъ за Россіею Забайкалья... Но казаки помнили богатый Амуръ. Преданія о немъ сохранились. Нужно было накопить силъ, чтобы возвратить его Россіи.

Головинъ, принужденный согласиться сжечь Албазинъ, *заставилъ поклятьcя китайцевъ, что на мѣстѣ Албазина Китай никакихъ строеній не заведетъ.*

Эта маленькая дипломатическая уловка была величайшею мудростью. Она дала возможность впослѣдствіи утверждать, что рѣка Амуръ никогда не принадлежала Китаю.



Даурскіе казаки съ 1689 по 1727 годъ въ даурскихъ острогахъ.

Организація даурскихъ казаковъ Головинымъ. Составъ: 3 сотни конныхъ нерчинскихъ казаковъ и $1^1/_2$ сотни пѣшихъ казаковъ въ Даурскихъ острогахъ.

При отъѣздѣ въ Москву Головинъ положилъ основаніе новой организаціи нерчинскихъ казаковъ, составивъ изъ нихъ 3 сотни конныхъ и $1^1/_2$ пѣшихъ.

Конныя сотни были сформированы изъ старыхъ нерчинскихъ и албазинскихъ казаковъ.

Пѣшіе казаки были укомплектованы албазинскими крестьянами въ награду за ихъ службу, а недостающее число было пополнено казаками, подошедшими съ посланникомъ. Послѣднихъ осталось въ Нерчинскѣ около 50 человѣкъ.

300 конныхъ казаковъ составляли гарнизонъ г. Нерчинска, 150 пѣшихъ распредѣлены были въ 5 даурскихъ острогаоъ (Аргунскій, Еравинскій, Иргенскій, Телембинскій и Итанцинскій) для сбора ясака.

Организація и довольствіе ихъ.

Конные казаки подраздѣлены были на сотни, пятидесятни и десятки; пѣшіе на пятидесятни и десятки.

Во главѣ конныхъ стоялъ конный атаманъ, во главѣ пѣшихъ—пѣшій.

Конными сотнями управляли сотники, а пятидесятками и десятками, какъ у конныхъ такъ и у пѣшихъ,—пятидесятники и десятники.

Кромѣ этихъ чиновъ, для разныхъ службъ въ Нерчинскѣ были 1) дворяне—Московскаго списка и Нерчинскіе, 2) дѣти боярскіе, 3) подъячіе и приказные, городничіи, 4) духовенство, 5) палачъ, бронный мастеръ и толмачи. Всѣхъ этихъ чиновъ было 20 человѣкъ *) [1]).

*) Сиб. гор. мат. для ихъ ист. Нерчинскъ, стр. 1—7.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ: 1-го Московскаго списка: дворянинъ князь Павелъ Гантимуровъ, 7 подъячихъ, приказной и таможенной избъ, 1 городничій или полицейскій урядникъ, 5 рукиковъ или лицъ духовныхъ, 1 бронный мастеръ, 1 палачъ, 3 толмача, остальные боярскіе дѣти изъ выслужившихся казаковъ. Число боярскихъ дѣтей сначала было точно не опредѣлено. Они занимали должности атамановъ, сотниковъ и по внутреннему управленію—приказчиками остроговъ и слободъ. Въ 1699 году ихъ оставлено было 9 человѣкъ; прочіе были исключены или зачислены пятидесятниками.

Общее число состоявшихъ на жалованьи было 470 человѣкъ.

Во главѣ всѣхъ служилыхъ въ военномъ отношеніи стоялъ князь Павелъ Гантимуровъ, подчинявшійся воеводѣ.

Всѣ эти 470 служилыхъ получали: денежнаго жалованья 3,200 рублей, хлѣба 1,435 четвертей, овса 503 четверти.

Денежное жалованье выдавали частью деньгами, частью товарами. Хлѣбное жалованье получалось или хлѣбомъ, или земельнымъ надѣломъ.

Нерчинскіе казаки (даже атаманы) не были освобождены отъ платежа подушныхъ денегъ *).

Присылка казаковъ изъ Западной Сибири.

Расширенію ясачнаго раіона Нерчинскимъ договоромъ былъ положенъ предѣлъ. Вмѣстѣ съ этимъ прекратился притокъ русскаго населенія. Даже для комплектованія казаковъ до штата (470 человѣкъ) требовалась присылка служилыхъ изъ Западной Сибири: такъ 3 года спустя послѣ отъѣзда Головина въ 1693 году на пополненіе нерчинскихъ казаковъ были присланы изъ Тобольска, Пелыма и Березова 140 казаковъ **).

Въ 1696 году изъ тѣхъ-же городовъ было прислано 94 человѣка ***).

Уменьшеніе числа казаковъ съ 1689 по 1697 г. и причины, вызывавшія его.

Въ 1692 году въ Нерчинскомъ краѣ было много грабежей, производимыхъ монголами, свившими себѣ гнѣздо на р. Акшѣ, притокѣ Онона, откуда они дѣлали частые набѣги ****).

Нерчинскій воевода Скрипицынъ обратился за помощью къ Иркутскому воеводѣ князю Матвѣю Гагарину, который съ 50 иркутскими и верхоленскими казаками, 100 удинскими стрѣльцами и 50 промышленными и гулящими людьми отправился въ г. Нерчинскъ на выручку. Монголы, заслыша объ этомъ, удалились въ верховья р. Онона.

Быстрое уменьшеніе казаковъ вызывалось мѣстными обстоятельствами: «казаки, живя по острогамъ, не получали сполна жалованья, ни денежнаго, ни хлѣбнаго. Они обнищали, одолжали великими долгами».

Монголы часто отгоняли у нихъ лошадей.

*) Арх. Заб. Обл. Правл. за 1726 г. приверстаніе казак. на службу.
**) Др. Р. Вив. ч. 7, стр. 425.
***) Забайк. 1903 г. № 164. и Нерч. стар.
****) Рукоп. Отд. Б. А. Наукъ. Списки Ирк. Арх., стр. 117—118.

Обогащеніе на счетъ инородцевъ, вмѣстѣ съ пріостановкою расширенія ясачнаго раіона прекратилось, и вольница начала снова «брести врозь».

Суровая природа, недостатокъ хлѣба,[1]) не всегда исправно доставляемаго изъ Иркутска, прекращеніе высылки денегъ и товаровъ изъ Москвы на жалованье, которое все теперь выдавалось только изъ мѣстныхъ доходовъ—вотъ причины бѣгства казаковъ *).

Малочисленнымъ казакамъ трудно было удержать инородцевъ въ повиновеніи. Буряты не признавали власти русскихъ и откочевывали отъ Нерчинска. Это усугубляло тяжесть службы, требуя постоянной высылки разъѣздовъ увеличивало количество казачьихъ побѣговъ и уменьшало число казаковъ и ясачныхъ **).

Въ теченіе 10 лѣтъ послѣ Нерчинскаго договора населеніе Нерчинскаго воеводства стояло на точкѣ замерзанія и даже шло на убыль. Служилыхъ былъ не комплектъ. Изъ штатнаго числа ихъ (470 человѣкъ) *въ 1697 году было всего 429 человѣкъ.* Конныхъ казаковъ было только 276, пѣшихъ 137, дворянъ 1, дѣтей боярскихъ 10, посадскихъ 6, *пашенныхъ крестьянъ 21, ясачныхъ тунгусовъ и бурятъ 908 человѣкъ* ***).

Уменьщеніе ясачныхъ тунгусовъ и бурятъ.

Ясачные оскудѣли и многіе ушли въ Монголію. Ясакъ уже собирался не только соболями, но и другимъ звѣремъ, лошадями, скотомъ, верблюдами.

Количество звѣря на промыслахъ уменьшилось. Ясакъ по окладу платили только мелкіе роды, да и то не сполна.

Ясачные дальныхъ острожковъ Аргунскаго и Итанцинскаго—монгольскіе выходцы, соетскіе, братскіе и тевинскіе (Селенгинскіе и Хоринскіе буряты) считались ясачными только по имени. Они платили ясакъ «повольно» (по желанію) *безъ оклада.*

Окладъ положить на нихъ было нельзя, такъ какъ «*они жили съ монгольскими немирными родами смежно*» [2]).

---

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Въ 1697 году въ Нерчинскомъ воеводствѣ вымолочено было только 388½ пудовъ хлѣба.

[2]) ПРИМѢЧАНІЕ. Въ 1700 году всѣхъ служилыхъ: дѣтей боярскихъ, атамановъ, церковнаго причта и конныхъ казаковъ было 321 человѣкъ, *всего 470 человѣкъ.*

*) Публ. Библ. отд. рукописный стр. F. IV, № 76.

**) П. С. З, № 1822, № 1422.

***) Публ. Библ., рук. отд. ист. IV F. № 86 стр. 247—248.

Даурскіе казаки, какъ колонисты земледѣльцы до 1700 года.

Прекращеніе хлѣбнаго жалованья. Десятинщики и пятинщики.

Къ концу XVII вѣка, хотя къ югу съ Монголіею отъ Аргуни до Байкала и не была установлена еще граница, хотя въ наказѣ 1701 года еще говорится о пріисканіи земли и распространеніи русской власти, но фактически расширенію русскихъ владѣній былъ поставленъ предѣлъ: многочисленный монгольскій народъ, состоявшій уже подъ властью Китая, малочисленные казаки не въ силахъ были покорить *).

Завоевательныя цѣли принуждены были оставить...

Казакамъ приходилось обращаться въ осѣдлыхъ поселянъ-обывателей. Періодъ бродячей жизни заканчивался.

Отвыкшіе отъ сельскихъ работъ казаки неохотно принимались за необычное дѣло—тяжелый трудъ земледѣльца. Тѣмъ болѣе, что и землю они получали уже по отводамъ, а не по своему выбору **).

Съ 1701 года уже «*никому землями даромъ владѣть не велѣно*». Отводя казакамъ землю, «чтобъ земли впустѣ даромъ не лежали», прекращали хлѣбное жалованье, а отводныя земли записывали въ «*писцовыя книги*». Не могъ поэтому казакъ и распахать земли больше отведеннаго.

За лишнюю пахоту противъ отведеннаго взыскивали съ казаковъ—*со служилаго 10-й снопъ, а съ неслужилаго 5-й. Неслужилые казаки такимъ образомъ обратились въ пятинщиковъ*» такъ какъ повинность эта называлась «пятиннымъ хлѣбомъ».

Неохотно казаки раскошеливались—не желали за землю платить деньги. А между тѣмъ вмѣсто ржи служилымъ казакамъ предлагали, какъ хлѣбное жалованье, ячмень.

Волей-неволей пришлось взяться за соху.

Казаки смотрѣли на землю, какъ на дѣло своихъ рукъ, какъ на свою собственность,—пріобрѣтенную ихъ кровью, потомъ и трудомъ. Между ними были еще въ живыхъ кое-кто изъ казаковъ-піонеровъ, участвовавшихъ въ занятіи Нерчинскаго края: въ 1706 году жилъ въ Нерчинскѣ сынъ боярскій

*) П. С. З. № 1822.
**) П. С. З. № 1835.

Шишкинъ, который пришелъ въ Забайкалье съ Афанасіемъ Пашковымъ *)

Теперь вольные казаки должны были выкупать занятую ими землю подъ тѣмъ или инымъ видомъ казеннаго налога, послѣ сложной процедуры, вводившей ихъ во владѣніе землею.

Правила отвода земли.

Для владѣнія «порозжей землею» нужно было подать челобитную воеводѣ **).

Воевода посылалъ служилаго казака сдѣлать «*досмотръ*» и представить «*доѣздъ*» (т. е. описаніе). Если «по доѣзду» земля оказывалась «*порозжая*» (свободная, не занятая), то *воевода выдавалъ казаку «данную»*[1]) *на владѣніе участкомъ.*

Отводились также земли подъ дворовое строеніе, подъ телятникъ и скотскій выпускъ.

Получившій землю имѣлъ право владѣть ею вѣчно, но не могъ продавать ее на сторону.

Таковы были правила отвода для всѣхъ, не исключая казаковъ.

Всѣ эти мѣры вызывали неудовольствіе казаковъ.

Мятежи казаковъ.

Въ 1697 году аргунскіе казаки убили иркутскаго сына боярскаго Сидора Шестакова. Споръ произошелъ изъ-за того, что, проѣзжая въ Пекинъ, Шестаковъ избилъ и ограбилъ провожатаго Аргунскаго ясачнаго тунгуса, благодаря чему сородичи-тунгусы, возмутившись, хотѣли уйти въ Китай. Казаки отговорили ихъ, но 2 юрты все-таки ушли. Ясакъ отъ этого уменьшился. Этотъ фактъ и былъ причиною ссоры.

Казаки стали обвинять Шестакова, который въ свою очередь назвялъ ихъ ворами и измѣнниками и былъ убитъ за это.

Казаки были настолько своевольны, что Нерчинскій воевода не рѣшался наказать преступниковъ изъ опасенія вызвать смуту.

Бунтъ Никиты Мары и Василія Пѣшкова.

Въ 1700 году два казака Никита Мара и Василій Пѣшковъ задумали поискать прежнюю вольную жизнь на Амурѣ ***).

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ: Съ 1737 года «Данныя» стали называться «*владѣтельными указами*».

*) Рукописи отд. Акад. Наукъ, списки съ Нерчинск. Арх. № 29, стр. 8.
**) С. Арх. 1800 г. № 320. Щербачевъ, прил. стр. 23.
***) П. С. З. № 1835.

Они хотѣли подговорить товарищей къ бунту, ограбить царскую казну, убить воеводу и таможеннаго голову, забрать пушки и оружіе и отплыть внизъ по Амуру.

Нѣсколько раньше въ 1695—1696 годахъ происходили казачьи бунты въ Удинскѣ и Селенгинскѣ*).

Очевидно мятежи имѣли одну и ту же причину: энергичные казаки томились отъ бездѣятельности. Глухое броженіе казаковъ было естественнымъ, вслѣдствіе внезапнаго перехода, послѣ полной приключеній жизни къ вынужденной праздности, вскорѣ перешедшей—въ безпримѣрную лѣность.

Картежная игра.

Вынужденное бездѣліе отразилось развитіемъ азартныхъ игръ въ кости (бабки) и т. п., о чемъ свидѣтельствуетъ показаніе нерчинскихъ казаковъ въ 1700 г., бывшихъ въ г. Москвѣ.

Въ Сибирскомъ приказѣ имъ показали игральныя карты и спросили, пойдутъ ли онѣ въ Сибири?

Казаки отвѣтили, что картъ въ Сибири еще нѣтъ, но что, когда ихъ станутъ продавать, то казаки не только деньги, но и кафтаны проиграютъ и не въ чемъ будетъ на службу выходить, что посадскіе отстанутъ отъ домовъ, крестьяне отъ пашни**.)

Сибирскій приказъ продажу картъ въ Сибири... ввелъ.

Отмѣна должности атамана 1703 г. Учрежденіе Нерчинскаго казачьяго головства.

Желая обуздать нерчинскихъ казаковъ, вслѣдствіе бунта Никиты Мары, правительство назначило, вмѣсто атамана, ротмистромъ нерчинскихъ казаковъ солдатскаго строя поручика Степана Ивановича Нарушевскаго, вмѣнивъ ему въ обязанность *учить казаковъ военному строю и крѣпко смотрѣть за ними, чтобы они жили смирно «а не въ пьянствѣ и не въ гульбѣ»*.

Въ предупрежденіе мятежей были выбраны изъ лучшихъ казаковъ сотники и десятники, которые должны были о злыхъ замыслахъ казаковъ докладывать воеводѣ.

Такъ перешли отъ атамановъ—къ ротмистрамъ. Но эта была переходная мѣра.

Въ слѣдующемъ (1703) году званіе атамановъ, какъ напоминавшее о вольности, было совсѣмъ упразднено.

*) Моск. Арх. Юстиціи Сиб. Прик. столбцы №№ 1367; 1697; 984, и 1346.
**) Оглоблинъ, Бытовыя черты начала XVIII вѣка, стр. 6.

Всѣ нерчинскіе казаки были сведены въ головство и общимъ ихъ начальникомъ былъ поставленъ выбранный казаками—*казачій голова**).

Порядокъ комплектованія казаковъ.

Наказными статьями нерчинскимъ воеводамъ Юрію и Алексѣю Бибиковымъ въ 1701 году былъ опредѣленъ порядокъ комплектованія нерчинскихъ казаковъ—обязательно на вакансію, преимущественно изъ казачьихъ дѣтей и изъ ссыльныхъ присланныхъ на службу, а при недостаткѣ изъ промышленниковъ, если найдутся за нихъ поручители.

Таковы были первыя измѣненія организаціи, установленной Головинымъ.

Нерчинскіе казаки, какъ земледѣльцы-колонисты.

Въ новый XVIII вѣкъ казаки вступили не какъ бродячая вольница, а какъ земскіе люди, обыватели—собственники.

Нерчинскіе дворяне и казаки имѣли уже цѣлую сѣть отдѣльныхъ заимокъ-хуторовъ, разбросанныхъ по рѣкѣ Нерчѣ, Шилкѣ и Урульгѣ.

Главнымъ ядромъ русскаго населенія нерчинскаго воеводства до конца XVII столѣтія продолжали оставаться казаки. Они же были и основнымъ зерномъ земледѣльческой колонизаціи, вступивъ въ новый XVIII вѣкъ, какъ земледѣльцы.

Въ 1701 году занимались земледѣліемъ 94 казака (82 конныхъ и 12 пѣшихъ) или, какъ тогда говорили: «служили съ пашни», иначе выражаясь, взамѣнъ хлѣбнаго жалованья получали участокъ земли для обработки**).

Въ этомъ же году наказными статьями нерчинскимъ воеводамъ было предписано прекратить выдачу хлѣбнаго жалованья тѣмъ изъ казаковъ, которые имѣли достаточно распахиваемой земли***).

Въ 1715 году дворянъ 1-го и 2-го разряда было 14 человѣкъ; а дѣтей боярскихъ 1-го, 2-го, 3-го и 4-го разряда было 38 человѣкъ (15 человѣкъ грамотныхъ).

Затѣмъ служилые люди—составляли (10 десятковъ сводились въ сотню) три сотни: двѣ коннаго строя (262 чел.) и одну

*) «Забайкалье» 1903 г. № 217. П. С. З. № 1822.
**) Сибирскіе города. Матеріалы для ихъ исторіи. Нерчинскъ Н. Н., стр. 18—23—37.
***) П. С. З. № 1822.

пѣшаго строя (185 чел.) Къ числу служилыхъ людей принадлежали: 2 переводчика, 10 пушкарей и 27 человѣкъ обозныхъ*).

Изъ всѣхъ этихъ служилыхъ было 69 человѣкъ грамотныхъ.

Острожные казаки (82 конныхъ и 47 пѣшихъ) входили въ составъ нерчинскихъ сотенъ. Въ конныхъ казакахъ числились также Гантимурова роду братья, дяди, племянники—въ числѣ 19 человѣкъ.

Кромѣ того, къ 1714 году въ г. Нерчинскѣ образовалось цѣлое сословіе не служилыхъ привилегированныхъ лицъ изъ казаковъ, а именно: 13 дворянъ, 20 ихъ дѣтей, 28 дѣтей боярскихъ, ихъ дѣтей 44 и, наконецъ, родственниковъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 40 человѣкъ, всего привилегированныхъ 145 человѣкъ.

У нихъ было 94 крѣпостныхъ дворовыхъ.

Всѣ эти лица впослѣдствіи потеряли право дворянства и слились съ казаками**).

Въ 1724 году въ Нерчинскомъ краѣ считалось: казаковъ служилыхъ 532, а именно: 2 стольника, 5 дворянъ московскаго списка, 25 дѣтей боярскихъ, 300 конныхъ казаковъ и 200 пѣшихъ ***).

Казаки имѣли большею частью свои собственные дома. Въ 1724 году изъ нихъ 190 «служили съ пашни», т. е. занимались хлѣбопашествомъ на отводимыхъ вмѣсто хлѣбнаго жалованья участкахъ.

Города и остроги Нерчинскаго воеводства.

Въ Нерчинскомъ воеводствѣ были: одинъ городъ, 7 остроговъ: Стрѣтенскій, Аргунскій, Теленбинскій, Еравинскій, Иргенскій, Читинскій и Птанцинскій. Но время остроговъ уже прошло, а вмѣстѣ съ нимъ и острожная служба.

Городъ Нерчинскъ.

Городъ Нерчинскъ раздѣлялся на двѣ части: собственно укрѣпленный городъ и торговую часть. Укрѣпленный городъ былъ окруженъ валомъ и рвомъ (4 аршина глубины и 7 аршинъ ширины) и палисадникомъ въ 2 сажени высоты. По угламъ

*) «Забайкалье», 1903 г., № 196.
**) Сибир. Города. Мат. для ихъ исторіи. Нерчинскъ, стр. 37.
***) Г. Арх. XXIV р., д. № 25.

возведены были глухія башни, а посрединѣ фасовъ 4 башни съ проѣзжими воротами. На одной изъ проѣзжихъ башенъ (Спасскія ворота) устроены были боевые часы.

Въ укрѣпленномъ городѣ находились Государевъ дворъ съ съ амбарами, воеводскій дворъ, воеводская горница, канцелярія, изба для служилыхъ людей, приказная изба, каменные пороховой и винный погреба. Въ окружности безъ башенъ собственно городъ имѣлъ 252 сажени, а съ башнями 320 саженъ.

Въ торговой части жили посадскіе и оброчные крестьяне. Тамъ производилась торговля на торговой и конной площадяхъ и въ торговыхъ рядахъ. Тамъ же были таможенныя постройки, кабаки, торговые лавки и амбары.

Обывательскихъ домовъ въ 1715 году было 80; изъ нихъ 17 посадскихъ и 63 оброчныхъ крестьянъ.

Остроги.

Въ острогахъ жили казаки и изрѣдка посадскіе (торговые люди); въ слободахъ—пашенные и оброчные крестьяне. Острогами, слободами и деревнями управляли *приказчики, выбираемые нерчинскими казаками по очереди* изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, сотниковъ и пятидесятниковъ. Независимо отъ приказчиковъ—казаковъ крестьяне выбирали старосту*).

Приказчики получали въ годъ жалованья: въ острогахъ—10 рублей денегъ, 12 четвертей ржи, 12 четвертей овса,—а въ слободахъ и деревняхъ на 2 рубля меньше**).

Остроги были окружены палисадникомъ (тыномъ) въ двѣ сажени высотою. Длина ограды была въ разныхъ острогахъ отъ $7^1/_2$ до 12 саженей.

Вооруженіе остроговъ состояло изъ одной или двухъ разнокалиберныхъ пушекъ, мѣдныхъ или желѣзныхъ, съ нѣсколькими десятками желѣзныхъ ядеръ, изъ самопала и пищалей (ружей около десятка). Пищали (ружья) были кремневыя. Попадались также бердыши. Въ каждомъ острогѣ пороху имѣлось отъ 5 до 10 пудовъ. *Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ острогахъ были одно—два знамени.*

Остроги и ихъ вооруженіе пришли въ упадокъ за ненадобностью: ясачные были покорены и приведены въ подданство Россіи.

*) П. С. З. № 1822.
**) «Забайкалье», 1903 г., № 164.

Казаки и остроги Западнаго Забайкалья послѣ Нерчинскаго договора.

По заключеніи Нерчинскаго договора, большинство новыхъ ясачныхъ хоринскихъ бурятъ жили по Удѣ, Хилку, Селенгѣ, ближе къ Селенгинску и Удинску (Верхнеудинску), хотя оставались приписанными къ гор. Нерчинску. Это заставило Головина въ 1690 году Верхнеудинскъ обратить въ городъ и приписать къ нему городъ (острогъ) Селенгинскъ и острогъ Кабанскій. Удинскій уѣздъ былъ приписанъ къ гор. Иркутску или какъ тогда выражались «былъ Иркутскаго присуду» *).

Организація казаковъ селенгинскихъ. Населеніе Удинскаго уѣзда.

Въ Верхнеудинскѣ Головинъ оставилъ 150 человѣкъ стрѣльцовъ и 50 конныхъ казаковъ. Верхнеудинскіе служилые назывались полковыми стрѣльцами**).

Въ Селенгинскѣ гарнизонъ былъ пополненъ до 150 казаковъ (со 130). Эти казаки были раздѣлены на три пятидесятни: двѣ конныхъ и одну пѣшую. Изъ этого числа Баргузинскій и Кабанскій остроги получили по два, по три десятка казаковъ.

Кромѣ служилыхъ казаковъ, въ Селенгинскѣ въ 1694 году было казачьихъ подростковъ мужескаго пола въ возрастѣ отъ 12 до 24 лѣтъ, 32 человѣка, да три человѣка отставныхъ ***).

Всего отъ Головина осталось въ Удинскомъ округѣ 350 русскихъ служилыхъ (200 въ Удинскѣ и 150 въ Селенгинскѣ). Посадскихъ было ничтожное количество. Даже въ 1720 г. ихъ было только 12. Пашенныхъ крестьянъ былъ мало ****).

Въ 1697 году во всемъ Иркутскомъ воеводствѣ,—куда былъ приписанъ и Удинскъ съ острогами Селенгинскимъ и Кабанскимъ,—считалось всего 269 пашенныхъ крестьянъ. Изъ этого числа Удинскаго вѣдомства было мало, такъ какъ въ ок-

*) Публ. библ. рукоп. отд. IV Е. № 304, стр. 90.
**) Рукоп. отд. Акад. Наукъ, Списки съ Иркутскаго архива.
***) Сиб. Гор. мат. для ихъ исторіи. Селенгинскъ, стр. 45.
****) Публ. библ. рукоп. отд. IV, F. № 76.

ладной книгѣ 1697 года крестьянъ въ городѣ Удинскѣ не показано.

Городъ Удинскъ (Верхнеудинскъ) и его значеніе.

Удинскъ былъ чисто стратегическимъ пунктомъ; въ немъ не было ни посадскихъ, ни крестьянъ, ни ясачныхъ. Онъ давалъ ежегодно доходу только 4 руб. 20 коп., а на неокладные его расходы выходило всего 30 руб. 80 коп. *).

Комплектованіе казаковъ съ 1684 по 1699 г.

Въ Селенгинскѣ убылыя казачьи мѣста пополнялись изъ мѣстныхъ пашенныхъ крестьянъ, изъ посадскихъ, изъ крещеныхъ инородцевъ **).

Въ противоположность нерчинскимъ убыль въ селенгинскихъ казакахъ за десятилѣтіе 1689—1699 г. была ничтожна.

Служба селенгинскихъ (Удинскъ) казаковъ. Демьянъ Многогрѣшный. Набѣги монголовъ.

Послѣ отъѣзда Головина въ Селенгинскѣ остался приказнымъ человѣкомъ бывшій малороссійскій гетманъ Демьянъ Многогрѣшный ***).

Только что Головинъ оставилъ Забайкалье, какъ начались набѣги монголовъ на Селенгинскъ.

2-го февраля 1691 года 400 монголовъ незамѣтно подошли къ Селенгинску и отогнали государевъ скотъ (19 скотинъ, 4 коня и 1 верблюда), а также коней и скотъ селенгинскихъ жителей.

Многогрѣшный съ казаками бросился за ними въ погоню, догналъ ихъ и вступилъ съ ними въ бой. Схватка была жаркая. Демьянъ не щадилъ себя. Онъ старался искупить свою оплошность—плохое содержаніе карауловъ. Въ бою Многогрѣшный получилъ нѣсколько ранъ. Многіе изъ казаковъ были ранены.

Раненый Многогрѣшный оставилъ отрядъ, что отразилось на успѣхѣ дѣла: монголы ушли за Кемпицкую степь, и казакамъ не удалось отбить у нихъ скотъ.

Кочевавшіе подъ Селенгинскомъ ясачные тайши Чюванъ и Аюша пробовали остановить монголовъ, но безуспѣшно.

*) Пуб. биб. рукоп. отд. IV, F. № 76. Окл. кн. 1697 г.
**) Акты Юрид. б. Др. Р. т. III, № 355.
***) Чтен. въ истор. обществѣ Нестор. лѣтописца 1892 г. кн. 6, стр. 154.

Монголы и надъ ними одержали верхъ: многихъ ясачныхъ побили, ранили и захватили въ плѣнъ, а скотъ ихъ отогнали.

Неудачный походъ Петра Многогрѣшнаго въ Монголію.

Старый гетманъ задумалъ отомстить монголамъ за набѣгъ. Многогрѣшный съ селенгинскими казаками подали челобитную иркутскому воеводѣ Кислянскому, прося у него разрѣшенія предпринять походъ въ Монголію.

Кислянскій согласился.

Демьянъ началъ собираться въ походъ. Помощниками къ нему назначены были сынъ его, боярскій сынъ Петръ Многогрѣшный, боярскій сынъ Любимъ Уваровъ и селенгинскій казачій десятникъ Ѳедоръ Леонтьевъ. Въ помощь Многогрѣшному Кислянскій двинулъ изъ Удинска стрѣльцовъ съ Никифоромъ Сѣнотрусовымъ во главѣ.

Демьянъ прибралъ къ этому еще команду охочихъ русскихъ и инородцевъ. Мѣстомъ сбора былъ назначенъ Селенгинскъ.

29 апрѣля 1691 года Многогрѣшный послалъ разъѣздъ вверхъ по рѣкѣ Селенгѣ. Разъѣздъ былъ составленъ изъ одного казака Михаила Голаго, 1 толмача, 22 табунутовъ и 2 монголовъ перебѣжчиковъ. 13 мая Михаилъ Голый вернулся и подалъ донесеніе (доѣздъ) о своей развѣдкѣ. Развѣдчики привели 1 монгола, 1 бабу и 5 дѣтей.

На рѣкѣ Шаморѣ Михаилъ Голый встрѣтилъ 25 монголовъ, которыхъ и преслѣдовалъ до верховьевъ Шаморы, гдѣ наткнулся на укрѣпленную стоянку монголовъ.

«Монголы сидѣли въ крѣпкихъ мѣстахъ въ каменю и засѣкѣ».

Въ іюнѣ Многогрѣшный донесъ въ Иркутскъ о полученныхъ свѣдѣніяхъ. Кислянскій отвѣтилъ: «До указа Великаго Государя въ походъ не ходить, *а пока дѣлать подъѣзды въ степь для провѣдыванія тайнымъ обычаемъ со всякимъ оберегательствомъ*».

Но это приказаніе пришло поздно. Селенгинцы горѣли желаніемъ отомстить монголамъ за февральскій набѣгъ и, не дождавшись указа, подъ видомъ «*подъѣзда*» двинулись въ походъ. Во главѣ отряда стоялъ сынъ Демьяна Петръ Многогрѣшный. У него было 300 человѣкъ [1]) русскихъ и 100 ясачныхъ.

Въ іюлѣ 1691 года Петръ Многогрѣшный двинулся изъ

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Нужно полагать: 150 селенгинскихъ казаковъ, 100 стрѣльцовъ удинскихъ, 50 добровольцевъ.

Селенгинска вверхъ по Селенгѣ. На рѣкѣ Могаѣ русскіе наткнулись на монгольскій улусъ въ 451 юрту съ 1000 воинами.

Неопытный Петръ Многогрѣшный не принялъ мѣръ предосторожности. Безъ охраненія двинулся онъ впередъ; монголы засѣли въ лѣсу и изъ-за закрытія встрѣтили его огнемъ. Разстроивъ ряды русскихъ, монголы съ копьями бросились въ атаку. Бывшіе въ отрядѣ Многогрѣшнаго 100 табунутовъ дрогнули и бросились въ бѣгство; произошло замѣшательство... давка. Табунуты отобрали у казаковъ лошадей. Въ схваткѣ 18 казаковъ было убито и много ранено. Самъ Петръ Многогрѣшный былъ убитъ...

Оставшись безъ вождя, казаки отступили. Единственнымъ успѣхомъ русскихъ было—отбитіе затинной пищали. 10 верстъ преслѣдовали монголы отступавшихъ казаковъ. Едва успѣли казаки вынести своихъ убитыхъ и раненыхъ.

Узнавъ о неудачѣ, иркутскій воевода Кислянскій двинулъ изъ Удинска въ Селенгинскъ 100 стрѣльцовъ, а изъ Иркутска прислалъ 22 пуда пороху.

Въ Селенгинскъ приказано было «жить во всякой осторожности съ «отъѣзжими денными и ночными караулами» (разъѣздами).

Измѣна Селенгинскихъ монголовъ (бурятъ) въ 1692 г.

Вскорѣ начались грабежи на Селенгинской границѣ.

Еще въ 1691 году монгольскій тайша Церенъ Цекулай (Секулай) съ 800 сородичами бѣжалъ въ Монголію въ подданство богдыхану *).

Это бѣгство было вызвано слухомъ о томъ, что Очирой санъ-ханъ (тушету-ханъ) и Кутухта вернулись изъ Китая на свои родныя земли, отобравъ ихъ съ помощью китайцевъ отъ джунгаровъ.

Заграничные монголы потеряли независимость, обмѣнявъ ее на защиту отъ калмыковъ китайскими войсками.

Поэтому и наши монголы, подданные Россіи, когда миновала опасность отъ калмыковъ, задумали передаться Китаю, чтобы жить съ сородичами вмѣстѣ **).

Весною 1692 года тайши Бинту-ахай и Мергень-ахай съ сородичами, выбравъ весеннюю распутицу, когда пути были плохіе, а казачьи лошади еле двигались, откочевали въ Монголію, ловко избѣгнувъ преслѣдованія.

Удинскій приказный Сидоръ Шестаковъ послалъ за ними 250 служилыхъ и разночинцевъ и 300 хоринскихъ бурятъ.

*) Р. О. Биб. Ак. Наукъ. Списк. Иркутск. арх., стр. 120.
**) Р. О. Б. А. Н. Списк. Иркут. арх., стр. 119, 120 и 130.

Казакамъ удалось удержать только часть монголовъ подданныхъ Окинъ-Зайсана, которые и были переведены въ Баргузинскія степи, а дѣти Окина были забраны въ аманаты и содержались подальше отъ границы—въ Баргузинѣ, а не въ Селенгинскѣ, какъ было прежде. Однако и это не помогло *).

Монголы захвативъ Окина, увлекли его въ Монголію.

16-го мая 1692 года Демьянъ Многогрѣшный донесъ въ Иркутскъ, что зайсаны Бинту-ахай и Мергень-ахай со своими людьми бѣжали въ Монголію, отобрали у казака Сеньки Красноярa 170 рублей серебромъ, которые онъ везъ изъ Иркутска для выдачи жалованья селенгинскимъ казакамъ **).

Самого Сеньку Краснояра монголы раздѣли до-нага и отпустили.

Послы—казаки.

О возвратѣ перебѣжчиковъ русскія власти просили богдыхана. Для переговоровъ былъ посланъ нерчинскій сынъ боярскій Семенъ Молодой съ 20-ю казаками, да селенгинскій сынъ боярскій Любимъ Уваровъ съ 10-ю казаками ***).

Однако они не могли добиться возвращенія бѣжавшихъ.

Только въ 1697 г. Окинъ, для выручки дѣтей аманатовъ, вернулся съ 90 сородичами обратно и кочевалъ по рѣкѣ Селенгѣ ниже города Селенгинска у Кривого плеса.

Грабежи монголовъ.

Въ это же время появились со стороны Монголіи монгольскіе тайши съ пятьюдесятью—шестьюдесятью юртами и жили, не вступая въ подданство, между русскими, стѣсняя угодья селенгинскихъ и удинскихъ жителей и производя непрерывные грабежи ****).

Въ Забайкальѣ чувствовалась острая нужда въ казакахъ.

Въ Иркутскомъ уѣздѣ тоже были безпрестанныя стычки съ монголами *****).

Монголы часто нападали на Тункинскій острогъ, отгоняли скотъ, убивали женъ и дѣтей.

Казаковъ и оружія было мало.

Въ Иркутскѣ считалось необходимымъ имѣть по крайней мѣрѣ 300 пѣшихъ и 200 конныхъ казаковъ.

*) Р. О. Б. А. Р. Списк. Ирк. арх., стр. 130, 119, 120, 130 и 131.
**) Р. О. Б. А. Н. Списк. Иркутск. арх., стр. 120.
***) Р. О. Б. А. Н. Списк. Иркутск. арх., стр. 120.
****) Р. О. Б. А. Н. Списк. Ирк. арх., стр. 130.
*****) Р. О. Б. А. Н. Списки Иркутск. арх., стр. 127, 128.

Между тѣмъ присылаемые изъ западной Сибири казаки оказывались не надежными.

Присылка казаковъ изъ Западной Сибири.

Въ 1693 году были посланы подъ начальствомъ боярскаго сына Петра Сорокина на службу въ Забайкалье 125 казаковъ тобольскихъ, тюменскихъ, томскихъ, березовскихъ и пелымскихъ. *).

Слѣдуя въ Забайкалье, дорогою они напали на Нарымскій острогъ и произвели грабежи во многихъ другихъ мѣстахъ. Казаки посылались не по доброму желанію, а по наряду. Часть изъ нихъ была набрана изъ ссыльныхъ и изъ гулящихъ людей.

Безпокойные люди, переѣзжая изъ города въ городъ, изъ острога въ острогъ, грабили жителей. Часть изъ всѣхъ присланныхъ (100) казаковъ была отправлена въ городъ Нерчинскъ, часть (25 казаковъ) оставлена въ Удинскѣ.

Бунтъ селенгинскихъ казаковъ въ 1696 г.

9-го іюля 1696 года взбунтовавшись приплыли на дощаникѣ и каюкѣ изъ Селенгинска въ Иркутскъ болѣе 200 вооруженныхъ казаковъ и стрѣльцовъ Удинскаго, Селенгинскаго, Кабанскаго и Итанцинскаго остроговъ *со знаменами и барабанами* **).

Во главѣ бунтовщиковъ стояли Антонъ Березовскій, Моисей Борисовъ, Емельянъ Паникадильниковъ, Семенъ Краснояръ, Кузьма Кудреватый.

Они окружили домъ иркутскаго воеводы Аѳанасія Савелова и требовали жалованья и дощаниковъ.

Воевода Савеловъ обѣщалъ выдать жалованье тотчасъ послѣ сбора мѣстныхъ доходовъ. Но казаки не удовлетворились этимъ и рѣшили отказать ему отъ воеводства и начали подговаривать къ этому иркутянъ.

Казаки хотѣли посадить на воеводство въ Иркутскѣ своего приказчика. Иркутяне не согласились. Бунтовщики послали челобитчиковъ въ Москву (4 чел.) съ просьбою о смѣнѣ Савелова.

Не удовольствовавшись буйствомъ, произведеннымъ въ Иркутскѣ, удинскіе казаки ограбили жителей Тутурской волости Якутскаго уѣзда.

*) Рук. Отд. Биб. Акад. Наукъ. Списки Иркутск. арх., стр. 102—128.
**) Р. О. Б. А. Н. Списки Иркутск. арх., стр. 101—106.

Увеличеніе штата иркутскихъ и селенгинскихъ казаковъ. Присылка тункинскихъ, березовскихъ, сургутскихъ, томскихъ казаковъ въ Селенгинскъ.

Въ то время, какъ выяснилась непрактичность комплектованія казаковъ всякимъ сбродомъ, монгольскіе грабежи въ окрестностяхъ Селенгинска къ 1697 г. снова усилились *).

Правительство, наученное горькимъ опытомъ, измѣняетъ систему комплектованія и *съ 1696 г. начинаетъ зачислять въ казаки только казачьихъ дѣтей и при томъ лучшихъ людей.*

Въ 1697 году въ Иркутскѣ былъ установленъ новый штатъ казаковъ: конныхъ 150 и кромѣ того 100 прежнихъ пѣшихъ казаковъ переведены были въ конные. Изъ пѣшихъ выбрали «добрыхъ и прожиточныхъ, которымъ конная служба была за обычай». И положено имъ жалованье: въ годъ 7 руб. денегъ, $6^1/_8$ четв. ржи, 4 чк. овса и 2 пуда соли **).

Одновременно былъ увеличенъ штатъ казаковъ и въ Селенгинскѣ, а именно: къ имѣвшимся тамъ 100 казакамъ были поверстаны еще 70 человѣкъ изъ зажиточныхъ и хорошихъ иркутскихъ семей, 30 казаковъ тункинскихъ, 15 березовскихъ, 15 сургутскихъ, 25 томскихъ ***).

Выбирались всѣ женатые «не воры, не бражники и не зернщики« (не игроки въ карты) и отправлялись съ женами и дѣтьми на вѣчное житье въ Селенгинскъ.

Они были поверстаны на оклады пѣшихъ казаковъ: 5 руб. денегъ, $5^1/_8$ четверти ржи, 4 четверика овса и 2 пуда соли.

Итакъ къ концу XVII вѣка комплектованіе казаковъ беретъ на себя само правительство, которое выбираетъ изъ желающихъ лучшихъ и зачисляетъ ихъ въ пѣшіе казаки, а пѣшихъ казаковъ повышаетъ переводомъ въ конные.

И впервые появляется стремленіе прикрѣпить казаковъ къ землѣ выборомъ въ казаки женатыхъ.

Пограничные остроги Тункинскій и Култуцкій.

XVII вѣкъ бездомной казачьей вольницы прошелъ.

Возникаетъ идея охраненія границъ. Остроги переносятся на границу для обороны главныхъ административныхъ пунктовъ.

По отношенію къ Иркутску, главному городу Селенгинскаго и Иркутскаго уѣздовъ, такую роль играли *Тункинскій острогъ и Култуцкое зимовье.*

*) Д. Ист. Акт. т. X, стр. 283.
**) Р. О. Б. А. Н. списк. Иркут. Арх., стр. 129.
***) Библ. Акад. Наукъ рукоп. отд. Списки Иркутск. архива, стр. 129.

Въ Тункинскомъ острогѣ находилось на службѣ 40 казаковъ, а въ Култуцкомъ 20.

Между ними былъ день пути.

Въ 1697 году Тункинскій острогъ сгорѣлъ отъ пожара. Но его вновь построили *).

Острогъ составляли два зимовья «съ нагородками», между которыми были сѣни «съ верхними и нижними боями».

Тункинскій острогъ однако уже не удовлетворялъ своему назначенію: онъ былъ, по выраженію того времени *«не въ крѣпкомъ мѣстѣ, пообленла вокругъ острога степь, черезъ которую лежали многія дороги и по тѣмъ дорогамъ монголы отгоняли скотъ и лошадей, грабили и убивали казаковъ»*.

Поэтому было возбуждено ходатайство о построеніи новаго острога въ другомъ, *«болѣе крѣпкомъ мѣстѣ» въ Култукѣ, подлѣ моря Байкала.* (*Култуцкій острогъ*).

Словомъ центръ вниманія теперь переносится на границу.

Съ 1697 же года начинаются недоразумѣнія съ Китаемъ изъ-за неразграниченныхъ мѣстъ на р. Амурѣ. Якутскіе и нерчинскіе промышленники ходили туда на охоту за соболями. Китайцы протестовали противъ этого. *Московское правительство предписало казакамъ соблюдать въ точности договоръ.* Иначе говоря эпоха исканія «землицы» и казачьихъ походовъ, прошла. *Казаки призывались теперь мало-по-малу къ охранѣ границъ.*

Въ 1697 году въ окрестностяхъ Селенгинска повторились грабежи и убійства.

Неопредѣленная селенгинская граница съ монголами была очень безпокойная. Необходимость охраненія границъ вызвала увеличеніе числа казаковъ въ западномъ Забайкальѣ.

Штаты селенгинскихъ казаковъ въ первой четверти XVIII вѣка.

Постепенно увеличиваясь, число казаковъ въ Селенгинскѣ достигло 515 въ 1724 году, но въ 1725 г. уже было уменьшено.

	въ 1722 г.	въ 1724 г.	въ 1725 г.
Въ Селенгинскѣ	261 каз.	254	250
» Удинскѣ	159	200	100
» Кабанскѣ	21	10	—
» Баргузинѣ	41	41	41

*) Р. О. Б. А. Н. Списки Иркут. арх., стр. 137.

» Интанцинскомъ	20	10	—
Итого	502	515	391*)

Земледѣльческая колонизація селенгинскихъ казаковъ въ первой четверти XVIII вѣка.

Въ 1720 году въ западномъ Забайкальѣ существовали слѣдующіе населенные пункты: 3 слободы: Кударинская, Колесова и Архангельская; 7 деревень: Творогова, Оймурская, Яланская, Юговская, Большерѣцкая (при Посольскомъ монастырѣ) Темлюйская и Хилуцкая (обѣ при Селенгинскомъ Троицкомъ монастырѣ); 3 острога: Баргузинскій, Кабанскій и Ильинскій; 2 города Селенгинскъ и Удинскъ**).

Эти пункты главнымъ образомъ были заселены казаками и ихъ родственниками съ нѣкоторымъ количествомъ пашенныхъ и монастырскихъ крестьянъ [1]).

Изъ числа служилыхъ селенгинскихъ казаковъ въ 1724 году 205 человѣкъ занимались хлѣбопашествомъ и взамѣнъ хлѣбнаго жалованья получали земельные участки.

Въ 1724 году занимались хлѣбопашествомъ: селенгинскихъ—114 каз., верхнеудинскихъ—49, кабанскихъ—15, баргузинскихъ—17, интанцинскихъ—10. Итого: 205 чел.***).

Занимаясь земледѣліемъ, они жили по упомянутымъ слободамъ, острогамъ, деревнямъ и отдѣльнымъ заимкамъ, обращавшимся впослѣдствіи въ деревни.

Въ западномъ Забайкальѣ было 13 населенныхъ пунктовъ и въ нихъ казачьихъ и крестьянскихъ не менѣе 300 дворовъ, а вмѣстѣ съ селенгинскими и удинскими посадскими до 600

*) Г. арх. XXIV разр. д. № 25.
**) Сиб. гор. мат. для ихъ исторіи. Селенгинскъ, стр. 4 —53.
***) Г. Арх. XXIV разр. д. № 25.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ: Въ первой четверти XVII вѣка въ западномъ Забайкальѣ были два монастыря: Троицко-Селенгинскій и Посольскій.

Въ 1699 году въ Селенгинскомъ Троицкомъ монастырѣ было 32 монаха, 1 дьяконъ 1 священникъ, 1 игуменъ. Они получали жалованья: игуменъ 5 рублей въ годъ, священникъ 3 рубля, дьяконъ 2 рубля, монахъ 1 рубль*).

Въ 1713 году Троицкому монастырю были отведены безоброчно земли по Катагирскому озеру съ впадающими въ него рѣчками по 5 верстъ съ устья.

Къ монастырю приписывали крестьянъ и съ нихъ не брали податей**).

Въ 1717 году къ Троицкому монастырю состояли приписанными 32 крестьянскихъ двора. Монастырскіе крестьяне были освобождены отъ подводной гоньбы, взамѣнъ которой вносили деньги по 75 коп. со двора.

Къ посольскому монастырю было приписано урочище Прорва. Съ него монастырь бралъ въ свою пользу оброкъ по 3 бочки рыбы съ каждаго рыбачьяго дощаника***).

*) Рук. Отд. Акад. Наукъ, списк. Иркут. архив., стр. 112 и 148.
**) Биб. Ак. Наук., списк. Иркут. арх., стр. 163.
***) Иркут. Арх., стр. 162.

дворовъ. (Въ 1726 году въ гор. Селенгинскѣ считалось 250 дворовъ *).

Главную часть русскаго населенія составляли казаки. Они были первыми насадителями русской культуры въ Забайкальскомъ краѣ, ими занятомъ.

Служба казаковъ по сбору ясака.

Для сбора ясака каждое воеводство раздѣлялось на ясачныя волости или округа.

Нерчинское воеводство было раздѣлено на 5 ясачныхъ округовъ (волостей).

Въ каждый округъ посылался сборщикъ изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ или пятидесятниковъ.

Въ помощь сборщику назначались писарь, толмачъ и нѣсколько казаковъ для разсылки.

Всѣ сборщики выбирались срокомъ на одинъ годъ.

Сборщикамъ давались наказы, въ которыхъ рекомендовалось собирать ясакъ ласкою и привѣтомъ и только непослушныхъ смирять вооруженною рукою и забирать заложниковъ.

Желающихъ креститься мужчинъ записывать въ казаки, а женщинъ выдавать замужъ за новокрещенныхъ.

Для сбора ясака сборщики ѣздили въ улусы и высылали инородцевъ на соболиный промыселъ «всѣхъ безъ остатку».

Ясачнымъ воспрещалось продавать соболей прежде, чѣмъ уплатятъ ясакъ.

Въ ясачные улусы не допускались торговцы, которымъ запрещалось скупать пушнину прежде сбора ясака.

Однако наказы не дѣйствовали.

Сборъ ясака сопровождался нерѣдко насиліями и вымогательствами.

Такъ въ 1708 году тунгусы Баягирскаго рода заявили жалобу на сборщиковъ, которые требовали съ нихъ излишній сверхъ оклада ясакъ.

Инородцы бѣднѣли; сборъ ясака уменьшался, а недоимки увеличивались.

Нѣкоторые роды туземцевъ покидали свои кочевья и переходили на другія мѣста или совсѣмъ удалялись въ Монголію.

Сборъ ясака пушнымъ звѣремъ ежегодно уменьшался **).

*) Андр., стр. 139.
**) «Забайкалье», 1903 г., № 204.

Комплектованіе казаковъ въ Забайкальѣ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка.

До 1696 года на мѣсто выбывшихъ казаковъ зачислялись или казачьи дѣти или вольные охочіе люди или даже крещеные инородцы въ селенгинскомъ уѣздѣ иркутскими воеводами, въ нерчинскомъ нерчинскими воеводами**).

Воеводы принимали людей въ казачью службу по своему усмотрѣнію и назначали имъ жалованье, размѣръ котораго часто опредѣлялся по соглашенію, но не выше установленной предѣльной нормы. Казакъ, принятый на службу, записывался въ особую книгу, называвшуюся «разборнымъ спискомъ».

«Разборный списокъ» служилъ документомъ, по которому опредѣлялась степень заслуги каждаго казака. Въ немъ отмѣчались всѣ повышенія казаковъ по службѣ и увеличеніе имъ содержанія.

Свое названіе онъ получилъ отъ того, что по записямъ въ немъ «разбирали» степень старшинства каждаго изъ служилыхъ.

«Разборный списокъ» соотвѣтствовалъ нынѣшнему «послужному списку», съ тѣмъ различіемъ, что онъ былъ общій для всѣхъ, и что въ немъ повышенія по службѣ и прибавки жалованья всѣхъ служилыхъ записывались хронологически.

Исторія службы каждаго лица не излагалась отдѣльно [1]).

Зачисленіемъ казаковъ на службу, повышеніемъ ихъ въ боярскіе дѣти и сибирскіе дворяне; прибавкою и уменьшеніемъ имъ жалованья завѣдывали воеводы сибирскихъ городовъ только до 1696 года.

12 января 1696 года состоялся царскій указъ, въ которомъ

**) Акт. Юрид. Изд. Арх. Ком. т. III, № 355.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Такъ въ «Разборномъ спискѣ» селенгинскихъ служилыхъ статья за статьею хронологически записывалось:

Въ такомъ-то году такого-то мѣсяца по памяти Иркутскаго воеводы такого-то къ приказному Селенгинскаго острога такому-то велѣно Селенгинскому сыну боярскому Петру Арсеньеву къ прежнему его окладу къ 7½ рублямъ учинить прибавокъ: денегъ 3 рубля, хлѣба, 3 чети ржи; 3 чети овса и 1 пудъ соли.

Слѣдующая по порядку статья относилась къ другому казаку и гласила:

«Въ такомъ-то году такого-то числа по памяти изъ Иркутска стольника такого-то приказному такому-то велѣно приверстать по Селенгинску въ дѣти боярскіе на Любимова мѣсто Уварова въ убылой его окладъ брата его пятидесятника Ивана Уварова по восемь рублей».

Слѣдующей статьею замѣщалась освободившаяся вакансія пятидесятника.

Въ ней говорилось послѣ обычнаго начала:

«Въ такомъ-то году и прочее. . . . . «велѣно на Любимово мѣсто Уварова въ пятидесятники приверстать Селенгинскаго коннаго десятника Степана Казанца, а окладъ ему учинить денегъ 7 рублей съ полтиною».

Если казакъ переводился изъ одного острога въ другой, то писалось:

«Въ такомъ-то году такого-то числа по памяти изъ Иркутска стольника князя Ивана Гагарина къ приказному такому-то велѣно Ивана Корытова изъ конныхъ десятниковъ изъ книгъ выписать, а онъ Иванъ приверстанъ по Кабанскому острогу въ пятидесятники, а окладъ ему учиненъ денегъ 7 рублей 75 копѣекъ, а на его мѣсто велѣно приверстать кого-пригоже».

Такимъ же порядкомъ пѣшіе казаки переводились въ конные:

«Въ такомъ-то году въ выбылой конный рядовой окладъ, по челобитью поверстанъ пѣшій рядовой казакъ Гаранька Васильевъ».

Также зачислялись казаки въ толмачи:

«Послѣ обычнаго начала: «въ 1692 году и т. д. велѣно поверстать по Селенгинску въ

было предписано строго придерживаться штата, безъ Высочайшаго указа и безъ грамоты Сибирскаго Приказа на убылыя мѣста не принимать никого, кромѣ рядовыхъ въ пѣшую службу, не переводить изъ чина въ чинъ, и не прибавлять оклады содержанія*).

Съ 1696 года лучшіе изъ казаковъ, за усердную службу, производились Сибирскимъ Приказомъ въ дѣти боярскіе и сибирскіе дворяне.

Это общее распоряженіе для всей Сибири въ частности было еще разъ подтверждено въ наказныхъ статьяхъ, данныхъ Петромъ Великимъ нерчинскимъ воеводамъ въ 1700 году Николеву и въ 1701 году Юрію Бибикову**).

При этомъ точно устанавливается принципъ зачисленія на службу служилыхъ только на вакантное мѣсто съ опредѣленнымъ содержаніемъ и преимущественно изъ казачьихъ дѣтей или изъ тѣхъ «ссыльныхъ, которые будутъ присланы спеціально на службу въ Забайкалье».

Должно быть своевольное зачисленіе казаковъ на службу («приборъ вольныхъ людей») глубоко внѣдрилось въ практику сибирскихъ воеводъ, что правительство было вынуждено время отъ времени повторять разъ отданное распоряженіе.

Впослѣдствіи отнято было у воеводъ право зачислять и въ пѣшіе казаки[2]).

*) Библіот. Ак. Наукъ. Списки Иркут. Арх., стр. 105—106.
**) С. П. З. № 1822. Арх. Заб. Обл. Прав. 1729 года. по прошен. каз. дѣтей, стр. 8.

толмачи десятника Гурья Уразова, да рядоваго коннаго казака Петра Киргиза, а окладъ имъ учинить къ прежнимъ коннымъ окладамъ въ прибавокъ денегъ по двадцати алтынъ, а хлѣба съ прежнимъ окладомъ по 8 чети ржи и по 8 чети овса человѣку».

Прибавлялось иногда жалованье за особыя заслуги и тогда писалось:

«Въ 1692 году августа въ 15-й день по памяти изъ Иркутска стольника князя Ивана Гагарина приказному Демьяну Многогрѣшному велѣно учинить конному десятнику казачью Семену Краснояру «за многіе его службы, и за кровь, и за раны и за осадное сидѣнье къ конному окладу къ 7 рублямъ съ четью въ прибавокъ денегъ восемь алтынъ двѣ деньги» и т. д.

Иногда зачислялись въ казаки ссыльные и тогда писалось:

«Въ 1693 году марта въ 1 день Селенгинскій приказный Демьянъ Многогрѣшный приверсталъ по Селенгинску въ пѣшую службу въ убылой окладъ вмѣсто убитаго казака Матюшки Яковлева присыльнаго человѣка Ганьку Безрукаго».

Бывали случаи, что казаки мѣнялись съ земскими людьми своими обязанностями предъ государствомъ.

Въ «Разборномъ спискѣ» тогда писалось:

«Въ такомъ-то году и т. д. по челобитью помѣнялся селенгинскій пѣшій казакъ Иванъ Рязановъ съ своимъ родичемъ селенгинскимъ посадскимъ Федотомъ Ивановымъ: Федоту служить по Селенгинску пѣшую службу, а Ивашкѣ Рязанову быть въ посадѣ, въ окладѣ въ десяти алтынъ (30 копеекъ)».

Мѣнялись также своими повинностями казаки съ крестьянами, и наконецъ казаки съ удинскими стрѣльцами*).

[2]) ПРИМѢЧАНІЕ: Такъ 17 мая 1713 года состоялся еще разъ приказъ Сибирскаго Губернатора князя Матвѣя Петровича Гагарина, чтобы коменданты или воеводы сибирскихъ городовъ ни въ казаки, ни въ какіе-либо другіе чины, на вакансіи никого не зачисляли, а о всѣхъ назначеніяхъ на какую бы то ни было службу представляли бы Сибирскому Губернатору рапорты**).

*) Акты Юрид. изд. Арх. Ком. т. III, № 355.
**) Библіотека Ак. Наукъ. Списки Иркут. Арх. стр. 148.

Сибирскіе дворяне и дѣти боярскіе изъ казаковъ. Потеря дворянства.

Сибирскіе дворяне, кромѣ военной службы, назначались и на гражданскія должности по казеннымъ сборамъ и другимъ служебнымъ порученіямъ.

Положеніе сибирскихъ дворянъ было исключительное.

Они нерѣдко оставались въ подушномъ окладѣ за исключеніемъ того случая, когда производились въ армейскій чинъ офицера*).

Такъ какъ строевыхъ казачьихъ частей въ Забайкальѣ не было, а казачьи званія пятидесятника, сотника, атамана и даже головы, хотя и равныя по значенію офицерскимъ,—не признавались офицерскими, то забайкальскіе казаки и не попадали въ настоящіе дворяне, такъ называемые *«дворяне московскаго списка»*.

Дворянство же сибирское ничего казаку не давало, кромѣ соотвѣтствующей должности при жизни.

Хотя дѣти сибирскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ иногда и зачислялись въ убылой окладъ отца, т. е. на мѣсто выходившаго въ отставку отца зачислялись, по обыкновенію, въ дворяне и дѣти боярскіе, тѣмъ не менѣе это дворянство не было въ строгомъ смыслѣ наслѣдственное.

Только вакантное по штату мѣсто дворянина, или сына боярскаго, давало возможность получить званіе отца.

Отсюда часто сыновья сибирскихъ дворянъ начинали службу казаками и сплошь и рядомъ теряли разъ пріобрѣтенное дворянство, чего не бывало въ Россіи.

Въ лучшемъ случаѣ только одинъ сынъ сибирскаго дворянина могъ поступить на службу дворяниномъ на мѣсто отца, остальные дѣти должны были начинать съ рядоваго званія.

Только «дворянство московскаго списка» давало права потомственнаго дворянина.

Такое положеніе исключало возможность среди Забайкальскихъ казаковъ образоваться сословію дворянъ.

Причина заключалась въ томъ, что сибирскіе казаки не имѣли и не могли получить достаточнаго образованія—а потому и не производились въ чинъ армейскаго офицера.

Офицерами были наѣзжіе нѣмцы-иностранцы. Сибирское же дворянство, иногда переходившее изъ поколѣнія въ поколѣніе, кончалось нерѣдко тѣмъ, что потомокъ—прадѣда-дворянина, дѣда-дворянина и отца дворянина, оказывался простымъ казакомъ, да зачастую еще и податнаго сословія.

Даже сами сибирскіе дворяне, вышедшіе изъ податного

*) П. С. З. № 17, 521.

сословія, (такіе были почти всѣ сибирскіе казаки), оставались иногда податными.

Начало этому ненормальному положенію далъ Сенатскій указъ отъ 1-го сентября 1720 года, предписавшій со всѣхъ казаковъ, происходившихъ изъ крестьянъ и купцовъ, брать всѣ подати, которыя они платили до зачисленія въ казаки.

Такимъ образомъ часть казаковъ оказалась даже въ податномъ состояніи*).

Начало наслѣдственности и замкнутости казачьяго сословія.

Указъ отъ 1-го сентября 1720 года сдѣлалъ, если не совсѣмъ, то въ значительной степени сословіе казаковъ наслѣдственнымъ: этимъ указомъ запрещалось принимать въ казаки крестьянъ и купцовъ.

Съ 1720 года по 1744 годъ на убылыя мѣста казаковъ зачислялись почти исключительно казачьи дѣти.

Для «приверстанія» (зачисленія) въ сибирскіе дворяне, имѣвшіе на то право по своимъ заслугамъ, казаки подавали челобитную воеводѣ, а иногда и самому Царю.

По челобитной они получали повышеніе, по указу Сибирскаго Приказа, а иногда и по Царскому указу [1]).

Общее заключеніе о службѣ Забайкальскихъ казаковъ въ городахъ и острогахъ Забайкалья въ 1-й четверти XVIII вѣка.

Нерчинскій договоръ былъ крупною эпохою въ казачьей жизни.

Вольная жизнь пришла къ естественному концу. Искать землицы уже болѣе не приходилось.

*) П. С. З. № 17. 524.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Здѣсь приводится примѣръ зачисленія въ дворяне по Царскому указу, къ сожалѣнію, не вполнѣ сохранившемуся—(безъ конца).

Отъ великаго Государя и Царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ Сибирь въ Нерчинскъ стольнику нашему и воеводѣ Петру Савичу Мусину-Пушкину съ товарищи.

Въ нынѣшнемъ 1706 году января въ 18 день билъ челомъ намъ Великому Государю, нерчинскій сынъ боярскій *Логинъ Шишкинъ: служитъ де онъ въ Нерчинску всякіе наши Великаго Государя службы лѣтъ съ пятьдесятъ и посланъ былъ онъ изъ Енисейска для провѣдыванія Иргени озера и великую рѣку Шилку съ начальнымъ человѣкомъ съ пятидесятникомъ съ Алексѣемъ Оленемъ* и, провѣдавъ Иргени озеро и великую рѣку Шилку и онъ де Алексѣй послалъ его въ Енисейскъ съ отписками, чтобы ѣдучи на Тунгузкѣ рѣкѣ воеводу Аѳанасія Пашкова съ воинскими людьми встрѣтилъ. И онъ Аѳанасій тѣ отписки у него принялъ и взялъ его съ собою въ вожатые, и велъ онъ Логинъ воеводу съ воинскими людьми до Иргеня озера и Шилки рѣки по Селенгѣ и по Хилку рѣкамъ до Иргеня озера и до великія рѣки Шилки и, пріѣхавъ на Иргени озеро, *сыскалъ мѣсто и поставилъ Нерчинскій ост-*

Въ силу этого въ Забайкальѣ по-немногу началъ слагаться изъ русскихъ гулящихъ людей и казаковъ земскій осѣдлый обыватель.

Казаки жили по острогамъ и городамъ, какъ сборщики ясака. Вскорѣ мирныя условія жизни обратили ихъ въ земледѣльцевъ. Появились и настоящіе земледѣльцы-крестьяне, но ихъ было ничтожное количество, они считались десятками. Забайкалье не могло еще питаться собственнымъ хлѣбомъ.

Забайкальскіе остроги и города были вкраплены среди инородческаго кочевого населенія. Они образовали основныя неподвижныя точки русской колонизаціи и группировались около 4 пунктовъ: Нерчинска, Селенгинска, Удинска и Баргузина, но главнымъ образомъ около первыхъ двухъ.

Граница съ Монголіею отъ Аргуни до Селенги была еще не установлена.

Отдѣльные монгольскіе роды,—буряты и тунгусы свободно кочевали къ югу отъ Ингоды и Хилка. Хотя буряты и тунгусы согласились платить ясакъ, но вносили его неисправно.

Малочисленные казаки не въ силахъ были ихъ принудить исполнять принятыя обязательства... Отсюда случались такіе факты, что въ Нерчинскѣ въ 1698 году было доходу 50 тысячъ руб. и въ 1697 году—19 тысячъ, т. е. бывали значительныя колебанія въ поступленіи ясака*).

Періодъ съ 1689 по 1725 г. отличался крайней неустойчивостью казачьихъ штатовъ, которые то сокращались, то увеличивались. За весь этотъ періодъ число служилыхъ казаковъ въ Забайкальѣ нерчинскихъ и селенгинскихъ по измѣнявшимся штатамъ, колебалось въ предѣлахъ отъ 800 до 1000 человѣкъ**).

*) Р. И. Биб. т. VIII.
**) Арх. Кан. Воен. Мин. Д. № 87—1694 г., стр. 223—225.

рогъ и Телембинскій; и онъ съ нимъ воеводою у того строенія острогу былъ и работалъ, и воевода де Аѳанасій Пашковъ послалъ его изъ Иргенскаго острогу для ясачнаго сбору съ ясачныхъ людей нашъ Великаго Государя ясакъ сбирати и въ тѣхъ новопостроенныхъ острожкахъ нашъ Великаго Государя ясакъ съ новоприписныхъ иноземцевъ, съ разныхъ родовъ сбиралъ, а иные роды не платили и чинились не послушны, и онъ де Логинъ съ стольникомъ и воеводою Ѣремѣемъ Пашковымъ на тѣхъ ослушниковъ, которые нашему великому Государю указу учинившись не послушны, и ясаку не платили,—*ходили на нихъ въ походъ и съ ними бились, не щадя головъ своихъ*. И на томъ бою его Логина избрали въ голову. И взяли они аманатовъ. И тѣ де ясачные люди ясакъ платятъ. И послѣ того посланъ былъ онъ Логинъ въ Китайское государство съ Николаемъ Спафаріемъ за нашего великаго Государя казною. Да онъ же посланъ былъ къ новымъ выходцамъ на Итанцу рѣку ставити ясачныя зимовья. И онъ де Логинъ на той Итанцѣ рѣкѣ зимовья поставилъ и съ ясачныхъ людей (Хоринскихъ бурятъ) аманатовъ взялъ трехъ человѣкъ и ясакъ съ нихъ собралъ*) . . . . . .
. . . . . .

(актъ безъ конца).

*) Списки съ Нерчин. Арх. за № 29, стр. 25.

Итакъ первое зерно Забайкальскаго казачества сложилось изъ потомковъ:

1) 300 казаковъ Пашкова [1]).

2) 15 казаковъ Степанова и Хабарова.

3) Присланныхъ изъ западной Сибири и Енисейска въ 1664 году 80 казаковъ *).

4) Набранныхъ въ 1665 году въ нынѣшней Иркутской губерніи Ловцовымъ и Васильевымъ 90 казаковъ селенгинскихъ.

5) 600 казаковъ приведенныхъ Бейтономъ изъ западной Сибири.

6) 84 албазинцевъ, уцѣлѣвшихъ во время Албазинской осады.

7) 1400 казаковъ, набранныхъ во всѣхъ сибирскихъ городахъ Головинымъ,

8) Оставленныхъ имъ въ Селенгинскѣ 200 стрѣльцовъ.

9) Присланныхъ въ 1693 и 1696 годахъ изъ западной Сибири 234 казаковъ **).

10) Лицъ разныхъ званій, зашедшихъ въ Сибирь и крещенныхъ инородцевъ, одиночно зачисленныхъ въ убылыя мѣста.

11) Служилыхъ старшихъ званій: дѣтей боярскихъ и приказчиковъ, ссылаемыхъ въ Сибирь въ наказаніе за малые проступки «въ казачью службу» (послѣднихъ очень мало).

Присылаемые пачками казаки быстро исчезали, но кое-которые оставались и осѣдали.

И вотъ въ 1725 году, когда были установлены новые штаты казаковъ, потомки всѣхъ ихъ сгруппировались около Нерчинска, Селенгинска и Удинска.

По штату 1725 года 21 августа положено было имѣть ***).

	конныхъ:	пѣшихъ:
Въ Нерчинскѣ	300	200
» Верхнеудинскѣ	50	50
» Селенгинскѣ	150	100
» Баргузинѣ		41
Итого	500	391 ****).

Эти казаки 891 чел., (вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, нужно полагать около 4 тысячъ человѣкъ) и положили основаніе казакамъ Забайкальцамъ нынѣшнихъ 1-го и 2-го военныхъ отдѣловъ (Акшинскимъ и Троицкосавскимъ).

*) Д. И. А. т. IV, стр. 322.
**) Др. Р. Библ. ч. 7, стр. 425 и «Забайкалье» 1903 г. № 164.
***) Г. Ар. XXIV р. № 14, стр. 171.
****) А. М. И. Д. 1805—1807 г. Голов. карт. 8, стр. 299.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ: Въ 1706 году въ Нерчинскѣ былъ сынъ боярскій Шишкинъ, который пришелъ съ Пашковымъ *).

*) Акад. Наукъ списк. Нерчин. арх. стр. 8.

Оставшіеся за штатомъ Забайкальскіе казаки, потомки покорителей-казаковъ, были приписаны къ Нерчинскимъ заводамъ. Туда же попали позднѣе казаки и разночинцы изъ городовъ Сибири Томска, Енисейска, Илимска и Иркутска, которые были гуляцими или не несущими никакихъ опредѣленныхъ государственныхъ обязанностей*).

Въ 1726 году крестьянъ мужескаго пола при Нерчинскомъ заводѣ переселенныхъ изъ Томска, Енисейска и Илимска считалось 823 человѣка. Они и были зерномъ, изъ котораго, вмѣстѣ съ позднѣйшими приписными соликамскими, енисейскими, иркутскими и нерчинскими выросли казаки 3-го и 4-го военнаго отдѣловъ (нерчинскіе и нерчинско-заводскіе казаки)**).

Двѣ группы предковъ русскихъ Забайкальскихъ казаковъ развивались различными путями въ теченіе 125 лѣтъ до 1851 года, когда они снова слились вмѣстѣ, первая группа, (исконные городовые нерчинскіе и селенгинскіе казаки или акшинскіе и троицкосавскіе), стояла на стражѣ русской границы. Вторая группа, изъ заводскихъ крестьянъ (нерчинскіе и нерчинско-заводскіе), работая на Нерчинскихъ заводахъ, столѣтнимъ трудомъ подарила Россіи тысячи пудовъ серебра и золота и была основнымъ зерномъ земледѣльческой колонизаціи Забайкальскаго края.

Эта послѣдняя группа многими ошибочно отождествляемая съ потомками ссыльныхъ и каторжныхъ, на основаніи изученія сгорѣвшаго Иркутскаго архива такъ охарактеризована Сперанскимъ:

«*Всѣ эти люди составлены изъ прежнихъ сибирскихъ казаковъ, изъ дѣтей боярскихъ, изъ крестьянъ, зашедшихъ въ Сибирь въ то время, когда переходъ былъ или терпимъ или дозволяемъ. Здѣсь не было ни одного ссыльнаго за преступленіе. Одинъ только былъ между ними родъ виновныхъ, а именно люди, просрочившіе свои паспорты*» ***).

Нерчинскіе воеводы.

Послѣ нерчинскаго договора до 1708 года воеводами въ Нерчинскѣ назначали родовитыхъ дворянъ изъ Россіи.

Леонтій Кислянскій 1689—1692 г., князь Гагаринъ 1692—1695 г., Самойло Николевъ 1695—1697 г., Аѳанасій Савельевъ 1698 г., Иванъ Николевъ 1699—1700 г., Юрій Бибиковъ

*) Прутченко, стр. 51.
**) ВЫСОЧ. Указъ 4-го іюня 1726 г.
***) Прутченко, стр. 52. Отчетъ Сперанскаго Рукоп. отд. публ. библ.

1700 г., Петръ и Ѳедоръ Мусинъ-Пушкины 1707 г., Качановъ 1709—1714 г., Озеровъ 1714 г. *).

Учрежденіе Сибирской губерніи и раздѣленіе на уѣзды.

Въ 1708 году учреждена была сибирская губернія.

Прежнее воеводское управленіе, когда каждый городъ имѣлъ своего независимаго воеводу,—общаго начальника по всѣмъ отраслямъ управленія,—окончилось.

Во главѣ всей Сибири былъ поставленъ сибирскій губернаторъ, жившій въ Тобольскѣ, имѣвшій право накладывать штрафъ на неисправныхъ воеводъ и перемѣщать ихъ по своему усмотрѣнію **).

Сибирская губернія раздѣлена была на уѣзды по числу городовъ.

Уѣздами управляли воеводы, получавшіе наказы изъ Тобольска.

Значеніе воеводъ умалилось и перестали назначать на эти должности именитыхъ бояръ того времени.

Выборныя должности и судъ.

Всѣ низшія административныя должности, кромѣ воеводы, были выборныя на одинъ годъ. Выборы производились всѣмъ служивымъ сословіемъ и посадскими людьми. На всѣ должности избирались большею частью дворяне и дѣти боярскіе: таможенный голова, таможенный оцѣнщикъ, кружечный голова, кружечный ларечный, цѣловальники, приказчики въ острогахъ, сборщики ясаку, оцѣнщики соболей и мягкой рухляди и т. п. [1]).

*) «Забайкалье» 1903 г. № 270. П. С. З. № 1835. Библ. Акад. Наукъ. Списки съ Нерч. Арх., стр. 74—77.

**) Библіот. Ак. Наукъ. Рук. отд. Списка Ирк. Арх., стр. 149.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Воевода разсылалъ по всѣмъ острогамъ, слободамъ и заимкамъ приказъ о сборѣ всѣхъ служащихъ:

«1715 года ноября въ 10-й день по указу Великаго Государя въ *Нерчинскомъ уѣздѣ по всѣмъ заимкамъ московскаго списку и Нерчинскимъ дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и сотникамъ и всѣмъ рядовымъ коннымъ, и пѣшимъ казакамъ, и посадскимъ людямъ съѣхаться въ городъ Нерчинскъ* къ празднику Николая Чудотворца декабря къ 6-му числу сего 1715 года для выборовъ межъ себя въ годовыя службы къ государеву дѣлу въ предбудущемъ 1716 году съ января 1-го дня въ таможенную службу Нерчинскаго двора въ ларечные и цѣловальники, и въ каморники. и въ приказную палату, и въ сторожа, и въ городовые воротники, и въ земскую избу для всякихъ сборовъ, въ начальные люди и въ старосты и на конную площадь въ головы. И будетъ избирать въ приказной палатѣ передъ стольникомъ и комендантомъ Ильею Никифоровичемъ Озеровымъ. А буде къ вышеписанному числу не явится или кто сію памятку у себя удержитъ и за то тѣмъ людямъ учинено будетъ жестокое наказаніе безо всякой пощады» *).

*) «Забайкалье» 1903 г

Для завѣдыванія судебными дѣлами въ 1719 году былъ учрежденъ въ Тобольскѣ Надворный судъ.

Возвышеніе г. Иркутска.

Къ 1719 году вслѣдствіе прекращенія отправки торговыхъ каравановъ въ Китай чрезъ Нерчинскъ значеніе Нерчинска пало.

На арену выдвинулся новый городъ—Иркутскъ, служившій узломъ трехъ важнѣйшихъ путей: а) по Ленѣ въ Якутскій край, б) по Байкалу и Селенгѣ въ Китай и в) по рѣкѣ Удѣ въ г. Нерчинскъ и вообще на систему рѣки Амура.

Сама природа предначертала Иркутску преобладающее значеніе въ Восточной Сибири.

Иркутскъ являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и религіознымъ центромъ, куда въ 1708 году былъ назначенъ епископъ Иркутскій и Нерчинскій Варламій.

Въ Иркутскѣ существовалъ уже Вознесенскій монастырь въ 3-хъ верстахъ отъ Иркутска, гдѣ и приказано было построить архіерейскій домъ *).

Прибытіе епископа было важнымъ событіемъ для жителей Иркутской губерніи: жители освобождались отъ злоупотребленій «десятинниковъ» [1]).

Послѣ Тобольска, находящагося въ центрѣ водныхъ путей Обской системы и Енисейска, имѣвшаго такое же значеніи на рѣкѣ Енисеѣ, сравнительно новый городъ Иркутскъ оказался, какъ административный пунктъ, въ наивыгоднѣйшихъ условіяхъ.

Учрежденіе Иркутской провинціи. Вице-губернаторы—полковники. Нерчинскій и Селенгинскій комиссары.

Между тѣмъ, въ связи съ общегосударственною реформою системы административнаго раздѣленія Россіи, указомъ 29-го мая 1719 года повелѣвалось сибирскому губернатору князю Черкасскому раздѣлить Сибирь на три провинціи, приписавъ къ нимъ остальные города. Во главѣ каждой провинціи пред-

*) Биб. Акад. Наукъ рук. отд. списки Иркутск. арх., стр. 139—140.

[1]) ПРИМѢЧАНІЕ. Въ слободы и деревни Иркутскаго уѣзда Тобольскій митрополитъ присылалъ десятинниковъ, которые слѣдили за мірянами. Десятинники часто клеветали на бабъ и дѣвокъ, обвиняя ихъ въ распутствѣ и пользуясь безправіемъ, продавали ихъ въ кабалу. Положеніе было настолько не нормально, что въ 1698 году былъ изданъ царемъ указъ о томъ, чтобы воеводы смотрѣли за десятинниками и доносили объ ихъ злоупотребленіяхъ въ Сибирскій приказъ.

полагалось поставить вице-губернатора съ подчиненіемъ ихъ въ важныхъ дѣлахъ сибирскому губернатору *).

Главными городами провинцій естественно намѣчались: Тобольскъ, Енисейскъ и Иркутскъ.

Во исполненіе указа отъ 29-го мая 1719 года въ 1724 году сибирскій губернаторъ князь Долгорукій возбудилъ ходатайство объ учрежденіи трехъ провинцій: Тобольской, Иркутской и Енисейской и о назначеніи вице-губернаторовъ въ Енисейскъ и Иркутскъ **).

Представленіе было утверждено, а сибирскому губернатору поручено было назначить туда вице-губернаторами изъ подчиненныхъ ему полковниковъ по своему выбору.

При этомъ одного кандидата намѣтили изъ Россіи.

Съ 26-го ноября 1724 года стали назначать вице-губернаторомъ Иркутской провинціи полковниковъ, а въ города Селенгинскъ и Нерчинскъ, низведенные на степень уѣздныхъ, посылались уже теперь, вмѣсто воеводъ, *комиссары изъ иркутскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ*. Комиссары, какъ прежніе воеводы, вѣдали и тяжебныя дѣла не свыше 200 руб. ***).

До конца царствованія Петра Великаго сибирскій губернаторъ имѣлъ общій контроль по управленію всѣми тремя провинціями Сибири и рѣшалъ особенно важныя дѣла.

Вице-губернаторъ Иркутской провинціи имѣлъ общій надзоръ за всѣми властями въ своей провинціи и отвѣчалъ за благосостояніе всего округа, не завѣдывая какою-либо отдѣльною отраслью управленія.

Во главѣ собственно управленія были поставлены Тобольская губернская и Иркутская провинціальная и Нерчинская воеводская канцеляріи, какъ учрежденія коллегіальныя: губернаторъ, вице-губернаторъ и правители воеводскихъ канцелярій были не вершителями дѣлъ, а только предсѣдателями ****).

Земскіе комиссары обратились въ сборщиковъ податей съ помощью рентмейстера—казначея *****).

Нерчинская воеводская канцелярія подчинялась Иркутской.

Въ Нерчинскѣ правилъ дѣлами комиссаръ, съ помощью особаго сборщика доходовъ. Оба эти лица должны были давать отчетъ о приходахъ и расходахъ въ Иркутскую провинціальную канцелярію.

Для провѣрки ихъ дѣятельности изъ Иркутска присылались боярскіе дѣти, которые имѣли право въ случаѣ, если бы обнаружили злоупотребленіе комиссара и сборщика, сажать

*) П. С. З. № 3380.
**) П. С. З. № 4606.
***) П. С. З. № 4929.
****) Словцовъ, стр. 215.
*****) Матеріалы по Восточной Сибири 1882 г., стр. 19.

ихъ подъ караулъ и держать ихъ въ цѣпяхъ до взноса денегъ *).

А у тѣхъ часто не было даже бумаги для составленія отчетовъ. И купить ее было негдѣ.

Въ 1726 и 1727 г.г., въ связи съ общею реформою системы управленія во всемъ государствѣ, существенно измѣнилась система управленія и Сибирской губерніи—въ частности Иркутской провинціи, а также уѣздовъ—Селенгинскаго и Нерчинскаго.

Надворный судъ, должности земскихъ комиссаровъ и рентмейстеровъ были упразднены **).

Вся власть была снова предоставлена Сибирскому губернатору и комендантамъ провинцій.

Во всѣхъ городахъ были возстановлены воеводы съ правами полковника.

Сибирскій губернаторъ сталъ опять главою всего губернскаго управленія, а иркутскіе коменданты стали вѣдать судомъ, сборомъ податей и полиціею, въ Нерчинскѣ и Селенгинскѣ появились воеводы ***).

*) «Забайкалье» 1903 г., стр. 210.
**) Матеріалы по Восточной Сибири 1882 г., стр. 19.
***) П. С. З. № 4929 и № 5017 указы 15 іюля 1726 и 24 февраля 1727 г.

Конецъ 1-го тома.

и

евъ

хъ
не
ъ,
въ
за